

Т3(2М)
А 74

И.А. АНЦУПОВ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ДЕРЕВНЯ
БЕССАРАБИИ
В XIX ВЕКЕ

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

И. А. АНЦУПОВ

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕРЕВНЯ
БЕССАРАБИИ В XIX ВЕКЕ
(1812—1870 гг.)**

Под редакцией доктора
исторических наук П. Г. РЫНДЗЮНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАРТЯ МОЛДОВЕНЯСКЭ»
КИШИНЕВ * 1966

9(C7)
A74

ВВЕДЕНИЕ

ТЕМА И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исторический материализм рассматривает историю общества как строго закономерный процесс, а определяющей силой общественного развития — производство материальных благ.

Главным и решающим фактором производства являются люди, обладающие производственным опытом и навыками к труду. В сельскохозяйственном производстве таким решающим элементом производительных сил является трудовая часть крестьянства.

Советские ученые своими исследованиями по истории крестьянства внесли большой вклад в освещение рассматриваемой проблемы. Но учитывая локальные особенности нашей страны, разнообразие почвенно-климатических условий и другие факторы, оказывавшие влияние на развитие отдельных районов, следует признать, что она остается изученной далеко недостаточно. Сложность исторического процесса вообще и процесса развития производительных сил в сельском хозяйстве, в частности, выдвигает необходимость и целесообразность строить его изучение на материалах отдельных экономических районов и отдельных разрядов крестьянства. Только таким путем, как подчеркивал В. И. Ленин, мы можем понять сущность изучаемых процессов¹.

Следует отметить, что в советской исторической литературе не раз ставился вопрос об усилении внимания к изучению как в масштабах всей страны, так и регионально материальной основы сельскохозяйственного производства.

К сожалению, приходится констатировать, что экономическая история Бессарабии изучена слабо. Между тем без глубокого и всестороннего марксистско-ленинского исследования историко-экономических проблем невозможно раскрыть зако-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 250.

номерность развития края как эпохи социализма, так и досоциалистических формаций.

Экономическое и социальное развитие бессарабской казенной деревни — объекта нашего исследования — характеризовалось в общих чертах теми же закономерностями, которые были свойственны Бессарабии в целом.

Определяющим фактором этого развития являлось углубление кризиса феодальной системы, устои которой с каждым десятилетием все более подтачивались вызревавшим в ее недрах капиталистическим способом производства. Но здесь наблюдались и особенности, вытекавшие из своеобразия социально-правового положения государственных крестьян, проводимой в отношении их противоречивой политики царского правительства, повышенного налогового гнета по сравнению с близкими к ним разрядами крестьянства (колонистами и казаками), условий необжитого края, в которых проходило развитие хозяйства, сложного социального и национального состава населения (возможности взаимовлияния и обогащения веками выработанными хозяйственными навыками, достижениями).

Бессарабская область являлась аграрным краем, и следовательно, ее основной производительной силой являлось крестьянство. Удельный вес городского населения не превышал пятой части от общей численности населения: в 1852 г. — 20,7%, в 1856 г. — 17,8%, в 1863 г. — 19,4%, в 1867 г. — около 20%¹. Если иметь в виду, что значительная часть жителей селений городского типа (особенно посадов и местечек) занималась различными отраслями сельскохозяйственного производства, то указанные проценты не отражают действительной доли собственного городского населения, они завышены. По подсчетам В. И. Жукова, в бессарабских городах более половины жителей отвлекались, главным образом, в земледельческое производство².

Известный исследователь экономики и истории новороссийских губерний и Бессарабии XIX века Н. Мурзакевич отмечал в середине 40-х гг., что «многие города Бессарабии и Новороссийского края носят печать сельского быта»³.

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5776, л. 456; Статистические таблицы Российской империи за 1856 год, СПб., 1858, стр. 9; Статистический временник Российской империи, I, СПб., 1866, стр. 8—9; Военно-статистический сборник, вып. IV, Россия, СПб., 1871, стр. 132; Статистический временник Российской империи, II серия, вып. первый, СПб., 1871, стр. 8—9.

² В. И. Жуков. Города Бессарабии 1812—1861 гг., Кишинев, 1964, стр. 157.

³ Н. Мурзакевич. Очерк успехов Новороссийского края и Бессарабии в истекшее двадцатипятилетие, т. е. с 1820 по 1846 г., Одесса, 1846, стр. 8.

Изучение отдельных категорий крестьян Бессарабии, к числу которых принадлежали государственные крестьяне, создает предпосылки к более глубокому и полному исследованию истории всего крестьянства области. Государственные крестьяне играли большую роль в экономической жизни области и, прежде всего, в сельскохозяйственном и ремесленном производстве.

Вопросы, связанные с историей государственных крестьян Бессарабии как особого разряда крестьянства, рассмотрены нами не в полном объеме. Не освещаются органы управления, классовая борьба, культурно-бытовое положение государственных крестьян. Главное внимание сосредоточено на следующем круге вопросов, вытекающих из задач и цели темы: оформление государственных крестьян области в особый разряд крестьянства и их сословно-правовое положение, состояние и развитие главных отраслей сельского хозяйства и соотношение между ними, ремесленно-промышленные занятия государственных крестьян, роль и место государственных крестьян в экономической жизни области. Задача данного исследования заключается также в том, чтобы на основе конкретного материала проследить сдвиги в технике земледелия (в системах земледелия и сельскохозяйственных орудиях), отраслевой специализации, развитии интенсивных отраслей сельского хозяйства в связи с развитием капиталистических отношений, вскрыть факторы как содействовавшие росту производительных сил, так и тормозившие их развитие.

Для освещения этого комплекса вопросов нами привлечена историческая литература и архивные материалы (большинство которых анализируется в научной литературе впервые).

Хронологические рубежи исследования определены 1812—1870 гг., т. е. от момента присоединения области к России (май 1812 года) до крестьянской реформы в бессарабской казенной деревне (декабрь 1869 г.). Соображения, которыми мы руководствовались при определении таких хронологических рамок, сводятся к следующему. Избранный период обладает внутренней законченностью происходившего исторического процесса. Начальный рубеж — 1812 г.—является одним из крупнейших исторических событий в жизни молдавского народа — присоединение Бессарабии к России. Это — поворотный пункт не только в политическом, но и в социально-экономическом развитии молдавского народа, определивший все дальнейшее развитие края. Декабрь 1869 г.—реформа в казенной деревне. За время с 1812 по 1870 гг. категория государственных крестьян сложилась, прошла определенные этапы развития и затем была упразднена в результате реформы.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Специальной литературы о государственных крестьянах Бессарабии, изданной в дореволюционный период, нет. Есть исторические обзоры Бессарабии, в которых в той или иной мере отражалась их жизнь.

В центре интересов авторов обзоров находилась главным образом политическая история или статистика. Очень мало внимания уделялось самой характеристике государственной деревни. Во многих вопросах авторы стояли на официальных позициях царских чиновников, часто искажали историческую правду ввиду предвзятого отношения к крестьянам. Трудящиеся массы крестьянства не выступают в их работах в качестве самостоятельной действующей исторической силы. Объяснение причин технической отсталости сельского хозяйства сводилось к «невежеству», лености, беспечности и «дурному поведению» самих крестьян.

Ценность этой литературы заключается в содержащихся в ней фактических данных по истории сельского хозяйства, промышленности и торговли. Дореволюционные исследователи специально не изучали производительные силы в казенной деревне.

Имеются десятки работ, посвященных отдельным вопросам истории экономики, естественно-географическому описанию Бессарабии. Освещая частные вопросы экономики края, они касались в разной степени состояния отдельных отраслей сельского хозяйства. Это труды: М. К. Балласа, К. И. Тардана, П. Кеппена, С. П. Щепкина, В. С. Щербачева, С. Семашко, Н. Н. Дерягина, И. Полимпсестова, А. И. Гроссула-Толстого, В. В. Докучаева, А. Д. Денгинка, И. А. Стебута, А. В. Советова, А. И. Дьякова¹ и др.

Сведения в виде отдельных фактов, цифровых данных и т. п. содержатся в различных сочинениях по истории и экономике области, крестьянскому вопросу, истории учреждений и др. Среди них следует назвать книги Н. В. Лашкова, А. Э. Штанге, В. П. Семенова-Тяншанского, Ю. Э. Янсона, А. П. Константинова и др.²

Особый интерес представляют труды авторов первой половины XIX в. Как современники, они описывали Бессарабию по личному наблюдению и по сведениям, взятым из различных местных учреждений. В той или иной мере освещали и нашу тему. Одним из первых, в 1813 г., дал краткое описание области П. Куницкий³. Ценность его труда заключается в

¹ См. список дореволюционной литературы.

² Там же.

³ П. Куницкий. Краткое статистическое описание Заднестровской области, СПб., 1813.

обзоре естественно-географических условий Бессарабии, природных богатств, земледелия, сельскохозяйственных культур, жизни крестьян.

Через три года более подробное описание области сделал специально выезжающий сюда чиновник Министерства иностранных дел П. Свinaryn¹. В отличие от П. Куницкого он обработал много статистических данных, касающихся характеристики сельского хозяйства и отдельных его отраслей.

Спустя десять лет, новое описание области составил также приезжавший сюда русский экономист Я. Сабуров². Работа ценна тем, что написана специалистом, изучавшим хозяйство области, и содержит ряд важных данных о сельском хозяйстве и ремеслах Бессарабии той поры. В частности, его вывод — «земледелие в Бессарабии находится в младенчестве» — приобретает особое значение при выяснении тенденции развития сельского хозяйства (соотношение земледелия и животноводства).

Среди работ дворянской историографии первой половины XIX в. особое место следует отвести трудам А. А. Скальковского.

Будучи выразителем интересов дворянства, Скальковский прославлял «мудрых» и «благонамеренных» сановников, дававших, по его мнению, хозяйственную жизнь Новороссийского края (куда он относил и Бессарабию); о благосостоянии народа судил по доходам помещиков и колонистов³.

Помня о социальной тенденциозности, порочности идеино-методологической основы его трудов, советские историки часто обращаются к ним. Труды А. А. Скальковского содержат обильный фактический материал о различных сторонах хозяйственной жизни края. Имея доступ к первичным архивным источникам (долгое время возглавлял Главный статистический комитет Новороссийского края и непосредственно наблюдал жизнь края), Скальковский в ряде случаев создавал конкретную цифровую картину экономики Бессарабии.

Его многочисленные труды, изданные в виде монографий или помещенные в различных периодических изданиях в качестве демографических и экономических обзоров и статей, аграрно-статистических исследований, справок и т. п., а также рукописи личного фонда, хранящегося в Государственном архиве

¹ П. Свinaryn. Описание Бессарабской области. — Записки Одесского общества истории и древностей, т. VI, 1867.

² Я. Сабуров. Земледелие, промышленность и торговля Бессарабии в 1826 г., М., 1830.

³ С. Я. Боровой. А. А. Скальковский и его работы по истории Южной Украины. — Записки Одесского археологического общества, т. I (34). Одесса, 1960, стр. 179—180. Его же. Об экономических взглядах А. А. Скальковского. — Из истории экономической мысли на Украине (на украинском языке), Киев, 1961, стр. 56—75.

Одесской области, имеют прямое отношение к интересующей нас проблеме. Среди них центральное место занимает большая монография «Опыт статистического описания Новороссийского края»¹ — экономико-географическое описание огромного района Причерноморья, в том числе и Бессарабии. А. Скальковский интересовался географией, народонаселением, различными отраслями сельского хозяйства, ремеслами, транспортом, торговлей Бессарабии, особенно ее южной части (Буджака), заселенной различными колонистами, государственными крестьянами и казаками.

А. Скальковского как исследователя отличала следующая черта: точное воспроизведение фактических данных, пространное цитирование архивных документов. Часто при описании экономики края приводил конкретные сведения из архивов, почти не обрабатывая источников. С этой точки зрения труды А. Скальковского сами являются собранием ценных сведений о состоянии и развитии производительных сил в бессарабской казенной деревне.

Можно со всей определенностью утверждать, что по насыщенности фактическим материалом труды А. Скальковского выделяются среди хозяйственных обзоров, изданных в дореформенный период.

Бессарабская область являлась стратегическим плацдармом и оперативной базой в осуществлении завоевательных планов царского правительства на Балканах. Поэтому на протяжении изучаемого периода Бессарабия три раза детально обследовалась офицерами Генерального штаба (больше всего изучалась ее экономика): в 20-х гг., во второй половине 40-х гг. и в конце 50-х гг. В результате этих обследований составлялись обширные военно-статистические обзоры. Обозрение 20-х гг., осуществленное офицером Розельон-Сашальским, осталось в рукописи². Два других, изданных в виде книг, выполнены офицерами Дараганом³ и А. Защуком⁴.

Включенные в обзоры сведения носили служебный характер, собирались и соответствующим образом обрабатывались «в применении к военным целям»⁵.

¹ А. А. Скальковский. Опыт статистического описания Новороссийского края, Одесса, 1850—1853.

² Хранится в ЦГВИА, ф. ВУА, 1828 г., д. 18589, ч. I.— Военно-статистическое описание Бессарабской области, составленное при съемке сей страны, производившейся с 1821 по 1828 год Генерального штаба штабс-капитаном Розельон-Сашальским, 1828 год.

³ Дараган. Военно-статистическое обозрение Бессарабской области, СПб., 1849.

⁴ А. Защук. Материалы для географии и статистики России. Бессарабская область, СПб., 1862.

⁵ А. Шмидт. Материалы для географии и статистики России. Херсонская губерния, СПб., 1863, стр. VII.

Обзоры охватывают всю территорию области и представляют собой экономико-географическое описание с экскурсами в историю края, содержат общие и специальные (военно-географического характера) сведения, материал об экономических ресурсах края, населении, административном устройстве, торговле и др. Сведения экономического характера взяты из фондов различных учреждений.

Сведения о Бессарабии за 60-е гг. содержатся в общероссийском Военно-статистическом сборнике, изданном в 1871 г. под редакцией генерала Обручева¹.

Кроме отмеченных работ, относящихся ко всей территории области, ценные сведения о производительных силах в казенных селениях содержатся в военно-статистическом описании южных уездов области — Буджака,— составленном также офицером А. О. Корниловичем в конце 20-х гг.² Значение этого труда повышается тем, что в нем даны довольно подробные хозяйствственные обзоры каждого казенного села. Ввиду отсутствия таких сведений за более ранние годы, они в ряде случаев являются исходными данными, с которыми мы сравниваем аналогичные показатели из разных источников за последующие десятилетия.

В целом обзоры по ценности содержащихся в них материалов выделяются из числа подобных работ дореформенного периода. И хотя помещенные в них сведения не являются абсолютно верными, они, безусловно, важны, так как дают возможность сопоставлять и анализировать явления экономической жизни казенной деревни, отражают тенденцию хозяйственного развития. Но их авторы — представители господствующего класса, на крестьянство смотрели глазами защитников интересов самодержавия на местах.

Среди обзоров по объему фактического материала выделяется обзор А. Защука. Здесь наиболее полно представлены материалы о естественно-географических условиях, специальные очерки посвящены характеристике экономики, населения, ремесла и промыслов, отраслей сельского хозяйства, отдельных разрядов крестьянства. Но Защук, как и его предшественники, не сумел в достаточной мере осмыслить огромный материал и к тому же обходит ряд социальных проблем, жизненно важных процессов, протекавших в Бессарабии,— расслоение крестьянства, классовую борьбу и др., что, безусловно, снижает достоинство его труда.

Много разнообразных материалов о развитии производительных сил в казенных селениях содержится в периодической

¹ Военно-статистический сборник, вып. IV, Россия, СПб., 1871.

² А. О. Корнилович. Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака, Аккерман, 1899.

печати. Это — статьи, заметки, корреспонденции, отчеты агрономов, экономистов и других специалистов о поездках по Бессарабии, помещенные в повременных изданиях: «Земледельческой газете», Журнале Министерства государственных имуществ, Журнале Министерства внутренних дел (ЖМВД), «Экономическом указателе», «Сельское хозяйство и лесоводство», «Записках общества сельского хозяйства Южной России», «Трудах вольного экономического общества», «Бессарабских областных ведомствах», «Коммерческой газете», «Экономисте» и др.

Большой интерес представляют хозяйствственные обзоры, выполненные в результате специального исследования бессарабского сельского хозяйства. К их числу следует отнести регулярно публиковавшиеся отчеты Инспекции сельского хозяйства Южной России и заметки в «Записках общества сельского хозяйства Южной России», в частности, ценные своими конкретными сведениями хозяйствственные обзоры П. Ломана, Я. Грудзино, А. П. Перепелкина, В. Гамма, А. Скальковского, Д. Струкова, А. Защука¹ и др.

Безусловно, нельзя полностью и без критического осмысления пользоваться этими подчас сырьими и пристрастно собранными материалами. Авторы, защищая интересы господствующего класса, не делали выводов о кризисе крепостной системы хозяйства, хотя приведенный ими большой фактический материал ярко свидетельствовал об этом.

Из периодических изданий, имевших прямое отношение к государственным крестьянам, следует отметить Журнал Министерства государственных имуществ (ЖМГИ). Здесь содержится много фактических данных о сельском хозяйстве бессарабской казенной деревни, инструктивный материал, исходивший из департаментов МГИ, в том числе многочисленные распоряжения по линии «попечительства» киселевских учреждений над хозяйственной деятельностью крестьян. Из года в год публиковались сведения о численности крестьян, урожаях и поголовье скота, заметки о развитии интенсивных отраслей хозяйства и изменениях в сельскохозяйственной технике и др.

Однако на страницы журнала попадали только те материалы о крестьянах, которые с выгодной стороны освещали деятельность киселевского министерства и его учреждений на местах.

Исключительное значение для изучения состояния и развития производительных сил имеют статистические данные. При всех недостатках дреформенной статистики, несовершенстве статистических приемов того времени и ограниченности

¹ См. список дореволюционной литературы.

полученных с их помощью материалов содержащиеся в ней цифровые данные о сельском хозяйстве и промыслах имеют большую ценность.

Недостатки официальной статистики сводились к следующему: тенденциозность, слабая дифференцированность цифровых материалов (большей частью давались средние и сводные данные), неполнота, противоречивость, отрывочность, многообразие приемов группировки данных (не всегда обеспечивается сравнимость данных за определенные периоды). Отсюда вытекает приближенность получаемых цифровых результатов. В частности, в статистических таблицах мало конкретных сведений о переделах, внутрисельской аренде, о распределении угодий в связи с переложной системой земледелия, об обеспеченности крестьян сельскохозяйственными орудиями, мертвым и живым инвентарем, о посевных площадях.

Учитывая эти черты дореформенной статистики, для определения количественных соотношений приходилось производить исчисления, делать поправки, анализировать числовые показатели, а недостающие прямые сведения по отдельным вопросам дополнять косвенными данными, материалами ведомственной переписки и сельскохозяйственных обзоров, написанных современниками.

Относительно бедны статистические сведения о бессарабских казенных селениях за время до 40-х гг. XIX в., то есть до реформы П. Д. Киселева. В 40—60-х гг. статистические материалы о казенных селениях обособлены от общей массы сведений по области и велись более систематически, но страдают неполнотой и узковедомственным назначением.

Для написания монографии частично привлечены путевые записки и воспоминания различных лиц, побывавших в Бессарабии в первой половине XIX в.: И. А. Михайловского-Данилевского, А. Афанасьева-Чужбинского, А. Демидова, Н. М. Лонгинова, П. И. Долгорукова, Н. Надеждина, С. С. Лошкарева, А. Стороженко, А. Ф. Вельтмана¹. Составлялись они на основании собственных наблюдений и отразили различные стороны социально-экономического развития области (заселение, состояние хозяйства и потенциальные возможности экономики области, отношение к беглым крестьянам и пр.) через призму своих политических воззрений, но содержат такой фактический материал, которого не удается обнаружить в других источниках.

Определенный интерес представляют официальные издания Министерства государственных имуществ — периодические обзоры деятельности министерства в целом и его отдельных департаментов (особенно Департамента земледе-

¹ См. список дореволюционной литературы.

лия)¹: «Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ», «Обозрение деятельности Министерства государственных имуществ по заведыванию государственными крестьянами и южными поселениями с 1838 по 1866 гг.», «Отчет управления государственных имуществ за последние 25 лет с 20 ноября 1825 по 20 ноября 1850 гг.». Они имеют отношение к исследуемой нами теме, но носят на себе печать тенденциозности в освещении жизни государственных крестьян.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Советские ученые, вооруженные марксистско-ленинским учением об обществе, принципиально по-новому, с позиций исторического материализма, осветили историю крестьянства России, дали ценные монографические исследования по истории государственных крестьян.

Но в советской историографии неравномерно исследованы производительные силы и производственные отношения. Историки касаются главным образом производственных отношений, чему посвящена довольно значительная литература, или занимаются многосторонним, так сказать, комплексным исследованием казенной деревни. Большое внимание уделено реформе П. Д. Киселева — одному из важнейших вопросов дореформенной истории государственных крестьян. Специальных работ, которые бы на базе всестороннего изучения источников дали фундаментальное исследование производительных сил в сельском хозяйстве дореформенного периода, пока нет. В имеющихся работах, преимущественно статьях, лишь затрагиваются или вскользь освещаются те или иные вопросы выдвинутой нами проблемы.

Большую помощь, особенно в части методики исследования производительных сил в сельском хозяйстве, оказали работы В. К. Яцунского, Ф. С. Крохалева, А. И. Гуржия, И. Г. Антелавы, Н. В. Гугушвили, А. В. Фадеева².

Среди общих исследований выделяется фундаментальный труд академика Н. М. Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева³. Для историка, изучаю-

¹ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837—1887, СПб., 1888; Отчет управления государственных имуществ на последние 25 лет с 20 ноября 1825 по 1850 гг.— Сборник императорского русского исторического общества, т. 98, СПб., 1896, стр. 468—498.

² См. список советской литературы.

³ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I, М.—Л., 1946, т. II, М., 1958.

щего государственных крестьян XIX века, эта двухтомная монография служит одним из основных пособий. Используя богатый фактический материал, Н. М. Дружинин показал состояние и развитие производительных сил в связи с развитием производственных отношений в период нарастания кризиса системы «государственного феодализма». В монографии дана образцовая методика исследования. Большая научная ценность монографии неоспорима. В ней анализируются социально-экономические процессы, происходившие в казенном деревне России, однако неполно в этом отношении отражены некоторые окраины; в частности, бессарабской казеной деревне уделено очень незначительное место.

Много сделали для изучения своего края местные историки. Имеются монографические исследования и статьи, посвященные истории крестьянства Молдавии. В этом отношении несомненная заслуга принадлежит Я. С. Гросулу¹, И. Г. Будаку², Н. А. Мохову³, И. И. Мещерюку⁴, М. П. Мунтяну⁵, Ф. А. Грекулу⁶ и др. Перечисленные авторы в своих монографиях и статьях, вводя в научный оборот ряд важных исторических источников, характеризуют сущность аграрных отношений, систему феодальной эксплуатации, классовое расслоение и классовую борьбу в бессарабской деревне в дореформенный и послереформенный периоды. Большое внимание уделено заселению области, развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве, крестьянским реформам. В общих и специальных работах нашли отражение и некоторые вопросы развития производительных сил в сельском хозяйстве.

Первым крупным обобщающим исследованием истории крестьянства области дореформенного периода является монография Я. С. Гросула «Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.)», написанная на основе использования многочисленных источников. Она является наиболее значительным

¹ Я. С. Гросул. Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.), Кишинев, 1956; Я. С. Гросул и И. Г. Будак. Крестьянская реформа 60—70 гг. XIX в. в Бессарабии, Кишинев, 1956.

² И. Г. Будак. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Бессарабии в пореформенный период, Кишинев, 1954.

³ Н. А. Мохов. Молдавия эпохи феодализма, Кишинев, 1964.

⁴ И. И. Мещерюк. Антикрепостная борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812—1820 гг., Кишинев, 1957; Его же. Переселение болгар в Южную Бессарабию 1828—1834 гг., Кишинев, 1965.

⁵ М. П. Мунтян. Борьба крестьян Бессарабии против Положения 1834 года.—Ученые записки Кишиневского госуниверситета, т. XXVI, Кишинев, 1957; Его же. Нормальный контракт 1846 года и его крепостническая сущность.—Ученые записки Кишиневского госуниверситета, т. XXXV, Кишинев, 1958.

⁶ Ф. А. Грекул. Аграрные отношения в Молдавии в XVI—первой половине XVII вв., Кишинев, 1961.

исследованием среди других работ советских молдавских историков, посвященных истории крестьянства, представляет собой ценный вклад в научную разработку социально-экономической истории Молдавии и создает хорошие предпосылки для освещения истории отдельных категорий крестьянства, отдельных сторон исторического процесса.

В монографии исследуется и социально-экономическое положение государственных крестьян. Использовано много ранее неизвестных архивных материалов. До Я. С. Гросула историки-молдавоведы не касались нашей темы. Однако целый комплекс вопросов, относящийся к истории производительных сил казенной деревни (сельскохозяйственная техника, система земледелия, ремесленное производство и др.), в силу специфики монографии, в ней не освещен.

При изучении отдельных отраслей сельского хозяйства мы располагали трудами советских исследователей, в которых рассматриваются вопросы развития зернового хозяйства, животноводства, виноградарства и плодоводства, пчеловодства в современных условиях¹. Работы эти носят характер практических руководств, исследований по технологии производственных процессов, по зоотехнике, селекции и т. п. Но в них содержатся также много историко-экономических сведений, которые представляют определенную ценность для разработки поставленной нами проблемы.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Наличие богатого документального материала в местных и центральных архивах, доступность и удовлетворительная сохранность архивных фондов позволяют с определенной достоверностью и полнотой исследовать состояние и развитие производительных сил в бессарабской казенной деревне². Архивные материалы, начиная с официальных отчетов и донесений низовой администрации и кончая докладами министра государственных имуществ царю, требуют вниматель-

¹ В. О. Витт. Из истории русского коннозаводства, М., 1952; П. П. Дорофеев. Плодоводство в Молдавской ССР.—Научные записки Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР, т. I, вып. I, Кишинев, 1948; П. Н. Унгурян. Основы виноделия Молдавии. Молдавский научно-исследовательский институт садоводства, виноградарства и виноделия. Труды, т. V, Кишинев, 1960; Е. А. Нагирняк. Пчеловодство в Молдавской ССР и перспективы его развития.—Научные записки Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР, т. I, вып. I, Кишинев, 1948; И. С. Кувшинов, М. Н. Гумеров и Я. А. Ловков. Экономика социалистического сельского хозяйства, М., 1963.

² Архивные источники по истории государственных крестьян области остаются еще неопубликованными.

ного критического исследования, так как исходили из царских учреждений, от представителей царской администрации на местах, которые по политическим соображениям, как пристрастные исполнители воли господствующего класса, освещали события и факты классово-тенденциозно, с позиций интересов дворянства. Часто в документах жизнь государственных крестьян рисовалась тонами благополучия и довольства.

Проходя различные административные инстанции, до-кладные записки, рапорты, донесения, хозяйственные обзо-ры, претерпевали определенную обработку: замалчивались или сглаживались невыгодные для господствующего класса явления и тенденции.

Крупным недостатком архивных источников является неточность экономических и статистических данных. Неточными они были и в сельском звене и в масштабах округов, пала-ты государственных имуществ и министерства. Крестьяне обычно, опасаясь, что собираемые сведения и производимые чиновниками обследования преследуют цель увеличения на-логов и трудовых повинностей, урезки надела и т. п., точных сведений не давали. А сельские власти и царские чиновники со свойственной им безответственностью сообщали в своих донесениях даже выдуманные цифры. На это еще в свое время обращали внимание губернаторы, ревизоры и другие высокопоставленные сановники. В одном из циркуляров бес-сарабского губернатора в 1862 г. отмечалось: «Собрание статистических сведений делалось до настоящего времени по-лицейскими и другим местами, от которых требовались эти сведения не только небрежно, но часто с полным незнанием дела; находились даже лица, которые или выдумывали эти сведения, или нарочно доставляли их неверными, из каких-нибудь особых видов. Небрежность доходила до того, что часто получались от одного и того же места, об одном и том же предмете и в одно и то же время совершенно различные сведения потому только, что ведомости требовались в различ-ных формах»¹. Все это обязывает нас критически отно-ситься к документам.

Архивные материалы многогранны и разнообразны. Но в них мало таких важных для данной темы документов, как систематические подворно-имущественные описи, по которым можно было бы судить о крестьянских хозяйствах.

Материалы находятся в различных архивохранилищах страны, распылены по многим фондам, что создает определен-ные трудности в их выявлении и накоплении.

---

¹ ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, д. 991, л. 123.

Наиболее крупные фонды сосредоточены в Центральном государственном архиве Молдавской ССР (ЦГА МССР). Тысячи дел содержат фонд канцелярии бессарабского гражданского губернатора (ф. 2). В ведомственной переписке этой канцелярии отложились многочисленные документы, относящиеся к государственным крестьянам области, в том числе: сведения о их численности, о заселении южных уездов, земледелии, животноводстве, садоводстве, ремесле и промыслах, материалы ревизий и обследований казенных селений. Среди последних исключительную ценность имеет ревизия «государственных имуществ», предпринятая в 1837 г. по указанию V отделения с. е. в. канцелярии и осуществленная чиновником этого отделения В. К. Тихим. Ревизия преследовала цель путем экономического обследования бессарабской государственной деревни получить необходимые сведения для подготовлявшейся передачи этих «имуществ» в ведение МГИ.

И хотя В. К. Тихий смотрел на жизнь ревизуемых им крестьян с позиций высокопоставленного чиновника, в ряде случаев он рисует картину безотрадного положения бессарабской казенной деревни.

В этом же фонде сохранились исходные данные бессарабской палаты государственных имуществ, касающиеся государственных крестьян, собираемых для годичных отчетов губернатора, в том числе почти за все годы хозяйственные обзоры. Сохранились сведения о государственных крестьянах, полученные во время губернаторских объездов области.

Много сведений об экономическом положении государственных крестьян содержится в отчетах губернатора (составлялись с 1828 г.). Безусловно, отчеты и приложения к ним полностью не отражают экономического положения казенной деревни, содержащиеся в них материалы часто противоречивы и неточны, поэтому принимать их надо с большими оговорками. Как уже отмечалось, данные, собираемые на местах и служившие исходными материалами для составления отчета, не могли быть точными. К тому же сами губернаторы, зная, что на основании этих отчетов царское правительство будет судить об их административных «успехах», извращали факты, фальсифицировали положение дел в области и старались показать их в возможно благополучном виде, в выгодном для своей службы состоянии. Но поскольку отчеты составлялись по стандартной форме и являлись источником единого происхождения, то ежегодные сельскохозяйственные обзоры и содержащиеся в них данные в известной мере отражают общее направление социально-экономических процессов по области в целом и в казенной деревне в частности. Они дают возможность проследить тенденцию развития экономики, наметившиеся и произошедшие сдвиги в сельскохозяйственной

технике, системе земледелия, рационализации и специализации в сельскохозяйственном производстве.

Сотни дел хранятся в фонде Бессарабской палаты государственных имуществ (Ф. 122). В подавляющем большинстве они имеют прямое отношение к истории государственных крестьян области, их экономике, правовому положению, проводимой царским правительством политике. Здесь сосредоточен основной статистический материал о казенной деревне за 40—60 гг. XIX вв., повседневная хозяйственная переписка, сведения о землепользовании и землеустройстве, об «оброчных статьях», о борьбе крестьян за землю (в том числе первичный материал — прошения и жалобы крестьян, сведения из сельских и волостных правлений), о рационализации в хозяйстве, донесения окружных управлений о результатах обследования селений и отдельных крестьянских хозяйств.

Одним из источников, отразивших хозяйственное положение казенной деревни, является деловая переписка и отчетность налоговых органов. В ней содержатся ценные сведения о состоянии крестьянских хозяйств, особенно при описании причин недоимочности и при введении в 50-х гг. «уравнительного» разверстания повинностей между различными категориями налогоплательщиков. Документы этого характера находятся главным образом в фондах Бессарабской казенной палаты и Бессарабского областного особого по земским повинностям присутствия, а также в фондах областного совета, областного правления и уездных судов.

Крестьяне и крестьянские хозяйства интересовали органы царской администрации и различные ведомственные учреждения как объекты фискальной политики. Поэтому, в случае роста недоимочности, казенные селения подвергались специальному обследованию. Эти данные важны потому, что в Бессарабии не проводилось кадастра, не осуществлялось поземельно-промышленного обложения, следовательно, не осталось подробных и обширных окладных материалов, как в центральных губерниях России.

Разнообразные фактические материалы по интересующей нас теме отложились в делах областного статистического комитета (статистические обзоры казенных селений, содержащие сведения о посевных площадях, виноградниках и садах, ремесленных мастерских, поголовье скота и др.), областной продовольственной комиссии (сведения об урожаях, хлебных магазинах, семенных ссудах и т. п.), Бессарабского комитета коннозаводства (сведения о состоянии коневодства в области в том числе и в казенных селениях), областной межевой конторы (материалы о землеустройстве в казенном фонде), Бессарабского губернского по крестьянским делам присутствия (различные статистические сведения за 60-е гг.) Сведения с

земельных захватов в казенных селениях отложились в делах областных гражданского и уголовного судов¹.

Значительные и очень важные материалы по истории отдельных отраслей сельского хозяйства содержатся в Государственном архиве Одесской области (ГАОО). Выделяется в этом отношении фонд Общества сельского хозяйства Южной России. Цель общества заключалась в изыскании путей повышения доходности помещичьих имений (через внедрение более совершенной сельскохозяйственной техники, рациональных приемов земледелия и животноводства и др.); его агенты с мест давали сельскохозяйственные обзоры в целом по краю и по отдельным его районам. Здесь хранятся материалы о сельскохозяйственных выставках, о различных «соревнованиях» образцов сельскохозяйственных орудий, зерновых культур, табака, винограда и пр., статистические обзоры, отчеты видных деятелей общества о поездках в Бессарабию. Часть этих материалов опубликована в «Листках» и «Записках» Общества, которые «представляют бесспорную ценность как исторического источника для исследователей, интересующихся проблемами развития сельского хозяйства в последние десятилетия существования крепостного строя»².

Фонд канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, особенно переписка ее отделения, ведавшего бессарабскими делами, заключает в себе отчетные данные, материалы об открытии Аккерманского и Кишиневского училищ садоводства, виноградарства и виноделия и подготовке соответствующих специалистов из состава казенных крестьян, о переселении 20 тыс. казенных крестьян из внутренних губерний в Бессарабию, о земельной обеспеченности казенных селений и др.

Фонд Главного статистического комитета Новороссийского края богат различными сведениями о Бессарабии по садоводству и виноградарству, рыболовству и соляным промыслам.

В личном фонде А. А. Скальковского хранятся неопубликованные работы о сельском хозяйстве, промышленности и торговле Бессарабии 50—60-х гг., которые он готовил в качестве 3-й части своего «Опыта статистического описания Новороссийского края», но не закончил. Хранятся там неопубликованные статьи о беглых в Бессарабии. Занимая пост главы Главного статистического комитета Новороссийского края, он

¹ Полный список фондов ЦГА МССР, из которых взяты материалы при написании монографии, смотрите в библиографии.

² Б. В. Тихонов. Обзор «Записок» местных сельскохозяйственных обществ 30—50-х гг. XIX в.—Проблемы источниковедения, т. IX, М., 1961, стр. 98.

пользовался огромным фактическим материалом, никем до него не исследованным.

К сожалению, приходится констатировать далеко не полную сохранность фондов ГАОО.

Очень богатый материал по исследуемой теме сконцентрирован в ряде центральных архивов страны. Среди них выделяется Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИА СССР), в котором сконцентрированы фонды центральных ведомств, распоряжавшихся «государственными имуществами»: V отделение с. е. в. канцелярии, Канцелярия министра государственных имуществ, Первый департамент МГИ, Временный отдел по земельному устройству государственных крестьян, Департамент земледелия, Плановый архив МГИ.

Здесь находятся различные сведения о землепользовании, состоянии хозяйства, земельных отношениях, отражены практика управления государственными крестьянами и «попечительство» центральных ведомств над хозяйственной деятельностью крестьян. В фондах имеются отчеты Бессарабской палаты государственных имуществ, составленные по особым формам, в которых кроме описательного материала имеется много статистических данных.

Более важное значение для нашего исследования имеют материалы Департамента земледелия, в котором отложились комплексные и выборочные сведения, собранные на местах Инспекцией сельского хозяйства Южной России (существовала с 1841 по 1863 гг.). Сведения эти касались урожаев, способов обработки земли, сельскохозяйственных культур, состояния различных отраслей животноводства, рационализации, сельскохозяйственных выставок в Кишиневе 1847 и 1860 гг., на которых основным контингентом участников были государственные крестьяне, «награждения» отдельных крестьян за успехи в земледелии и животноводстве, деятельности училища садоводства в Кишиневе и его влиянии на развитие садоводства, виноградарства, табаководства, шелководства в казенных селениях. Все это облегчает возможность конкретного изучения состояния и развития производительных сил.

Прямое отношение к теме имеют и другие фонды ЦГИА СССР: соляное управление, канцелярия по управлению Бессарабской областью, фонды центральных полицейских учреждений.

В Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) нами взяты материалы из фонда Бессарабской губернской межевой конторы и Коллекции утвержденных планов. Межевая контора, действовавшая с 1818 г., направляла и контролировала работу землемерных партий, рассматривала и разрешала спор о праве владения и пользования земля-

ми. В результате ее деятельности накопилось более 8 тыс. дел, относящихся к области в целом. Большой комплект дел касался обмежевания казенных имений Хотинского округа, несколько сот дел посвящено казенным селениям южных округов. Оба фонда, кроме чисто межевого делопроизводства, содержат большой статистический материал и экономические характеристики селений.

В Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА СССР) сохранились единственные в своем роде документы, характеризующие экономику Бессарабии,— военно-статистические обзоры. В частности, здесь находится большая по объему рукопись офицера Главного штаба Розельон-Сашальского — «Военно-статистическое описание Бессарабской области» (1828 г.). В фондах ВУА, 2-й армии, Главного штаба, Главного интендантского управления содержатся данные о казенных землях, сельском хозяйстве, промыслах, природно-климатических условиях, народонаселении интересующих нас уездов.

Следует назвать Архив Географического общества СССР в Ленинграде, который по количеству дел, относящихся к Бессарабии, невелик, но обладает очень важными фактическими данными. В рукописях (в частности в рукописи И. Енакиевича «Аккерманские малороссы») содержатся неизвестные по другим источникам сведения о виноделии, рыболовстве, отходе государственных крестьян.

Ценность фондов центральных архивов по наличию в них фактического материала несомненна, но содержащиеся в них статистические данные в большинстве своем представлены в виде средних или итоговых показателей.

Кроме архивных неопубликованных документов, привлечены и археографически обработанные тематические сборники документов¹ для сопоставления условий переселения и устройства государственных крестьян и задунайских поселенцев, для выявления специфики в развитии отдельных отраслей сельского хозяйства в селениях других разрядов крестьянства и др.

Таков объем архивных фондов, положенных в основу настоящего исследования.

Несмотря на отмеченные выше недостатки, встречающиеся в рассмотренных нами источниках и литературе, они в основном дают достаточный материал для освещения состояния и

¹ Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского. Сборник документов, Кишинев, 1957; Положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии (1812—1861 гг.). Сборник документов, Кишинев, 1962; Центрархив. Крестьянское движение 1827—1869 годов, вып. I, М., 1931.

развития производительных сил в бессарабской казенной деревне, воссоздания картины хозяйственной деятельности крестьян. В то же время следует оговориться, что различная степень изученности отдельных сторон исследуемой проблемы и различная степень обеспеченности источниками не позволили осветить их с одинаковой полнотой. Общинное землепользование, развитие сельскохозяйственной техники до 40-х годов, внутрисельская земельная аренда нуждаются в дальнейшем изучении, требуют уточнения и углубленного исследования.

Автор надеется, что представленная монография как специальное исследование важной проблемы истории Молдавии пока применительно к части ее населения и только в один хронологически ограниченный период окажет помощь в дальнейшем изучении производительных сил Молдавии в целом.

В процессе написания монографии были учтены ценные советы, высказанные доктором исторических наук С. Я. Боровым и сотрудниками сектора истории Молдавии периода феодализма и капитализма Института истории АН Молдавской ССР как по структуре построения, так и по содержанию исследования, всем им автор выражает глубокую благодарность.

Глава I

ФОРМИРОВАНИЕ, СОСТАВ И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН

Из всех элементов, совокупность которых образует производительные силы, люди, трудящиеся занимают главное место. «Первая производительная сила всего человечества — есть рабочий, трудящийся», — учит В. И. Ленин¹. Люди своим трудом создают материальные и духовные блага, подчиняют себе природу. В сельскохозяйственном производстве этими людьми являются крестьяне, трудовая их часть. Объект нашего исследования — государственные крестьяне.

Государственные крестьяне принадлежали к числу четырех основных разрядов феодально-зависимого крестьянства Бессарабской области: царане, государственные крестьяне, колонисты и казаки. Вместе с колонистами и казаками они находились в феодальной зависимости от дворянского государства.

В. И. Ленин указывал, что в крепостническую эпоху крестьянство делилось на различные группы, разряды, «исторически сложившиеся в течение долгих веков»; эти разряды крестьян отличались друг от друга социально-экономическим положением, степенью феодально-крепостнической зависимости².

Государственные крестьяне являлись одним из таких разрядов. В свою очередь, они состояли из ряда групп сельского населения. Все они жили на казенной земле и являлись феодально-эксплуатируемым «сословием», а отличались друг от друга частично в отправлении повинностей и в правовом отношении.

В Бессарабии, как и в России в целом, внешним признаком сословного единства государственных крестьян была общность их обязанностей перед государством и в системе управления.

Разряд государственных крестьян в Бессарабии сложился в течение двух десятилетий после присоединения области к

¹ В. И. Ленин. Полн. сбор. соч., т. 38, стр. 359.

² Там же, т. 17, стр. 64.

России, в период разложения феодального строя и развития капиталистических отношений.

Расселение (географическое размещение) государственных крестьян в пределах области было неравномерное. Наибольшее число селений сосредоточивалось в Аккерманском и Бендерском уздах; в 40—50 гг. (до 1857 г.) в них находилось 76 селений, а в Хотинском уезде — 10, Измаильском градоначальстве — 11 и Кагульском у. — 3 селения; всего 100 селений. В 1857 г. все селения Измаильского градоначальства и ряд селений Аккерманского у. отошли к Молдавскому княжеству. В 60-х гг. насчитывалось 82 казенных селения в трех округах — Аккерманском, Бендерском и Хотинском.

Численность крестьян в названных административно-территориальных границах соответственно была различной (сведения за 1852 г.): в

Аккерманском уезде	—	40 299	д. о. п.
Бендерском	»	21 911	»
Хотинском	»	4 813	»
Кагульском	»	1 700	»
Измаильском градоначальстве	—	3 146	»
<hr/>			
Всего		71 869	д. о. п. ¹

Состав и численность государственных крестьян отличались неустойчивостью, часто подвергались изменениям по разным причинам. Что касается составных элементов разряда государственных крестьян, то их пребывание там полностью зависело от политики правительства. По воле правительства в разряд государственных крестьян ввели следующие группы: поселенных солдат, казаков и волонтеров, коронных цыган, евреев-земледельцев, царан на казенной земле, переселенцев из внутренних губерний, шляхтичей². Кроме того, перечислялись в казенные селения беглые, мещане, отставные солдаты, лица, исключенные из духовенства, отдельные царане и резеши, однодворцы, отпущенные на волю крепостные крестьяне, иммигранты и др. И по распоряжению того же правительства переданы из состава государственных крестьян в разряд казаков коронные цыгане, военные поселенцы, а евреи-землевладельцы переведены в мещансское сословие г. Бендеры; целые селения передавались в частное владение (в 50—60-х гг. — Ванчинцы, Холохорены, Кицканы, Копанка) или в другие ведомства (д. Петровка 1836 г. причислена к Дунайскому казачьему войску); два селения — Старая Шаба (в 30-х гг.) и Вилково (в

¹ Данные палаты государственных имуществ. — ЦГА МССР, ф. 2, д. 5873, л. 19; ф. 24, оп. I, 1852 г., д. 3, л. 103—107.

² О каждой из этих групп говорится выше.

1840 г.) обращены в посады ведомства МВД¹. Крупное сокращение численности крестьян было вызвано отторжением части южной Бессарабии в 1856 г. (более 15 тыс. человек)².

Численность государственных крестьян менялась также за счет естественного прироста и смертности, но эти факторы слаживались большим притоком беглых, приписывавшихся на место умерших — «усыновление», и т. п. и отливом их в случае гонений (насильственное выселение, бегство за Дунай).

На убыль населения существенное влияние оказывали эпидемии. В Бессарабии в целом, в том числе и в казенных селениях, постоянно существовали очаги эпидемий, инфекционных заболеваний. Особенно высокой смертностью сопровождались чума, холера, тиф, оспа, которые часто охватывали целые уезды, всю область и уносили тысячи жизней.

Низкий уровень здравоохранения не обеспечивал действенной медицинской помощи. Кроме санитарно-карантинных мер, почти ничего не применялось для борьбы с этими страшными бедствиями.

Эпидемии свирепствовали в 1813—1822, 1824—1825, 1828—1830, 1834, 1847—1848, 1853, 1855—1856, 1866 гг.³

Эволюцию численности государственных крестьян отражают следующие данные⁴.

Насчитывалось в 1828 г. —	32 500	д. о. п.
1835 г. —	53 115	»
1840 г. —	49 083	»
1845 г. —	54 718	»
1850 г. —	69 872	»
1855 г. —	73 500	»
1860 г. —	64 854	»
1865 г. —	71 584	»
1869 г. —	79 227	»

В общем, как видно из приведенных данных, численность государственных крестьян имела постоянную тенденцию к возрастанию. Значительное увеличение численности крестьян

¹ См. переписку об этих селениях.— ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 91, л. 170—179; д. 83, л. 44; ф. 2, оп. 1, д. 7446; д. 102; ф. 6, оп. 8, д. 6 и 9; ЖМВД, 1840, № 5, стр. 60—62.

² См. Статистические данные о 22 селениях, переданных Молдавии по Парижскому миру 1856 г.— ЦГИА СССР, ф. 383, 1857, д. 27831, л. 16.

³ См. донесения сельских властей и материалы различных комиссий по борьбе с эпидемиями.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, дела 159, 627, 689, 943, 1272, 1390, 1588, 1747, 1913, 1914, 2057, 5136, 5937; 6298, 6506, 6464; 7519, 7609, 7837; оп. 3, д. 4; ф. 122, оп. 2, д. 73, л. 93; д. 84, л. 34—33; ЦГИА СССР, ф. 1281, 1849 г., оп. 4, д. 56, л. 29.

⁴ Данные взяты из отчетов палаты государственных имуществ и окружных управлений, содержащихся в фондах канцелярии бессарабского гражданского губернатора, казенной палаты, областного статистического комитета (ЦГА МССР и ЦГИА СССР).

между 1828 и 1835 гг. обусловлено притоком переселенцев, сокращение ее к 1840 г. вызвано передачей ряда селений в ведомство Дунайского казачьего войска; различия между 1856 и 1857 гг. объясняются отторжением 22 казенных селений по Парижскому миру.

Удельный вес государственных крестьян в общем составе населения области за все годы не превышал 10%.

Национальный состав государственных крестьян был пестрый. Основную массу их составляли молдаване, украинцы и русские. Кроме того, в селениях проживали цыгане, евреи, поляки, болгары и др. В численном выражении они распределялись следующим порядком¹.

Годы	Молдаване	Украинцы	Русские	Евреи	Цыгане	Болгары	Всего
1851	42 407	18 838	8 728	543	94	33	70 643
1856	39 396	24 434	9 525	782	96	34	74 762
1861	41 048	19 470	6 507	575	125	57	67 792

В разряд государственных крестьян Бессарабии вошли крестьяне, издавна проживавшие в районах². Будучи уверенным в победе над Турцией и в присоединении к России территории к западу от Днестра, царское правительство уже в ходе войны 1806—1812 гг. заявило о принадлежности казне этих земель. В число «казенных имуществ» попали и находившиеся там крестьяне. К маю 1812 г., т. е. к моменту присоединения Бессарабии к России, казенных селений было в Хотинском у. 9 и в южных уездах 35.

По официальным сведениям, относящимся к апрелю 1812 г., «обывателей, собственно казне принадлежащих», находилось в южных уездах 2392 семьи и в Хотинском у. свыше 600, или круглым счетом 3000 семей³.

К середине 20-х гг. на месте бывших татарских поселений и на новых местах возникло более 20 селений. В одиннадцати из них поселились преимущественно беглые крепостные из вну-

¹ Таблица составлена на основании данных палаты государственных имуществ, извлеченных из ЦГА МССР (ф. 122, оп. 1, д. 23, л. 51—52), и Записок Бессарабского областного статистического комитета, т. I, Кишинев, 1864, стр. 59.

² Райя — турецкая крепость и окружающая ее территория с живущим на ней населением, подчиненным турецкой военной администрации. В данном случае имеются в виду Бендерская, Аккерманская, Килийская, Хотинская райи.

³ Подсчет проведен нами по данным областных учреждений и военных ведомств.— ЦГА МССР, ф. I, оп. I, д. 3498, л. 18—23; д. 3639, л. 82—85; ЦГВИА, ВУА, д. 18585, л. 6—7.

тренних губерний и царане северных уездов области¹. В нескольких селениях — Бакчалие, Гасанаспаге, Дивизии, Кислице, Ташлыке — сложилось молдавско-русско-украинское население: Золокары, Карамахмет, Кебабча были заселены только украинцами — беглыми крестьянами².

Вышедшие из-за Дуная староверы-некрасовцы основали казенные селения Жербияны, Караков, Муравлевку и частью осели в Чичме³.

Одним из составных элементов категории государственных крестьян Бессарабии были переселенцы из центральных и украинских губерний.

Внутреннее положение Бессарабии (особенно в первые годы после ее присоединения к России) характеризовалось крайним разорением хозяйства, вызванным разрушительными последствиями многовекового господства турецких завоевателей, жестоким угнетением крестьян местными феодалами, длительными войнами на ее территории и слабой заселенностью⁴. Для освоения новоприобретенной области неотложно требовалось осуществить ряд мероприятий, среди которых первостепенное значение имело заселение пустующих земель Буджака. К реализации этого мероприятия царское правительство приступило сразу же по присоединении области. Его политика в этом вопросе характеризовалась некоторым своеобразием. Оно признало земельные захваты местных помещиков в Буджаке, широко практиковало «пожалования», раздав боярам, русским помещикам, генералам, высокопоставленным чиновникам огромные степные массивы — свыше 230 тыс. дес⁵. В то же время, исходя из задач внутренней и внешней политики, правительство не позволило заселить «пожалованные» и приобретенные земли крепостными крестьянами — выходцами из внутренних губерний⁶.

Правительственная колонизация, длившаяся более четверти века, осуществлялась путем предоставления буджакских земель различным категориям казенного крестьянства: возвращение иностранных колонистов (болгар, гагаузов, нем-

¹ В Галиштах, Абаклыджабе, Гаджикурде, Гура-Челегидере, Дракуле, Китае, Нерушае, Танатарах, Фурманке, Чимашире, Шаганах.

² А. О. Корнилович. Указ. соч., стр. 123, 130—155, 325—393.

³ А. П. Константинов. Русские в Южной Бессарабии. — «Русский архив», 1902, кн. 2, стр. 151—155; А. О. Корнилович. Указ. соч., стр. 130, 138, 152, 393; С. А. Тучков. Записка о Бессарабии. — ЦГВИА, ВУА, д. 18575, л. 15.

⁴ Я. С. Гросул. Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.), Кишинев, 1956, стр. 45.

⁵ А. О. Корнилович. Указ. соч., стр. 15—17.

⁶ См. Инструкцию царя полномочному наместнику Бессарабии (1816 г.). — ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, 1816 г., д. 2, л. 19.

цев, швейцарцев), казенных крестьян из России, царан из центральных и северных уездов самой Бессарабии, организация военно-хозяйственных поселений (Дунайское казачье войско) и поселений коронных цыган.

Интересы быстрейшего хозяйственного освоения пустующих земель ввиду особого, стратегического значения юга области толкали правительство на создание здесь достаточно обеспеченного землей крестьянства, пользующегося определенной хозяйственной самостоятельностью, обладающего достаточными экономическими ресурсами и способного благодаря этому снабдить армию продовольствием, фуражом, квартирами, подводами, пастбищами и пр. Кроме того, переселением крестьян из России царские власти стремились в какой-то мере ослабить все более ощущавшуюся в казенных селениях центральных и украинских губерний остроту малоземелья и тем самым заглушить усилившуюся там классовую борьбу¹. Наконец, они старались «регулировать» процесс заселения Буджака и прежде всего приостановить народную колонизацию этого района — заселение беглыми помещичьими и казенными крестьянами из центральных и украинских губерний; именно на первые два десятилетия после присоединения Бессарабии к России падает наибольший размах массового самовольного ухода их на юг области.

По интенсивности притока переселенцев из внутренних губерний, санкционированного правительством, весь период переселенческого движения хронологически можно разделить на три этапа: первый — 1812—1824 гг., второй — 1825—1835 гг. и третий — середина 30-х — начало 50-х гг.

Уже в первые годы после присоединения Бессарабии к России отмечаются попытки крестьян получить от центральных властей разрешение на переселение в Буджак. В июне 1812 г. Государственный совет рассмотрел ходатайство однодворцев села Русской Лозовой и слободы Липец Харьковской губ. о переселении в Аккерманский у. Впоследствии из числа этих крестьян 263 человека пришли в с. Гура-Роша². Сюда же в конце 1814 — начале 1815 гг. с разрешения Министерства финансов переселились 12 семей (111 человек) однодворцев Рыльского у. Курской губ. и 159 крестьян Днепровского у. Таврической губ.³ В сентябре 1814 г. по согласию с бессарабским губернатором И. М. Гардингом в долине буджакских рек Когыльника и Сака поселились 108 одно-

¹ С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. II, ч. I, СПб., 1902, стр. 386—387; Министерство финансов, 1802—1902, ч. I, СПб., 1902, стр. 158—159, 354.

² ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 2, 1822—1828 гг., д. 18, л. 1, 4; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1052, л. 3, 8; оп. 3, д. 30, л. 1—11.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 364, л. 14—34, 104—130.

дворцев и 38 экономических крестьян из разных селений Тамбовской губ. и 25 семей однодворцев Курской губ. — деревни Михайловский Колодезь — получили разрешение поселиться на берегу оз. Китай, где до того проживало несколько семей украинцев¹.

В 1815 г. на урочище Паланка (Бендерский у.) поселились шляхтичи из Тираспольского у. Херсонской губ².

В конце 1823 — начале 1824 гг. с разрешения правительства из Харьковской губ. переселились несколько десятков семей казенных крестьян и основали село Александровку в Аккерманском у.³

Желавших перейти в Бессарабию было много. В казенные палаты ряда губерний — Тамбовской, Екатеринославской, Таврической и других — поступали сотни коллективных прошений о переселении в Бессарабию. Но Министерство финансов в апреле 1818 г. циркулярно предписало казенным палатам: «Доколе земли сей области не будут приведены в надлежащую известность и не последует о переселении туда общего разрешения, воспретить крестьянским обществам давать согласие к переселению в ту область»⁴.

В целом до 1824 г. переселение крестьян в Бессарабию с ведома и разрешения властей носило случайный характер, переселенцы никакого пособия от государства не получали.

В 20-х гг. по стране в ответ на усиление крепостнического гнета прокатилась новая волна крестьянских восстаний и волнений. Одной из мер, принятых царским правительством для их ослабления, была организация переселения крестьян из густонаселенных губерний на окраины страны и, в частности, в Бессарабию.

В 1823 г. в правительственные кругах проходило обсуждение проекта наместника Бессарабской области М. С. Воронцова о заселении Буджака казенными крестьянами из внутренних губерний. 15 февраля 1824 г. проект был утвержден в качестве положения Комитета министров «О водворении в Бессарабской области 20 тысяч казенных крестьян из внутренних губерний»⁵.

Первоначально предполагалось переселить по 5 тыс. крестьян из Черниговской, Полтавской, Орловской и Курской губ., затем (в 1825—1826 гг.), в связи с большой тягой

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. I, д. 364, л. 1—8.

² Там же, л. 78, 118.

³ Там же, д. 1052, л. 1—9; ГАОО, ф. 1, оп. 214, 1832 г., д. 6, л. 43.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1, 1818 г., д. 223, л. 7; д. 458, л. 9; ЦГА МССР, ф. 2, оп. I, д. 364, л. 244—246; д. 863, л. 122, 125; ГАОО, ф. 1, оп. 214, 1824 г., д. 9, л. 165, 177; д. 22, л. 4—40; 1825 г., д. 11, л. 320—321; ф. 3, оп. I, д. II, л. 55.

⁵ ПСЗ, т. XXXIX, № 29849.

крестьян к переходу в Бессарабию, было разрешено переселение из Тамбовской, Рязанской, Тульской, Калужской, Харьковской и Таврической губ¹. Район заселения охватывал земли Аккерманского у., где к декабрю 1825 г. в казенном владении находилось 252 264 дес., Бендерский (около 10 000 дес. свободных земель) и отчасти Измаильский у.²

Условиями переселения предусматривалось: 30-десятинный посемейный надел, трехлетняя льгота по налогам, ре-крутской и постойной повинностям, разрешалось переселение только таким крестьянам, которые располагали достаточным числом рабочего скота и трудоспособных членов семьи (вдовы с малолетними детьми лишались права на переселение), переселяющиеся должны дать подпись, что на новых местах «не будут обременять казну требованиями пособий», ликвидировать накопившиеся податные недоимки по старому месту жительства или заручиться согласием сельских обществ на уплату за них.

В целом условия переселения были невыгодными для крестьян, и лишь тяжелая жизнь в перенаселенных губерниях заставляла их идти в Бессарабию.

Реализация положения Комитета министров встретила большие затруднения из-за бедности крестьян, поэтому в 1826 г. было разрешено переселять и крестьян-недоимщиков с последующим взысканием по истечении льготных лет недоимок уже в Бессарабии, а в 1827 г. Комитет министров вынужден был сделать еще одно отступление от принятых в 1824 г. правил переселения — разрешил выдачу ссуды по 23 руб. 50 коп. асс. на семью для приобретения лесоматериалов, так как прибывавшие партии крестьян не в состоянии были обзавестись жильем³.

В течение 1827—1830 гг. основная масса переселенцев, состоявшая из государственных крестьян и однодворцев, прибывала из Курской, Орловской, Полтавской и Черниговской губ., а также из Таврической, Рязанской и др. губ. Ими были основаны следующие 18 новых селений в Аккерманском у.: Борисовка, Васильевка, Введенское, Вознесенское, Дмитриевка, Ивановка, Николаевка, Павловка, Петровка, Петропавловка, Плахтеевка, Покровка, Сергеевка, Спасское, Семеновка, Успенское, Царичанка и Ярославка. Часть переселенцев осела в существовавших уже селениях.

В 1830 г. указом Сената переселение казенных крестьян было приостановлено в связи с массовым возвращением в

¹ См. Переписку М. С. Воронцова с Министерством финансов.— ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1, 1824—1830 гг., д. 579, л. 37—38; ГАОО, ф. 1, оп. 214, 1825 г., д. 12, л. 71.

² ГАОО, ф. 1, оп. 214, 1825 г., д. 12, л. 32.

³ Там же, л. 96—99.

Бессарабии болгар и гагузов¹. Через два года оно возобновилось, и в течение 1832—1834 гг. крестьяне прибывали из тех же губерний².

Ко второй половине 30-х гг. свободных земель в Буджаке становилось все меньше и меньше: царь «пожаловал» своим сановникам А. Х. Бенкendorфу и Е. Ф. Канкрину по 30 тыс. дес., около 75 тыс. дес. было передано соляному ведомству, до 60 тыс. дес. отошло к болгарским колониям, свыше 10 тыс. дес. — Дунайскому казачьему войску. Поэтому в мае 1835 г. Бессарабская казенная палата доносила: «Свободных земель в Бессарабской области остается уже весьма мало, необходимо приостановить переселение казенных крестьян». В результате этого было предписано казенным палатам малоземельных губерний подыскивать свободные земли в других районах страны³.

В последующие годы массового переселения в Бессарабию уже не наблюдается, новые селения не основываются, но приток крестьян по линии правительственной колонизации полностью не прекращается. Прибывали крестьяне из Калужской и Таврической губ.: в 1835—1838 гг.—несколько десятков семей, в 1840 г.—12 семей, в 1847 г.—577 человек, из Калужской губ. в 1849 г.—5 семей и в 1850 г.—28 семей⁴.

Намечавшееся переселение 20 тыс. казенных крестьян не было доведено до конца. К 1837 г. по официальным сведениям в области числилось 4406 душ мужского пола переселенцев или около 9 тыс. душ обоего пола. Вместе с переселившимися за время 30—40 гг. общее число крестьян, водворившихся на юге области, составляло примерно 10 тыс. человек.

Тяжелые условия, в которых проходило переселение (война с Турцией 1828—1829 гг., эпидемия чумы, засуха начала 30-х гг.), скудное пособие⁵, раздача из казенно-надельного фонда лучших земель помещикам и чиновникам, плохая организация переселенческого дела вообще в России, равнодуш-

¹ ВПСЗ, т. V, № 3775.

² ГАОО, ф. 1, оп. 214, 1832, г., д. 6, л. 176.

³ ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 2, 1833—1835 г., д. 142, л. 152, 156—157.

⁴ Цифровой материал суммирован нами по данным ведомственной переписки, сохранившейся в виде списков, сводок, статистических таблиц, донесений. См. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2169, 2825, 5297; ф. 134, оп. 3, д. 88; ф. 122, оп. 2, д. 44; ЦГИА СССР, ф. 383, 1840 г., д. 3233; 1855 г., д. 23294; ф. 1281, оп. 4, д. 56, 1849 г., л. 46.

⁵ Переселенцам выдавалось пособие на обзаведение хозяйством по 23 р. 50 к. на семью. тогда как крестьянами Аккерманского у. в те годы ввиду безлесья строительный лесоматериал закупался в Оргеевском у., и валькованная крестьянская изба обходилась в 100—150 руб. асс. (См. ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 426, л. 40).

ное, а порой и преступное отношение к судьбе переселенцев со стороны царского чиновничества требовали крайнего напряжения сил новоселов при устройстве в необжитых, бедных внутренними водами степях Буджака. Многие переселенцы не имели возможности сразу хозяйственно освоить отведенную целинную землю и лишь постепенно, к концу 30-х годов, стали расширять посевы, увеличивать поголовье скота. Примером служит с. Плахтеевка Аккерманского у. и с. Михайловка Бендерского у. В фондах областного совета, комиссии, ведавшей устройством переселенцев, и канцелярии губернатора имеются данные об имуществе переселенцев этих сел. Плахтеевка была основана в конце 20-х гг. переселенцами из Украины. К 1837 г. здесь проживала 121 семья. По сведениям об их имуществе выясняется, что у 30 семей не было никакого имущества, другие 30 семей жили в землянках, остальные имели «дома» — плетневые и глинобитные хаты и лишь у незначительного числа семей имелся скот; по данным за 1832 г. было посено 110 семьями 175 четвертей яровых и озимых хлебов. В результате более трети всех хозяйств поставляли батраков «в услужение» (в колониях, у помещиков, у кулаков соседних казенных селений)¹.

В с. Михайловке Бендерского у., основанном тогда же переселенцами из внутренних губерний и «отставными нижними чинами», к 1835 г. из 109 семей более 50 были «бесскотные», а у остальных 59 семей числилось 45 лошадей (из них 35 рабочих), 43 вола, 139 голов «гулевого» рогатого скота, 119 овец и 9 свиней, т. е. они едва сводили концы с концами². Аналогичное положение сложилось в селениях Введенском и Вознесенском³.

Влияли и непривычные природно-климатические условия и календарь полевых работ. Трудно было перестраиваться на переложную систему земледелия; опыт ведения хозяйства во внутренних губерниях, сельскохозяйственные культуры — все это нуждалось также в перестройке, в практическом освоении, осмыслении. Трудности осложнялись бедностью подавляющего большинства переселенцев и режимом феодального гната.

Более обеспеченными скотом и прежде всего тягловой силой являлись переселенцы из Таврической губ. Так, из 55 семей переселенцев (с. Голое и Збурьевка) 11 прибыли на одной конной или валовой подводе, 8 семей имели по 4—5 пароволовых подвод и по 10 и более коров и лошадей.

¹ ЦГА МССР, ф. 3, д. 711, л. 81—86; ф. 454, оп. 1, д. 12, л. 164—166.

² Там же, ф. 2, оп. 3, д. 26, л. 5—6, 47—52.

³ Там же, л. 76—80.

Остальные располагали 2—3 парами волов. Безусловно, для большинства этих переселенцев обзаведение хозяйством не представляло больших затруднений¹.

Одновременно с переселением крестьян из внутренних губерний в 20-х гг. проводилась военная колонизация Буджака: поселение в Аккерманском и Бендерском уездах потомков запорожских казаков, возвращавшихся в Россию из-за Дуная (в 1820 и 1827 гг. ими основаны два селения — Акмангит и Староказачье), волонтеров-добровольцев из балканских народов, воевавших на стороне России в войне 1806—1812 гг. (в 1827 г. 144 семьи основали с. Волонтировку), отставных солдат — с 1824 по 1827 гг. свыше 200 семей из них были поселены в Михайловке, Николаевке, Константиновке и Ново-Троицком. Все они — казаки, волонтеры и отставные «нижние чины» — были государственными крестьянами с 30-десятинным наделом до передачи в Дунайское казачье войско запорожцев и волонтеров в 1828 г., а отставных солдат в 1836 г.²

Безусловно, военно-колонизационный поток не был решающим в заселении Буджака. Он уступал народной колонизации, переселению государственных крестьян и колонистов. Военная колонизация преследовала цели и оборонительные и колонизационно-хозяйственные (освоение края).

К 30-м гг. территория Буджака становится более населенной. Производительные силы этой части области благодаря колонизации двигались вперед, экономика становилась более развитой; создались реальные условия для прочного хозяйственного освоения необжитых степей. Большую роль в этом процессе играли государственные крестьяне, жившие в 80 селениях и пользовавшиеся земельными массивами в 350 тыс. дес.

В состав государственных крестьян области влились большие массы беглых из внутренних губерний страны, из-за границы и центральных и северных уездов самой области³.

Глубокий кризис всей феодально-крепостнической системы в стране, сопровождавшийся усилением эксплуатации и массовым разорением крестьян, толкал их на бегство как

¹ Сохранились списки переселенцев с перечнем имущества каждой семьи. — ЦГА МССР, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 17—24.

² В архивных фондах ЦГА МССР, ГАОО, ЦГИА СССР сохранилось много документов о численности военных поселенцев, времени основания ими названных селений, тяжелых условиях, в которых они обживали новые места, о переводе их в разряд казаков. Цифровые данные также нами выведены по архивным источникам (суммированы списки поселившихся).

³ Конечно, нельзя считать, что беглые шли только в казенные деревни; они оседали также в городах и помещичьих имениях. См. ЦГА МССР, ф. 3, оп. 4, д. 164, л. 1—28; ф. 88, оп. 1, д. 1024, л. 11—20.

средство избавления от непосредственного помещичье-чиновничьего гнета, рекрутчины, преследования церкви и т. п. Тяга крестьян к воле влекла их в отдаленные районы, в том числе и в Бессарабию. Освобождение бессарабского населения от рекрутской повинности, наличие большого колонизационного земельного фонда на юге области, благоприятные природные условия для занятия земледелием и животноводством — все это привлекало сюда крестьян, а отчасти и ремесленников из русских и украинских губерний.

Крестьяне внутренних губерний смотрели на Бессарабию как на благодатный край свободы, идеализировали ее, считали, что уход в Бессарабию обязательно принесет им «освобождение» от помещичьего владения.

III отделение с. е. в. канцелярии вынуждено было констатировать, что эта надежда крестьян вызывала «большие побеги» из многих губерний страны¹.

Несмотря на применение царским правительством чрезвычайных мер борьбы с бегством крестьян на окраины страны, оно было массовым и беспрерывным.

Уже в годы русско-турецкой войны 1806—1812 гг. шло интенсивное заселение беглыми южных уездов Бессарабии: они вливались в издавна существовавшие селения или вместе с самовольно переселившимися царанами основывали новые хутора и деревни на месте опустевших татарских поселений. Подавляющее большинство беглых в те годы приходило из соседних Херсонской и Подольской губ., являвшихся местами временного пребывания беглых из более отдаленных губерний на их пути в Бессарабию.

В 1808 г. возникла переписка о 217 семьях беглых, осевших на казенных землях Буджака². В 1811 г. 145 семей беглых крестьян из Херсонской губ. (главным образом из приднестровских селений) осели также в казенных селениях Бессарабии³. В 1808—1811 гг. от рекрутских наборов и ревизий из Подольской губ. ушли более 160 крестьян и частью поселились в Кислице, Талмазах, Галиештах, Гасанаспаге и др., из Херсонской губ. бежали 460 крестьян также в Буджак⁴.

Со всех концов страны и из-за Прута и Дуная стекались в Бессарабию староверы, скрываясь от преследований офици-

¹ Центрархив. Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. I, М., 1931, стр. 13—14, 92.

² В будущих селениях государственных крестьян Ермоклин, Роше, Каушанах, Капланах, Неруша, Фештелище и др.— ЦГА МССР, ф. 1, оп. I, д. II, л. 18—35, 128—129.

³ Подсчитано по спискам беглых. См. ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 2045, л. 185—190; д. 2306, л. 379—400.

⁴ В документах сохранились списки беглых.— ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 886, л. 3, 10, 25, 33, 35; д. 1141, л. 1, 3, 4; д. 2306, л. 519.

альной церкви. На бывших татарских селищах вырастают ста- роверческие казенные селения: Вилков с хуторами (в 1808 г.— 170 семей), Жебрияны, Чичма. Кроме того, староверы сели- лись в предместьях Измаила—Тучкове, Старой Некрасовке, Новой Некрасовке, Кугурлуе¹.

С присоединением Бессарабии к России приток беглых еще более усиливается, область стала объектом народной (кресть- янской по преимуществу) колонизации.

Разруха в стране, вызванная нашествием наполеоновских войск, усиление аракчеевской реакции, углубление процесса разложения феодально-крестьянской системы, разочарование крепостных крестьян в их надеждах на освобождение после изгнания Наполеона из России обострили классовые противо- речия в деревне. Крестьяне в еще больших массах бегут на окраины. Пути проникновения беглых в Бессарабию были раз- нообразные: тайный переход Днестра, приход на заработки, беглые примыкают к партиям переселенцев и др. Оседали они преимущественно на казенных землях и в городах, нередко за- писывались на места умерших². Безусловно, приток беглых сказался на росте населения казенных деревень. Только за первые десять лет после присоединения Бессарабии к России численность крестьян во многих из них возросла в несколько раз, как это видно из следующих показателей³.

	в 1812 г.	в 1822 г.
Гаджикурда	— 12 семей	93 семей
Ганкишла	— 23 »	91 »
Гура-Роша	— 14 »	93 »
Жебрияны	— 19 »	80 »
Каплан	— 38 »	116 »
Каушаны	— 24 »	165 »
Кислица	— 25 »	78 »
Китай	— 14 »	53 »
Нерушай	— 7 »	47 »
Паланка	— 8 »	55 »
Саклауца	— 67 »	158 »
Танатары	— 9 »	48 »
Тараклия	— 25 »	129 »
Токуз	— 30 »	105 г
Фарладаны	— 16 »	67 »
Ченак	— 46 »	109 »
Чимишлия	— 63 »	219 »

¹ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 214, л. 79—101; С. А. Тучков. Записка о Бессарабии.— ЦГВИА, ВУА, д. 18575, л. 4, 15; А. А. Скальковский. Некрасовцы, живущие в Бессарабии.— ЖМВД, 1844, ч. 7, стр. 69—82.

² Фактический материал содержится в ЦГА МССР, ф. 6, оп. 2, д. 1375, л. 1—18; д. 1369, л. 1—47; ЦГИА УССР, ф. 188 с/1252, оп. 1, д. 130, л. 3.

³ Таблица составлена по материалам статистических сводок о селе- ниях Буджака, сохранившихся в областных учреждениях. См. ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 3498, л. 18—23; ф. 5, оп. 3, д. 747, л. 182—186.

В последующие десятилетия приток не прекращался.

О количестве осевших беглых крестьян в казенных селениях говорит секретное донесение Бессарабской палаты государственных имуществ министру государственных имуществ П. Д. Киселеву (сентябрь 1843 г.): «Аккерманский уезд при обширности своей почти весь заселен бродягами, людьми..., бежавшими из внутренних и большей частью смежных губерний»¹.

Беглые пользовались широкой поддержкой со стороны местного населения, «пристанодержательство» было распространенным явлением в области². Поэтому даже такому ярому царскому сатрапу, каким являлся бессарабский военный губернатор П. И. Федоров, который за 20 лет своего правления выслал из области 48 тысяч беглых³, не удалось ни прекратить приток и оседание беглых, ни искоренить «пристанодержательство». Поддержка населения привела к тому, что тысячи беглых крестьян, укрывшихся в Бессарабии, оказались «непротысканными». Не случайно апологеты дворянства называли предоставление убежища беглым «язвой, укорененной в крае веками»⁴.

Политика царского правительства в отношении беглых в Бессарабии была противоречивой: с одной стороны, предписывалось карательными мерами пресекать укрывательство их в области, а самих беглых высылать «на прежние места жительства» или сдавать в рекруты, высылать в Сибирь, в арестантские роты и т. п., с другой стороны, не разрешалось трогать их, если «прочно осели» в селениях — обзавелись хозяйствами и семьями. Пограничное положение области, необходимость быстрого заселения края и боязнь народных волнений заставляли его ущемлять отдельных помещиков в интересах всего господствующего класса; применение репрессивных мер вызывало переход беглых за Дунай, в Добруджу, а это было невыгодно царскому правительству — производило неблагоприятное впечатление на население Балкан⁵. Аналогичную политику оно проводило и в губерниях бывшего Новороссийского края⁶.

¹ ЦГИА СССР, ф. 383, 1843 г., д. 4992, л. 167.

² ЖМВД, 1839, кн. I, стр. 59.

³ Н. В. Лашков. Бессарабия. К столетию присоединения к России, 1812—1912 гг.: Кишинев, 1912, стр. 57.

⁴ Ф. Захаринич. Опыт юридической статистики в Новороссийском крае.— ЖМВД, 1852, № 2, стр. 251—252.

⁵ Лопуслеску. Русские колонии в Добрудже.—«Киевская старина», т. XXIV, 1889, стр. 122—153; П. И. Долгоруков. 35-й год моей жизни.— Звенья, т. IX, М., 1951, стр. 68, 71, 81, 98.

⁶ С. Я. Боровой. О некоторых особенностях аграрного строя Степной Украины в предреформенный период.—«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1862 г.», Минск, 1964, стр. 374—376.

Так на протяжении всего рассматриваемого периода, от указа до указа, фактически часть беглых закреплялась на местах проживания. Законы, в силу которых за ними признавалось право на приписку к казенным селениям, были изданы в 1816, 1817, 1820, 1827, 1828, 1839, 1840, 1842, 1853, 1854, 1858 и 1860 гг.¹

По переписям 1817 и 1824 гг. беглые включены в списки селений. В 1835 г., во время 8-й ревизии, выявилось в казенных селениях еще свыше 500 семей беглых, расселившихся главным образом в Измаильском градоначальстве². Часть из них внесли в списки во время ревизии, 358 семей вошли в состав государственных крестьян по указу Сената от 23 апреля 1840 г.; некоторые позже уплатили выкуп помещикам и оставались в казенных селениях — в с. Дракуле, Карамахмете, Павловке и др. В 1845 г. 29 семей и 9 бурлаков включены в состав государственных крестьян селений Кислица, Гаджикурда, Карамахмет³.

Между 8 и 9 ревизиями наибольший приток беглых приходится на 40-е гг.⁴ Объясняется это отчасти распространившимися в 1840—1841 гг. слухами о разрешении переселения в Новороссию и Бессарабию. Как отмечает И. А. Гуржий, под влиянием этих слухов в Бессарабию бежали крестьяне из украинских и даже из Петербургской и Могилевской губерний⁵. Во второй половине 40-х гг. усилившимися побеги крестьян вызывались стремлением попасть в списки бессарабских жителей по новой ревизии.

Девятая ревизия выявила во многих селениях сотни «безгласно проживавших» крестьян. 130 семей в 1854 г. включены в разряд государственных крестьян по специальному указу

¹ ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, 1816, г., д. 2, л. 20; ф. 383, д. 19389; л. 1, 11; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 661, л. 1—2; д. 986, л. 17—18; д. 2774, л. 83—85; д. 3470, л. 29; д. 3821, л. 199; ф. 6, оп. 1, д. 802, л. 740—743; д. 811, л. 861—862; оп. 3, д. 211, л. 1—42; д. 371, л. 409, 461; ПСЗ, т. XXXIV, № 27122; ВПСЗ, т. III, № 2237; С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. II., ч. I, СПб., 1902, стр. 226—227.

² Подсчет произведен по архивным документам. — ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 46; оп. 2, д. 14, 19, 93; ф. 2, оп. 1, д. 1635, 2167, 2353, 2546, 5136; ф. 134, оп. 3, д. 40.

³ Данные палаты государственных имуществ. — ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 14, л. 1—2.

⁴ В связи с этим следует отметить несостоятельность утверждения В. И. Семенова-Тяншанского, будто сюда с 1835 г., т. е. после 8-й ревизии, «наплыв беглых прекратился». См. В. П. Семенов-Тяншанский. Россия, т. XIV. Новороссия и Крым, СПб., 1920, стр. 183.

⁵ И. А. Гуржий. Борьба крестьян и рабочих Украины против феодально-крепостнического гната (с 80-х годов XVIII в. до 1861 г.), Киев, 1958, стр. 79 (на украинском языке).

Сената, другие остались на фамилиях умерших, в том числе в Нерушае — 48, Татарбунарах — 20, Шаганах — 13 и т. д.¹

В 50-х гг. беглые также устремлялись в Бессарабию, но размах бегства был значительно ограничен чрезвычайными мерами, военным положением, введенным в области в связи с Крымской войной. А после войны оседание их в казенных селениях затруднялось сокращением фонда надельных земель, так что по десятой ревизии обнаружены лишь десятки семей, зашедших туда после 1850 г.²

Таким образом, бегство крестьян в Бессарабию было беспрерывным на протяжении всего исследуемого периода, и царское правительство было бессильно остановить его. Оно свидетельствовало о глубоком кризисе всей феодально-крепостнической системы в стране и сыграло большую роль в хозяйственном освоении казенного земельного фонда области.

Беглые из-за рубежа, как правило, властями назад не выдавались, поступали в казенные ведомства и расселялись в городах и казенных селах. Сколько-нибудь значительныхселений не было, обычно приписывались единицами; исключение составляет причисление 22 семей «молдавских выходцев» в 1835 г. по с. Тицканы Хотинского у.³

Особой группой в разряде государственных крестьян, оформленной юридически в 1840 г., являлись «царане на казенной земле». Это беглые царапе, осевшие в казенных селениях южных округов. Основная масса самовольно переселившихся царапе шла из центральных и северных уездов области — Кишиневского, Оргеевского, Сорокского, Яссского (Бельцкого) и Хотинского.

С целью избавления от помещичье-монастырского гната тысячи семей царапе тайно уходили в Буджак. Их бегство свидетельствовало о наличии глубоких классовых противоречий в бессарабской боярской вотчине, являлось массовым протестом против существующего режима кабалы и бесправия.

Центральные и местные власти вели непоследовательную политику в отношении беглых царапе. С одной стороны, отражая интересы местного боярства — социальной опоры царизма в области, — запрещали переселение царапе на казенные земли, выселяли из казенных селений, путем введения в действие специальных «Положений», «Нормального контракта» и т. п. стремились привязать их к помещичьим имениям; с

¹ Сведения о них содержатся в ЦГА МССР, ф. 6, оп. 3, д. 371, л. 237; ф. 122, оп. 2, д. 20, 23, 24, 34, 41, 42, 73, 111; ф. 2, оп. 1, д. 5455.

² См. ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 40, 50, 70, 73, 74, 84, 86, 87, 91, 140, 143.

³ О фактах оседания выходцев из-за границы см. ЦГА МССР, ф. 5, оп. 3, д. 474, л. 1—7; д. 276, л. 1—6; д. 282, л. 1—15.

другой стороны, им приходилось считаться с фактом оседания царан на казенных землях, причислять к обществам государственных крестьян или разрабатывать для них особое правовое положение. Когда же социальные конфликты между помещиками и царанами доходили до открытых выступлений, грозивших перерасти в волнения, правительственные администрации после длительной переписки официально разрешили их переселение на казенные земли. Но случаи эти были немногочисленны. В 1823 г. в Бендерском у. с разрешения казенно-экономической экспедиции переселились 24 семьи царан из с. Леонтьево (помещика Пансет) в казенную деревню Диолково¹. Тогда же получили разрешение на переход в казенные селения и отдельные царане других помещичьих имений². В 1828 г. в результате волнения царан с. Ваду-луй-Воды Оргеевского у. (имение помещика К. Сикардо) переселены 113 семей на пустующий участок в Аккерманском у. — основано новое казенное село Молдавка³; в 1829 г. разрешено переселение 27 семей царан из с. Перерытая в казенное селение Тицканы Хотинского уезда⁴. В 1830 г. было основано казенное село Райлянка в Аккерманском у. переселившимися царанами из с. Корлыково Хотинского у. в числе 119 семей⁵. В 1832 г. в Хотинском у. возникла д. Куневка (Коновка) из 36 семей царан, поселенных здесь арендатором Галузиным — в 1837 г. оно перешло в казенное ведомство⁶. В 1833 г. после длительной борьбы царан с. Бахмут Ясского у. против местного помещика областные власти разрешили 72 семьям переселиться на казенные земли в Михайловку, Селемет и Чимишлию Бендерского у.⁷

В конце 20-х — начале 30-х гг. 110 семей и несколько десятков бурлаков, получивших «увольнительные свидетельства» от царанских обществ, были приняты в казенные селения Бендерского округа⁸.

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 3, д. 26, л. 56, ф. 3, оп. 4, д. 218, л. 3, 10—11.

² Там же, ф. 3, оп. 4, д. 171, л. 196—215.

³ Сохранились документы, по которым можно проследить борьбу царан и переселение их в Аккерманский у. — ЦГА МССР, ф. 134, оп. 1, д. 1; ф. 6; оп. 2, д. 224, л. 1—8; ф. 454, оп. 1, д. 4.

⁴ Переписка по этому вопросу сохранилась в ГАОО, ф. 1, оп. 214, 1829 г., д. 20, л. 101—106.

⁵ Подробности об этом см. в ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1498, л. 130; ф. 454, оп. 1, д. 15; ф. 88, оп. 1, д. 802, л. 8—25; А. Э. Штанге. Историческая записка о крестьянской реформе в Бессарабской губернии. Кишинев, 1911, стр. 8.

⁶ История возникновения этого селения зафиксирована в архивных документах. См. ЦГА МССР, ф. 6, оп. 2, 1837 г., д. 1057, л. 1—3; ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 2, 1830 г., д. 94, л. 63—71.

⁷ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1754, л. 2, 4, 68, 75, 85; ф. 134, оп. 1, д. 68, л. 900—901.

⁸ Подсчитано нами по документам ЦГА МССР, ф. 6, оп. 2, д. 1118.

Дозволенное властями переселение ни в коей мере не удовлетворяло всех царан, желающих перейти на казенные земли. Основная их масса проникала туда тайно, расселяясь по волостям государственных крестьян. Заселение таким путем Буджака проходило еще в годы до присоединения области к России и продолжалось в последующие десятилетия — до издания и реализации «Положения о царанах 1834 г.». Оно облегчалось ослаблением полицейского надзора на селе, отсутствием у правительства точных данных о народонаселении и земельном фонде Буджака¹.

При проведении переписей 1817 и 1824 гг. царане были внесены в списки крестьян по казенным селениям.

Стихийное заселение казенных земель царанами имело место и в Хотинском у. Например, в первые годы после присоединения Бессарабии к России таким путем возникло казенное селение Медвежа².

По настойчивым требованиям бессарабских помещиков «Положением о царанах 1834 г.», § 11 категорически запрещено было переселение царан на казенные земли, усилены карательные меры в отношении самовольно переселившихся³. Бегство их после этого, конечно, не прекратилось, но не носило уже такого массового характера.

Восьмая ревизия выявила 241 семью царан в Каушанах, Введенском, Вознесенском, Ярославке, Фарладанах и 89 семей в селениях Олонештской волости, зашедших после 1824 г. (главным образом в неурожайные 1831—1833 гг.)⁴. Большинство из них оказалось занесенным по двум спискам — в помещичьих имениях, как временно отсутствующие, и в казенных селениях, согласно правилам ревизии⁵. А это повлекло за собой двойное обложение, рост недоимок. Кроме того, земские полиции, исполняя распоряжения о преследовании беглых, сгоняли таких крестьян с обжитых мест в казенных селениях, заставляли вернуться к помещикам. Масса жалоб направлялась такими царанами в различные административные учреждения, представителю V отделения с. е. в. канцелярии чиновнику Тихому, в Подготовительную комиссию по приему государственных имуществ.

¹ Я. С. Гросул. Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.), Кишинев, 1956, стр. 268; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 240, л. 27; ф. 5, оп. 2, д. 143, л. 66—87, 111; Кишиневские епархиальные ведомости, 1872, № 22, стр. 825; 1874, № 5, стр. 191; 1877, № 2, стр. 51; № 3, стр. 105.

² О ее истории сохранились документы в фонде Бессарабской губернской межевой конторы. ЦГАДА, ф. 1299, оп. 1, д. 495.—О приведении в известность границ вотчины Медвежи. 1822—1869 гг.

³ ЦГА МССР, ф. 134, оп. 1, д. 35, л. 131—136.

⁴ Переписку о них см. в ЦГИА СССР, ф. 383, 1859 г., д. 1801, л. 1—36; ЦГА МССР, ф. 134, оп. 3, д. 48, л. 8—16; ф. 122, оп. 2, д. 25, л. 29—42.

⁵ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2774, л. 96.

Выселить царан к помещикам местные власти формального права не имели, так как они зашли в казенные селения до 1834 г. и, следовательно, не вступили в договорные отношения по «Положению о царанах 1834 г.». К тому же репрессивные действия могли обострить классовую борьбу в деревне. Поэтому V отделение с. е. в. канцелярии в начале 1839 г. запросило от новороссийского и бессарабского генерал-губернатора «предположения»: «Кто из них должен быть выслан и кто оставлен¹». Когда соответствующие сведения собрали и представили в МГИ, решено было не выселять их с казенных земель. П. Д. Киселев писал в декабре 1839 г. М. С. Воронцову, что хотя по существующим законам воспрещено водворять царан на казенных землях, но принимая во внимание что указанные в ведомости палаты государственных имуществ 867 царан перешли в казенные селения до издания «Положения о царанах 1834 г.», большей частью обзавелись там домами, фруктовыми и виноградными садами и другими «хозяйственными заведениями», а высылка разорит их, целесообразнее оставить всех в казенных селениях на особом положении². Вскоре это «особое положение» было юридически оформлено.

По проекту Министерства государственных имуществ Комитет министров принял 23 апреля 1840 г. закон «О царанах, водворившихся на казенных землях Бессарабской области». Согласно закону, все царане, зашедшие в казенные селения до 24 января 1934 г., подлежали наравне с государственными крестьянами приписке по месту жительства, наделению землей, обложению оброком, земскими сборами и подчинению сельским властям. Представлялось право перехода с казенных земель на владельческие и собственные с правом распоряжения своим имуществом при условии заблаговременного предупреждения местных властей об уходе и уплаты за весь текущий год налогов. В то же время учреждения МГИ могли в любое время выселить их с казенных земель, если бы оказались «неисправными плательщиками оброка» (их имущество подлежало распродаже для погашения недоимок) и «за худое поведение». Наконец, их не обязывали участвовать в создании общественного продовольственного запаса и капитала и вносить страховой сбор, но и лишали права на получение хлебных ссуд и пособия в случае пожара³.

Закон рассматривал «царан на казенной земле» как временно приписанную к селениям государственных крестьян

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3028, л. 1.

² Там же, л. 10—11.

³ ВПСЗ, т. XV, № 13411; ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. IV, 1853 г., д. 59, л. 24.

группу, хотя они, как все государственные крестьяне, подлежали наделу землей, за которую несли денежные и натуральные повинности, подчинялись управлению ведомств государственных имуществ. МГИ усматривало в этом законе средство «предупредить не только причисление царан к сословию государственных крестьян, но даже вовлечение их в казенных селениях»; разрешалось «только оставлять на занятых ими казенных землях», а не причислять к разряду государственных крестьян¹. В связи с этим обнаруживается несостоятельность точки зрения А. Э. Штанге, будто «по закону 25 апреля 1840 г. царанам предоставлено право вовлекаться и на казенных землях на одинаковых с государственными крестьянами основаниях»².

Но царане не хотели уходить с казенных земель; перенося лишения и разорение, они упорно добивались включения в состав государственных крестьян, и царские власти вынуждены были с этим считаться. По 9-й ревизии и после нее по распоряжению МГИ многие царане были включены в разряд государственных крестьян в Царичанке, Ивановке, Гура-Челегидере, Введенском, Вознесенском, Ярославке и др. селах³.

Дольше всего (до реформы 1869 г.) «царане на казенной земле» существовали как особая группа крестьян в селениях Каушанской волости Бендерского округа.

К числу отдельных небольших групп, временно входивших в состав государственных крестьян, относились коронные (казенные) цыгане. Вместе со старожилыми крестьянами они послужили основой формировавшегося разряда государственных крестьян Бессарабии; до присоединения Бессарабии к России были господарскими цыганами в Молдавском княжестве⁴.

По данным губернаторской канцелярии, в 1813 г. в области находилась 221 семья коронных цыган. Затем к 1839 г. численность их возрастает до 1135 семей⁵. Это обусловлено было, в первую очередь, постоянным притоком беглых цыган из-за Прута, которые по распоряжениям властей «обращались в собственность казны⁶», естественным приростом, переходом

¹ ЦГИА СССР, ф. 383, 1852 г., д. 18101, л. 40.

² А. Э. Штанге. Историческая записка о крестьянской реформе в Бессарабской губернии, Кишинев, 1911, стр. 17.

³ Сохранилась большая межведомственная переписка о них. — ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 25, л. 42; ф. 2, оп. 1, д. 2360, л. 119—120; ГАОО, ф. 1, оп. 215, 1835 г., д. 14, л. 29—30; ЦГИА СССР, ф. 383, 1852 г., д. 18101, л. 6—9.

⁴ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 2208, л. 1—9.

⁵ Подсчет произведен по архивным документам. См. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 65, л. 56; ф. 122, оп. 1, д. 4, л. 344.

⁶ Факты зачисления беглых цыган в состав коронных отражены в многочисленных документах. См. ЦГА МССР, ф. 123, оп. 1, д. 2, 12—16, 19, 22, 28, 29, 53, 64, 74, 78, 108.

цыган в Бессарабию из внутренних губерний, включением в группу коронных цыган, освобожденных по суду и отпущеных на волю помещиками крепостных цыган внутри области¹. Расселялись коронные цыгане по всей территории области. В зависимости от образа жизни и занятий в них различали три подгруппы: лингураров — «ложкарей», занимавшихся большей частью деревообделочным ремеслом, урсаров — «медвежатников» и лаешей, специализировавшихся преимущественно на кузнечном ремесле. Первые из них сосредотачивались главным образом в лесах Оргеевского и Кишиневского уездов; урсары и лаеши вели кочевой образ жизни и находились во всех уездах области².

Управляло ими специально созданное учреждение — Контора коронных цыган. В фискальном отношении также были обособлены от остальных групп, входивших в состав государственных крестьян: платили единый посемейный налог — «поголовщину» в размере 10 руб. асс. с семьи и несли некоторые натуральные повинности по обслуживанию аппарата управления³.

На всем протяжении существования коронных цыган как составной части государственных крестьян царские власти добивались «водворения» их на казенных землях. В итоге всех мероприятий, проводимых в этом направлении, в 1831 г. часть из них была поселена в Аккерманском у. — в с. Фараоновке 164 семьи и с. Каире 170 семей⁴.

Попав в сложные условия — засуха 1831—1833 гг., незначительное пособие на обзаведение хозяйством, отсутствие производственных навыков в занятиях сельским хозяйством, издевательское отношение чиновников, назначенных «содействовать» им в устройстве на необжитых землях, — они очень медленно осваивались с непривычным образом жизни. В 1839 г. в Фараоновке насчитывалось 62 вола, 302 головы другого рогатого скота, 66 свиней, в Каире — 10 лошадей, 49 волов, 209 голов рогатого скота и 27 свиней⁵.

В течение 1832—1833 гг. проводилась подготовка к поселению оставшихся неоседлых цыган (более 800 семей) в Аккерманском у.; с этой целью было выделено свыше 11 тыс.

¹ Фактические материалы смотрите в ЦГА МССР, ф. 123, оп. 1, д. 27, 80, 81, 106; ф. 2, оп. 1, д. 2774, л. 120—122, 125.

² См. статистическую справку о них Казенной палаты.— ЦГА МССР, ф. 134, оп. 3, д. 4, л. 1—3; ГАОО, ф. 1, оп. 215, 1825, г., д. 21, л. 30.

³ См. документальные материалы Конторы коронных цыган.— ЦГА МССР, ф. 123, оп. 1, д. 24, л. 119—121; д. 46, л. 2—4; д. 157, л. 1—4.

⁴ ГАОО, ф. 1, оп. 214, 1826, г., д. 3, л. 36.

⁵ А. Егунов. О цыганах Бессарабии.— Записки Бессарабского областного статистического комитета, т. I, Кишинев, 1864, стр. 116.

дес. земли¹. Но эти мероприятия совпали с проводившимся тогда увеличением котингента Дунайского казачьего войска и соответственно — расширением его земельного фонда. По договоренности военных ведомств и МГИ в 1838 г. решено было и цыган (оседлых и кочующих) вместе с их землями передать в распоряжение войского управления. Мотивировка была наспех придуманная: цыгане «по природной склонности к лошадям и ныне суть лучшие коновальы и кузнецы», поэтому могут быть хорошим пополнением в казачье войско. В действительности МГИ стремилась избавиться от этого «беспокойного народа» (волнения непоселенных цыган в арендуемых управляющим Конторой коронных цыган Серафиами вотчинах в Оргеевском у., отказ от поселения, бегство из Фараоновки и Каира и т. д.) и уйти от ответственности и забот, связанных с поселением кочующих цыган.

По «высочайшему повелению» 29 мая 1839 г. все казенные цыгане были причислены к Дунайскому казачьему войску — 306 семей в Фараоновке и Каире и 829 семей непоселенных цыган².

В казенных селениях оставалась незначительная часть цыган, живших там издавна; они влились в общую массу сельского населения.

Небольшую группу в разряде государственных крестьян составляли мазылы и рупташи, проживавшие на казенной земле. В 20-х гг. их насчитывалось 65—70 семей, а накануне реформы 1869 г.—20 семей. Проживали главным образом в Бендерском округе³.

Несмотря на свою малочисленность, мазылы и рупташи вплоть до 1869 г. сохраняли особое положение в составе государственных крестьян.

Мазылы большей частью являлись потомками служилых людей, рупташи — потомки среднего и высшего духовенства, «протоиерейские и пресвитерские дети», не приобретшие духовного сана⁴. Их особое положение было зафиксировано в «Уставе образования Бессарабской области» (1818 г.), «Учреждении для управления Бессарабской областью» (1828 г.), положении Государственного совета от 10 февраля 1847 г. «О

¹ Переписку о них см. в ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2333, л. 102—106, д. 2989, л. 2—17; ф. 134, оп. 1, д. 114, л. 304—307; д. 49, л. 38; оп. 3, д. 4, л. 1104—1108; ф. 122, оп. 1, д. 110.

² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2840, л. 30—47; ЦГИА СССР, ф. 379, 1835, г., 1597; ф. 383, 1845, г., д. 7063, л. 3—8.

³ Сведения взяты из делопроизводственной переписки областных учреждений. См. ЦГА МССР, ф. 134, оп. 1, д. 1, л. 263; ф. 122, оп. 1, д. 441, л. 3—5; ф. 6, оп. 2, д. 1188.

⁴ Я. С. Гросу. Указ. соч., стр. 57—58; ЖМВД, 1843, ч. III, стр. 57—58.

правах бессарабских жителей»¹ и ряде дополнительных разъяснений правительственные органов. В 1847 г. их уравняли в правах с однодворцами центральных губерний и с тех пор официально называли бессарабскими однодворцами.

Мазылы и рупташи являлись привилегированной группой в разряде государственных крестьян: платили твердо установленный государственный налог — даждию, — несколько меньший по размерам, чем подать (бир) с остальных крестьян, вносили даждию лично в уездное казначейство, т. е. на них не распространялась раскладка в общине; в период действия откупной системы облагались меньшей по размеру десятиной с пчел и свиней; в отправлении натуральных земских повинностей также были выделены из общей крестьянской массы — законами предписывалось, чтобы они «преимущественно употребляемыми были для разных, званию их приличных поручений»: «для препровождения войск и казенных транспортов, равно для других важнейших занятий, к исполнению коих требуется особая расторопность» (главным образом для экзекуций). Наказаниям могли подвергаться только по судебному приговору с утверждения областного (верховного) совета и губернатора; приговоры о них областного уголовного суда предоставлялись на ревизию в Сенат. Если в округе насчитывалось 100—150 семей мазылов и рупташей, имели право избирать на трехлетний срок своего старшину — капитана мазылов. Пользовались правом свободного перехода в города, на помещичьи земли и т. д. Дети их по закону 1847 г. могли поступать на военную и гражданскую службу на тех же основаниях, что и дети однодворцев внутренних губерний².

В 1820—1830 гг. при Областном совете действовала особая временная комиссия для рассмотрения прав и документов привилегированных сословий³. Этой комиссией и были утверждены в правах мазылов и рупташей названные 65—70 семей, остальные 68 семей, претендовавшие на мазыльские сословные права, лишены привилегий⁴. А те из них, кто не захотел перейти на положение рядовых крестьян, перечислялись в города: в 1843 г., например, из с. Садаклии перешли в разряд кишиневских мещан 48 мазылов⁵.

¹ Тексты законов содержатся в ВПСЗ, т. III, № 1834; ЦГА МССР, ф. 134, оп. 3, д. 71, л. 74—77.

² См. текст закона и разъяснений к нему.— ЦГА МССР, ф. 134, оп. 3, д. 71, л. 74—75; ф. 2, оп. 1, д. 661, л. 37; д. 581, л. 31; ГАОО, ф. 1, оп. 215, 1846 г., д. 22, л. 56.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1852, л. 3—6, 10—14, 22—24; ГАОО, ф. 1, оп. 215, 1846 г., д. 22.

⁴ В селениях Паланке, Талмазах, Ташлыке, Нерушае, Копчаке и др. См. ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 33, л. 36—39; ф. 3, оп. 3, д. 480, 481, 780, 785, 786, 792, 2121—2124, 2190, 2268, 2917.

⁵ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 83, л. 47—49.

Привилегированное положение однодворцев способствовало выделению их в зажиточную верхушку селений. Из них рекрутировались выборные должности в сельских и волостных правлениях, они арендовали оброчные статьи и забирали лучшие общинные угодия, вели крупные хозяйства, промышляли скототорговлей, откупали повинности («имели у себя более пожитков и скотоводства», как писали в одной жалобе крестьяне), в целом являлись эксплуататорами трудовой крестьянской массы. Отсюда острое недовольство последних однодворцами, постоянные конфликты¹. Один из дореволюционных авторов писал об этой привилегированной сельской прослойке: «...Однодворцы Бессарабии, эти потомки бояр и служилых людей, составляют в деревнях наших наиболее консервативный, спокойный и сильный элемент. Они всегда собственники»².

В первые два десятилетия после 1812 г. в Бессарабию переселилось несколько сот шляхтичей из Подольской, Волынской, Киевской и Херсонской губерний. Часть из них осела в городах и образовала там свои общества³, часть расселилась в Буджаке, другие разошлись по помещичьим имениям в качестве управляющих, посессоров и т. п. Они стремились обособиться от «простого сословия жителей», добивались предоставления земель для компактного поселения на особом положении⁴.

По предписанию М. С. Воронцова, с ноября 1825 г. бессарабское дворянское собрание занималось проверкой документов шляхтичей. В подавляющем большинстве их «дворянское достоинство» объявлялось недоказанным⁵.

В дальнейшем на основании ряда царских законов — указов, определений и положений от 19 октября 1831 г., 1 декабря 1831 г., 4 августа 1837 г., 28 апреля 1847 г., 18 августа 1850 г. и др. шляхтичи как «не доказавшие в установленное время прав своих на дворянское звание» перечислялись в государственные крестьяне⁶. Так, например, поступили с поселившимися 11 семьями шляхтичей в с. Михайловке и несколь-

¹ Г. Г. Горе. Историческая записка об однодворцах, стр. 24.

² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1362; А. О. Корнилович. Указ. соч., стр. 23.

³ Смотрите переписку по этому вопросу.— ГАОО, ф. 1, оп. 214, 1825 г., д. 17, л. 7—14; ЦГА МССР, ф. 5, оп. 2, д. 218, л. 206.

⁴ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1050, л. 7, 8, 10; д. 1354; ф. 3, оп. 1, д. 1016, л. 8.

⁵ Конкретные материалы о деятельности этой комиссии смотрите в ГАОО, ф. 1, оп. 214, 1825 г., д. 17, л. 18—20; ЦГА МССР, ф. 3, оп. 3, д. 2087, 2120, 2125.

⁶ Тексты законов сохранились в делах архивов. См. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4979, л. 7—9; д. 2375, л. 1—13, ф. 122, оп. 2, д. 25, л. 50—56; д. 26, л. 146—147; ЦГИА СССР, ф. 383, д. 11889, 1849 г., л. 1, 9.

кими семьями в с. Саице Бендерского округа, в с. Нерушае Аккерманского округа¹.

С 1853 по 1864 гг. в составе государственных крестьян находилась особая группа сельского населения — евреи-земледельцы (119 семей). Они выделились из сельских обществ местечек Каушаны и Чимишлия, где до того занимались сельским хозяйством². На них были распространены существующие узаконения о евреях-земледельцах на казенной земле, но в отличие от евреев-земледельцев, поселяемых в Новороссийских губерниях, не получили пособий на обзаведение хозяйством и не пользовались льготами от повинностей (за исключением рекрутской), так как имели уже «прочное водворение»³. На основании этих законов каждое еврейское семейство (условная семья из 6 человек) обязано было на второй год завести и обработать огород и засеять не менее 1 дес. в поле, через 4 года — иметь огород и 2 дес. в поле, на 6-й год — огород и 3 дес. в поле и т. д. и достаточное количество рабочего скота, инвентаря, продовольственных и фуражных запасов. Согласно «Нормальному инвентарю хозяйственным принадлежностям евреев-земледельцев», утвержденному в 1852 г.⁴, семья должна была иметь 3 штуки рабочего скота, 2 дойные коровы и мелкий скот, телегу, борону, 2 косы, 2 серпа, сбрую и т. п., хлеба на годовое продовольствие (по 1,5 четверти на душу), семенной фонд (1 четверть озимой и 2 четверти яровой пшеницы, по полчетверти ячменя, овса и картофеля) и т. д. По общим законам о евреях-земледельцах ограничивалось право передвижения в течение льготного срока. Им дозволялось заниматься торговлей и ремеслом, как и государственным крестьянам, но отлучки из селений были ограничены в течение первых трех лет: могли отлучаться только по паспортам с разрешения местных властей «для ходатайства по делам, лично для них относящимся»; по истечении этого срока выдача паспортов должна производиться на общем основании. Переход в другие сословия (мещане, купцы и др.) был обставлен рядом ограничительных условий⁵.

Сразу же по перечислении в земледельцы каушанские и чимишлийские евреи попали в тяжелые условия: не имея достаточных средств для обзаведения хозяйством, без пособий

¹ Переписку о них в областных учреждениях см. в ЦГА МССР, ф. 134; оп. 1, д. 68, л. 90—91; ф. 6, оп. 9, д. 166, л. 1—9; ф. 3, оп. 3, д. 2973, л. 1—11.

² ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 74, л. 212.

³ ВПСЗ, т. XIX, № 18562; т. XXII, № 20977; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5797, л. 1—6; ф. 122, оп. 2, д. 74, л. 210.

⁴ Там же, т. XXVIII, № 27571; ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 50, л. 22.

⁵ Выдержки из законов о евреях-земледельцах смотрите в ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5797, л. 5—6; ф. 122, оп. 2, д. 62, л. 23.

от государства, они были обременены многочисленными повинностями, вызванными военными обстоятельствами. К тому же в Каушанах, в соответствии с 9-й ревизией, наличные 80 семей платили налоги и отбывали натуральные повинности за 129 семей (22 семьи проживали по разным селениям области, остальные 27 семей распались). Проведенная в 1854 г. проверка показала, что в Каушанах только 10 семей имели инвентарь, тягло и пашни согласно требованиям, 18 семей совсем ничего не имели, остальные частично обзавелись хозяйством; в Чимишлии из 6 семей только одна выполнила условия «нормального инвентаря»¹. Земельный надел составлял 15 десятин на семью в Каушанах и 23 десятины в Чимишлии. Учитывая чрезвычайное положение в области, МГИ отсрочило на два года выполнение инвентарных норм².

Ввиду относительной малочисленности и совместного поселения с государственными крестьянами, в административном отношении они были подчинены Каушанскому и Чимишлийскому волостным правлениям.

Крымская война, разорительно повлиявшая на хозяйства крестьян, последовавшие за ней неурожай и скотские падежи, налоговый гнет и стеснения в ремесленно-промышленной деятельности не дали возможности им укрепить свое экономическое положение. В 1856 г. бендерский окружной начальник доносил в палату государственных имуществ: между евреями-земледельцами «находится много семейств в такой степени бедности, что не имеют даже средств постоянно поддерживать себя во всем том, что требуется от них инвентарными описаниями»³. Истекал 6-летний срок для обзаведения хозяйством согласно «Нормальному инвентарю 1853 г.», невыполнение которого влекло суворое наказание: исключение из числа земледельцев и сдача в рекруты всех годных к военной службе. В 1859 г. последовало их ходатайство о возврате «в первобытное звание поселян». МГИ отказалось. В 1860 г. поверенные каушанских евреев-земледельцев Г. Рабинович и С. Янкельзон подали новое прошение о перечислении в мещане г. Бендер, в котором писали: «Общество еврейское м. Каушаны не могло заниматься земледелием по совершенному недостатку денежных средств, не могло оставаться в земледельческом звании по той же причине, заставлено перейти в мещансское звание собственно потому, чтобы избежнуть ответственности за неведение хозяйства и земледелия своего согласно инвентарному описанию»⁴.

¹ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 154, л. 157, 161; д. 70, л. 160—161, 164—165.

² Там же, л. 164—165.

³ ЦГИА СССР, ф. 383, 1857 г., д. 26817, л. 2.

⁴ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 151, л. 41.

Более трех лет тянулась переписка по этому вопросу; в марте 1864 г. вынесено постановление МГИ о перечислении их в бендерские мещане, а надельные земли передали 70 семьям беженцев из городов и сел южной Бессарабии¹.

Как уже отмечалось выше, разряд государственных крестьян области постоянно пополнялся разнородными элементами населения, терявшими свои прежние социально-правовые особенности.

Ежегодно в казенные селения прибывали «отставные и бессрочно-отпускные нижние воинские чины» — солдаты, матросы, унтер-офицеры. Как правило, они приходили из частей, дислоцированных в Бессарабии и соседних губерниях. Приписка их в казенных селениях осуществлялась на основе «Положения об устройстве военных нижних чинов, водворяющихся в казенных селениях» от 16 апреля 1841 г. и других законоположений². Часть из них — престарелые иувечные — приписывалась к селениям «для счета» и не несла повинностей. Другие обзаводились хозяйством, вливались в состав государственных крестьян с некоторыми незначительными налоговыми и повинностными льготами.

В архивных фондах содержится довольно значительный материал о причислении их в разряд государственных крестьян почти по всем казенным селениям. Поскольку по существовавшей форме отчетности учреждений государственных имуществ они вносились в особые графы, то можно с точностью определить их численность вместе с семьями: в начале 30-х гг. находилось в казенных селениях около 130, а в 60-х гг. — уже 700—800 человек³.

Как и в других губерниях страны, в Бессарабии в разряд государственных крестьян переводились отпущеные на волю или отсужденные крепостные крестьяне. По существовавшим законам причисление могло проводиться палатой государственных имуществ без согласия сельских обществ⁴.

По указам Сената от 11 марта 1826 г., 9 ноября 1836 г., 20 февраля 1837 г., 1 июня 1845 г. заключенные, просидевшие в крепостях свыше 15 лет, подлежали водворению в казенных селениях многоземельных губерний, куда относилась и Бессарабия. Там же должны поселяться и отбывшие сроки в арестантских ротах. Такие поселения были осуществлены в

¹ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 155, д. 157, л. 57—60; ф. 2, оп. 1, 7405, л. 1—18.

² Там же, д. 21, л. 53—54; оп. 2, д. 45, л. 148—149; ЖМГИ, 1841, ч. II, стр. XIV, 5.

³ Там же, д. 1, оп. 1, д. 4574, л. 77; д. 4777, л. 573; д. 6461, л. 144; ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 15—16

⁴ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1027, л. 25; д. 5932, л. 13.

Куневке, Фарладанах, Сергеевке, Калфе, Гербовцах и других селах.

Крестьянами становились мещане, подолгу проживавшие в казенных селениях и порывавшие с городским гражданством. Отмечены случаи оседания в 19 казенных селениях мещан из городов Кишинева, Бендер, Сорок, Оргеева, Аккермана, Измаила, Килии, Тирасполя, Одессы¹.

Из числа других разрозненных элементов, пополнявших государственных крестьян, следует отметить исключенных из казачьего войска коронных цыган (41 семья), «пономарских детей», вывезенную из Херсонской губ. лесную стражу, детей, «не помнящих прозвания», отдельных колонистов и обезземеливших резешей, различных выходцев из-за границы и пр².

Заканчивая обзор составных элементов разряда государственных крестьян, следует отметить, что все рассмотренные нами группы влились в него со своими веками сложившимися хозяйственными навыками и приемами; в процессе повседневного общения их внутри разряда происходило взаимное обогащение производственным опытом.

Как уже отмечалось, основой формирования разряда государственных крестьян послужило старожилое сельское население. Вместе с переселившимися разными путями на казенные земли царанами из центральных и северных уездов оно составило национальное (молдавское) большинство в разряде. В своей производственной деятельности крестьяне-молдаване отличались специфическими приемами в выращивании и обработке винограда, плодов и фруктов, сортиментом возделываемых зерновых культур (кукуруза, пшеница арнаутка и др.), своими приемами и навыками в ведении животноводства (отгонное овцеводство и скотоводство, хуторской (кишловый) образ жизни чабанов, вакарей, табунщиков) и переработке молочной и мясной продукции. Молдаване отличались также самобытными навыками в агротехнике, молотьбе, хранении зерна и пр.

Рядом с ними, а частью и вместе — в одном селении — жили переселенцы из русских и украинских губерний. Хозяйственные навыки, с которыми они пришли в Бессарабию, характеризовались своеобразием в способах обработки земли, в знакомстве лишь с кругом сельскохозяйственных культур, возделываемых в средней полосе страны, в преимущественном пользовании конной тягой и др.

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2360, 4564, 7147, 7922; ф. 122, оп. 1, д. 294, 154, 116, 120, 121, 118, оп. 2, 31, 34; ф. 6, оп. 2, д. 1188.

² Материалы о них содержатся в фондах ЦГА МССР — областного управления, канцелярии гражданского губернатора, палаты государственных имуществ и др.

Военные поселенцы по своим хозяйственным навыкам были крайне неоднородны и отличались как от старожилых крестьян, так и от переселенцев. А коронные цыгане, очень слабо знакомые с земледелием, были в то же время искусными ремесленниками (в кузнечном деле, деревообработке) и ксневодами. Им, как и евреям-земледельцам, приходилось познавать сложный процесс сельскохозяйственного производства в трудных социально-экономических и природных условиях.

В казенных селениях Хотинского у. крестьяне по характеру и направлению сельскохозяйственных занятий стояли ближе к крестьянам соседней Подольской губ., чем к царам и резешам центральных уездов и юга Бессарабии.

Наряду со стиранием внутриразрядных различий в производственных навыках, большое значение для развития сельскохозяйственного производства в казенных селениях имело общение с жившими по соседству различными колонистами — выходцами из-за границы (немцы, болгары, гагаузы, швейцарцы и др.), отличавшимися особым складом хозяйственной жизни. От них крестьяне заимствовали некоторые сельскохозяйственные орудия и инвентарь (немецкий плуг, молотильный каток, транспортные средства и др.), технические приемы обработки земли, поливное огородничество с применением «болгарского колеса». Из болгаро-гагаузских колоний распространилось в казенные селения цигайское овцеводство со всеми его производственными чертами. Но и колонии испытывали влияние казенных селений. Например, пшеница «колуз» из Бендерского округа быстро распространилась в колонистских округах.

С годами производственные навыки той или иной группы становятся достоянием всего разряда. Особенно это ярко прослеживается на крестьянах-переселенцах. В ходе хозяйственного освоения Буджака они восприняли неизвестные для них сельскохозяйственные орудия (малороссийский плуг, бессарабскую борону и др.), переложную систему земледелия, культуры (кукурузу, виноград, абрикосы), целые отрасли хозяйства (виноделие, шелководство), способ молотьбы (гармоновка) и хранения урожая (хлебные ямы, коши), местный календарь сельскохозяйственных работ.

В ремесленно-промышленных занятиях также происходило взаимовлияние (в ковроделье, овчинно-кожевенном и кузнечном ремесле, в рыболовстве — молдавский способ засолки рыбы).

Правовое положение государственных крестьян Бессарабии в общих чертах совпадало с правовым положением этого разряда крестьянства во внутренних губерниях, глубоко исследованным академиком Н. М. Дружининым в его капиталь-

ном труде «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева»¹.

В изданном в 1847 г. законе «О правах состояния бессарабских жителей», рассматривавшем специфические местные социальные категории, правовое положение государственных крестьян не было определено,² на них распространялось общероссийское законодательство, касавшееся этого разряда крестьян.

Их правовое положение определялось зависимостью от дворянского государства. Закрепление государственных крестьян Бессарабии за дворянским государством, т. е. распространение на них феодальных отношений, было оформлено в течение первых двух десятилетий после присоединения области к России. Феодальная собственность государства на землю создавала такие отношения, при которых государственные крестьяне подвергались со стороны его феодальной эксплуатации. Именно таких крестьян К. Маркс называл возделывателями и владельцами земли, неоплаченный прибавочный труд которых непосредственно шел собственнику земли³. Зависимость государственных крестьян от государства в землепользовании обусловливалась внеэкономическое принуждение их со стороны государства.

Государство эксплуатировало крестьян путем взимания феодальной ренты — подати, оброка, земских сборов и др. налогов — и принуждало отбывать трудовые повинности. Размер надела устанавливался государством, оно же могло изменить его или совсем лишить права землепользования. Государство выступало по отношению к государственным крестьянам в качестве феодала.

Податная система определяла экономические взаимоотношения между собственником земли — государством и ее держателями и плательщиками феодальной ренты — государственными крестьянами.

Налоги в пользу государства являлись формой присвоения прибавочного продукта, созданного трудом крестьян. Рента с казенных земель совпадала с государственными налогами⁴.

Своеобразие бессарабской казенной деревни в этой связи заключалось лишь в том, что оброк, являясь платой за пользование казенной землей, взимался не с земли, а с ревизских семей и душ (бурлаков).

¹ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1, М.-Л., 1946, т. 11, М., 1958.

² ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, д. 406, л. 75—78.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 368—369.

⁴ К. Маркс. Капитал, том третий, гл. 47-я. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 354.

Состояние казенной деревни в значительной степени зависело от тяжести податного обложения и трудовых повинностей.

С 1816 по 1825 гг.¹ в селениях государственных крестьян Бессарабии существовала налоговая система, на которой сказывались черты системы, практиковавшейся в Молдавском княжестве до 1812 г. Все жители «казенной Бессарабии» облагались твердо определенной посемейной податью, вносимой плательщиками непосредственно в уездные исправничества: крестьяне — по 15 левов (1 рубль ассигнациями равнялся 1,4—1,5 левам), а мазылы и рупташи — по 14—15 левов. Подать, взимавшаяся с крестьян, называлась биром, а с мазылов и рупташей — даждиеи. С другой стороны, налогоплательщики облагались целой серией так называемых непостоянных ежегодных денежно-натулярных сборов: дижмой — десятой долей всякого рода хлебов, фруктов и сена, гоштиной — ежегодным сбором за овец и коз по 13 аспр (6 аспр = 1 коп. серебр.) за каждую и с владельцев их по 12 аспр; вадаритом — сбором с владельцев виноградников по 12 аспр от каждого ведра выделанного вина и особо по 3 аспры за ярлык к бочке при продаже; погонаритом-сбором с посевов табака по 2,5 лева за каждый погон (1440 кв. сажней); десятиной — сбором с пчел и свиней — по 24 аспры за улей или свинью и сверх того по 12 аспр со всякого владельца пчел и свиней².

Эти налоги с государственных крестьян взимались казной через откуп. Ежегодно производились торги; победивший на аукционе генеральный откупщик (или компания откупщиков) обычно перепродаивал по частям тот или иной сбор со значительным приростом суммы суботкупщикам; затем шло дальнейшее дробление — отдельные селения сдавались в откуп арендарям и, наконец, следовали дижмари — многочисленные агенты откупщиков³.

Достоверными статистическими сведениями Казенно-экономическая экспедиция областного правления, ведавшая откупами, не располагала, поэтому общая откупная сумма назначалась очень приблизительно. При этом не обходилось без закулисных махинаций на торгах⁴.

¹ 1812—1815 гг. были льготными от налогов.

² Цифровые данные взяты из дел областного правления и областного совета.— ЦГА МССР, ф. 6, оп. 2, д. 610, л. 68—69; ф. 3, оп. 1, д. 1320, л. 2—6; ф. 5, оп. 3, д. 747, л. 26—27.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 323, л. 311—324; ф. 3, оп. 1, д. 106, л. 77—119.

⁴ См. переписку областных и центральных учреждений о порядке откупов повинностей и сборов.— ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, 1817 г., д. 4, л. 204—216.

Вся эта «система» являлась узаконенной формой ограбления крестьян, она давала откупщикам широкие возможности для наживы, спекуляций и массовых злоупотреблений. Особенно свирепствовали дижмари, спешившие нажиться за короткий срок. Они брали с крестьян и натурой, и деньгами.

В ведении откупщиков для выколачивания сборов находилась специальная полиция.

Даже много видевшие царские чиновники при ознакомлении с этой «системой» поражались масштабом спекуляции и произвола откупщиков. В 1816 г. генеральные откупщики взяли все вышеназванные сборы в годичное содержание за 698 600 левов и перепродали их мелким откупщикам за 1 002 150 левов; таким образом, их спекулятивный барыш составил свыше 300 000 левов¹. В 1818 г. казенные селения и хутора Южной Бессарабии были отданы на откуп генеральному откупщику за 928 тыс. левов, а в течение года, как выяснили местные чиновники, он взыскал с крестьян 1159 962 лева, т. е. его «доход» составлял 224 тыс. левов².

В конце 1820 г. у генерального откупщика, крупного бессарабского помещика Варфоломея, оказалась недоимка в откупном платеже казне до 1 млн. левов. Тогда он переложил эту сумму на казенных крестьян, хотя они и внесли откупщику сполна деньги³. Выяснилось также, что арендари и действовавшая с ними заодно земская полиция безжалостно выколачивали из крестьян сборы⁴.

Полковник А. О. Корнилович, руководивший размежеванием Буджака и объехавший все казенные селения, доносил в феврале 1822 г. начальнику Главного штаба генералу М. П. Волконскому, что «откупная сумма ежегодно увеличивается, а казенные поселяне при новом устройстве и обзаведении хозяйством, претерпевая тяготы, подобные тем, которыми обязаны жители, обитающие на помещичьих землях, пришли в бедное положение»⁵.

Такое положение в казенных селениях не могло не беспокоить областную администрацию, призванную служить проводником политики царского правительства в Бессарабии. Наместник области И. Н. Инзов стал настаивать на отмене откупной системы и введении вместо нее единого денежного

¹ ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, 1817 г., д. 4, л. 205.

² Там же, ф. 379, оп. 2, 1820—1828 гг., д. 12, л. 16.

³ Там же, л. 18—19.

⁴ См. жалобы крестьян.— ЦГА МССР, ф. 5, оп. 3, д. 308, л. 1, 3; ф. 302, оп. 2, д. 13, л. 107.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 2, 1820—1828 гг., д. 12, л. 20.

посемейного налога. Но в январе 1822 г. личный уполномоченный Александра I «по бессарабским делам» И. А. Каподистрия ответил ему от имени императора: «Народ бессарабский издревле привык ко взносу натурой и деньгами 10-й доли произведенений. Сей образ взимания гораздо удобнее всех прочих в стране, мало возделанной, в которой денежные обороты бывают медленны и малоуспешны. Да и сама сия подать, всегда соразмеренная обилию урожая по всем отраслям сельского хозяйства, тем самым, может почестися и удобной и уравнительной¹. В действительности дело было не в этом. Сохранение откупной системы в казенных селениях было одной из уступок местным помещикам. Именно они в большинстве случаев были откупщиками сборов.

Откупная система сковывала хозяйственную инициативу крестьян и разоряла их. Они не заинтересованы были в увеличении посевных площадей зерновых культур и поголовья скота, садово-виноградных насаждений. Чем больше у них были хозяйства, тем больше с них брали откупщики, доводя десятинные сборы до $\frac{1}{5}$ и $\frac{1}{3}$ урожая или поголовья скота.

Вступивший в должность наместника области в 1823 г. М. С. Воронцов при «обозрении» ее «не нашел в казенных селениях никакого устройства» и отметил неуклонный рост недоимок. По-прежнему там орудовали сборщики-джумари, а государственная казна получала «едва пятую часть» из действительных откупных сборов². Поэтому Воронцов снова настаивал перед центральными властями на ликвидации откупа и замене его постоянным прямым налогом с исчислением в русской валюте вместо неустойчивой турецкой³.

Решением Комитета министров от 11 ноября 1824 г. по-десятинные сборы были упразднены, а вместо них вводилась постоянная оброчная подать, вносимая крестьянами непосредственно в казначейства — в размере 23 руб. 50 коп. асс. с семейства и 5 руб. 70 коп. асс. с бурлаков (совершеннолетних холостых мужчин, проживавших нераздельно в семье отца)⁴. Помимо этого устанавливался размер бира и даждии: с крестьян по 10 руб. асс., с мазылов и рупташей по 9 руб. 35 коп. асс.— с семейства и бурлака в отдельности. За единицу обложения оброком бралась семья с 30-десятинным наделом «в том предположении, что хозяин, имея рабочий скот и обрабатывая сию землю, без отягощения может платить следующие с него в казну 33 руб. 50 коп.».

¹ ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 2, 1820—1828 гг., д. 12, л. 78.

² Там же, 1825 г., д. 26, л. 1.

³ Ф. Ф. Вигель. Воспоминания, ч. 7, М., 1865, стр. 109—110.

⁴ В конце 20-х гг. оброк с бурлаков был уменьшен до 2 руб. 10 коп. асс.

Новая система обложения вводилась в действие с января 1825 г.¹

Ликвидацию откупной системы взимания налогов надо рассматривать как положительное явление: отменялись натуральные поборы, вводился постоянный налог, суживались возможности произвола сборщиков налогов. Но установленный денежный оброк в 23 руб. 50 коп. с семейства не соответствовал реальной земельной обеспеченности в казенной деревне. Положенный в основу обложения 30-десятинный посемейный надел имел место лишь в селениях южных уездов, в Хотинском у. ни одно из них не располагало таким количеством земли на семью², да и существовавший в 20-х гг. 30-десятинный надел на юге области уже к 40-м гг. резко сократился, а размер оброка оставался неизменным в течение 37 лет (6 руб. 82 коп. сереб.), а затем увеличивался еще два раза.

В 60-х гг., в соответствии с проводимой МГИ линией на по-всеместное увеличение «доходов от государственных имуществ», осуществляемых в России в целом³, бир и оброк были повышены. Царские власти считали это повышение в Бессарабии «николько не обременительным для государственных крестьян»⁴, хотя в действительности бессарабские государственные крестьяне испытывали тогда кризис в хозяйстве, вызванный исключительным отягощением их повинностями в годы Крымской войны и рядом неурожайных лет. Указом Сената от 30 декабря 1861 г. бир и оброк были повышены на 5% для рядовых крестьян. Однодворцы, как привилегированная прослойка, не подпали под действие этого закона⁵. В 1867 г. оброчная подать увеличена еще на 60 коп. сереб⁶. В результате перед реформой (1869 г.) крестьяне платили оброка 7 руб. 5 коп. сереб. с семейства и 63 коп. сереб. с бурлака и бира — 3 руб. 60 коп. сереб. как с семейства, так и с бурлака⁷.

Таким образом, оброк был увеличен в таком же размере, как и в центральных губерниях (по минимальному пятипроцентному увеличению)⁸, но подать повышена почти на 26% (с

¹ Текст закона и инструкция Воронцова к нему сохранились в ЦГИА СССР, ф. 1308, оп. 1, 1824 г., д. 14, л. 2; ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, 1824 г., д. 1320.—Об уничтожении откупов.

² См. ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 13, л. 15—16.

³ М. Н. Дружинин. Указ. соч., т. II, стр. 544—545; Обозрение деятельности МГИ по заведыванию государственными крестьянами и южными поселениями с 1838 по 1866 год.—«Сельское хозяйство и лесоводство», 1867, № 1, стр. 66, 67.

⁴ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 2, д. 128, л. 1, 4, 10.

⁵ Там же, оп. 1, д. 7694, л. 242, 245.

⁶ Указ Сената от 18 июня 1867 г.— ЦГИА СССР, ф. 381, 1865—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 221.

⁷ Однодворцы платили по 3 руб. 36 коп. сереб. с семейства и бурлака.

⁸ М. Н. Дружинин. Указ. соч., т. II, стр. 546.

2 руб. 86 коп. до 3 руб. 60 коп. сереб.), чего в центральных губерниях не наблюдалось.

Основная масса бессарабских государственных крестьян на протяжении всего изучаемого периода по платежам находилась на уровне высокооблагаемых губерний России¹. Наряду с биром и оброком государственные крестьяне облагались земской повинностью, общественным, мирским и другими различными сборами.

Налоговая эксплуатация крестьян в течение всего периода неуклонно возрастала. Так, на 1 д. м. п. приходилось всех налогов: в 1841 г.— 5 руб. 44 коп., а в 1869 г.— 7 руб. 63 коп. сереб.², т. е. за 28 лет рост составил 40%.

Налоговый гнет усугублялся злоупотреблением местных властей. Повторное взыскание налогов, вымогательство взяток, растрата собранных денег и возмещение их снова с крестьян, самовольное увеличение размеров обложения значительно обременяли крестьян. А тяжесть натуральных повинностей, исполняемых в пользу казны, усиливалась работой по личному принуждению на окружных начальников, волостных голов и т. д.

Взимание налогов и привлечение крестьян к выполнению трудовых повинностей сопровождалось мерами насилия: распродажей имущества, скота, одежды, инвентаря, телесными наказаниями, отдачей в общественные работы и заключением в тюрьмы.

Налоговый гнет вел к подрыву крестьянских хозяйств и через часто практиковавшуюся «продажу дижмы», которая в какой-то мере являлась отголоском упраздненной откупной системы.

Не имея наличных средств и дешевого кредита, целые сельские общества становились должниками различных спекулянтов, торГОвоРостовщических дельцов. Для уплаты текущих налогов и погашения недоимок крестьяне вынуждены были идти на кабальные займы у купцов, помещиков, односельцев-кулаков. Обычно занимало все селение и брало на себя обязательство в течение ряда лет вносить кредитору дижму (десятину) с урожая, покоса, поголовья скота и т. д.³

¹ И. А. Анцупов О некоторых особенностях политики царского правительства в отношении государственных крестьян Бессарабской области (1812—1869 гг.). — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г.», М., 1961 г., стр. 240—242.

² Подсчет сделан по ежегодным ведомостям палаты государственных имуществ об объеме взимаемых налогов.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3485, л. 9; ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., л. 5938, ч. I.

³ В документах зафиксированы эти кабальные сделки в Жавгуре, Карамахмете, Копанке, Кичканах, Дмитриевке, Садаклии, Хаджимусе и др.— ЦГА МССР, ф. 134, оп. 1, д. 21, л. 608—613; д. 79, л. 796—808; д. 124, л. 24—29, 108—110; д. 123, л. 396—400; ф. 305, оп. 1, д. 288, л. 245; ф. 2, оп. 1, д. 2360, л. 21—22; д. 3374, л. 6—14; ф. 122, оп. 2, д. 25, л. 102—106.

Насколько кабальными и разорительными для крестьян были эти неравноправные соглашения, видно из материалов, относящихся к с. Дмитриевке Аккерманского и с. Копанке Бендерского уездов.

В 20-х гг. копанские крестьяне заняли у помещиков М. Бу-
чушкина и М. Топольского 4150 руб. асс., за что обязались в
течение 4-х лет отдавать им дижму с посевов хлеба, сенокосов,
виноградников и фруктовых садов, улова рыбы и нарубленного
камыша, построить помещения для хранения дижменных
продуктов, предоставили сенокосы и право распоряжаться
частью пахотного поля и сенокосом вплоть до сдачи в
аренду посторонним лицам. Наконец, помещикам предоставлена
возможность беспрепятственно торговать в Копанке ви-
ном¹. В 1838 г. общество с. Дмитриевки заняло у ренийского
купца Н. Жукова 1000 руб. сереб., за что обязалось нести в
его пользу натуральные повинности, давать дижму различными
сельскохозяйственными продуктами в течение четырех
лет, предоставлять в его распоряжение луга и пастбища. В
1840 г. в эту грабительскую сделку вмешалось МГИ и выяснилось,
что только за 1837 и 1838 годы купец успел получить
от крестьян 500 четвертей пшеницы, 145 четвертей ячменя,
50,5 четвертей ржи, 145 четвертей проса, 10 четвертей льна
и конопли, 5 четвертей кукурузы, 80 копен сена, 50 кур, 1000
яиц. Крестьяне работали на купца 200 дней, пахали и засевали
своими семенами для него 17,5 дес. Кроме того, Жуков
пользовался общественным сенокосом на площади 30 дес.,
выпасал на сельских пастбищах 15 лошадей и 30 голов рогатого скота. По подсчетам палаты государственных имуществ,
стоимость дижмы, отбытых трудовых повинностей и пр. со-
ставляла к 1840 г. около 14 тыс. руб. сереб., а ведь купец имел
«право» согласно контракту обирать крестьян еще два
года².

Приведенные примеры являлись типичными для практики займа. Кредиторы, пользуясь денежными затруднениями крестьян, выкачивали из них без особых усилий огромные материальные ценности, иссушали их хозяйства. Получая через феодальную эксплуатацию эти ценности, ростовщики-предприниматели реализовали их на рынке.

Налоговый гнет в сочетании с названными операциями не только лишал основную массу крестьян излишков (а часто

---

¹ Материалы об этих обременительных для крестьян обязательствах находятся в фонде казенной палаты.— ЦГА МССР, ф. 134, оп. 1, д. 21, л. 608—613.

² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 3374, л. 6—9; ф. 134, оп. 1, д. 124, л. 108—110.

и необходимых продуктов) сельскохозяйственного производства, но и подтасчивал само производство.

Одним из важнейших показателей тяжести налогового бремени, несоразмерности налогов с доходами крестьян являлся рост хронической недоимочности целых селений. Особенно это относится к переселенцам, которые с большим напряжением сил устраивались на новых местах. При существующем уровне сельского хозяйства, ограничениях для крестьян в занятиях торговлей и промыслами тяжесть налогового гнета оказывалась непосильной для многих крестьян, выбивала их из хозяйственной колеи.

Значительные по размерам недоимки накопились в первой половине 30-х гг., вызванные обременением чрезвычайными повинностями в связи с войной 1828—1829 гг., эпидемиями и неурожаями конца 20-х и начала 30-х гг., неустроенностью переселенцев их внутренних губерний. К 1838 г., по сведениям В. К. Тихого, недоимки по налогам и ссудам достигали 223 251 руб. асс.¹ (в среднем по 20 руб. на семью, что составляло 50% годового посемейного оклада). За десять лет жестокими мерами власти взыскивали большую часть их, к 1848 г. задолжность составляла уже 10 154 руб. сереб.² Занимались этим новые учреждения — палата государственных имуществ, окружные, волостные и сельские управление, созданные в результате реформы И. Д. Киселева, одной из важнейших задач которых являлось выколачивание недоимок. Излюбленным их методом была распродажа крестьянского скота, чем наносился удар по самой основе крестьянских хозяйств. В результате этих действий к 40-м годам экономика ряда селений (Троицкое, Михайловка, Петропавловка, Плахтеевка и др.) оказалась глубоко подорванной. Уездные власти вынуждены были констатировать: взыскание 9000 руб. недоимки с крестьян с. Нерушай («забратием последнего скота») причинило крестьянам «совершенное разорение»³. На 42 семьях крестьян с. Рухотина Хотинского у. к 1836 г. накопилась недоимка 1230 руб.; казенная палата убедилась, что этой суммы «никак взыскать невозможно, ибо жители не только никакого состояния, но даже необходимого по зимнему времени одеяния не имеют, да и способов к прокормлению их семейству»⁴.

В бедственном положении к началу 40-х гг. оказались крестьяне селений Ивановки, Царачанки, Успенского, Сер-

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2825, л. 75.

² ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 4, 1849 г., д. 56, л. 28.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2016, л. 140—142.

⁴ Там же, ф. 134, оп. 1, д. 91, л. 11, 387—390.

геевки, Плахтеевки, Кебабчи, Павловки и Дмитриевки — на них числилось свыше 80 тыс. руб. недоимок¹.

Новое падение платежеспособности государственных крестьян было вызвано разорительными последствиями Крымской войны. К 1859 г. недоимки составили 88 536 руб. сереб.— по 6 руб. 60 коп. на семью, что составляло размер всех платежей, причитавшихся в год с 1 р.д.м.п. Царское правительство вынуждено было часть из них исключить со счетов, часть рассрочить, так как крестьяне, по признанию местных властей, «не имели способов к скорому восстановлению своего хозяйства»².

Наряду с налоговым гнетом крестьяне несли многочисленные трудовые (натуральные) повинности: постойную, подводную, дорожную, пикетную, содержание рассыльных при земской полиции, по борьбе со стихийными бедствиями, общественные запашки и др.³ Эти повинности отвлекали крестьян от работы в своем хозяйстве, уменьшали возможности промысловых занятий. Особенно тяжело они отражались на крестьянских хозяйствах в период полевых работ.

Натуральные повинности за 40—60-е гг. в денежном выражении выросли с 1 руб. 21 коп. до 14—15 руб. сереб. с семьи⁴.

Но в оценку вошли главным образом дорожная, подводная, этапная повинности. А крестьянам приходилось нести очень обременительную постойную повинность, которая отнимала у них много средств. В среднем в год приходилось на семью от 30 до 60 постайных дней. За некоторые же годы, когда Бессарабия являлась районом сосредоточения больших военных сил, число постайных дней достигло огромных размеров — более 150 дней на семью⁵.

Войска дислоцировались большей частью в придунайском районе области. Колонисты и казаки от поста были освобождены, поэтому из сельского населения одним государственным крестьянам приходилось круглый год содержать большое

¹ Переписка областных и центральных учреждений по этому вопросу содержится в ГЦАИ СССР, ф. 383, 1839, г., д. 1499, л. 192—195; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2542, л. 173, 202, 392; д. 2444, д. 3009.

² ГАОО, ф. 1, оп. 215, 1835 г., д. 23, л. 1—7.

³ От рекрутской повинности государственные крестьяне были освобождены.

⁴ Обобщены сведения палаты государственных имуществ. См. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4070, л. 199; ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 21, 207, 407, 462.

⁵ Сведения о количестве постайных дней по годам содержатся в ежегодных сводках о повинностях, представлявшихся палатой государственных имуществ губернатору. См. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5934, л. 328; д. 7135, л. 67; д. 7612, л. 239; д. 7787, л. 212; д. 7790, л. 147, д. 7836, л. 536; ф. 122, оп. 1, д. 83, л. 56.

число солдат, конных подразделений и офицеров. Больше всего терпели от постоянного селения, расположенные на трактах и вблизи городов.

Крестьяне обязаны были предоставлять квартиру с постелью, отоплением, освещением и «приварком». Законами предусматривалась частичная оплата постоянного, в частности денежная компенсация за «хозяйские харчи». В действительности в подавляющем большинстве случаев солдат кормили бесплатно.

Обычной нормой постоянного считалось содержание двумя хозяйствами одного солдата. Но она не всегда выдерживалась: во время сосредоточения полков на смотрах и маневрах, при краткосрочных остановках частей селения переполнялись солдатами. Постоянно перегружались селения, где размещались батальонные штабы, ротные и батальонные «дворы», госпитали, пограничные войска. Для конского состава выделялись пастбища из сельских дач (иногда на весь сезон подножного корма). Этим больше всего были стеснены селения пограничной полосы, где размещались казачьи полки, и пригородные селения, в которых всегда находились большие массы гарнизонных лошадей, и, наконец, места лагерных сборов — большей частью Поднестровье.

Путем натуральной повинности крестьяне обязаны были при каждом «ротном дворе» строить здания для кухонь и столовых, пекарен, кладовых, навесы и сараи для обоза и различного оборудования.

Исключительно тяжелыми были чрезвычайные повинности, связанные с обслуживанием войск в период войны.

Картину оскудения крестьян из-за чрезвычайных повинностей, вызванных войной России с Турцией 1828—1829 гг., рисует донесение Гаджикурдского волостного правления (декабрь 1828 г.). За первую половину года крестьяне волости внесли бездоимочно налоги, а за вторую, как сообщало правление, взыскать «при всех усилиях нет надежды», так как они находились в беспрерывных нарядах при переправе через Дунай, занимаясь доставкой провианта в разные места, перевозкой больных и раненых. Кроме того, содержали почтовые пункты, выпекали хлеб и готовили сухари, заготовили для казны 7700 пудов сена и перевезли его в различные пункты сосредоточения войск, обременены были и «прочими особыми нарядами без всякого платежа и прогонов», так что «пришли в совершенную бедность и разорение, лишились скота и лошадей» и на 1829 г. «не только что не произвели посев озимых хлебов, но даже ни малейшее успели выпахать поля»¹. Насколько обременительной бы-

¹ ЦГА МССР, ф. 134, оп. 1, д. 1, л. 917.

ла подводная повинность в этой войне, можно судить по тому, что для подъема воинских грузов требовалось 10 тыс. пар волов (по сведениям военных ведомств)¹.

Крымская война, на три года прервавшая мирную хозяйственную деятельность крестьян, потребовала мобилизации еще большего числа людей и подвод. Юг области как прифронтовой район явился местом базирования корпусов, интендантских, инженерных и медицинских служб: в 1853 г. здесь находилось 205-тысячное войско².

Через этот район проходили коммуникации, отсюда шли войска к Дунаю и в Крым, здесь находились четыре крепости—Бендерская, Измаильская, Аккерманская и Килийская, для приведения которых в боевую готовность потребовались строительно-инженерные работы огромного объема. Здесь же размещалась база снабжения армии, пополнявшаяся продовольствием и фуражом из местных ресурсов, а обозы формировалась за счет мобилизации подвод у населения. О размерах повинностей, отбытых государственными крестьянами за годы войны, можно судить по данным специальной комиссии, исчислившей убытки, понесенные населением за годы войны: выставлено подвод — 732 420, наряжено рабочих на оборонительные, дорожные, лесные и другие работы — 471 600, отбыто постоя — около 3 млн. дней, израсходовано из мирских капиталов на снаряжение транспортных средств 81 884 руб. серебр.³

Итогом этих чрезвычайных повинностей было разорение основной массы крестьян, длительный хозяйственный застой в казенной деревне. В результате войны в области сложилось напряженное финансовое положение, тяжело отразившееся на жизни сельского населения.

Существовавшая система налогов и трудовых повинностей носила феодальный характер, не была связана с доходностью хозяйства, не учитывала хозяйственную мощь семей и не соответствовала земельному обеспечению государственных крестьян.

Фискальный гнет на протяжении изучаемого периода неуклонно нарастал, в то время как земельные наделы сокращались. Это несоответствие тяжести обложения с имущественным положением крестьян глушило хозяйственную инициативу большинства крестьянских семей, ограничивало и поглощало их материальные ресурсы и денежные средства, лишало возможности к внутрихозяйственному капиталона-

¹ ЦГВИА, ф. 2-й армии, оп. 184а, св. 52, д. 11, л. 138—139.

² См. сведения военных ведомств о дислокации войск в Бессарабии.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5777, л. 6.

³ Там же, д. 6421, л. 20.

коплению, вложению средств в рационализацию и расширение хозяйств. В этом смысле оно являлось серьезной преградой на пути развития производительных сил.

Гражданские права — представительство в аппарате управления как сословия, право заключать договоры, подряды, право перехода в другие сословия, имущественное право и др., которыми в какой-то степени обладали государственные крестьяне, — подвергались постоянному ограничению, открыто попирались царскими властями¹. Это неустойчивое, непрочное правовое положение государственных крестьян как «сословия» особенно ярко проявлялось в том, что царское самодержавие по произволу могло в любой момент передать их в частное владение помещикам, монастырям, в различные ведомства.

Юридически они числились «свободным сельским сословием», на деле же, наряду с другими разрядами крестьянства, находились в феодальной зависимости от дворянского государства.

Внезапомическое принуждение государственных крестьян было своеобразным. Оно отличалось, в частности, от внезапомического принуждения крепостных цыган и царан. Своеобразие определялось их «принадлежностью» казне.

У владельческих крестьян эксплуататорами были помещики и монастыри, у государственных крестьян — все дворянское государство в лице государственного аппарата управления и государственной казны. Многочисленные налоги и трудовые повинности отягощались злоупотреблениями царского чиновничества и «выборного» низового полицейского аппарата; злоупотребляли должностные лица всех рангов. Феодальные отношения между государством и казенной деревней проявлялись и в фискальном взгляде дворянского правительства на государственных крестьян как на особый вид казенного имущества.

Феодальный гнет со стороны крепостнического государства являлся главной причиной бедности и умственной темноты государственных крестьян, господства рутинной техники отсталого земледелия.

МГИ пыталось издать особое «положение» о «сословных» правах государственных крестьян, которое было бы принято и

¹ Ярким показателем этих ограничений служит запрещение переселений и перехода в другие разряды населения. В январе 1822 г. полномочный наместник Бессарабской области А. Бахметев предписал местным властям, «чтобы поселяне, жительствующие на казенных землях, отнюдь не были допущены к переселению в другие места, казне же принадлежащие». А в 1825 г. им запретили переход в города и владельческие селения, мотивируя тем, что «как казенные поселяне стоят в окладе подати бира и других налогов выше, чем во владельческих селах и городах, то казна теряет доход в случае переселения». — ЦГА МССР, ф. 3, оп. 4, д. 171, л. 79, 117, 119.

утверждено правительством, и с этой целью опубликовало четырехтомный сборник извлечений из законов, касавшихся различных сторон жизни крестьян. Здесь систематизировано все законодательство и основные постановления и инструкции, касающиеся государственных крестьян и регламентировавшие их жизнь. Но правительство не пошло навстречу предложению МГИ. Николай I и мысли не допускал о предоставлении феодально зависимым крестьянам каких-то особых «сословных» прав. В личном фонде Н. Д. Киселева осталась не реализованная «Записка» о правах государственных крестьян¹.

Таким образом, не было окончательно оформлено законодательство об этой сословной группе.

Говоря о наличии феодальных отношений между государством и казенной деревней, вместе с тем мы не можем упустить из вида, что вся эта система принуждения и ограничения как в России в целом, так и в Бессарабии была значительно мягче существовавших тогда взаимоотношений между помещиками и их крепостными крестьянами². В. И. Ленин отмечал, что среди государственных крестьян «меньше царила кабала»³. Государственные крестьяне обладали значительно большей самостоятельностью в хозяйственной деятельности, чем помещичьи крестьяне. Государственные крестьяне вступали в частные сделки на пользование казенной землей, являлись более свободными распорядителями своего имущества. Отсутствовало непосредственное давление на них частных крепостников-помещиков. Нельзя отождествлять феодальную зависимость государственных крестьян с феодальной зависимостью царан; она более подходила к зависимости колонистов и мещан, даже больше к последним. П. Г. Рындзюнский в своей монографии «Городское гражданство дореформенной России», анализируя социально-правовое положение городских сословий и крестьян, пришел к следующему выводу: «Сопоставляя правовое положение городских сословий и крестьянства, мы не найдем здесь вполне четкого и резкого различия. Больше всего схожести у мещан и государственных крестьян: аналогичные денежные и натуральные повинности в пользу государства, круговая порука и зависимость от мира, а также почти одинаковые правовые ограничения. Если мещане чувствовали себя несколько свободнее, то не только оттого, что они были более правоспособны, сколько в силу особенностей всего экономического быта: мещане меньше занимались земледелием, а поземельные их отношения, лежав-

¹ ЦГИА СССР. Личный фонд П. Д. Киселева (ф. № 958), оп. 1, д. 678, л. 1—2.

² Н. М. Дружинин. Указ. соч., т. I, стр. 34.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 310.

шие в основе феодальной зависимости крестьян, принадлежавших государству, для горожан не имели такого значения»¹.

Своеобразие положения государственных крестьян выражалось и в личных правах — у государственных крестьян не было личной зависимости от частного феодального владельца. Государственных крестьян нельзя было продавать, бесконтрольно лишать хозяйства.

Государственные крестьяне отличались от помещичьих крестьян в имущественных правах. Если собственность помещичьих крестьян не была ограждена от произвола землевладельца, то государственные крестьяне могли защищать свои права собственности по суду, на сельском сходе, имели право покупать в частную собственность землю, вступать в имущественные и денежные сделки, обязательства и подряды, были менее стеснены в торгово-промышленной деятельности. Это являлось определенным стимулом в расширении хозяйства, в развитии земледелия, животноводства, ремесленного производства. Отличались они и внесении повинностей. Прежде всего это проявлялось в регламентации повинностей, в царской деревне царил в этом отношении помещичий произвол.

Государственные крестьяне постоянно испытывали полицейскую «опеку» со стороны государственного аппарата, но она, безусловно, была менее тяжелой, чем власть помещиков, посессоров, управляющих имениями. Крестьянская община в казенной деревне обладала известной самостоятельностью, чего фактически не было во владельческих селениях.

Государственные крестьяне были наделены правом участия в органах местного управления и суда (имели своих представителей в уездных и совместных судах)². В целом они были несколько менее придавлены феодальным гнетом, чем помещичьи крестьяне. Отсюда — тяга помещичьих крестьян к переходу в разряд государственных крестьян.

Правовое положение государственных крестьян подвергалось некоторым изменениям. Экономическое развитие, рост товарно-денежных отношений настойчиво требовали ликвидации феодальных ограничений экономических прав государственных крестьян, с чем не могло не считаться царское правительство. Оно вынуждено было расширять хозяйственную самостоятельность крестьян. В частности, оно узаконило право собственности на земли, купленные государственными крестьянами³, расширило предпринимательские права — законом 1844 г. предоставлялась крестьянам возможность строить по-

¹ П. Г. Рындзюнский. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958, стр. 50—51.

² ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 30, л. 75—77; ГАОО, ф. 22, оп. 1, д. 41, л. 12; ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, д. 1131, л. 7; д. 1135, л. 1; ф. 122, оп. 1, д. 257, л. 88.

³ ВПСЗ, т. XXVII, № 26457.

стоялые дворы и торговые заведения не только в своих селениях, но и в других местах¹; по закону 1854 г. разрешалось отводить крестьянам землю под кирпичные « заводы»², упрощалась процедура получения паспортов³, перехода в мещанство и купечество⁴ и в разные места «по видам промышленности»⁵ и др. Расширялись возможности крестьян в промышленной деятельности, в заключении сделок, в передвижении⁶. Все это положительно сказывалось на развитии производительных сил в казенной деревне. В. И. Ленин отмечал, что там, где за земледелие брался всецело или главным образом свободный крестьянин, «...развитие производительных сил и развитие капитализма шло несравненно быстрее, чем в обремененном пережитками центре»⁷.

В то же время, оберегая сословные ограничения, царское правительство проводило политику урезывания гражданских прав крестьян. Создавалось противоречивое правовое положение, на которое обратил внимание академик Н. М. Дружинин в своем труде: «Государственные крестьяне занимали промежуточное положение между помещичьими крепостными и свободными людьми. Они признавались субъектами гражданского и публичного права и в то же время целиком зависели от феодальной государственной власти. Государство стремилось расширить и усилить феодальную эксплуатацию этой категории земледельцев и в то же время оказалось вынужденным санкционировать и расширить их права»⁸.

При всех общих чертах, присущих положению государственных крестьян России в целом, в Бессарабии наблюдается некоторое своеобразие. Оно проявлялось в земельной обеспеченности и форме землепользования, в размерах и способах обложения налогами и повинностями, в решении вопроса о рекрутчине, в административном устройстве, в отношении царского правительства к беглым в Бессарабии и пр. и обусловлено было особенностями политики царского правительства в Бессарабии. Во-первых, сказывались внешнеполитические мотивы, связанные с «восточным вопросом». В числе окраин России Бессарабия занимала особое положение: находясь на стыке трех империй — Российской, Турецкой и Австрийской, она имела важное стратегическое значение (плацдарм или хорошо обеспеченный тыл в случае войны в

¹ ВПСЗ, т. XIX, № 17967.

² Там же, т. XXIX, № 28565.

³ Там же, т. XX, № 19502.

⁴ Там же, т. XXIV, № 22955.

⁵ Там же, т. XXXIII, № 22180.

⁶ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3824, л. 98—99.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 217.

⁸ Н. М. Дружинин. Указ. соч., т. 1, стр. 38.

районе Балкан) и являлась важным средством в руках самодержавия для укрепления его влияния в придунайских странах. Экономические успехи, обеспеченное положение населения Бессарабии должны были превратить ее в притягательный центр для народов этих стран (на это обращалось особое внимание в правительственные инструкциях для бессарабского губернатора)¹.

Во-вторых, царское правительство не могло не учитывать внутреннего положения области, которое к моменту присоединения к России характеризовалось крайним разорением хозяйства, слабой заселенностью, неустроенностью в административном управлении. Поэтому предстояло заселить пустующие земли Буджака, осуществить налоговую и административную реформу, дать ряд льгот населению, размежевать земли, увеличить посевные площади, оживить торговлю, изучить материальные ресурсы области. Весь этот круг мероприятий должен был решаться с учетом политических классовых целей: «...поселить в подданных любовь к отечеству и к его правительству», как подчеркивалось в одной из инструкций губернатору.

В-третьих, правительство должно было считаться с историческим прошлым и существовавшим правовым положением групп, вошедших в состав государственных крестьян области. Нельзя было не учитывать и вековых традиций в аграрных отношениях, замлекользованиях, хозяйственной направленности, налоговой и административной системах. Не случайно Бессарабия на протяжении всего исследуемого периода находилась на «особом положении» среди губерний России.

Политика царского правительства по отношению к государственным крестьянам Бессарабии отличалась противоречивым характером. Присущие ей по самой ее природе консервативные и реакционные тенденции сочетались с мероприятиями, благоприятными для крестьян. В ряде статей мы рассматривали отдельные стороны своеобразия в положении государственных крестьян Бессарабии².

¹ См. Рапорт гражданского губернатора Бессарабии С. Стурдзы Александру I от 19 мая 1813 г.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 65, л. 54.

² И. А. Анцупов. Народная колонизация Бессарабии в первой трети XIX в.— Ученые записки Кишиневского госуниверситета, т. XXXV, 1958 г.; О некоторых особенностях политики царского правительства в отношении государственных крестьян Бессарабской области (1812—1869 гг.).— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г.», М., 1961; Переселение казенных крестьян из внутренних губерний в Бессарабию.— Известия Молдавского филиала АН СССР, № 5(83), Кишинев, 1961; Система управления государственными крестьянами Бессарабской области до реформы П. Д. Киселева (1812—1839 гг.).— Труды Центрального государственного архива МССР, т. I, Кишинев, 1962; Царане на казенной земле.— Ученые записки Кишиневского госуниверситета, т. XLIV, 1959 г.

Глава II ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

ЕСТЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Сельскохозяйственное производство тесно связано с местными природными и экономическими условиями.

По естественно-географическим условиям Бессарабская область отличалась большим своеобразием. На сравнительно небольшой территории и по климату, и по ландшафту, и по почвенному и растительному покрову наблюдались большие контрасты. Примыкая в северной части к склонам Карпат и «расстилаясь в южной части ровной и гладкой местностью» к побережью Черного моря, Бессарабия имела «весма резкие противоположности и переходы от холода к зною, растений северной полосы до растений юга»¹.

Основоположник научного почвоведения В. В. Докучаев, исследовавший почвы Бессарабии в 70-х и 80-х гг. XIX в., отмечал большое природное разнообразие ее земельных угодий. Он писал: «Едва ли можно указать в Европейской России местность, более интересную в почвенном (и естественно-историческом вообще) отношении, чем Бессарабская губерния». Здесь «мы имеем представителей всех горизонтальных почвенных зон Европейской России, за исключением тундры»².

Селения государственных крестьян находились на севере области в Хотинском у., в трех южных уездах области — Аккерманском, Бендерском, Кагульском и Измаильском градоначальстве. Основная масса этих селений — 90 из 100 — приходилась на юг Бессарабии, где сосредоточивался почти весь фонд казенных земель области, остальные 10 селений были

¹ Памятная книжка Бессарабской области на 1862 год. Кишинев, 1862, стр. 155.

² В. В. Докучаев. К вопросу о почвах Бессарабии. Кишинев, 1950, стр. 21.

расположены в ее северной полосе. Природно-климатические условия Хотинского у. заметно отличались от условий южных уездов; разными были почвы в качественном отношении. А. Гроссул-Толстой, известный естествоиспытатель и исследователь условий развития сельского хозяйства в причерноморской полосе Южной Украины и в Бессарабии, давший картину ее природной зональности и качественную характеристику сельскохозяйственных земель, так писал о Хотинском у.: «Здесь почти все земли, за исключением небольших глинистых лоскутов, состоят из сплошного тучного, очень глубокого чернозема, на которых почти из года в год превосходно родятся как озимые, так и яровые хлеба. Растительность здесь самая роскошная и необыкновенно сильная... Весна в этой полосе начинается поздно, и ход ее медлителен, следовательно, земли оттаивают позднее и посевное на них не так легко подвергается холodu или преждевременной засухе... Южные ветры и морские туманы по удаленности от моря вовсе не оказывают своего вредного действия на эту часть Бессарабии. Здесь снега бывают вообще глубже и ложатся более или менее ровным пластом, вследствие чего редко случаются выморошки хлебов и земли напитываются влагой в большом количестве»¹.

Длительность зимы здесь составляла 3—4 месяца. Подножный корм начинался с апреля, сенокос — в конце июня — начале июля, жатва на полмесяца позже, чем в южных уездах².

На юге области, несмотря на сравнительно небольшое пространство, А. Гроссул-Толстой и В. В. Докучаев выделяли две естественно-географические полосы. В приморской — часть Аккерманского у. и все Измаильское градональство — шириной от 20 до 60 верст, южнее линии Болград—верховье Днестровского лимана, — южные ветры и жара при обычном для этого района бездождии губительно сканывались на растительности. «Травяная растительность здесь блекнет в иные годы, можно сказать, мгновенно и большей частью к 15 мая совершенно выгорает... Редкие годы, когда травность с сохранением некоторой свежести простоят до июня»³. Часто посевы поражались и туманами. П. Ломан отмечал в своем «Хозяйственном обозрении Бессарабской области»: «В южных частях Бессарабии туманы из соляных озер

¹ А. Гроссул-Толстой. Обозрение рек, почв и местоположений Новороссийского края и Бессарабии в сельскохозяйственном отношении. 1866, стр. 40.

² ЦГВИА, ф. 2-я Премия, оп. 184-а, св. 103, 1828 г., д. 2, л. 4.

³ А. Гроссул-Толстой. Указ. соч., стр. 34; В. В. Докучаев. Указ. соч., стр. 25.

портят нередко хлеб; если они случаются во время цветения хлебов, то зерна остаются вовсе пустыми¹.

Севернее названной линии (часть Аккерманского и полностью Бендерский и Кагульский уезды) почвы были более плодородные, влияние горячих южных ветров не столь губительно. Это как бы переходная зона от залесенной центральной части Бессарабии к степи Буджака. Здесь хорошо родились арнаутка, просо, ячмень, кукуруза, а склоны очень удобны для виноградарства. Местность также благоприятствовала занятиям животноводством своими богатыми и очень удобными сенокосами и пастбищами².

Весна в южных уездах начиналась в феврале-марте, летняя жара наступала в июне и продолжалась до сентября; осень и зима — более дождливые, чем снежные. Озимые хлеба сеяли в сентябре, яровые — в марте и апреле. Время жатвы наступало в июне и продолжалось до сентября. В конце июня начинались покосы. Скот можно было выпасать почти круглый год. Даже в большие снежные зимы снег лежит в Аккерманском уезде «редко более одного месяца»³. Весной и осенью случались заморозки.

Почвы Буджака отличались пестротой: от почв глубокого чернозема в долинах рек и глубоких балках до типичных солонцов (в приморской полосе). Основная территория Буджака была покрыта каштановыми и бурыми почвами — почвами сухой степи. Буджакская степь в ботанико-географическом отношении была аналогичной со степями южной части Самарской, Саратовской, Екатеринославской и Херсонской губерний, большое сходство имела также с Крымом⁴.

В рельефе существовало заметное различие между природно-климатическими зонами севера и юга области: в Хотинском у. местность сильно всхолмленная, на юге — в северной части Бендерского у. — слегка волнистая, в Аккерманском — типичная изрезанная долинами рек и крупных балок, степная равнина, а в приморской полосе, как отмечал В. В. Докучаев в цитированной уже работе, «суша постепенно, а иногда и совершенно незаметно сливается с морем».

¹ П. Ломан. Хозяйственное обозрение Бессарабской области.— ЖМГИ, 1843, ч. VIII, стр. 40.

² С. С. Лошкарев. Путевые записки о сельском хозяйстве Южной России.— Труды ВЭО, 1845, ч. I, стр. 719; ЦГВИА, ВУА, 1828 г., д. 18589, ч. I, л. 240—243, 251, 259—260.

³ А. Зашук. Военное обозрение Бессарабской области. СПб., 1863, стр. 62.

⁴ В. В. Докучаев. Указ. соч., стр. 31; Сорочинский. Краткое обозрение выгоднейших отраслей сельского хозяйства в Бессарабских имениях. «Земледельческая газета», 1837, № 34, стр. 265.

По степени освоенности территории Хотинского у. и территории южной части Бессарабии ко времени присоединения области к России также заметно отличались. Земли Хотинского у. были относительно густо заселены, земледельческая культура там существовала многие века беспрерывно. Территория Буджака длительный период «подвергалась наиболее разрушительным ударам со стороны турецких поработителей, которые обратили эти земли в свои непосредственные владения; именно южная часть Молдавии была превращена турецкими захватчиками в пустыню¹. В Буджаке, представлявшем собой значительную по площади степь (свыше 1 млн. 700 тыс. дес.), в течение веков этого господства земледельческая культура была почти полностью вытеснена степным животноводством кочевников-ногайцев. Лишь по окраинам Буджака (по Днестру, у верхнего Троянова вала, по Пруту) да вокруг Бендерской, Аккерманской и Измаильской крепостей сохранились сады и небольшие участки пашни, которые, безусловно, не меняли картины необжитого края. Яркую характеристику хозяйственного облика Буджака дает нам запись неизвестного автора, побывавшего там в XVIII веке: «А понеже вся Буджацкая степь безводна и лесов нет, а лошадей и рогатого скоту — волов и яловицы баранов и живностей довольно, и сенами изобильно,— и рогатый скот и лошадей кормят по полям в степи, ...и содержат себя в воровству, а не в паше, и ремесла не имеют и за пашнею ходят немногие, и для того у них в хлебе скучно; и кроме проса и ячменя не рождается, и печеного хлеба не продают, понеже сами не имеют, и питаются больше мясом и молоком да просяными и ячменными лепешками².

С выводом в 1806—1807 гг. кочевников в Таврию край еще более обезлюдел. По данным А. Скальковского, во всей «казенной Бессарабии» (Буджаке) тогда проживало всего 12 400 семей, включая и жителей крепостей³. Все это наложило глубокий отпечаток на хозяйственную жизнь Буджака. Писатель А. Ф. Вельтман, участвовавший в топографической съемке Бессарабии в первые годы после присоединения ее к России, так характеризовал Буджак: «...Почти все пространство между реками Прутом и Днестром и верхним Трояновым валом была мало населенная степь, изрезанная протяжными хребтами, которые сглаживались к морю и образовали часть пустыни, носившей некогда название «Salitudo

¹ Ф. А. Грекул. Аграрные отношения в Молдавии в XVI — первой половине XVII вв. Кишинев, 1961, стр. 59—60.

² А. Руссов. Русские тракты в конце XVII и начале XVIII веков. Киев, 1876, стр. 31.

³ А. А. Скальковский. Историческое введение в статистическое описание Бессарабской области. СПб., 1846, стр. 36.

Gaetica», и те седые волны ковыля, посреди которых инде-инде видна крытая арба чебана, уединенное кишло или ху-тор, обставленный пирамидами кизяка»¹.

После 1812 г. Буджак являлся краем колонизации, и в течение ряда десятилетий его угодия, невозделанные земли эксплуатировались преимущественно как пастбища и сено-косы для многочисленных стад рогатого скота, овец и табунов лошадей. Зерновое хозяйство, виноградарство, огородничество и др. отрасли земледелия развивались постепенно, распашка целинных степей, стоявшая крестьянам опромытых трудов, не завершилась в исследуемый период.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ФОНД

К числу основных условий, необходимых для хозяйственной деятельности крестьян, относится их земельная обеспеченность. «Земля, — говорит В. И. Ленин, — есть, несомненно, главное средство производства в сельском хозяйстве»². Следовательно, выяснение вопроса о земельной обеспеченности крестьян в земледельческих районах страны имеет существенное значение для определения их экономического положения.

В связи с этим особый интерес представляет землеустройство в казенном фонде, поскольку оно является системой мероприятий по организации земли как средства производства. Поземельное устройство крестьян в большей степени определяло экономику крестьянских хозяйств и условия, в которых протекало сельскохозяйственное производство.

С первых же дней встал вопрос о границах земельных дач. Ни одно казенное селение не имело определенных и бесспорных границ, не были определены границы крестьянского, казенного и помещичье-монастырского землевладения. На этой почве возникали частые конфликты между крестьянскими обществами и соседними частными владельцами. Пользуясь запутанным положением в крестьянском землепользовании, помещики захватывали огромные массивы плодородных казенных земель: в Буджаке — свыше 117 тыс. дес. и на севере области под разными «законными» предлогами — почти все земли Хотинской райни³.

¹ А. Ф. Вельтман. Воспоминания о Бессарабии. — Л. Майков. Пушкин. Библиографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, стр. 109.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 327.

³ А. О. Корнилович. Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака. Аккерман, 1899, стр. 17; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2113.

Интенсивные захваты казенных земель помещиками заставили правительство ускорить их размежевание и поземельное устройство казенных селений. Не менее важными причинами, вынуждавшими официальных представителей са-модержавия «заботиться» об этом, были произвол генераль-ных откупщиков, ущемлявший интересы государственной казны, и настойчивые ходатайства разных представителей господствующих классов о выделении им во вновь присоеди-ненной области земель в виде «пожалований»¹. «Генеральное межевание Буджака», как названо в официальных докумен-тах размежевание земель Южной Бессарабии, являлось важным событием в жизни государственных крестьян обла-сти, так как внесло известный порядок в их землепользова-ние и определило площади и границы сельских дач. В то же время оно являлось очередным мероприятием царского пра-вительства по расширению и укреплению дворянского земле-владения в этом районе области.

Царское правительство проводило в Бессарабии в общих чертах ту же аграрную политику, что и в целом на южных окраинах страны. Как справедливо отмечает А. В. Фадеев, «малонаселенные степные окраины издавна служили резер-вом русского феодализма, обеспечивая его развитие не толь-ко вглубь, но и вширь². В Бессарабии оно укрепляло дво-рянское землевладение и русских и местных помещиков пут-ем раздачи огромных массивов земель (около 300 тыс. дес.) и путем легализации захватов ими части казенного фонда. В ходе землеустройства Буджака и казенных имений Хотин-ского у., осуществленного в 20—30-х гг. XIX в., государство закрепило за местной знатью (боярами), духовенством и русскими помещиками присвоенные «пожалованные» земли.

Наделение казенных селений землей началось в 1822 г. В декабре 1820 г. И. Н. Инзов³ писал И. А. Каподистрии, слу-жившему связующим звеном между бессарабской областной администрацией и императором: «Все бессарабские казенные селения, а также и местечко Каушаны не были наделены нужной пропорцией пахотной и сенокосной земли. Они также употребляли ее по местной надобности и по собственному произволу. Правительство же, почитая всю буджацкую степь одним нераздельным казенным поместьем, отдавало в откуп одному арендатору... Таким образом, от одного генерального откупщика зависело назначение выгод каждому поместью, а

¹ См. инструкции царского правительства межевому отряду, возглав-ляемому полковником А. О. Корниловичем.— ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 2, 1816—1829 гг., д. 3, л. 1—62; ГАОО, ф. 1, оп. 214, 1820 г., д. 12, л. 6—9.

² А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958, стр. 15.

³ Полномочный наместник Бессарабской области в 1820—1823 гг.

вместе с тем и определение с оного годичного дохода. Расчеты сих откупщиков при раздаче казенных селений в содержание частных конторщиков, опираясь на собственных видах, не могли терпеть, чтобы каждое селение, каждая деревня и, наконец, каждый хутор имели присвоенную себе землю и оною пользовались твердо и постоянно. Многие частные лица, полагаясь на общее здесь обыкновение, дозволяющее пользоваться казенной землей за платеж ее откупщику, обзавелись хозяйством... Иные завели хутора, пруды, мельницы, сады и виноградники¹. Инзов настаивал на разделении незаселенных земель на участки, но не иначе, «как после совершенного наделения грунтами всех тех казенных поместьев, кои существуют уже на сих землях и кои не имеют еще внутреннего между собой размежевания». При отмежевании селениям дач, по его мнению, надо было «принять в руководство настоящее число обитающих в нем семейств и, согласуя нужды жителей в хозяйственных упражнениях, свойственных здешнему краю, наиболее заключающихся в скотоводстве, с нынешним пространством степи, определить для них количество десятин в половину противу отведенного для иностранных поселенцев» — 30 дес. на семью и по 10 дес. «в запас для тех хозяев, коих время может привлекать»².

4 января 1822 г. Каподистрия сообщил Инзову об утверждении правительством его земельного проекта с учетом замечаний министров (не заводить больших селений, нарезать участки для новых поселений, отделить землю для соляных промыслов, снести хутора и др.). Этим решением руководствовалась областная администрация в последующие годы при нарезке земель казенным селениям³.

Безусловно, на выбор 30-десятинного посемейного надела оказала влияние практика наделения государственных крестьян в соседних с Бессарабией степных районах бывших новороссийских губерний. Юг области являлся западной окраиной огромного массива степей, окаймлявших Черное и Азовское моря; современники считали его «частью Новороссии», или «новороссийской частью Бессарабии». 30-десятинный семейный надел был как бы традиционным в казенных селениях Новороссии и Буджака⁴.

Однако 30-десятинный посемейный надел (независимо от числа членов семьи) с запасом нарезался только в старожи-

¹ ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 2, 1820—1828 гг., д. 12, л. 1—3.

² Там же, л. 3—6.

³ Там же, л. 43—45; ГАОО, ф. 1, оп. 2, 14, 1824 гг., д. 10, л. 48—53.

⁴ См. Е. И. Дружинина. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959, стр. 58, 63; А. А. Скальковский. Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса, 1853, стр. 224, 239.

лых селениях; переселенцам из внутренних губерний на основании распоряжения новороссийского генерал-губернатора и бессарабского полномочного наместника М. С. Воронцова от 9 сентября 1825 г. отводилось на семью только 30 дес., без резерва¹. А крестьяне казенных селений Хотинского у. пользовались наличными землями, которых приходилось на семью по отдельным селениям от 1 до 15 дес.²

Внутри области надел государственных крестьян был значительно меньше надела болгарских и немецких колонистов. По сведениям Н. Мурзакевича, в 1845 г. в Буджаке на 91800 человек колонистов приходилось 713 781 дес., или более 60 дес. на семью³. У царан же высший надел на семью составлял 15 дес.⁴ В Дунайском казачьем войске рядовым казакам полагалось по 40 дес. на семью, но такого надела достичь было невозможно: в 1836 г. войско имело земли 37 272 дес., если же исходить из размеров положенного надела, казакам и командному составу требовалось свыше 100 тыс. дес.⁵

По сведениям А. Защука, на ревизскую мужскую душу в конце 50-х гг. приходилось удобной земли:

У царан	6 дес.
» государственных крестьян	7,5 »
» немецких колонистов	8—12 »
» казаков	10 »
» болгаро-татарских колонистов более	11 дес. ⁶

В среднем земельный надел в бессарабской казенной деревне значительно превышал наделы крестьян внутренних губерний. К концу 20-х гг. у основной массы крестьян (на юге области) на ревизскую душу приходилось более 13 дес. Пользуясь данными М. Н. Дружинина о земельной обеспеченности в европейских губерниях страны, мы наблюдаем следующую картину: лишь на многоземельном юго-востоке, например в Саратовской губ., в 1828 г. размеры надела государственных крестьян превышали 12 дес. на душу; во внутренних же губерниях они были гораздо меньше — 4—6 дес. в большинстве губерний центрального промышленного района и 4—8 дес. в черноземном центре⁷.

¹ ЦГА МССР, ф. 208, оп. 2, 1831—1832 гг., д. 247, л. 221.

² См. список селений с указанием посемейных наделов.— ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 13, л. 15—16.

³ И. Мурзакевич. Указ. соч., стр. 5.

⁴ Положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии (1812—1861 г.). Сборник документов, Кишинев, 1962, документы №№ 100, 183, 187.

⁵ См. переписку войскового управления, областных учреждений и Министерства финансов о прирезке угодий к земельному фонду войска.— ЦГИА СССР, ф. 379, 1835 г., д. 1597, ч. I, л. 184—191.

⁶ А. Защук. Материалы для географии и статистики России, Бессарабская область. СПб., 1862, стр. 226—227.

⁷ М. Н. Дружинин. Указ. соч., т. 1, стр. 30.

Сравнительно высокий надел в бессарабских селениях продолжал оставаться и в последующие десятилетия¹.

Таким образом, с точки зрения размера надела государственные крестьяне Бессарабии принадлежали к числу многоземельных. Но земельную обеспеченность нельзя определять только величиной надела. Необходимо учитывать его качество — сколько в нем удобных и неудобных земель, для какой цели используется надел, какова система земледелия. Бессарабская казенная деревня базировалась на степном полузкстенсивном животноводстве (до 50-х гг.) и экстенсивном зерновом земледелии с его примитивной техникой, переложной системой, нерациональными севооборотами, периодическим исключением из производства около 2/3 надельного клина. Только при учете этих факторов выясняется реальная земельная обеспеченность.

Землеустройство казенных селений южных уездов области проводилось с 1822 по 1828 гг.² На территории Хотинского у. обмежевание казенных земель началось в 1821 г. — нужны были землемерные данные в связи с отдачей казенных селений в арендное содержание различным высокопоставленным чиновникам — и продолжались до конца 60-х гг. Такая затяжка землеустройства в Хотинском у. объясняется исключительной запутанностью в землевладении, вызванной захватами казенных земель соседними помещиками и многократной перепродажей присвоенных участков. В делопроизводстве областной межевой конторы отложились десятки больших по объему дел о земельных тяжбах, касавшихся казенных дач Хотинского округа; о землях некоторых сел (Мамалыга, Холохорены, Фитешты) споры длились десятилетиями — до 70-х годов³.

Основной поземельной единицей являлось село; в его пределах производились все землестроительные работы. В одну дачу были замежеваны лишь несколько селений: Ганкишля и Паланка, Галиешты и Жебрияны, Васильевка и Покровка. Но следует отметить, что в южных округах не было междусельской чересполосности и разбросанности угодий, объединенных в одной даче. Лес в пользование крестьян не выделялся, хотя он был им совершенно необходим. На юге области лесные угодья занимали незначительную площадь (около селений Батыр, Копанка, Кицканы, Хаджимус, Болбока, Калфа — в Бендерском округе), но в Хотинском округе казенные селения находились среди лесных массивов.

¹ М. Н. Дружинин. Указ. соч., т. II, Приложения, ведомости № 1 и 2.

² А. О. Корнилович. Указ. соч., стр. 14—16.

³ См. ЦГАДА, ф. 1299, оп. 1, дела 72, 76, 77, 79, 152, 157, 335, 336, 338, 341, 495, 496, 497, 498, 572, 716—718, 835, 837, 840, 844, 845, 867, 868, 872, 885 и др.

В начале 30-х гг. по этому вопросу велась переписка между бессарабской казенной палатой и Министерством финансов. Палата считала возможным наделить казенные селения из расчета на каждые 8 дес. удобной и неудобной земли по 1 дес. леса. Министр финансов Е. Ф. Канкрин распоряжением от 8 февраля 1833 г. отклонил этот проект¹. Общая площадь лесов казенного ведомства в округах по данным межевой конторы в начале 40-х гг. составляла 21 677 дес.²

Крестьяне рубили лес для сельскохозяйственных нужд самовольно, подвергаясь при этом штрафам и преследованиям, о чем свидетельствуют многочисленные судебные разбирательства. Чиновники, опираясь на букву царского законодательства, с особенным рвением карали крестьян-порубщиков.

Не разрешалось отчуждение казенных земель в частную собственность; исключение составляли сады, ранее принадлежавшие туркам и татарам и проданные в 20-х гг. специальной комиссией с торгов. Крестьяне приднестровских селений (главным образом Бендерского у.) купили часть из них — на площади нескольких сот десятин³. ТERRITORIALLY (по сведениям палаты государственных имуществ за 1846 г.) крестьянские надельные земли находились⁴:

в Аккерманском у	187 326	дес.
» Бендерском »	115 463	»
» Кагульском »	9 921	»
» Хотинском »	9 512	»
» Измаильском градоначальстве	34 584	»
В с е г о		356 806 дес. ⁵

Среди округов по угодиям земли распределялись в 1846 г. следующим образом⁶:

Округа	Пространство земли (в десятинах)				по угодиям
	всего	удобной	неудобной	пахотной, сенокосной и выгонной	
Аккерманский	221 910	209 530	12 380	206 116	3 413
Бендерский	125 384	111 729	5 619	110 520	1 209
Хотинский	9 512	7 882	259	7 440	442
Итого . . .	356 806	329 141	18 258	324 076	5 064

¹ ЦГИА СССР, ф. 379, 1839 г., д. 21566, л. 4, 6.

² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, ф. 3710, л. 3.

³ О продаже казенных садов комиссии сохранились дела в фонде канцелярии губернатора. См. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 975, 3313.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 27, д. 8, л. 4.—Сведения палаты государственных имуществ за 1846 г.

⁵ В границах области до 1856 г.

⁶ В таблице обобщены цифровые материалы отчета палаты государственных имуществ.— ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 27, 1846 г., д. 8, л. 6.

Из них: 8036 дес. в Бендерском и 1372 дес. в Хотинском округах находились в спорном владении с частными лицами.

К сожалению, источники редко отражают структурę земельных угодий с подразделением на пашни, сенокосы и выгоны.

Вторичное общее обмежевание казенных земель было осуществлено в 1861—1862 гг.¹

В результате землеустройства ряд селений лишился части угодий, которыми крестьяне пользовались до генерального межевания в связи с отделением земель помещикам и в лесное, колонистское, соляное и др. ведомства.

При распределении земель между селениями часто не учитывались потребности крестьян в угодиях, межи проходили под самыми усадьбами, лишали их пастбищ, лугов, водопоев и т. п. Так, с 1821 по 1826 гг. крестьяне с. Чимашир не раз жаловались в областные учреждения на отмеживание у них к болгарской колонии Троян лучших пашенных и сенокосных угодий и части выгона, межа была проведена под самым селом, отчего «не только для скота, но и для птицы даже не имели свободного выпуска»². В течение 1831—1845 гг. тянулся конфликт между крестьянским обществом с. Гура-Челегидор и церковным причтом немецкой колонии Сарата из-за крайне стеснительного для крестьян размежевания³.

Без учета интересов крестьян была размежевана земля между селениями Жебрияны, Галиешты, Гаджикурда, Кислица, Муравлевка, Гасанаспаха и болгарской колонией Долукной в Измайловском у.; в 1837 г. дачи этих селений снова перекроили, но межевщики заботились главным образом об управлении селений в площадях надельных земель, а не о пропорциональном распределении угодий. Поэтому споры продолжались до середины 40-х гг.⁴

В 1820 г. от с. Ташлык отмежевана и передана колонистскому ведомству «задунайских переселенцев» «вся без изъятия пахотная и сенокосная земля». В результате 118 семей вынуждены были арендовать землю из незаселенных участков⁵. Тогда же по распоряжению царских властей от с. Старая Шаба передали лучшие земли швейцарским колонистам⁶.

Аналогичное положение наблюдалось в землеустройстве селений Капланы и Молдавка. В 1838 г. от последнего отре-

¹ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 99; ф. 3, оп. 4, д. 144, л. 1.

² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 2337, л. 2.

³ Там же, ф. 6, оп. 10, д. 8.

⁴ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 3145, л. 1—5; ф. 122, оп. 1, д. 24, л. 1, 12—13.

⁵ См. жалобу крестьян с. Ташлык.— ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 606, л. 1—2.

⁶ Там же, ф. 6, оп. 2, д. 971, л. 1, 2, 13—15.

зали и передали Копланам 399 дес. В число их попали сады и огороды с колодцами многих крестьян. А взамен прирезали 181,5 дес., как писали в жалобе крестьяне, — «на косогоре пустопозжую, безводную, не имеющую решительно никаких угодий» землю¹.

Невыгодно для селений и неточно, как указывалось в жалобах сельских обществ, были обмежеваны земли в Киркаештах, Копанке, Кицканах, Ермоклии, Каушанах, Царичанке, Васильевке и Покровке².

Не считались с интересами крестьян при нарезке помещикам «пожалованных» земель. Так, межа владений А. Х. Бенкендорфа проходила «под самое подворье» с. Сергеевки, а в Ярославке захватывала даже 19 крестьянских усадеб³.

В ряде мест без учета хозяйственных нужд крестьян обмежевали земли лесного ведомства. В апреле 1825 г. крестьяне с. Батыр Бендерского у. в прошении в областной совет писали: «Отведена нам земля по 30 дес. на каждое семейство, но как на той земле произрастает весьма редкий и небольшой лес, то земля наша, оставаясь между лесом, по большей части занята теперь и даже оборана лесным управлением, служители которого, не допуская нас пользоваться той землей, сами пользуются оной; они завели хутора, сеют хлеб, косят сено и пасут свой скот». Крестьяне вынуждены были арендовать угодия в соседнем казенном участке⁴.

Документация о землеустройстве казенных селений велась небрежно и запутанно. Сведения о земельных дачах в государственных учреждениях были неточные, противоречивые. Например, в 1871 г. при вручении владенной записи крестьяне с. Белоусовки Хотинского округа обнаружили, что по документам в областных учреждениях их земельная дача в течение сорока лет исчислялась в 1750 дес., тогда как ее действительная площадь составляла всего 744 дес.⁵ Аналогичное положение наблюдалось в ряде селений Бендерского округа — Салкуце, Заиме, Тараклии и др.⁶

Еще в 40-х гг. государственные крестьяне Бессарабии относились к числу многоземельных: в среднем по всем округам на мужскую ревизскую душу приходилось 11,5 дес. удоб-

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2801, л. 22, 35; ф. 122, оп. 2, д. 32, л. 82—83.

² Там же, ф. 122, оп. 1, д. 389, л. 1; д. 290, л. 1—16; д. 269, л. 11; ГАОО, ф. 1, оп. 214, 1833 г., д. 6, л. 132—133.

³ См. жалобы крестьян этих селений.— ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 419, л. 8.

⁴ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 620, л. 33.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 385, 1871 г., д. 4036, л. 9—22.

⁶ См. ЦГИ МССР, ф. 24, оп. 1, д. 110, л. 501; ф. 88, оп. 1, д. 35.

ной земли. В конце 60-х гг. эта «пропорция» сократилась до 7 дес.¹

Это прогрессирующее сокращение земельной обеспеченности государственных крестьян наглядно видно из следующей таблицы, в которой наделы по 78 селениям сгруппированы на основе убывающей градации².

Размер посемейного надела	Аккерманский округ			Бендерский округ			Хотинский округ		
	1835 г.	1850 г.	1859 г.	1835 г.	1850 г.	1859 г.	1835 г.	1850 г.	1859 г.
Свыше 40 дес.	2			1					
от 40 до 35 дес.	6	1		5	1				
от 35 до 30 дес.	7	2		11	5				
от 30 до 25 дес.	24	9	3	7	10	6	1	1	
от 25 до 20 дес.	8	17	16	5	12	18	1	1	1
от 20 до 15 дес.		6	13	2	3	6	2	1	2
от 15 до 10 дес.			4			1	1	2	2
от 10 до 5 дес.		2	1				4	3	4
менее 5 дес.							1	1	1
Всего	47	37	37	31	31	31	10	9	10

По округам сокращение площади наделов в расчете на мужскую ревизскую душу наиболее коснулось селений южных округов.

Округа	Число ревизских душ мужского пола		Всей земли в пользовании государствен. крестьян (десятин)		В т. ч. удобной земли в пользовании государст. крестьян (десятин)		Приходилось на 1 ревизскую душу мужского пола десятин удобн. земли	
	1846 г.	1866 г.	1846 г.	1866 г.	1846 г.	1866 г.	1846 г.	1866 г.
	Аккерманский	17 054	17 162	221 910	153 613	209 530	138 321	12,3
Бендерский . .	9 748	13 211	125 384	118 491	111 729	113 971	11,5	8,6
Хотинский . .	1 943	2 362	9 512	9 260	7 881	8 810	4	3,7 ³

¹ Размеры наделов определены по статистическим данным палаты государственных имуществ за 1846 г. и 1866—1869 гг.— ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 27, 1846 г., д. 8, л. 6; ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. 1, л. 165.

² Размеры наделов по каждому селению указаны в делах окружных управлений — в списках селений, представленных в палату государственных имуществ и приуроченных к 8-й, 9-й и 10-й ревизиям.— См. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2989, л. 12—15; ф. 24, оп. 1, 1852 г., д. 2, л. 42—43, 47—48, 92—93, 230—231; ЦГИА СССР, ф. 398, 1858—1859 гг., д. 8263, л. 9—11.

³ Обобщены сведения палаты государственных имуществ, содержащиеся в ее подробных отчетах за 1846 и 1866—1869 гг. ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 17, 1846 г., д. 8, л. 6; 1866—1869 гг., д. 5938, ч. 1, 165.

Таким образом, по Аккерманскому и Бендерскому округам за 20 лет наделы удобной земли сократились примерно в 1,5 раза, по Хотинскому округу — менее чем на одну десятую часть. В Аккерманском округе при равной численности душ мужского пола в 1846 и 1866 гг. произошло значительное сокращение площади земли (результаты Крымской войны, передача земель в частное владение и др. причины), в Бендерском округе сокращение наделов было обусловлено ростом численности крестьян и некоторым уменьшением площади земли (в связи с передачей двух сел в монастырское владение). Незначительные изменения в Хотинском округе объясняются тем, что из селений округа производилось перемещение крестьян на юг области.

В 1859 г. была сделана попытка применить к казенным селениям Бессарабии распоряжение Министерства государственных имуществ о переоценке и частичном сокращении крестьянских наделов, проводимых в центральных губерниях России с фискальной целью: повысить оброчную подать путем обложения излишних земель (свыше 8-десятинной узаконенной душевой нормы) дополнительным налогом. Выяснилось, что у казенных крестьян области сверх 8-десятинной душевой нормы, которая считалась гранью при определении многоземелья, оказалось «излишней» земли около 28 тыс. дес. Однако палата государственных имуществ предупредила министерство: «Крестьяне привыкли считать следуемым каждому семейству наделом 30-десятинную пропорцию на семейство. Изменение этой пропорции на 8- и 4-десятинный душевой надел не признают для себя благоприятным..., потому что всякую отрезку земли из дач... считают для себя крайне стеснительной и даже разорительной в их сельском быту»¹.

Министерство не решилось уменьшить посемейный надел. Последовало предписание: «Имея в виду особые обстоятельства Бессарабской области по устройству поземельного владения и по пограничному расположению, МГИ признало невозможным меру эту, введенную в губерниях, в которых существует душевой надел, распространить на означенную область»². На таком решении сказывались, безусловно, особенности политики, проводимой царским правительством в Бессарабии³.

Конечно, приведенные нами средние цифры по селениям лишь в общих чертах характеризуют земельную обеспечен-

¹ ЦГИА СССР, ф. 398, 1858 г., д. 8263, л. 8.

² Там же, л. 23.

³ И. А. Анцупов. О некоторых особенностях политики царского правительства в отношении государственных крестьян Бессарабской области (1812—1869 гг.). — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г.», М., 1961, стр. 228—242.

ность крестьян, они затушевывают действительное распределение земель в общинах. Значительная часть государственных крестьян, лишенных орудий производства, пользовалась мизерными наделами, и в отношении их малоземелье было неоспоримым фактом. В то же время надельная земля путем разных экономических сделок и средствами открытого насилия концентрировалась в руках зажиточной верхушки. Неравномерность землепользования внутри общины являлась одним из факторов, ускоряющим процесс классового расслоения в деревне.

Надельный фонд расхищался путем повсеместных захватов помещиками общинных земель. Помещики видели в землях казенной деревни источник для расширения своих вотчин. Соседство помещичьих вотчин с землями государственных крестьян и прямое попустительство государства облегчали эти захваты. Несмотря на то, что присвоение земель казенного фонда приняло в Бессарабии широкие размеры, государство, стоявшее на страже интересов дворянства, признавало их «законными». К 1817 г. только в Буджаке А. Гика захватил 72 142 дес., И. Бальш — 41 519 дес., Казимир — 1074 дес., Епурян — 1795 дес., Г. Кодрян — 670 дес., Патаракий — 670 дес., Черемисинов — 9028 дес. и т. д.¹

Присваивая безнаказанно огромные массивы земель из казенного фонда, помещики все чаще и чаще посягали на общинные земли. Сохранившиеся многочисленные жалобы крестьян, судебные тяжбы, материалы межевых ведомств содержат сведения об этих захватах, имевших место на протяжении всего исследуемого периода. Особенно они ярко прослеживаются по Хотинскому у., в котором селения государственных крестьян занимали «островное» положение среди помещичьих имений, а захват казенных земель фактически санкционирован был еще в годы войны с Турцией (1806—1812 гг.). К 50-м гг. было присвоено общинной земли около 3 тыс. дес.².

На юге помещичье присвоение казенных земель имело место главным образом в Бендерском округе. Здесь многие селения были смежными с помещичьими владениями.

¹ Эти сведения содержатся в делах межевых учреждений и областного гражданского суда.— ЦГА МССР, ф. 134, оп. 1, д. 88, л. 301—302; д. 124, л. 841; ф. 37, оп. 2, д. 1362, л. 1—2; ф. 44, оп. 1, д. 257, л. 261, ф. 6, оп. 2, д. 610, л. 70; оп. 10, д. 64, л. 29; ЦГИА СССР, ф. 383, 1850 г., д. 14907, л. 4—24.

² См. тяжебные дела государственной казны с помещиками Хотинского у.— ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 14, л. 112—113; д. 100 л. 22—25; ф. 2, оп. 1, д. 1948, л. 8, 11, 58—62; 204—206; ф. 134, оп. 1, д. 123, л. 494—495; ЦГАДА, ф. 1299; оп. 1, д. 72, 495, 497, 867, 868, 885.

У с. Ченак помещик Добринец захватил более 500 дес., Миллер и Плагино у с. Варницы, Болбоки и Калфы — 418 дес., в документах отмечается присвоение также в Райлянке, Ярославке, Кебабче, Фарладанах, Молдавке¹.

От помещиков не отставали чиновники, горожане, духовенство и различные ведомства. Они занимали удобные земли сравнительно небольшими участками (большей частью под сады и огороды). Из общинных земель м. Каушаны захватили 30 дес. чиновник А. Олофсон и 18 дес. другие отставные офицеры и чиновники, в с. Хаджимус — 8 дес. бендерский мещанин М. Топалов и 6 дес. мещанин Р. Смирнов, в Тицканах (Хотинского округа) «самоправно заняла» более 17 дес. пахотной и сенокосной земли карантинная стража². Подобные захваты отмечены в селениях Чимашире, Фарладанах, Варнице, Старых Каушанах.

Захвату содействовали и низкий уровень межевого дела, и запутанность в делопроизводстве, и неопределенность в границах владений. Особенно это характерно было для Хотинского округа и приднестровского района Бендерского округа. Пользуясь таким положением, помещики под разными предлогами заявляли о своих «правах» на общинные угодья. Затевая бесконечные, очень обременительные для крестьян тяжбы о «спорных землях», они искали юридическую опору в законе о «земской давности», по которому присвоенная земля утверждалась в частную собственность, если находилась во владении более 10 лет, а судебные разбирательства обычно тянулись долгие годы, пока захватчики окончательно не отчуждали в свою пользу занятые крестьянские земли.

Наступление помещиков и других представителей господствующих классов на крестьянские земли росло по мере развития рыночных отношений и приобретало угрожающие размеры; в ответ усиливалась борьба крестьянских обществ за землю. Царское правительство, и в частности МГИ, вынуждено было принять некоторые «охранительные меры». Начиная с 30-х гг., местные власти производили ежегодный «осмотр границ» сельских дач и ревизии межевой документации³. В результате этих мер возникали земельные иски, судебные дела, заводилась обширная переписка, а земли боль-

¹ Эти захваты отражены в судебных делах. См. ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 10, 32, 48; ф. 134, оп. 1, д. 68; ф. 6, оп. 2, д. 751; оп. 3, д. 226, 266; ЦГИА СССР, ф. 383, 1852 г., д. 18602.

² Сведения взяты из фондов ЦГА МССР и ЦГИА СССР.

³ Донесения межевых органов содержатся в ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2824; ф. 122, оп. 1, д. 172—184, 343—347.

шей частью обществам не возвращались¹. Самовольные захваты общинных земель, хотя и не в таких размерах, как прежде, продолжались. Это вызывало непрерывные столкновения крестьян с помещиками. Лишь упорной и длительной борьбой в отдельных случаях общины добивались решения конфликтов в свою пользу.

Земельный фонд, находившийся в пользовании крестьян, сокращался не только по названным выше причинам.

Царское правительство уделяло большое внимание «удовлетворению материальных нужд церкви». Делалось это за счет «прихожан», которые обязывались строить церкви, дома для священников, отводить наделы для причтов из общинных земель и обрабатывать их. В одном из царских указов подчеркивалось: «Земля, однажды отведенная для церкви, никогда не возвращается прихожанам, но, оставаясь неприкосненной собственностью церкви, даже в случае упразднения церкви, должна быть приписана к той церкви, к которой упраздненный приход приписан».

В подавляющем большинстве селений Аккерманского и Бендерского округов причтам нарезали по 99 дес., в Хотинском округе причты были общими с царанскими селениями и наделы тоже общими — в среднем по 33 дес.²

Перед реформой 1869 г. в распоряжении цервей, по сведениям палаты государственных имуществ, числилось 5595 десятин³. В действительности, как выяснилось во время вручения селениям владенных записей, церковные земли занимали значительно большую площадь, так как причты разными путями расширили свои наделы⁴.

Причты, помимо пользования наделами, безвозмездно распоряжались общинными угодиями — сенокосами, рыбными угодиями, камышом и т. д. — имели приусадебные участки, сады, огороды, виноградники. Отдельные церковнослужители вели на общинных землях обширные хозяйства. В 1831 г. крестьяне с. Копчак выступили против местного священника Л. Романовского, который, кроме выделенных причту 99 дес., запахивал до 50 дес. общинной земли, выпасал на сельских пастбищах 60 голов рогатого скота и 40 овец, владел казенным садом и общинным водоемом⁵. В с. Саиц

¹ Результаты проверки границ общинных земель отражены в делах местных и центральных учреждений. См. ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 27, 1846 г., д. 8; ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, л. 24; ф. 2, оп. 1, д. 3294, 3439.

² См. список селений с указанием площадей церковных земель.— ЦГА МССР, ф. 208, оп. 1, д. 247, л. 195—196.

³ ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 51.

⁴ Детальные сведения о размерах церковных земель см. в ЦГА МССР, ф. 8, оп. 1, д. 300, л. 17—18.

⁵ См. жалобу крестьян.— ЦГА МССР, ф. 208, оп. 2, д. 247, л. 218.

Бендерского округа пономарь С. Обжилу «производил в гораздо большем против тамошних жителей количестве хлебопашество и сенокошение», пономарь Мирон Викул в с. Копанке Бендерского округа владел в 40-х гг. садами на площади до 32 дес.¹

С 40-х гг. в некоторых селениях стало ощущаться малоземелье. Все чаще и чаще крестьяне просят прирезать землю из казенного фонда, переселить в многоземельные селения, перемежевать земли между селениями с целью уравнения в наделах. Такие прошения поступали от крестьян ряда селений южных округов и всех селений Хотинского округа².

Далеко не всегда их просьбы удовлетворялись; под разными предлогами отклонялись ходатайства о наделении оброчными и пустующими землями. Лишь обострение недовольства крестьян, отказ от платежа налогов и выполнения натуральных повинностей, рост недоимочности заставляли МГИ и его ведомства на местах заниматься «уравнением» селений в площадях надельной земли. Но делалось это не систематически, а в крайних случаях.

В 40-х гг. велась большая переписка в учреждениях государственных имуществ по этому вопросу. Предполагалось осуществить, главным образом, переселение части крестьян из малоземельных в многоземельные селения. Было выявлено 12 селений в Бендерском, 6 — в Аккерманском и несколько селений в Хотинском округах, из которых намечалось переселить крестьян в многоземельные селения: Тараклию, Царичанку, Займ и др. По Аккерманскому округу предполагалась преимущественно прирезка земли от одного селения к другому³.

Что было практически предпринято и реализовано правительственными учреждениями? Переселенческие мероприятия свелись к следующему: с конца 30-х до 60-х гг. переселено около 200 семей из Борисовки, Райлянки, Вознесенского, Рухотина, Мамалыги и др.⁴ По линии

¹ ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, д. 599, л. 1—2; ф. 208, оп. 2, д. 247, л. 215.

² Прошения сохранились в фондах палаты государственных имуществ, казенной палаты, канцелярии губернатора, Министерства государственных имуществ. См. ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 140, л. 41; оп. 1, д. 40, л. 1—12; д. 293, л. 1—5; д. 20, л. 1—5; д. 290, л. 1—4; д. 43, л. 5; ф. 121, оп. 1, д. 103, л. 7, 10; ф. 2, оп. 1, д. 2333, л. 95—96; д. 2369, л. 3, 29—33, 36, 80—84, 86; ф. 88, оп. 1, д. 782, л. 63; ГАОО, ф. 1, оп. 214, 1832 г., д. 6, л. 146—147, 156, 159; ЦГИА СССР, ф. 385, 1870 г., д. 3596, л. 2—22.

³ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 13, л. 1—45; д. 40, л. 1—16, д. 48, л. 1—109.

⁴ Здесь обобщены нами сведения о ходе и результатах переселения крестьян в многоземельные селения.— ЦГА МССР, ф. 134, оп. 3, д. 51, л. 19—20; ф. 122, оп. 1, д. 7, л. 5, 94; д. 4, л. 115—118; д. 43, л. 65; оп. 2, д. 62, л. 12; д. 25, л. 102; ЦГИА СССР, ф. 383, д. 4262, л. 79—83.

прирезки земель к сельским дачам для добавочного надела проводились два вида мероприятий: передача угодий от селения к селению (осуществлялось сравнительно редко) и в отдельных случаях к малоземельным селениям примежевывались земли из казенного фонда. В 40-х гг. были отрезаны 398 дес. от с. Молдавки и переданы с. Капланам, в 50-х гг. от с. Дмитриевки передана земля с. Чичме, от с. Фруманки — с. Карамахмету 790 дес. Из казенного фонда было прирезано в 40—50-х гг. ряду селений, по нашим подсчетам, около 3,5 тыс. дес.¹ Сопровождалось это большой волокитой, по каждому отдельному случаю требовалось распоряжение Министерства государственных имуществ, от начала ходатайств крестьян до удовлетворения их просьб проходили долгие годы.

Иногда крестьяне, «за недостачей для хлебопашства и сенокосения земли», получали увольнительные свидетельства от обществ и сами переходили в многоземельные селения одиночками или небольшими группами. Такие факты наблюдались в Болбоке, Заиме, Фрумушике, Селемете, Батыре, Старых Каушанах, Слободзее-Ганесы, Копчаке, Кирнацах, Опаче и др.²

Проводившиеся МГИ меры по «уравнению» селений в наделах не могли сгладить резкого различия их в земельной обеспеченности, так как по своим масштабам они были мизерными в сравнении с возраставшей с каждым годом потребностью в земле. Да то, что делалось, не было продиктовано заботой царских чиновников об улучшении положения крестьян, преследовались определенные классовые цели: обеспечение платежеспособности крестьян и ослабление остроты классового недовольства в казенной деревне.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

Верховным феодальным собственником всей казенной земли являлось государство: в отношении государственных крестьян оно выступало как вотчинник. Феодальная собственность на землю являлась главным условием феодальных отношений между дворянским государством и крестьянами казенной деревни: за пользование землей крестьяне должны были нести феодальные повинности и уплачивать феодаль-

¹ Материалы о прирезке земли содержатся в делопроизводственной переписке областных и центральных учреждений. См. ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 4, л. 115—118; д. 13, л. 41; д. 43, л. 63, ф. 2, оп. 1, д. 3699, л. 21; ф. 6, оп. 10, д. 64, л. 30—31; ЦГИА СССР, ф. 383, д. 5429, л. 59; д. 4262, л. 79—88; ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5933, ч. I, л. 162—163; ГАОО, ф. 1, оп. 214, 1832 г., д. 6.

² ЦГА МССР, ф. 6, оп. 2, д. 1188, л. 7—55.

ную земельную ренту. Государство использовало земельный фонд в различных целях: для надела крестьян, раздавало в виде «пожалований» значительные массивы сановникам, генералам, офицерам, чиновникам за различные «заслуги», учреждало долголетнее арендное содержание, переводило в разряд «оброчных статей» и торговало ими.

Дворянское правительство рядом специальных законов стремилось искоренить у государственных крестьян представление о земельной собственности, подчеркивая всякий раз, что земли, на которых они поселены, «составляют собственность казны и представлены от нее только во временное их пользование»¹. Оно усиливало свое вмешательство в землепользование крестьян, ограничивало его. Крестьяне не мирились с таким положением и, отрицая безусловное право феодальной земельной собственности государства, часто распоряжались наделами без согласия властей: сдавали в аренду, продавали, закладывали, обменивали и т. п.

Государство представляло земли в бессрочное пользование общинам с правом распределения их между семьями в виде наделов по утвержденным правительством нормам (в южных округах по 30 дес. на семью) и последующими переделами на основании уравнительного порядка землепользования. Пользование наделами было ограничено только рядом государственных крестьян; жившие в селениях «посторонние» — мещане, купцы, отставные чиновники и пр.— должны были вступать в договорные отношения с крестьянскими обществами о временном пользовании участками за определенную плату (аренда). Переход крестьян в мещанство, купечество и т. п. лишал их пользования наделом. Община с ее уравнительно-передельным землепользованием и круговой порукой обеспечивала фискальные интересы государства, поэтому оно охраняло ее силой власти.

Общинное землепользование нашло законодательное оформление в специальных инструкциях, указах, «разъяснениях». «Земли и годия, — говорилось в одном из них, — принадлежат во владение не каждому крестьянину порознь, но всем вообще обывателям одной слободы, села или деревни; распределение их на участки по семействам и внутреннее оными распоряжение принадлежит целому мирскому обществу; остающиеся после умерших поселян участки... подлежат распоряжению мирских обществ»². Отступление было сделано лишь в 1849 г., когда государственным крестьянам в Бессарабской области разрешалось отводить участки общинной земли под сады, площадью до 3 дес., в пользование на

¹ ЖМГИ, 1844, ч. XI, стр. IX; ч. XIII, стр. III—VIII.

² ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 25, л. 154.

срок до 50 лет. Освоенный участок можно было передавать в пользование по наследству, даже продавать, но только своим общинникам¹. Право наследственного бесплатного пользования землей затем распространили и на тех крестьян, которые получали участки под мельницы, промышленные предприятия и т. п.²

В общинах пользование угодиями строилось следующим порядком: пастбищами пользовались сообща, пашнями и сенокосами — через периодические переделы (распределялись по числу семей), усадьбами, садами, виноградниками и огородами — наследственно.

В казенных селениях сложилась и другая форма землепользования — подворная, т. е. часть крестьян распоряжалась всеми угодиями подворно; как отмечается в официальных документах, оно частично было похоже на землепользование у четвертных владельцев центральных губерний³. Каково было соотношение общинного и подворного пользования? В нашем распоряжении нет регулярных сведений. Лишь в книге Д. П. Семенова оно отражено за 1858 г.: общинным пользованием было охвачено 11 777, а подворно-участковым — 1223 ревизских души⁴.

Таким образом, оперируя этими данными, можно говорить о подавляющем преобладании общинного землепользования (90,6%) над подворным (9,4%).

Государство в любое время могло вторгнуться в общинные земли и распоряжаться по своему усмотрению, создавая тем самым неустойчивое положение в общинном землепользовании. Так, в 20-х гг. сотни десятин лучшей земли из дачи с. Старая Шаба были переданы выходцам из Швейцарии, основавшим колонию на берегу Днестровского лимана⁵. В 1830 г. от общинных угодий с. Шаганы отрезаны соляному управлению 625 дес.; к тому же межа была проведена под самым селением и разделяла общинные земли чересполосно на две части, крестьяне лишились возможности пригонять скот на пастбища⁶.

В 30-х годах было передано из крестьянских земель в

¹ Факты землепользования такого характера отражены в архивных источниках. См. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6977, л. 118—121; ф. 122, оп. 1, д. 113; ЦГИА СССР, ф. 398, 1847—1849, д. 3531, л. 28, 30, 44, 88, 90—91; ГАОО, ф. 1, оп. 215, 1848 г., д. 24, л. 1—15.

² ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 25, л. 155; ф. 134, оп. 1, д. 60, л. 480—481.

³ ЦГИА СССР, ф. 381, 1867 г., д. 3613, л. 236.

⁴ Д. П. Семенов. Статистический очерк крестьянского землевладения и землепользования. СПб., 1904.

⁵ ЦГА МССР, ф. 6, оп. 2, д. 971, л. 1—2, 13—15.

⁶ Там же, ф. 134, оп. 3, д. 34, л. 10, 21, 108—109; ф. 593, оп. 1, д. 6, л. 1—4; ЦГИА СССР, ф. 389, 1843 г., д. 5160, л. 48.

с. Карамахмете 790 дес. колонистскому ведомству «задунайских переселенцев», в селах Ганкишле, Паланке и Павловке 1731 дес.—Дунайскому казачьему войску, в Райлянке — более 1500 дес. и участок в Ярославке — графу Канкрину, в Сергеевке 2183 дес. и Кебабче 360 дес.—А. Х. Бенкендорфу¹.

Лесным ведомством под питомники для наделения лесной стражи и под предлогом «округления лесов» в 40—50 гг. было занято несколько сот десятин из общинных дач Тараклии, Плахтеевки, Кицкан, Копанки, Ермоклии, Талмаз и Чобруч².

В 60-х гг. царское правительство передало основной массив земель с. Копанки и Кицкан Нямецкой лавре³ и сотни десятин были отмежеваны железнодорожным ведомством из надельных земель Варницы, Қалғы и Болбоки⁴.

Оно осуществляло обмен общинных земель с помещиками (например с наследниками Е. Ф. Канкриной в с. Ярославке Аккерманского округа в начале 50-х гг.)⁵ и под видом «излишних земель» переводило часть надельного фонда в разряд «оброчных статей».

Основным видом крестьянского землепользования в бессарабской казенной деревне являлось надельное. Вненадельное землепользование осуществлялось в виде аренды «мирских оброчных статей», незаселенных казенных участков, лесных «полян», помещичьих, купеческих и других земель.

Арендный фонд вплоть до начала 60-х гг. на юге области был еще значительный. По данным губернаторской канцелярии, в 1862 г. площадь незаселенных («пустопорожних») земель составляла в Аккерманском у. 176 167 дес. и в Бендерском у. — 72 200 дес.⁶

В арендном землепользовании государственных крестьян главное место принадлежало казенным и мирским «оброчным статьям», включавшим в себя незаселенные пахотные и сенокосные участки, находившиеся в распоряжении учреждений ведомства МГИ или крестьянских обществ.

Казенные «оброчные статьи» формально сдавались всем желающим с торгов в аренду на определенный срок — большей частью на 3 года; распоряжалась ими палата государственных имуществ. Фонд казеннооброчных земель был зна-

¹ ГАОО, ф. 1, оп. 214, 1832 г., д. 6, л. 159; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2333, л. 95—96; д. 2369, л. 71; д. 2801, л. 4—30; д. 4331, л. 1—6, 15, 25; ЦГИА СССР, ф. 383, д. 6489, л. 1—2; 1848 г., д. 10497, л. 2, 6.

² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 73, л. 146—148; д. 92, л. 109; д. 113; ф. 122, оп. 1, д. 290, л. 9, 16.

³ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 7426.

⁴ Там же, ф. 8, оп. 1, д. 45.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 383, 1848 г., д. 10497.

⁶ ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 1489, л. 114.

чительно сокращен в течение 20—30-х гг. («пожалования», передача земель различным ведомствам, переселенцам из внутренних губерний и из-за границы и др.), так что к началу 40 гг. составлял всего около 37,5 тыс. дес., а в начале 50-х гг.— 6700 дес. (вместе с землями лесного ведомства)¹.

Земельные «оброчные статьи», замежеванные в дачах селений, также сдавались в аренду с откупом, но распоряжались ими крестьянские общества, а доходы с них шли на покрытие «мирских» нужд или на пополнение различных «капиталов».

Дворянское государство смотрело на «оброчные статьи» как на источник доходов казны, превратив их в средство дополнительной полукрепостнической эксплуатации крестьян. В разряд этих «статьй» оно переводило и участки, отрезанные от крестьянских полей и пастбищно-луговых угодий. Исходя из коммерческих соображений, участки передавали тем, кто на торгах называл самую высокую сумму. Поэтому конкурентную борьбу за землю могли выдержать либо все крестьянское общество (общественная аренда), либо отдельные, наиболее зажиточные крестьяне. Для последних аренда земли являлась одним из главных источников наживы.

Аренда целыми крестьянскими обществами была распространенным явлением в казенных селениях и в большинстве случаев касалась кормовых угодий. Экстенсивное животноводство, стесненность в угодиях, особенно лугов и пастбищ, недоброкачественность, а иногда и совершенная бесплодность наделов заставляли крестьян прибегать к найму земель. Некоторые селения вынуждены были обращаться к аренде пашенных угодий из-за отмежевания от их дач удобных земель. Так, например, было в с. Ташлык Аккерманского у. В 1820 г. от сельской дачи отрезана была «вся без изъятия пахотная и сенокосная земля». Крестьяне вынуждены были три года арендовать угодия у колонистского ведомства, упорно добиваясь примежевания земли из казенного фонда².

Часто обществам приходилось арендовать угодия из вторых рук, так как на торгах купцы, мелкие торговцы, помещики и посессоры, подавляя своих противников возвышением арендной платы, захватывали их в свои руки. А заполучив таким образом угодия, они сдавали в субаренду крестьянам по частям «за неимоверно высокую цену», как свидетельствовала не раз палата государственных имуществ³. Аренда зе-

¹ Подсчеты произведены по данным межевой конторы о казенном земельном фонде. См. ЦГА МССР, ф. 6, оп. 2, 1280, л. 3—16; ф. 24, оп. 1. д. 2, л. 97—98; д. 26, л. 113—114.

² См. жалобу крестьян. ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 606, л. 1—3.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4830, л. 60; ф. 122, оп. 1, д. 43, л. 36.

мель для них служила средством обогащения, средством «заработать деньги»¹.

В лесных дачах казны было много сенокосных угодий, доступных крестьянам только через обременительную аренду.

Селения, граничившие с казенными лесами, вынуждены были откупать «лесные поляны». Крестьянское общество с. Кицкан в 40—60-х гг. пользовалось таким путем полянами в 400 дес., общество с. Копанки откупало от 100 до 250 дес. Откупали поляны площадью в несколько сот десятин общества селений Талмазы, Олонешты, Коркмазы, Паланка, Рухотин, Ванчикоуцы и др.² Арендовали и за деньги и на основе издольщины (из 5-й и 3-й копны).

Помимо общественной аренды, распространена была аренда группами и отдельными крестьянами — кулацкой прослойкой деревни. Они стремились действовать индивидуально³.

Сенокосные угодия арендовались и крестьянами степных селений: у соляного управления, палаты государственных имуществ (незаселенные участки) и помещиков⁴.

Аренда пастбищно-сенокосных угодий отдельными крестьянами была связана с втягиванием их в рыночные связи. Некоторые из них вели обширные животноводческие хозяйства и нуждались в дополнительных лугах и пастбищах.

В селениях, где посемейный надел превышал 30 дес., по распоряжению МГИ с 1842 г. были образованы «мирские оброчные статьи». С сокращением земельных наделов крестьяне вынуждены были идти на аренду этих «излишков» в своих же дачах, используя их и как пашни и как сенокосы. В 40—50 гг. широко практиковалась аренда этого земельного фонда крестьянскими обществами. В дальнейшем «мирские статьи» были упразднены — вошли в надельный фонд, так как 30-десятинного семейного надела в 60-х гг. ни в одном селении не оказалось.

Из следующей таблицы видны размеры этой аренды по ряду селений Бендерского округа в 1848—1851 гг.⁵

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 88.

² Сведения взяты из архивных фондов палаты государственных имуществ канцелярии, гражданского губернатора, казенной палаты, уездных учреждений.

³ В документах отразились такие арендные сделки в Карамахмете, Чобручах, Батыре, Сергеевке, Паланке, Коновке, Ванчикоуцах, Макаровке и др. ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 252, л. 118—119, 249—250, 254; оп. 2, д. 14, л. 108—111; д. 23, л. 150; л. 73, л. 22; д. 91, л. 154; д. 93, л. 52; д. 138, л. 259—162; д. 139, л. 127—130; д. 154, л. 50; д. 157, л. 41—42; ф. 2, оп. 1, д. 4224, л. 7; д. 4830, л. 34, 51, 53, 57; ф. 1328, оп. 1; д. 11, л. 3—4, 12.

⁴ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 138, л. 241.

⁵ Таблица составлена по материалам арендных сделок. См. ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 15, л. 140; д. 31, л. 117—119; д. 34, л. 30—31; д. 44, л. 66—68; ф. 24, оп. 1, д. 2, 1852 г., л. 47—48.

Селение	Всего надельной удобной земли (десятин)	Площадь арендируемой земли (десятин)	% арендируемой земли к площади надельной земли	Арендная плата за 1 десятину (коп. серебром)
Абаклыджаба	5590	790	14	76
Баймаклий	2610	250	9,6	36
Жавгур	2958	168	5,4	36
Киркашты	4392	704		37
Михайловка	2750	445	16	31
Садаклия	4236	1147	27	57
Тараклия	5113	1273	25	56
Токуз	4485	195	4,3	54
Троицкое	3350	561	16,7	36
Хаджимус	2533	224	9	76
Чимишлия	8141	445	5,5	57
Чекур-Менжир	3346	287	8,6	61

Характерно, что в официальном распоряжении МГИ устанавливалась подестинная арендная плата в 23 коп. серебр.¹, но в действительности, как видно из таблицы, с крестьян взыскивали в 1,5—3 раза дороже.

Наряду с перечисленными селениями, «мирские» земельные угодия откупались обществами (по неполным данным) в 15 селениях Аккерманского и Бендерского округов: Успенском, Чичме, Плахтеевке и др.²

Но не все селения имели такой вид земельного резерва: некоторым приходилось арендовать участки под пашни из так называемых «пустопорожних» земель казенного ведомства. В течение 30—60 гг. на разные сроки брали в аренду из этого фонда крестьянские общества смежных с ними селений³.

Наконец, крестьянам приходилось арендовать земли у соседних помещиков, с оплатой в денежной и натуральной формах⁴.

Характер индивидуальной крестьянской аренды зависел от того, какой тип хозяйства прибегал к найму земли: а) кулац-

¹ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 13, л. 11.

² ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 13, л. 5—18; д. 34, л. 30—31; д. 70, л. 150—151; ф. 2, оп. 1, д. 5297, л. 19—20, 104—106.

³ Молдавки (1430 дес.), Бакчалии (1209 дес.), Царичанки (300 дес.), Батыра (413 дес.), Михайловки (1585 дес.), Сергеевки (2182 дес.), Райлянки (1511 дес.), Спасского (1928 дес.), Ивановки (2334 дес.), Займа (866 дес.). Сведения о них содержатся в ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 2369, 2686, 2896, 3009, 6977, ф. 134, оп. 1, д. 59, 60, 68; ф. 122, оп. 2, д. 20, 34; 157, ф. 6, оп. 2, д. 1280; ЦГИА СССР, ф. 379, 1833 г., оп. 2, д. 140; ф. 383, 1843 г., д. 5429.

⁴ Фактические данные об аренде помещичьих земель содержатся в делах палаты государственных имуществ, канцелярии губернатора, соляного управления и др. См. ЦГА МССР, ф. 241, оп. 1, д. 42, л. 28; ф. 122, оп. 1, д. 7, л. 63—64, 115—118; ф. 2, оп. 1, д. 2369, л. 40—48, 53.

кие хозяйства — крупные производители сельскохозяйственной продукции, — приспосабливаясь к потребностям рынка, арендовали и сдавали земельные угодия с предпринимательскими целями; б) часть середняков арендовала земли в дополнение к своим наделам; в) основная масса крестьянства — бедняцко-середняцкие хозяйства — являлась съемщиком из вторых рук небольших участков (часто на кабальных условиях), либо сама сдавала свои наделы (частично или полностью).

И в пользовании угодиями, арендованными целыми крестьянскими обществами, эти три группы участвовали неодинаково. Главная роль принадлежала двум первым группам. «Было бы большой ошибкой думать, — писал В. И. Ленин, — что концентрация аренды в руках крестьянской буржуазии ограничивается единоличной арендой. Ничего подобного. Арендованная земля распределяется всегда «по деньгам», и отношение между группами крестьянства нисколько не меняется при мирских арендах»¹.

В соответствии с направлением хозяйства (зерновое, садово-огородническое, животноводческое, выращивание технических культур) и целей аренды (хозяйственное использование земли или земельная спекуляция) величина арендованных участков колебалась от нескольких десятин до сотен и даже тысячи десятин.

Отдельные разбогатевшие хозяйства выступали на торгах как самостоятельные претенденты на аренду значительных земельных участков. Иногда кулаки объединялись, действовали «в товариществе». Сам факт участия в торгах свидетельствовал о наличии у них больших денежных средств: нужны большие суммы денег для аренды, требовался залог не менее $\frac{1}{3}$ годовой цены арендной «оброчной статьи» и т. д. Борьба за землю шла и в среде кулачества.

Почти в каждом селении имелись крупные арендаторские хозяйства. На торгах они противостояли целым сельским обществам. Так, в 20-х гг. ряд лет крестьянин из Каушан Диордий Гинко арендовал казенный участок в Аккерманском у. площадью в 4204 дес., платя в год по 757 руб.; «занимался хлебопашеством и скотоводством», как значится в документе². В 30-х годах вилковские крестьяне Таран и Ушаков сняли на 6 лет два казенных участка общей площадью в 2016 дес. с годовой арендной платой по 931 руб.³ В 40-х годах арендовали в течение ряда лет крестьяне: в с. Заиме В. Мунтян — 614 дес., в с. Талмазах Д. Плешко — 300 дес. и И. Штиопул — от 100 до 300 дес.⁴ В 50-х годах крестьяне

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 74.

² ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 1364, л. 80—81, 114.

³ Там же, ф. 6, оп. 2, д. 1280, л. 9, 14.

⁴ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 4830, л. 34, 51, 53, 118—120.

м. Татарбунар Я. Чумаченко в компании с килийским мещанином С. Пироженко ряд лет держали в аренде казенный участок в 1050 дес.¹

После Крымской войны в связи с удорожанием земель, сокращением фонда «оброчных статей», возрастанием удельного веса земледелия за счет сокращения животноводства в южных селениях наблюдается уменьшение размеров арендуемых участков: в большинстве случаев в это время они не превышают нескольких десятков десятин.

В селениях Хотинского округа группа кулаков арендовала, главным образом, лесные сенокосы и казенную дачу Ванчинцы (412 дес.). В частности, дача находилась в аренде в 30-х гг. у костичанских крестьян Говерняна и Бозаря, в 40—50-х гг.—у ванчикоуцкого крестьянина И. Паскаря и гиждевского крестьянина А. Руснака. Годовая арендная плата была довольно высокая — около 1200 руб.; но она покрывалась большими доходами, извлекавшимися из дачи. Ванчинцы находились на крупном скотопрогонном тракте, по которому направлялись большие гурты скота в Австрию; арендаторы взимали плату за выпас скота и водопой. Кроме того, отдавали мелкие сенокосные и пахотные участки в субаренду крестьянам ближайших селений².

Почти исключительно на арендной земле базировалось степное коневодство в 30—50 гг. Владельцы табунов вели хуторскую жизнь, переходя со своими табунами с места на место, «смотря по тому, где выгоднее наем земли под выпас», арендовали земли у помещиков, платя в сезон за десятину луга от 50 коп. до 1 руб. 50 коп.

Наряду с арендой крупных земельных массивов, существовала крестьянская аренда мелких пахотных и сенокосных участков. Кулацкие хозяйства с интенсивным направлением арендовали участки под огороды, сады, мелкие предприятия и т. п.; середняки и бедняки брали небольшие участки на короткие сроки в силу малоземелья (в селениях Хотинского округа), либо для обеспечения дополнительными сенокосами, пашнями³.

В смешанных, многоотраслевых кулацких хозяйствах арендный клин обычно состоял из нескольких десятков деся-

¹ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 23, л. 168—169.

² Обобщены материалы об аренде дачи, содержащиеся в ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4224, л. 7; ф. 1328, оп. 1, д. 11, л. 3—4; ф. 122, оп. 2, д. 14, л. 108—111; «Бессарабские областные ведомости», 1867, № 200.

³ Факты аренды мелкими участками отражены в делах палаты государственных имуществ, окружных и уездных управлений. См. ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, д. 477, л. 1; ф. 2, оп. 1, д. 4830, л. 92—96; ф. 122, оп. 2, д. 88, л. 53—56; д. 112, л. 92—93; ф. 1328, оп. 1, 1845, д. 11, л. 12; д. 21, л. 1—9.

тин, а в отдельных случаях и более 100 дес. Примером такого крупного арендаторского хозяйства предпринимательского типа служит хозяйство крестьянина с. Петропавловки Аккерманского округа Роженко. По сведениям, относящимся к началу 60-х гг., он засевал зерновыми 143 дес. (в том числе 95 дес. пшеницей) и 40 дес. льном, имел 2 дес. фруктового сада и скота — 18 рабочих волов, 15 коров, 25 лошадей, 250 овец. Все его обширное хозяйство базировалось на арендной земле, так как посемейный надел в Петропавловке составлял лишь 25 дес. Пашенную землю арендовал в соседних помещичьих имениях, скот выпасал на наемных пастбищах. Хозяйство обслуживалось наемной рабочей силой. Получающую продукцию сбывал сам, без посредников: хлеб и лен вывозил в Одессу и Аккерман, фрукты — в станицу Волонтировку, рогатый скот, лошадей и овец — в колонию Тарутино и Волонтировку¹. Подобные хозяйства имелись в селениях: Слободзея — Ганесы, Ивановка, Талмазы и др.

С развитием товарно-денежных отношений в казенной деревне выделялась группа кулаков, занимавшихся систематически арендой со спекулятивными целями: откупали большие массивы для последующей передачи мелкими участками на короткие сроки нуждающимся крестьянам. В частности, они стремились заполучить в свои руки на продолжительное время «мирские» и казенные «оброчные статьи», в которых больше всего нуждалась основная масса крестьянства. «Раздробительная» сдача земель в погодное арендное содержание приносила землевладельцам прибыль в среднем по области в конце 60-х гг. на 30% больше, чем сдача крупными участками².

Арендные отношения в казенных селениях в изучаемый период еще слабо коснулись надельных земель. Сведения о случаях сдачи в наем своих наделов безинвентарными, маломощными хозяйствами разбогатевшим односельцам, купцам, мещанам, мелким торговцам немногочислены. Обычно арендные сделки вызывались крайней необходимостью, когда отдельные крестьяне лишались возможности обрабатывать наделы своими средствами, а налоги надо было платить, либо отвлекались промыслами и ремеслами. Большой частью в этих случаях арендаторами выступали так называемые «иногородцы» — представители ремесленно-торговых слоев города³. Что касается местной зажиточной верхушки, то она

¹ ЦГИА СССР, ф. 398, 1863 г., д. 11045, л. 5—9, 18.

² Доклады высочайше учрежденной комиссии. СПб., 1873, Приложение V, стр. 10.

³ Примеры таких арендных сделоксмотрите в ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 74, л. 147—148.

обычно без аренды распоряжалась наделами обедневших, «бездомных» и т. п. крестьян.

Аренда уплачивалась деньгами, натурой или в смешанной форме. Арендные цены непрерывно росли. И казенные ведомства, и помещики, и другие крупные землевладельцы, в условиях все увеличивавшейся потребности обществ и отдельных крестьян в земле, с каждым годом повышали цены на угодия. Цена «оптового найма» земли в середине 50-х гг. в южных уездах составляла 70—80 коп. за десятину, через 10 лет она поднялась до 1 руб. 30 коп., превосходя цены 30-х гг. в 3 раза¹. В местах острого малоземелья помещики доводили арендную плату к концу 60-х гг. до 8 руб. за десятину (при аренде мелкими участками)².

Натуральная форма аренды — оплата из доли урожая, отработки, испольщина — больше всего была распространена в среде деревенской бедноты и части середняцких хозяйств, которые шли на кабальные сделки под давлением нужды. Кулаки арендовали пастища для откорма скота и пашни для расширения торгового зернового хозяйства за деньги и обрабатывали их наемной рабочей силой. Натуральная аренда обходилась крестьянам дороже денежной.

Крестьяне арендовали казенные сенокосы «из копны»; как правило, распространена была аренда из 3-й и 5-й копны³. Из доли урожая (за дижму) арендовали иногда крестьяне земли у помещиков и казенного ведомства, подвергаясь, таким образом, полукрепостнической эксплуатации⁴. В. И. Ленин подчеркивал: «Испольщина, обработка земли из половины урожая или уборка сенокосов из третьей копны («на третьяк») представляет собой тоже прямое переживание крепостничества»⁵.

Сдача земель из доли урожая распространена была в бесскотных крестьянских хозяйствах. Встречалась аренда мелких участков под посев за отработки и смешанная оплата — за отработки и деньги.

Натуральные формы аренды в бессарабской казенной деревне типичны были для 20—30-х гг. По мере углубления процесса разложения феодального способа производства нату-

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7458, л. 8, 42, 43. В 20-х гг. незаселенные участки в Аккерманском и Бендерском уездах сдавались в аренду по цене от 10 до 35 коп. за десятину (ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 624, л. 29—30, 49, 59—61).

² Там же, ф. 8, оп. 1, д. 389, л. 4.

³ См. арендные сделки.— ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 140, л. 10—11; д. 10—11; д. 154, л. 337—341; д. 157, л. 31—32; ф. 454, оп. 1, д. 15, л. 26; ГАО, ф. 1, оп. 214, 1824 г., д. 8, л. 10.

⁴ Фактический материал смотрите в ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 624, л. 96—97; д. 606, л. 1—2.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 91.

ральные формы аренды все более вытеснялись денежной. Начиная с 40-х гг., в подавляющем большинстве арендных сделок государственных крестьян преобладает денежная форма.

Частное землевладение среди государственных крестьян Бессарабии было слабо развито: известно лишь несколько случаев покупки участков по нескольку десятков десятин в соседних помещичьих имениях с целью расширения посевных площадей и приобретение в частную собственность бывших казенных садов. Возможности увеличения частного землевладения за счет купли-продажи садов были резко ограничены правительством. В 1848 г. оно дало «разъяснение»: сады остаются «собственностью настоящих владельцев», но «без усвоения им крепостных прав на владения землей, которой они могут пользоваться «только срочное время»¹, т. е. с уничтожением насаждений она подлежала возвращению казне, а при купле-продаже не должна входить в стоимость сада.

Насажденная сверху, по своему характеру феодальная система землепользования в бессарабской казенной деревне находилась в остром противоречии с процессом развития капиталистического способа производства в сельском хозяйстве. Но это не означает, однако, что уравнительно-надельное землепользование было незыблемым, раз навсегда застывшим. По мере усиления классового расслоения деревни оно расшатывалось, земля концентрировалась в руках зажиточной верхушки, а обедневшие крестьяне превращались только в номинальных землепользователей; община допускала возможность захватов земель разбогатевшими односельцами, представителями местных властей. Во многих случаях принцип уравнительного землепользования существовал лишь формально.

Общинному землепользованию государственных крестьян были свойственны периодические переделы — общие и частные. Они обусловлены были изменением численности крестьян, возрастанием малоземелья, классовым расслоением, обеднением части крестьянских хозяйств (вследствие чего оказывались неспособными обрабатывать свои наделы), истощением отдельных угодий.

До середины 30-х годов в казенных селениях южных уездов общие переделы не практиковались в связи с размежеванием государственного земельного фонда и затянувшимся процессом заселения Буджака. В последующий период они приурочивались к ревизиям, когда в фискальный учет попадали новые семьи, которым полагалось выделять земли. Такой порядок был распространен и в центральных губерниях страны и имел своей целью приведение в соответствие размежиров земельных наделов с наличным числом налогоплатель-

¹ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 25, л. 147.

щиков (в центральных губерниях — ревизских душ, а в Бессарабии — семей и бурлаков).

Между ревизиями проводились частные переделы. Они большей частью вызывались переложной системой земледелия, требующей периодического перераспределения участков. На сроки частных переделов влияли многие другие причины: насилиственное отмежевание и передача в другие ведомства или частным лицам общинных земель, резкое сокращение населения из-за эпидемий, массовых побегов крестьян за пределы области и др.

Переделы, как правило, сопровождались ожесточенной внутриобщинной борьбой. Деревенская зажиточная верхушка, которая захватывала и удерживала большие и лучшие участки общинной земли, не была заинтересована в частных переделах. Против нее выступали средние и бедные слои. Поэтому переделы являлись важным событием в жизни деревни. Каждый из них сопровождался длительными спорами на многочисленных сходах. Если это был коренной передел, то в нем принимало участие и МГИ, от которого поступали специальные разрешения на перераспределение земли¹.

В селениях, где имелись излишние, сверх определенной посемейной нормы земли, на вновь образовавшиеся семьи выделялись наделы из этих излишков. Поэтому для таких селений вплоть до 50-х гг. передел земель не сопровождался урезкой величины существующих наделов². В тех же селениях, где резерва не имелось, наделы сокращались.

Разверсточной единицей при переделах была семья, двор.

Передел производился следующим образом. В каждом селении на сходах домохозяев выносились приговоры о том, сколько из всей общинной земли отдать под выгон, каким должен быть размер посемейного надела («дачка») или сколько на каждую семью должно причитаться делянок. «смотря по обычаям селения», и выделялся «запас» — резервные участки на новые семьи. Выгон и запасные участки очерчивались одной или двумя бороздами, после чего специальный мерщик приступал к разделу пашенных и сенокосных угодий на делянки. При этом старались учитывать качество отдельных участков — по плодородию, дальнопольности и пр. Стремление к равнокачественному разделу приводило к чересполосице и раздробленности участков внутри общины. На специальном сходе решали, как распределять участки (делянки) на семьи, вошедшие в ревизию. Этот порядок передела не исключал, однако, возможности захвата делянок отдельными

¹ ЦГА МССР, ф. 123, оп. 1, д. 110, л. 49; ф. 122, оп. 1, д. 84, л. 1; ЦГИА СССР, ф. 283, 1838 г., д. 187, л. 14—15, 21.

² Фактический материал содержится в делах палаты государственных имуществ. — ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 33, л. 226—228; д. 41, л. 33—34.

крестьянами и возникновение постоянных споров и жалоб на этой почве¹. Луга не разделялись заранее на делянки, а лишь во время покосов.

По мере сокращения запасного и передельного фондов, возрастания значения пашенного клина, к 60-м гг. намечается тенденция к длительному пользованию посемейными наделами. Так, по сведениям сельских властей, в селениях Бендерского округа в конце 50-х гг. все земли были разделены на посемейные участки², и периодические переделы прекратились.

В некоторых селениях (Жавгур, Ченак) крестьяне выделяли общий выгон — около третьей части дачи, а остальную землю — пашни и сенокосы — распределяли по семьям: отводили делянки шириной в 4—4,5 сажени и длиной через весь клин³. В селениях Аккерманского округа такой раздел общинных земель проводился в 60-х гг. Примером может служить разверстание угодий на посемейные участки в с. Кебабче. В марте 1864 г. крестьяне составили мирской приговор: «Мы имели совещание между собой, что после раздела земли, находящейся во владении нашего общества, многие наши односельцы без вести отлучались и ныне находятся в неизвестной отлучке, а другие умерли, и земля, данная им в надел, осталась в обществе без всякой пользы. Почему мы желаем разделить всю землю, находящуюся во владении нашем, поровну на каждого наличного домохозяина». В апреле того же года земля была распределена на 7 участков-полей: выгон и усадьба, 4 пашенных поля и 2 сенокосных участка. Пашенные и сенокосные угодия разделили на 210 хозяйств равными долями. Сохранившийся в архиве план дачи села с разбивкой угодий на поля и разверстанием их на семейные участки наглядно отражает этот раздел⁴.

На территории Хотинского округа, где земельных угодий в селениях было значительно меньше, чем на юге области, переделы производились несколько иначе. В некоторых селениях существовало подворное землепользование, в других — переделы производились с очень длительными интервалами, распределение посемейных наделов было дифференцированное. На конкретных материалах по отдельным селениям это выглядит следующим образом. В с. Коновке, возникшем в 1834 г., до 60-х гг. переделов не производилось, в 60-х гг. землю переделили в связи с отмежеванием участка церковному причту. До того здесь отдельные крестьяне имели участ-

¹ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 101, л. 1—2, 5.

² Там же, оп. 2, д. 50, л. 137, 140.

³ Там же, д. 157, л. 80.

⁴ См. план разверстания сельской дачи в ЦГА МССР, ф. 6, оп. 8, д. 1400, л. 2, 10, 22—23.

ки различной величины, в зависимости от чего различались «фрунташи» (владели самыми большими участками), «паровые», «пешие», «половинщики» и «четвертинщики» (пользовались самыми малыми участками). В с. Макаревке коренной передел был осуществлен так же в 60-х гг., когда от селения было отрезано более половины земли и передано соседнему помещику. Резкое сокращение земельной площади заставило крестьян превратить в пашню всю толоку (выгон) и разделить ее поровну — по 1 фальче 60 пражин¹ на семью. До передела некоторые крестьяне пользовались пашенными наделами по 10 и более фальч (13 дес.).

С 30-х гг. и до конца изучаемого периода не осуществлялось коренного передела в с. Белоусовке; общество отбирало частично или полностью наделы у одних семей и передавало другим (в частности вновь образовавшимся семьям).

В с. Мамалыге до вручения владенных записей землей пользовались беспредельно: накануне реформы 90 хозяйств имели по 4 фальчи пашеных угодий, 22 хозяйства по 3 фальчи, а остальные — по 0,5—1 фальче. В с. Тицканах первый раздел общинных земель был произведен в 40-х гг., участками пользовались в зависимости «от возможности хозяйства». Второй передел состоялся в 50-х гг.; после того переделов не было, новые семьи занимали небольшие участки (по 2 фальчи) из толоки².

Большая неравномерность в распределении надельной земли между крестьянами в Хотинском округе, как и в других округах, образовалась под влиянием различных причин, среди которых, безусловно, решающими были имущественное неравенство, засилье кулаков в сельском аппарате управления, традиции в землепользовании. При переделах учитывалась экономическая сила и платежеспособность крестьянских хозяйств. Размеры наделов менялись и от направления сельскохозяйственного производства (зерновое хозяйство, животноводство, выращивание технических культур).

В передельной системе землепользования боролись две тенденции: общинно-уравнительная и частнособственническая. Зажиточная верхушка, концентрировавшая разными путями в своих руках общинные земли, стремилась нарушить традиционность переделов, оттягивала их сроки или добивалась беспредельного землепользования. Эта борьба усиливалась с развитием товарно-денежных отношений и ростом малоземелья в деревне. Уравнительные переделы лишь замедляли этот процесс, но не исключали его. Кулаки разными

¹ Пражина равнялась 93,3 кв. сажин, фальча — 1,3 десятины.

² К. Ермолинский. Сборник статистических сведений по Хотинскому уезду Бессарабской губернии. М., 1886, стр. 78—90.

сделками прибирали к рукам наделы обедневших крестьян; фактическая неравномерность в землепользовании усиливалась с каждым десятилетием. Царские власти оказывали покровительство этим сделкам: в случаях конфликтов и споров между оскудевшими крестьянами и деревенскими богачами администрация обычно становилась на сторону последних.

Одним из ярких показателей концентрации общинных земель в руках кулаков было наличие большой сети хуторов и кишл. По официальным сведениям, относящимся к 30-м гг., хуторов и кишл, принадлежащих крестьянам, числилось в Бендерском у. более 160, в том числе в Опаче — 17, Абаклыджабе — 5, Батыре — 11, Баймаклии — 6, Заиме — 4, м. Каушанах — 19, Салкуце — 27, Троицком — 6, Токузах — 35, Чимишлии — 31; в Аккерманском округе к середине 50-х гг. отмечен 81 хутор¹. В хуторских хозяйствах содержали большие стада крупного и мелкого скота, а их фактическое землепользование намного превышало размеры наделов. Группа крестьян с. Тараклии Бендерского у. писала в 1838 г. в жалобе губернатору на своих односельцев-хуторян Ефтения и Ивана Баканча: «Как они люди есть состоятельные, употребляют на хлебопашество земли, как равно на сенокос и выпас скота сколько им угодно», что в их пользовании находится угодий в десять раз больше «против каждого хозяина из числа жителей с. Тараклии»². Острое сопротивление бедняцко-середняцкой части крестьянства захвату общинных угодий заставляло таких богачей искать земли за пределами сельской дачи — в казенном фонде или у помещиков.

Пользуясь архивными данными за 1827 г., мы приведем лишь несколько примеров размаха хозяйственной деятельности хуторян. На одном из казенных участков Аккерманского у. в том году имели:³

Крестьяне	Рогатого скота	Лошадей	Овец	Пшеницы	Ржи	Ячменя	Сена
Ф. Царану	150	105	700	8 копен			
И. Урсу	59			8 «	3 к		130 копен
Ф. Калалб	106						15 «
Н. Ладан	48	16	238	20 «		10 копен	110 «
Ф. Цуркан	61	10		46 «		10 копен	70 «
Н. Галежу	140	8	240	20 «			180 «
Г. Калдарь	105						140 «

¹ ЦГА МССР, д. 2, оп. 1, д. 323, л. 314—315; ф. 6, оп. 2, д. 555, л. 41—52; ф. 24, оп. 1, д. 94, л. 26—33.

² ЦГА МССР, ф. 3, д. 2268, л. 2.

³ Обобщены архивные данные ЦГА МССР, ф. 454, оп. 1, д. 6, л. 99—100.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОРУДИЯ

Важнейшим показателем состояния и степени развития производительных сил сельского хозяйства является сельскохозяйственная техника. В казенных селениях орудия обработки земли и уборочные орудия были несложными по конструкции, отличались несовершенством и громоздкостью, чем обусловливали малую производительность труда крестьянин.

Пахота являлась основным способом обработки земли. Главным почвообрабатывающим орудием в казенных селениях южных округов служил массивный малороссийский плуг, употреблявшийся тогда в степных районах России.

По сохранившимся описаниям и рисункам можно судить о его конструкции и качествах. Мы пользуемся сведениями, содержащимися в статьях и заметках И. У. Полимпестова (известного специалиста в области сельского хозяйства, редактора «Записок общества сельского хозяйства Южной России», профессора Новороссийского университета), агронома иностранца В. Гамма, специально изучавшего сельскохозяйственные орудия в России, и русских ученых-агрономов Я. А. Линовского¹, С. М. Усова², П. Ломана³. Плуг почти весь деревянный. «Отвал — дубовая доска в 4 фута длиной. Гредель или дышло сделано из цельного дерева и изогнуто таким образом, что оно описывает непосредственно перед стойкой кривую линию к полевой стороне. Чем значительнее его изгиб, тем шире пласт, который может отрезать плуг. Перед лемехом вставлен в дышло большой резец, укрепленный деревянными клиньями. Две рукоятки из кривых толстых сучьев служат для управления плугом во время работы; есть шест для очищения работающих частей орудия. Одна рукоятка прикреплена к дышлу, другая — к подошве». Плуг отворачивал пласт в 20 дюймов ширины и 8—10 дюймов толщины. Всегда употреблялся с передком. Что представлял собой передок? «На грубо обделанную деревянную ось надеты два старых разболтавшихся колеса из-под фуры; с одного из них для уменьшения диаметра снят обод, и таким образом оно ковыляет по земле прямо своими спицами, из которых нередко одной или двух совсем недостает. В мало-мальски грязноватую пору столько налипает земли, скрепляемой сорными травами, на эти колеса, что они совершенно теряют колесный зрак и представляются двумя громадными комьями грязи, из которых в каждом на ху-

¹ Я. А. Линовский. Беседы о сельском хозяйстве. — «Земледелие», М., 1845.

² С. М. Усов. О системах хлебопашества. СПб., 1854.

³ П. Ломан. Хозяйственное обозрение Бессарабской области. — ЖМГИ, 1843, ч. VIII.

дой конец будет пудов по пяти весу»¹. В целом плуг был тяжелый, массивный и неуклюжий. Требуя необыкновенного напряжения от пахаря, он не обеспечивал постоянной ровной по глубине и ширине пахоты из-за примитивного устройства отвала. Пласт не переворачивался, а несколько отодвигался или же ставился ребром. Вспаханное поле представляло собой нагромождение глыб². Такая конструкция плуга и затверделый почвенный покров требовали большого числа упряженного скота. Плуг тянули 3—5 пар волов и обслуживали пахарь и погонщик³. Вследствие тяжести плуга нужны были исключительные усилия и тяговой силы и людей. Но при всех своих недостатках малороссийский плуг являлся наилучшим орудием при распашке целины и залежи, а также при глубокой повторной вспашке почвенного покрова — «взмет после хлеба»⁴.

Какова же дневная выработка такого плуга? К сожалению, мы не располагаем подробными сведениями на этот счет. С. Лошкарев дает в своих «Записках» ориентировочные сведения. Если пахали двумя упряжками (две перемены волов), то за день подымали 0,8 дес. целины. При вспашке одной упряжкой в течение всего дня выработка сокращалась, так как волов выпрягали для отдыха⁵. И. Гуржий дневную производительность малороссийского плуга определяет в 0,6—0,7 дес. Он пишет: «...при наличии трех пар сильных волов и мягкого ровного поля им можно было вспахать за три дня не более 2 десятин»⁶.

Обычно вспашка малороссийским плугом сопровождалась боронованием: пара волов тянула две последовательно связанные бороны (в большинстве своем деревянные). Борона применялась также для заделки семян в почву (сеяли под борону), для выравнивания засеянного участка.

¹ В. Гамм. О сельском хозяйстве Новороссийского края.— «Земледельческая газета», 1859, № 23, стр. 179—180; И. Полимпсестов. Об обработке земли... — Сборник статей о сельском хозяйстве юга России, извлеченный из Записок императорского общества сельского хозяйства Южной России с 1830 по 1868 гг., Одесса, 1868, стр. 136.

² Отчет о Московской выставке сельских производений. М., 1852, стр. 127; «Сельское хозяйство и лесоводство», 1870, № 3; В. Гамм. Указ. соч., стр. 181.

³ Я. Сабуров. Земледелие, промышленность и торговля Бессарабии в 1826 г. М., 1830, стр. 5.

⁴ П. Ломан. Хозяйственное обозрение Бессарабской области. — ЖМГИ, 1843, ч. VIII, стр. 42; С. М. Усов. Указ. соч., стр. 266.

⁵ С. С. Лошкарев. Путевые записки о сельском хозяйстве Южной России.— Труды ВЭО, 1844, т. 3, стр. 13—14.

⁶ И. А. Гуржий. Розклад феодально-кріпосницької системи в сільському господарстві України першої половини XIX ст., Київ, 1954, стр. 116.

Переселенцы из внутренних губерний привезли с собой перекладную русскую соху. Но господствовавшие тогда на юге области залежная и переложная системы земледелия требовали более массивных и прочных орудий, соха постепенно исчезает, так что к концу 50-х гг. ее можно было встретить лишь изредка в русских селениях¹.

Для неглубокой вспашки старопахотных земель употреблялось рало — при вспашке под посев и для заделки семян. Применялись два вида рал: легкое однозубое, с рукоятками, требующее тяги одной пары волов, и трехзубое, без рукояток, делавшее три борозды — его тянули две пары волов. Конструкция рала была проста: оно состояло из толстого четырехгранных бруса, в который вставлялись ложкообразные деревянные зубья (лемеха), обделанные топором. К брусу приделывалось дышло. Рало мелко проникало в почву, оставляло неглубокие борозды, не переворачивало, а только слегка перемешивало пахотный слой. В хозяйствах государственных крестьян преобладало однозубое рало².

Бороны были с деревянными и железными зубьями. Среди последних различались две разновидности: новороссийская борона, состоящая из продольных брусьев, и бессарабская — с поперечными брусьями. И. Полимпестов, исследовавший пахотные орудия в новороссийских губерниях и Бессарабии, так отзывался о бессарабской бороне: «На мой взгляд, эта борона лучше предыдущей (новороссийской — И. А.) потому, что имеет поперечные брусья, которые придают бороне значительную прочность. Продольные брусья у нее на концах выгнуты наподобие полозьев, что дает ей возможность действовать и передними зубьями, как и задними, и, кроме того, сорные травы и комья не задерживают хода бороны. Вообще эта борона может считаться в числе удовлетворительных. Хорошо, между прочим, в ней и то, что она по тонкости поперечных брусьев (имеющих вид пластинок) может отчасти изгибаться и входить в углубления земли»³.

В казенных селениях, как свидетельствует П. Ломан, эта борона стала распространяться с 40-х годов⁴.

Кроме борон, для рыхления поверхности почвы и заделки семян применялись деревянные волокуши — грапы (хворостянки) — род огромной метлы, сделанной из колючих вет-

¹ А. Зашук. Экономические расчеты о доходности хлебопашества. — «Бессарабские областные ведомости», 1860, № 20.

² П. Ломан. Указ. соч., стр. 42; В. Гамм. Указ. соч., стр. 181; Д. Струков. Взгляд на состояние разных отраслей сельского хозяйства в Южной России в последние пять лет, 1849—1854 гг. — ЖМГИ, 1855 г., ч. LVI, стр. 16; Я. Грудзин. Сельское хозяйство Бессарабии. — ЖМГИ, 1864, ч. LXXXVI, стр. 391.

³ И. Полимпестов. Указ. соч., стр. 183.

⁴ П. Ломан. Указ. соч., стр. 42.

вей терновника и шиповника, с шириной захвата в 2—2,5 метра¹.

Посев семенного материала производился вручную вразброс и по борозде (в том числе и кукурузы)².

Помимо упряжных пахотных орудий, для обработки кукурузы, картофеля, овощей, садов, виноградников применялись и ручные орудия — широкая молдавская сапа (мотыга), заступ и др.³.

Предпосевная обработка сводилась главным образом к однократной вспашке почвы или простому рыхлению.

Примитивность сельскохозяйственных орудий и способов обработки почвы (господство залежной и переложной систем земледелия), требовавшая огромных затрат труда и большого количества рабочего скота, вынуждала мелкие крестьянские хозяйства прибегать к супряге, которая, по определению В. И. Ленина, являлась «кооперацией падающих хозяйств»⁴. Землю обрабатывали на артельных началах. В этой «кооперации» беднота (бестягловые и безынвентарные) участвовала своим трудом — в качестве пахарей, посевщиков и т. п., чтобы хоть как-нибудь сохранить свою хозяйственную самостоятельность.

Большинство крестьян располагало рабочим скотом, но менее 3—5 пар волов, необходимых для составления одной плужной упряжки, поэтому были лишены возможности самостоятельно вести хозяйство. Для примера остановимся на наличии рабочего скота в с. Райлянке Аккерманского у. по данным за 1830 г. Из 102 семей 20 являлись «пешими», т. е. совсем не имели рабочего скота. Остальные хозяйства по числу волов и лошадей распределялись следующим образом:

3 хозяйства имели по 3 пары волов			
15	—«—	—«—	2 —«—
27	—«—	—«—	1 —«—
1	—«—	—«—	4 лошади
36	—«—	—«—	1—2 лошади

Последние 37 хозяйств имели только лошадей.

Таким образом, лишь три хозяйства располагали минимальным количеством волов для составления плужной упряжки, все прочие должны были пахать супрягой⁵. В селе-

¹ ЦГИА СССР, ф. 398, 1845 г., д. 2641, л. 143.

² А. З а щ у к. Экономические расчеты о доходности хлебопашества. — «Бессарабские областные ведомости», 1860, № 20.

³ ЦГА МССР, ф. 902, оп. 1, 1850 г., д. 1, л. 57; А. А. Скальковский. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. II, Одесса, 1853, стр. 68.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 71, подстрочная сноска.

⁵ Подсчет произведен по материалам ЦГА МССР, ф. 454, оп. 1, д. 15, л. 27—39.

ниях Хотинского округа в 1858 г. на 760 семей приходилось 1730 волов и 576 лошадей, или в среднем по три головы рабочего скота на семью, т. е. далеко не достаточное количество для обеспечения тягловой силой тяжелого плуга¹.

Плугами были обеспечены только состоятельные хозяйства — кулаки и часть середняков, им было под силу снаряжать плужную упряжку; они имели возможность более качественно обработать землю. Процент безынвентарных хозяйств был велик. В Хотинском округе в 1858 г. насчитывалось 32,5% бесплужных семей и 30% семей не имели борон². Пользуясь данными конца изучаемого периода (1868 г.) по всем казенным селениям, мы наблюдаем следующее соотношение: на 13 547 семей приходилось 6532 плуга (украинских и «немецких»)³. При среднем расчете более половины крестьянских хозяйств попадают в число бесплужных. Но кулацкие хозяйства часто располагали не одним плугом, поэтому процент бесплужных хозяйств в действительности превышал эту условную половину.

Обедневшие крестьяне были либо безынвентарными, либо не имели возможности впрягать такое число волов. И те и другие пахали мелко, засоряли и истощали землю, опаздывали с посевом. Наконец, в некоторых селениях обрабатывали землю вручную, вскапывая и разрыхляя ее сапами, лопатами и т. п. При этом обработка почвы производилась поверхностно и только там, где можно было справиться такой «техникой». Такой способ обработки земли, безусловно, не обеспечивал высокой урожайности.

Ревизовавший в 1837 г. государственные имущества Бессарабии чиновник V отделения с. е. в. канцелярии В. Г. Тихий, отмечал в своем отчете, что в ряде селений Хотинского у. крестьяне «по неимению рабочего скота, вместо обработки земли плугами, собираются вместе от 15 до 20 человек, посыпают землю сапами и, пока она не высохнет, засевают хлебными семенами, сначала одному, потом другому и так далее», «от такой обработки и малозначащих посевов урожаи бывают столь скучны, что и на пропитание семей хлеба бывает у них недостаточно»⁴.

Вплоть до Крымской войны отмечается застой в сельскохозяйственной технике. В отчетах губернаторов и палаты государственных имуществ постоянно констатировалось: «лучших орудий и средств, кроме тех, кои издавна введены повсеместно в области, ни от кого препадаваемо не было».

¹ Использованы данные окружного управления ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, л. 83, л. 5.

² Там же.

³ ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 433.

⁴ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2825, л. 59—60.

То же отмечал и инспектор сельского хозяйства Южной России Х. Х. Стевен в 1847 г.: «В Бессарабии употребляемые для возделования земли орудия давно уже введены и пашня обрабатывается всегда одинаковым способом»¹.

Сельскохозяйственный инвентарь, в том числе и пахотные орудия, крестьянами южных безлесных селений приобретался частично в соседних и заднестровских уездах, переделывался и приспосабливался к местным почвам, частью изготавлялся самими крестьянами или деревенскими кузнецами; «впрочем, есть довольно и таких поселян, которые сами для себя мастерили орудия», — писала палата в одном из отчетов². Основным материалом, доступным для крестьян, являлось дерево.

Для местного сбыта в большом количестве изготавливали фургоны, плуги и другие земледельческие орудия также немцы-колонисты³.

С ростом торгового земледелия в 50—60-х гг. зажиточная верхушка вводит в своих хозяйствах более усовершенствованную технику. Бедноте, а отчасти и среднему слою крестьянства, улучшенные орудия были недоступны из-за их дороговизны. Палата государственных имуществ прямо отмечала: железные плуги между ними не вводятся «по причине их дороговизны; поселянину на приобретение для себя железного плуга трудно разом израсходовать 30 или 40 рублей, хотя он видит его преимущество пред своим 8-рублевым или 10-рублевым»⁴.

Появление новой техники в сельском хозяйстве — закономерное историческое явление.

В первую очередь усовершенствования коснулись главного звена в земледельческой технике — пахотных орудий и осуществлялись главным образом по линии замены деревянных орудий железными и освоения новых видов орудий. Переход в этом отношении наметился в 50-х гг. Д. Н. Струков, инспектор сельского хозяйства, писал в 1855 г. об этих изменениях: «В последние годы стали появляться не только у помещиков, но и у государственных крестьян (особенно в соседстве немецких колоний) немецкие плужки с передками, которые по легкости и удовлетворительно глубокой вспашке составляют, кажется, лучшие орудия для обработки черно-

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 986, л. 173; д. 2329, л. 166; Х. Х. Стевен. О состоянии разных отраслей сельского хозяйства в Южной России в 1847 г.— ЖМГИ, 1848, ч. XXVIII, стр. 191.

² ЦГИА СССР, ф. 398, 1854 г., оп. 19, д. 6273, л. 20; ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. 1, л. 191.

³ См. Материалы о торговле в немецких колониях, хранящиеся в фонде областной земской управы.— ЦГА МССР, ф. 65, оп. 1, д. 83, л. 19.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. 1, л. 187.

земных земель. К числу отличных орудий для приготовления мягкой земли под посев и для заборонования зерен принадлежит 7-зубое рало¹.

В первой половине XIX в. не наблюдалось сколько-нибудь заметного дифференцирования в пахотных орудиях в зависимости от отраслей земледелия. Такое положение наблюдалось не только в казенной деревне, но и в целом по всей Бессарабии. Как утверждает исследователь земледельческих орудий Молдавии этнограф Н. А. Демченко, «одни и те же типы пахотных орудий применялись как в полеводстве для обработки почвы под колосовые и пропашные культуры, так и в садах и виноградниках для междурядной обработки»². Конечно, исключение составлял малороссийский плуг, который являлся, по преимуществу, полевым пахотным орудием.

В конце 50-х гг. в бессарабских казенных селениях у кулачков появляются картофельные плужки, экстирпаторы, садовые скобели³. Плуги и другие орудия заводского типа в казенных селениях не встречались.

Во второй половине 60-х гг. орудия усовершенствованной конструкции в казенных селениях уже исчисляются тысячами. В 1868 г. в хозяйствах крестьян находилось 5058 малороссийских плугов и 1474 так называемых немецких железных плуга с передками, 763 рала и 1506 экстирпаторов с железными сошниками, 5478 борон с деревянными и 3228 с железными зубьями⁴. Большое применение получили катки в степной полосе: в селениях Аккерманского округа к началу 70-х гг. насчитывалось их более тысячи⁵.

Такая пахотная техника создавала возможности перехода от переложной системы к более прогрессивным системам земледелия, в производственный оборот вводится уже третья часть удобных земель, значительное развитие получает зерновое хозяйство.

Основными орудиями уборки хлебов и сена служили косы и серпы. Деревянные вилы, грабли и телеги дополняли уборочный инвентарь. Хлеб убирали и серпами и косами, травы — только косами.

По оснащенности более производительными пахотными орудиями среди государственных крестьян выделялись селе-

¹ Д. Н. Струков. Указ. соч., стр. 16; ЦГИА СССР, ф. 398, 1854 г., оп. 19, д. 6273, л. 14; 1856 г., оп. 20, д. 6702, л. 394; 1857 г., оп. 22, д. 7688, л. 197—201.

² Н. А. Демченко. Земледельческие орудия как материал для изучения этногенеза и этнической истории молдавского народа.— Материалы по археологии и этнографии Молдавии. Кишинев, 1963, стр. 37.

³ ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 433.

⁴ Там же.

⁵ См. Статистические обзоры селений.— ЦГА МССР, ф. 151, 1871 г., оп. 1, д. 10, л. 298, 385.

ния Аккерманского округа, где к началу 70-х гг. свыше половины плугов, рал и борон относились к числу улучшенных. В Хотинском же округе из 305 плугов и рал лишь 3 были улучшенными, а из 300 борон — 6 с железными зубьями. В целом в казенных селениях всех округов на улучшенные орудия падало 43,5%. Если сравнить в этом отношении государственных крестьян с близкими к ним территориально и по социально-экономическому положению разрядами крестьянства — колонистами и казаками,— то получается следующая картина¹.

Разряды крестьянства	Число селений	Плуги и рала		Бороны		% улучшенных орудий
		простые	улучшен.	простые	улучшен.	
Государственные крестьяне	82	4517	3329	3989	3206	43,5
Немецкие колонисты . . .	25	622	3879	1463	4902	80
Болгарские колонисты . . .	45	6392	784	6667	735	10
Казаки (новороссийские) . . .	8	632	832	893	737	51

Уборочные орудия и сам процесс уборки до 50-х гг. почти не изменялись. Так, в 1854 г. палата доносила в III департамент МГИ: «Уборка хлебов почти повсеместно производится серпами, иногда же, и особенно редкий хлеб и при внезапном созревании — скашивается голыми косами или грабками (род пальцев, приделанных к дереву косы), иногда же, если хлеб очень редок или мал ростом, выдергивается руками. Собранный хлеб, по связке в снопы, сперва укладывается в суслоны, не связанный же в снопы складывается в копны или складывается в стоги на поле»².

В 50—60-х гг. можно отметить лишь следующие перемены: постепенную замену серпа косой и распространение граблей с железными зубьями. По сведениям Бессарабского областного статистического комитета за 1862 г., в южных уездах уборка хлебов производилась уже «преимущественно косой», в центральных и северных — серпом³. В казенных селениях распространялась коса с широкой и длинной рабочей частью, которая тогда применялась на территории юга России⁴. Жатвенных машин государственные крестьяне не применяли, как, впрочем, и другие разряды крестьян юга области.

¹ Подсчеты произведены по статистическим обзорам селений. См. ЦГА МССР, ф. 151, 1870 г., оп. 1, д. 8; 1871 г., д. 10, 11.

² ЦГИА СССР, ф. 398, 1854 г., оп. 19, д. 6273, л. 15.

³ Записки Бессарабского областного статистического комитета, т. I, Кишинев, 1864, стр. 294.

⁴ А. Скальковский. Опыт статистического описания, стр. 68.

Молотили хлеб примитивным способом: ручным — цепами и с применением лошадей и волов. Кукурузу вымолачивали цепами. Цепами же вымолачивали бедняки зерновые. С помощью лошадей и волов обмолот производился через прогонку — вытаптывание связанных снопов хлеба лошадьми, вымолачивание телегами, катками, молотильными досками; этот способ назывался гармановкой. В. Г. Тихий так описывал гармановку: «В Бессарабии вместо молотьбы хлеба цепами или машинами употребляется так называемая гармановка, в которую зажиточные поселяне преимущественно употребляют лошадей, а те, кои таковых не имеют, заменяют гуловым скотом, телегами, которые не только нагружают каменьями и другими тяжестями, но и сами садятся. Приступают к сей работе таким образом: разложив снопы на ток, первые гоняют лошадей, а последние ездят телегами по разложеному хлебу до тех пор, доколе не вотрут соломы на мелкие части; работы эти начинаются большей частью ночью и продолжаются от 10 до 12 часов»¹. Лошадьми молотили и лен². Это относится к южным селениям. В Хотинском округе, как отмечала в 40-х гг. инспекция сельского хозяйства, хлеб не молотили прогонкой лошадей из-за малочисленности их³.

Молотили прямо на открытом поле и на гумнах. Овинов не строили, так как хлеб обычно и без того был сухой⁴.

В 50-х гг. в казенных селениях получают распространение молотильные катки, заимствованные у немецких колонистов (молочанские катки). В 1854 г. их насчитывалось 200 в Аккерманском округе и 7 — в Бендерском⁵. Это были пораконные и парововые каменные катки. Они быстро прививались в хозяйствах крестьян, так что к 1866 г. их уже числилось 2292, а в 1868 г. — 3317⁶. Причина этого — более высокая производительность: как утверждали волостные правления, один каток заменял четырех лошадей (при молотьбе прогонкой)⁷.

В Ивановской волости Аккерманского округа использовались молотильные волокушки-доски с вбитыми кремневыми пластинами. На волокушу обычно наваливали тяжести, а «волокли» ее волы или лошади.

Очистка и сортировка хлебов производилась либо провеиванием лопатой на ветру, либо через лычные и кожаные решета. Усовершенствования в этом направлении были незначительные. В 60-х гг. начинают применять более совершенные

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2825, л. 130.

² С. С. Лошакарев. Указ. соч., стр. 18.

³ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 6, 1842 г., д. 1226, л. 27.

⁴ Там же, оп. 19, 1854 г., д. 6273, л. 20.

⁵ Там же, л. 19.

⁶ Там же, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5958, ч. I, л. 191, 435.

⁷ ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, 1871 г., д. 11, л. 267.

орудия — «арфы», которых в 1866 г. в селениях южных окружей насчитывалось всего 22, да появилась одна веялка в м. Татарбунарах Аккерманского округа и две молотилки (паровая и конная) в селе Тицканах Хотинского округа¹.

Очищенный хлеб большей частью хранился в ямах и на чердаках. Ввиду недостатка в лесе, амбаров не строили. Кукурузу в початках хранили в кошах, сделанных из тонких прутьев в виде клети, иногда обмазанных изнутри и снаружи глиной, с деревянным помостом и соломенной или камышевой крышей². Початки в кошах могли сохраняться многие годы.

Зажиточная верхушка вымолячивала лишь часть убранного хлеба, остальной хранила в скирдах — иногда 2—3 года — на гарманах (задворках)³.

В целом техническая вооруженность сельского хозяйства в казенных селениях оставалась на низком уровне, земледельческих машин-селялок, жаток, молотилок, веялок — на протяжении всего изучаемого периода не применялось. Все процессы земледельческого производства производились вручную, примитивно.

В то же время нельзя не отметить определенную тенденцию в развитии земледельческих орудий: по мере втягивания крестьянских хозяйств в товарно-денежные отношения прогрессирует применение усовершенствованных сельскохозяйственных орудий. Распространение в казенных селениях в 50—60-х годах новых пахотных и уборочных орудий свидетельствовало о сдвиге в развитии производительных сил, о наметившемся переломе в сельскохозяйственном производстве. Рост удельного веса полеводства, виноградарства, огородничества, внедрение в сельскохозяйственное производство технических культур требовали более совершенных орудий для обработки почвы, более тщательного ухода за сельскохозяйственными культурами и уборки урожая. Конечно, они были доступны только зажиточной части крестьян, располагавшей денежными средствами и рабочим скотом. Подавляющее же большинство трудового крестьянства, не имея средств для приобретения более совершенных сельскохозяйственных орудий, пользовалось старыми, малопроизводительными орудиями, не имело возможности поднять уровень сельскохозяйственного производства.

«Попечительство» МГИ по линии введения более совершенных сельскохозяйственных орудий носило чисто бюрократический характер. Далее публикаций в ЖМГИ различных

¹ ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, 1870 г., д. 8, л. 315; 1871 г., д. 10, л. 298.

² ЦГИА СССР, ф. 398, 1854 г., оп. 19, д. 6273, л. 19; Я. Грудзино. Указ. соч., стр. 391; И. А. Стебут. Избранные сочинения, том I, М., 1956, стр. 537.

³ Н. Д. Струков. Указ. соч., стр. 17.

чертежей, рисунков и рекомендаций, экспонирования на выставках отдельных образцов орудий да чиновничих «внушений» и «убеждений к лучшему обрабатыванию пахотных полей» при объезде селений это «попечительство» не продвигалось¹.

ЗЕРНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

Системы земледелия История земледелия области изучена слабо; ни частных исследований, ни тем более обобщающих работ о системах земледелия Бессарабии дореформенного периода нет. Мы в данном случае стремимся в какой-то мере восполнить этот пробел и на материалах селений государственных крестьян, почерпнутых из различных источников, дать конкретную картину развития систем земледелия в изучаемый период.

В советской экономической литературе уже доказано, что системы земледелия являются составным элементом производительных сил сельского хозяйства наряду с землей, людьми (крестьянами), сельскохозяйственными орудиями и культурами и пр.² Они включают в себя способы использования земли под сельскохозяйственные культуры, севообороты — чередование культур в земледельческом производстве, агротехнические мероприятия по поддержанию и повышению плодородия почвы, степень использования усовершенствованной техники, достижений практики и науки. Они являются одним из определяющих факторов культуры полеводства и показателем развития земледелия и сельского хозяйства в целом.

Система земледелия соответствует уровню развития производительных сил в сельском хозяйстве, природным и климатическим условиям. В этом смысле в развитии систем земледелия проявляется рост производительных сил общества в области земледелия; их эволюция связана с изменением способов общественного производства.

В селениях Хотинского округа в силу малоземелья участки ежегодно употреблялись под посевы, установился примерно следующий порядок чередования культур: кукуруза — пшеница — кукуруза или ячмень — овес — кукуруза — пшеница³.

Озимые посевы, как свидетельствуют архивные источники, производились крестьянами не на паровых полях, а на тех

¹ Эти наставления сохранились в хозяйственно-статистических обзорах округов. См. ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 4141, л. 46; д. 4411, л. 99; д. 4951, л. 38; д. 5286, л. 174; д. 5456, л. 80.

² Ф. С. Крохалев. О системах земледелия. М., 1960, стр. 7.

³ По данным В. К. Тихого и палаты государственных имуществ. — ЦГИА СССР, ф. 398, 1845 г., д. 2641, л. 144—145; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2825, л. 57.

же участках, где была кукуруза, по уборке ее¹. Как правило, селения выделяли общественные выгоны, которые сокращались с годами — по мере роста численности государственных крестьян; из выгоночков наделялись вновь возникавшие семьи².

Как распределялись надельные земли в ряде селений Хотинского округа в конце изучаемого периода (1870 г.), видно из следующих цифровых показателей (в десятинах)³.

Селения	Площади надельных земель		Из удобной земли находилось					
	удоб- ной	не- удоб- ной	под усадьбой, садами, огор- одами и баштанами	под лугами и сенокосами	необрабаты- ваемой земли	пахотной		
			всего	под посе- ваниям		не засеян- ной		
Гиждев	555	4	38	40	12	465	267	198
Коновка	602	10	25	—	80	497	497	—
Костичаны	713	10	42	127	97	447	260	187
Мамалыга	847	19	107	175	100	465	455	5
Макаревка	146	3	5	—	—	141	141	—
Медвежа	840	50	50	180	260	350	350	—
Рухотин	148	—	20	7	—	121	87	34
Тицканы	1359	45	301	—	200	858	470	388
Холохорены	743	30	40	—	72	631	631	—

Приведенные данные свидетельствуют о высоком проценте распашки полевых угодий: пашни составляли в Гиждеве 84, Коновке 80, Костичанах 62, Мамалыге 46, Макаревке 90, Медвеже 41, Рухотине 80, Тицканах 63 и Холохоренах 85% от площади удобной земли. За исключением Костичан, Мамалыги и Медвежи, в селениях не было сенокосных угодий. Незначительным был фонд пастбищных земель — сюда относились необрабатываемые земли (резервный фонд для наделения новых семей), частично незасеянные земли из пашенного клина (пар) и в какой-то мере неудобные земли. В некоторых селениях (Гиждев, Костичаны, Тицканы, Рухотин) часть пахотного клина оставлялась под пар, в остальных вся пашня засевалась — роль пары выполняла кукуруза как пропашная культура.

Низкий уровень сельскохозяйственной техники, экономическая отсталость мелких крестьянских хозяйств, слабая заселенность юга области обусловили господство здесь залежной и сменившей ее переложной систем земледелия, экстенсивный

¹ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 113, л. 83.

² К. Ермолинский. Сборник статистических сведений, стр. 87—92.

³ Таблица составлена по статистическим обзорам селений Хотинского у. ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, д. 8, л. 66—67, 118, 148, 157, 166.

характер полеводства. Залежная система, когда земледелец при эксплуатации пахотных угодий не возвращался к заброшенным участкам, по времени соответствовала периоду заселения Буджака, т. е. первой трети XIX в. Размер запашки отдельными крестьянскими хозяйствами определялся наличием пахотных орудий и степенью их совершенства, количеством тягловой силы и рабочих рук.

В источниках той поры содержится много свидетельств о захватном пользовании земельными угодиями: «Поселяне обрабатывают землю без раздела на участки, каждый по силам и рабочей скотине» (с. Олонешты); «крестьяне владели здесь землей, кто сколько мог вспахать» (с. Тараклия, Чимишлия); «в казенных селениях Чимишлийской, Олонештской, Каушанской, Татарбунарской и Гаджикурдской волостей поселяне не разделяют общественных земель между собой, а каждый из них, имеющий рабочий скот, занимает такую пропорцию земли, которую в состоянии обработать; от сего происходит, что землей преимущественно пользуются те, которые имеют рабочий скот»¹. Пашни составляли мелкие островки в степи, полосы между посевами использовались как сенокосы. Создавалась чересполосность, раскиданность крестьянских земель, затруднявшие их обработку и применение севооборотов.

Для залежной системы характерно было широкое распространение хуторского хозяйства: богатые крестьяне захватывали необработанные земли, эксплуатируя их как пастбищно-сенокосные угодия и пашни².

Это были, по удачному определению С. Я. Борового, «очаги свободного землепользования»³.

Но это не означало, что в землепользовании господствовал хаос; в частности, существовало распределение общинных земель на пахотные, сенокосные и пастбищные угодия, каждое из которых эксплуатировалось захватным способом.

Примерную картину разбивки полевых земель на три клина дает следующая таблица (см. стр. 114).

Таблица свидетельствует об абсолютном преобладании пастбищно-сенокосного клина над пашенным в селениях южных уездов⁴.

¹ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 109, л. 84; ф. 2, оп. 1, д. 2825, л. 54; Кишиневские епархиальные ведомости, 1874, № 5, стр. 198; 1877, № 3, стр. 106.

² О количестве хуторов в казенных селениях см. стр. 100.

³ С. Я. Боровой. О некоторых особенностях аграрного строя степной Украины в предреформенный период, стр. 371.

⁴ Таблица составлена по данным переписи 1817 г. См. Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии, т. III. Кишинев, 1907, стр. 16, 37 и др.

Распределение земельных угодий в казенных селениях 1817 г.
(в фальчах)

Селения	Под пашней	Под сенокосом	Под выгоном	Селения	Под пашней	Под сенокосом	Под выгоном
Абаклыджаба	200	800	2000	Роша	100	510	320
О пач .	200	500	500	Саиц	200	400	400
Баймаклия .	60	200	100	Селемет	350	300	600
Батыр . . .	250	800	1200	Слободзея-Ганкиши	200	600	800
Ганкиши . . .	80	500	310	Старые Каушаны	100	300	200
Ермоклия . . .	200	700	1000	Талмазы	500	1000	600
Жавгур . . .	210	800	800	Тараклия	300	1000	800
Заим . . .	200	500	800	Татарбунары	100	1000	500
Золокары . . .	20	1000	500	Ташлык	50	450	400
Капланы . . .	80	650	400	Токуз	150	300	350
Карагасан . . .	100	600	300	Тудоровка	110	350	260
Каушаны . . .	200	600	800	Фештелица	40	400	100
Кирнацены . . .	160	200	600	Фрумушкиа	100	300	800
Кицканы . . .	200	400	100	Ченак	600	1200	1200
Копанка . . .	200	500	500	Чимишлия	600	2000	6000
Коркмазы . . .	100	650	300	Чобручи	200	600	400
Олонешты . . .	200	600	300	Чора-Мурза	100	300	500
Паланка . . .	65	450	600	Чукур-Менжир	400	1000	1200
Поповка . . .	100	200	200	Всего	6975		59080

Пашенный клин далеко не полностью утилизировался. Сохранившиеся архивные документы в некоторой мере проливают свет на масштабы полеводства. По сведениям областного управления о посеве и урожае за 1814 г. в 56 казенных селениях выясняется, что на 12 330 д. о. п. было посено:

пшеницы	— 1941	четверть
проса	— 333	— «—
ячменя	— 786	— «—
кукурузы	— 131	— «—
овса	— 130	— «—
зернобобовых	— 59	— «—

всего — 3380 четвертей, или по 0,27 четверти на душу¹.

По другим сведениям областных учреждений в 1819 г. в Аккерманском у., заселенном преимущественно государственными крестьянами и простиравшимся полосой от Днестра до дельты Дуная на 150 верст, было засеяно озимыми и яровыми хлебами лишь 6300 десятин, в 1826 г. — 6100 десятин, в 1827 г. — около 6 тыс. десятин².

¹ ЦГА МССР, ф. 5, оп. 3, д. 72, л. 164—189.

² Подсчет проведен нами по материалам ЦГА МССР, ф. 5, оп. 2, д. 449, л. 22, 81, 94; ф. 2, оп. 1, д. 1043, л. 65; д. 1120, л. 14—15, 18.

С 30-х гг., когда в основном заканчивалось заселение Буджака, усиливается распашка целинных земель, обусловленная в значительной степени ростом спроса на хлеб на внешнем рынке (через Одессу и Измаил), залежная система вытесняется переложной. Этот процесс привел в 50-м гг. к заметным сдвигам в отраслевой специализации — степное животноводство постепенно уступает место земледелию и прежде всего торговому зерновому хозяйству.

На переход от залежной системы к переложной известное влияние оказало также генеральное межевание Буджака, законченное в 1828 г., и раздача всего казенного фонда земель ведомствам и отдельным лицам («пожалования»). Постепенно исчезает хуторское, заимочное пользование землей; значительно ограничились возможности пользования казенными землями «по местной надобности и по собственному произволу», как это было до середины 20-х гг.¹

При переложной системе пахотные участки периодически на ряд лет исключались из обработки и засева, забрасывались под перелог (временно запущенная пашня) — для восстановления утраченного почвой плодородия естественным путем.

В условиях юга Бессарабии существовало несколько видов перелога, различавшихся числом урожаев, снимаемых с распаханной залежи, периодами пользования пашнями, выгонами и сенокосами, порядком чередования культур. Общим для всех этих вариантов являлся отмеченный уже способ воспроизведения плодородия почвы.

Полевые земли разделялись на пашню (царина), сенокос и выгон (толока). В пахотном поле практиковались смешанные, чересполосные посевы яровых и озимых культур. Как отмечено в одном архивном документе, обработанные участки были «разбросаны по степи»².

Регулированием чередования перелога и пашни занималась сельская община. На сходках домохозяев решали, сколько из всей имеющейся общинной земли отводить под выгон, пашню, сенокос и «запас» (резервные участки на отделявшиеся семьи).

Царина обрабатывалась и засевалась несколько лет подряд, затем обращалась в перелог, который быстро зарастал бурьяном (осотом, полынью, молочаем и др.), а позже — степными травами и примерно 2—4 года служил пастибищем — особенно для овец, затем превращался в сенокос³. Для очищения пахотных земель от сорняков, соломы, стерни практи-

¹ ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 2, 1820—1828 гг., д. 12, л. 1—3.

² Там же, ф. 398, 1852 г., д. 5222, л. 176.

³ А. Советов. О системах земледелия, СПб., 1867, стр. 78.

тиковалось осенью или весной выжигание участков — «напольные пожары»¹.

Использование огня с такой целью являлось одним из агротехнических мероприятий: облегчало вспашку целины и перелогов теми несовершенными орудиями, которыми пользовались крестьяне на протяжении почти всего изучаемого периода. Выжигание полевых участков проводилось либо после уборки урожая, либо до посева яровых.

Период «отдыха» земли — пребывание ее под пастбищем и сенокосом — обычно длился от 3 до 6 лет, иногда и более продолжительный срок — 10—12 лет или даже до превращения залежи в ковыльную степь².

Причина чередования пашни с залежью коренилась в низком уровне сельскохозяйственной техники, падении урожайности на перелоге и в относительном многоземелье. П. Костычев так характеризовал необходимость этого чередования: «Уменьшение урожаев вследствие изменения в физических свойствах почвы и обилия сорных трав, для уничтожения (выпаливания) которых требуется большое количество труда или особенно тщательная обработка почвы, в степных местах необычайная, заставляют хозяина пускать землю в залежь»³. Боролись с сорняками и путем загущения посевов (например ржи).

Строгое выдержанного цикла пашня — толока — луг в земледельческой практике не было. Чаще в казенных селениях наблюдалась смена пашни с пастбищем, а сенокос распахивался тогда, когда он превращался в ковыльную степь (целину), дававшую мало сена.

Распаханная целина называлась новью и давала первые годы обильные урожаи. Поэтому различалось два вида «севооборота» в переложной системе: посевы на перелоге и на целине (нови).

На целине в 1-й год сеяли просо или лен, во 2-й — яровую или озимую пшеницу, в 3-й — рожь или кукурузу, в 4-й — ячмень или овес; по толоке сеялись в 1-й год — озимая или яровая пшеница, 2-й — рожь, 3-й — овес, ячмень, кукуруза или картофель. После этого землю оставляли на 3—4 года без засева⁴. Эти культуры составляли основной севообо-

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3143, л. 4—5, 8; С. С. Лошаков. Указ. соч., стр. 722.

² Д. Н. Струков. Взгляд на состояние разных отраслей сельского хозяйства в Южной России в последние пять лет, 1849—1854 гг.— ЖМГИ, 1855, ч. LVI, стр. 13.

³ П. Костычев. Очерки залежного степного хозяйства.— «Сельское хозяйство и лесоводство», 1881, ч. СXXXVII, стр. 259.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 398, д. 2641, л. 144; оп. 19, д. 6273, л. 14; оп. 20, д. 6702, л. 395; оп. 22, д. 7688, л. 198; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2825, л. 57; П. Ломан. Указ. соч, стр. 43.

рот» в переложной системе. Характерным является однообразие зерновых культур и преобладание яровых хлебов (особенно пшеницы). Такая определенная последовательность иногда нарушалась, когда одну культуру (например арнаутку или кукурузу) сеяли несколько лет подряд. В некоторые годы совсем не сеяли, а снимали саморослые хлеба, т. е. выраставшие из осыпавшихся зерен при уборке урожая в предшествующем году.

Переложной системы крестьяне ряда селений придерживались и в 60-х гг.¹, но к этому времени наметились определенные изменения. По мере втягивания казенной деревни в рыночные отношения, усиления процесса классового расслоения крестьян, роста их численности сокращались сроки нахождения земли в перелоге (краткий перелог); отмечается стремление к более длительному пользованию распаханными участками; происходило расширение посевных площадей за счет пастбищ и лугов; по несколько лет подряд сеют арнаутку в связи с усиливающимся спросом на нее на рынке. Агроном Н. Грудзино отмечал в начале 60-х гг. в своем обзоре: «Здесь (в Аккерманском и Бендерском уездах — И. А.) после поднятия целины сеют 3 года арнаутку, потом 5 лет другие хлеба или же с известного участка берут 7—8 жатв и затем оставляют его на 5—6 лет и более под перелог, который 2 или 3 года служит выгоном для скота, а потом идет под сенокос»².

Переложная система требовала от крестьянских хозяйств большого напряжения, особенно в весенний период полевых работ. Крестьянину приходилось постоянно вести борьбу с дикой степной растительностью, выполнять тяжелую, трудоемкую и малопроизводительную работу по распашке заросших, затверделых почв и по уничтожению возобновлявшейся мощной дернины.

Зажиточные крестьяне, располагая достаточным количеством волов, более совершенными пахотными орудиями и привлекая к полевым работам наемную рабочую силу, с каждым годом расширяли запашку, занимали лучшие участки земли. Основной же массе крестьян, в силу недостатка в тягловой силе и инвентаре, с большим напряжением приходилось отвоевывать у степи пашни; они были в состоянии возделать лишь по несколько десятин. Дорожа распаханными участками, старались дольше ими пользоваться, чем разрабатывать новые, все чаще и чаще засевать зерновыми культурами «хлеб на хлеб» одни и те же поля, выпахивая их. Часть крестьянских хозяйств вообще была неспособна освоить целину и перелоги. К тому же для переселенцев из внутрен-

¹ ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 188.

² Я. Грудзино. Сельское хозяйство Бессарабии, стр. 392.

них губерний переложная система земледелия была новой, непривычной системой, им приходилось перестраиваться в своей хозяйственной деятельности.

А. Защук, непосредственно наблюдавший в 50-х гг. жизнь крестьян-переселенцев, так писал: «Они пришли сюда из местностей более северных, где земля обильно пропитывается дождями и снегами и где под влиянием местных условий усталовалось особое хозяйство, со своими хлебами, орудиями, привычками и потребностями, бессознательно перенесли сюда это хозяйство»¹.

Переселенцы проделали своеобразную эволюцию от трехполья в районах старых расселений к залежной и переложной системам, а от них — к трехполью. Ни соха, ни лошадь, с которыми они пришли в Буджакскую степь, не годились в условиях необжитого края. Им приходилось в повседневном труде осваивать и целину, и сабан с валовой тягой, и новые культуры (кукурузу, арнаутку). Эта эволюция проходила в тяжелых экономических условиях, так как на обзаведение хозяйством от казны выделялось всего 23 рубля 50 коп. на семью, а их рабочий скот в большинстве случаев исчислялся парой лошадей или волов на семью, изнуренных долгим переездом, так что до 40-х гг. переселенческие села выделялись своей маломощностью и огромной недоимочностью.

Для залежной и переложной систем характерно было достаточное пользование земельными богатствами, площади удобных земель утилизировались под пашни в незначительных размерах. В селениях государственных крестьян в первые десятилетия после присоединения Бессарабии к России пастбищно-сенокосный клин превосходил пашенный в 8,5 раза (см. таблицу на стр. 114), к 60-м гг. — в 3—4 раза. Даже в наиболее распаханном из южных уездов — Бендерском — в начале 60-х гг. под пашню отводилось 30—40% земельных угодий. Для примера приведем распределение земельного массива в нескольких казенных селениях этого уезда, по которым в архивах сохранились детальные сведения (стр. 119).

В болгаро-гагаузских и немецких колониях и казачьих станицах Дунайского войска, по нашим подсчетам, сенокосы и выпасы занимали в 40-х гг. около 80%, в начале 50-х гг. — 70% от общей площади удобных земель².

Крестьяне не прибегали к мерам искусственного поддержания плодородия почвы, в частности к унавоживанию; «выпаханные» участки просто забрасывались на определенное

¹ А. Защук. Общий вид о сельском хозяйстве в Бессарабии.— «Бессарабские областные ведомости», 1860, № 18.

² Цифровые данные взяты из статистических обзоров колоний и станиц.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4417, л. 463; д. 5363, л. 9.

время, функции восстановления плодородия передавались самой природе¹.

Селения	Площадь земельной дачи	Из дачи крестьяне выделили			
		под сено-кос	под выгон	под пашню	% пашни к общей площади дачи
		д е с т и н ы			
Абаклыджаба	5590	2000	1590	2000	36
Баймаклия	2020	673	673	674	30
Батыр	2919	1020	973	926	30
Михайловка	2796	1000	556	1240	40
Садаклия	4236	1412	1412	1412	33
Салкуца	6418	2132	2132	2154	30
Селемет	4858	1603	1204	2050	40
Тараклия	5211	1737	1737	1737	33
Троицкое	4072	1357	1357	1358	33
Чимишлия	8339	2059	2780	3500	40
Чора-Мурза	2625	875	875	875	33 ²

В таких условиях, по заявлению государственных крестьян, «для безнуждного пропитания и оплаты податей» минимальный земельный надел на семью в 4—5 человек должен был составлять 22 дес. (напомним, что речь шла о высокоплодородной земле юга Бессарабии)³.

Одним из последствий господства переложной системы и засушливого климата на юге области было большое колебание и неустойчивость урожаев: относительно высокие урожаи первых двух лет по распашке перелога и резкое падение в последующие годы. Средняя урожайность зерновых в селениях государственных крестьян и казачьих станицах по трехлетиям колебалась от сам — 3 до сам — 5, в то же время в отдельные годы (например в 1852 г.) урожаи поднимались до сам — 10, сам — 12. В болгаро-гагаузских и немецких колониях урожаи были несколько выше, но резкие колебания были характерны и для них.

Наличие больших массивов свободных плодородных земель, ограниченные возможности к расширению крестьянской запашки при том уровне развития производительных сил, недостаток в инвентаре и тягловой силе, феодальные отношения в бессарабской казенной деревне, тормозившие агротехнический прогресс, определили господство примитивной системы

¹ Ю. Ф. Новиков. О некоторых закономерностях развития техники обработки почвы.— Материалы по истории сельского хозяйства СССР, вып. 5, М., 1962, стр. 459.

² Таблица составлена по данным ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 109, л. 12.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2825, л. 52—53.

полеводства и большой удельный вес животноводства в крестьянских хозяйствах. Такое положение наблюдалось не только в селениях государственных крестьян Бессарабии, но и вообще на юге области — в помещичьих имениях, колониях и казачьих станицах. Залежная и переложная системы практиковались тогда в южных и восточных губерниях России, с теми или иными вариациями в приемах обработки земли, продолжительности циклов, чередовании культур, в сочетании с переходными формами к другим системам земледелия¹.

В конце 50 — начале 60-х гг. создались условия для перехода к более интенсивным формам полеводства: сдвиги в совершенствовании земледельческих орудий, рост численности крестьян, значительное расширение пашенных угодий за счет распашки степи, увеличение поголовья рабочего скота, сосредоточение земель в руках зажиточной верхушки деревни, втянутой в рыночные отношения. Но переход этот совершался медленно. Переложная система удержалась на юге и в пореформенные десятилетия, постепенно уступая место трехполью и четырехполью (в колониях). Развитие торгового зернового производства в этом районе шло как по линии расширения посевных площадей, так и путем интенсификации земледелия, но преобладающим было экстенсивное хозяйство, базирующееся на переложной системе.

Зерновые культуры Особенности природно-географических условий отдельных зон области, рыночный спрос, земледельческие традиции, система земледелия определяли комплекс и размещение сельскохозяйственных культур, удельный вес каждой культуры в валовом сборе урожая.

В казенных селениях выращивались разнообразные зерновые и зернобобовые культуры как в полях, так и на приусадебных участках. Из них зернобобовые занимали незначительное место. Об огородах, садах и технических культурах будет сказано особо. Здесь мы остановимся на характеристике лишь зерновых культур: пшеницы, кукурузы, ржи, проса, ячменя, овса, гречихи.

Основной хлебной культурой являлась пшеница: обыкновенная, арнаутка и гирка. Наибольшее распространение имели два последние сорта.

Арнаутка — твердая пшеница (весенняя пшеница). Ее культивирование было связано с переложной системой земледелия в южных уездах области: как заключает А. Скаль-

¹ А. Ермолов. Организация полевого хозяйства. СПб., 1894, стр. 100—101, 110, 360—362; И. А. Стебут. Сельскохозяйственные заметки из поездки в некоторые преимущественно степные губернии.— Избранные сочинения, т. II, М., 1957, стр. 390—393.

ковский, арнаутку знали жители Бессарабии «издревле»¹. Сеяли эту культуру на так называемых твердых почвах — на целине («пластовая культура») и старых перелогах. Арнаутка хорошо выдерживала засухи, ветры и заморозки, т. е. соответствовала климату слабо орошаемых и безлесных степей². При транспортировке на кораблях не подвергалась порче. В хорошие годы давала урожай сам — 10. Наконец, еще одно положительное качество: при размоле зерна получалась превосходная белая мука.

Арнаутка пользовалась большим спросом на внешнем рынке, куда вывозилась через Дунайские порты и Одессу. Именно за прекрасные качества зерна твердые яровые пшеницы назывались жемчужиной России и ценились на мировом рынке на 10—15% выше, чем мягкие пшеницы³.

Особенно обращает на себя внимание замечательная разновидность арнаутки — «колуз», выведенная в начале 1840-х гг. путем народной селекции государственным крестьянином из с. Троицкое Бендерского округа Петром Булатовичем. По определению экспертов Кишиневской сельскохозяйственной выставки 1847 г., где экспонировались ее образцы из 11 селений Бендерского округа и нескольких селений Аккерманского округа, «колуз» менее других хлебов боялась засухи, отличалась «необыкновенной полнотой, янтарностью и ранней зрелостью зерна». Эти качества, и в первую очередь засухоустойчивость, были исключительно ценными в условиях юга области.

Так, в сильную засуху 1847 г. она дала урожай до сам — 12 (например в селе Золокары Аккерманского округа), тогда как урожай гирки колебался от сам — 4 до сам — 7. Раннее созревание предохраняло ее от истребления саранчой.

«Колуз» быстро распространялась не только в казенных селениях южных округов, но и среди болгарских колонистов. А. Защук, характеризуя земледелие юга Бессарабии 50-х годов, отмечал, что пшеница «колуз» постепенно вытесняет другие виды пшеницы в юго-западном районе Буджака.

¹ А. А. Скальковский. Взгляд на хлебопашество и торговлю в Новороссийском крае и Бессарабии.— ЖМВД, 1848, кн. 7, стр. 46.

² А. С. Ермолов. Организация полевого хозяйства, стр. 330.

³ А. М. Бажанов. О возделывании пшеницы с описанием пород, разводимых в России. М., 1856, стр. 28—29, 89—90; И. Демоль. Возделывание хлебных растений.— Сборник статей о сельском хозяйстве юга России, извлеченный из Записок империалистического общества сельского хозяйства Южной России с 1830 по 1868 гг., Одесса, 1868, стр. 271; М. Вольский. Очерк истории хлебной торговли Новороссийского края с древнейших времен до 1852 г., Одесса, 1854, стр. 98; П. Свиньин. Описание Бессарабской области.— Записки Одесского общества истории и древностей, т. VI. Одесса, 1867, стр. 183; А. А. Наливкин. Твердые пшеницы. М., 1953, стр. 4.

Затем она вышла за пределы Бессарабии. В 1852 г. демонстрировалась на Московской сельскохозяйственной выставке в числе твердых пшениц¹.

Этот замечательный пример народной селекции показывает, что крестьяне, находясь в постоянном общении с природой, в своем повседневном полезном труде постигали ее законы, делали замечательные открытия в своих поисках путей повышения продуктивности хозяйства. Но обобщением ценных сторон сельскохозяйственного опыта, накопленного веками трудовым крестьянством, тогда не занимались, и дальнейшая судьба «колуза» в архивных документах и печатных источниках не прослеживается.

К сожалению, таких примеров было немного. Феодальный гнет сковывал творческую мысль крестьян, мешал им вырваться из рутинных способов земледелия. В основной их массе уровень агротехники оставался низким.

Целенаправленная селекционно-семеноводческая работа над зерновыми культурами до конца XIX века в Бессарабии не производилась².

Гирка — озимая пшеница, относящаяся к числу мягких пшениц, возделывалась на распаханных степях. Так же, как и арнаутка, не боялась засухи. Земля для нее нужна тучная и хорошо возделанная. Легко обмолачивалась. Часто погибала от оттепелей и следовавших за ними оледенений в зимние месяцы.

Возделывалась главным образом на севере области. Пользовалась спросом в Одессе, откуда вывозилась в Англию и Францию³. Но гирка обладала одним недостатком: быстро дозревала и сильно осыпалась в полной зрелости, «так что день-два разницы в уборке могут обусловить значительную разницу в сборе зерна»⁴.

На протяжении изучаемого периода происходило постоянное расширение посевов пшеницы — высокопродуктивной и доходной зерновой культуры.

Одним из главных и самых урожайных зерновых растений, возделывавшихся в Бессарабии, являлась кукуруза. Высокая урожайность и относительная неприхотливость выгодно выделяли ее среди других культур. Она давала устойчивые урожаи

¹ ЖМГИ, 1848, ч. XXVI, стр. 3; ч. XXVIII, стр. 118, 192; ч. LVI, стр. 12; А. М. Бажанов. Указ. соч., стр. 34; Отчет о Московской выставке сельских произведений. М., 1853, стр. 53—54; А. Защук. Экономические расчеты о доходности хлебопашества.— «Бессарабские областные ведомости», 1860, № 20.

² П. Я. Коробко. Озимая пшеница в Молдавии.— Озимая пшеница. Сборник статей, вып. 2. М., 1958, стр. 225.

³ М. Вольский. Очерк истории хлебной торговли, стр. 99.

⁴ И. А. Стебут. Избранные соч., т. II. М., 1957, стр. 383.

от сам — 30 до сам — 60. Кроме зерна, в значительной степени идущего на продовольствие крестьян, доставляла превосходный корм для скота; ее стебли также употреблялись на кровлю и топливо¹, а как пропашная культура служила хорошим предшественником для других зерновых.

Природно-климатические условия области, мощный чернозем и ботанические особенности кукурузы позволяли возделывать ее на одних и тех же участках длительный период. Цитированный нами А. С. Ермолов в своей монографии отмечал эту особенность: «На нашем юге, например в Бессарабии, известны местности, где кукуруза занимала одно и то же поле в течение 40—50 лет, причем урожай ее никакого заметного уменьшения не претерпевали. Отличаясь мощной силой роста и богатым развитием листовой поверхности, кукуруза много берет из воздуха и много оставляет в почве в своих урожайных остатках»².

Кукуруза была распространена в области повсеместно, но главным районом ее культивирования были Хотинский, Сорокский, Оргеевский, Ясский, Кишиневский уезды, т. е. северная и средняя части Бессарабии. В хозяйствах государственных крестьян она возделывалась преимущественно в Хотинском округе, где наряду с другими была основной полевой культурой, а в селениях Бендерского и Аккерманского округов до 60-х гг. не имела первостепенного значения. Переселенцы начали осваивать ее лишь в середине 30-х гг. (получали специальную посевную ссуду)³.

Кукуруза выращивалась на тщательно обработанных тучных землях, являлась более трудоемкой (прополка и рыхление 2—3 раза в лето), чем другие зерновые культуры — пшеница, рожь, ячмень, овес и др.

Стимулом для роста посевов кукурузы к 50-м гг. послужил также спрос на нее на внешнем рынке⁴. С этого времени усиливается производство ее на продажу.

Как наиболее дешевый продукт народного питания и как товар, находивший обеспеченный сбыт, кукуруза в 60-х гг.

¹ А. Д. Денгинк. Заметки по поводу всероссийской выставки. — Записка Бессарабского областного статистического комитета, т. II. Кишинев, 1867, стр. 178—179; Военно-статистическое обозрение Бессарабской области, СПб., 1849, стр. 113—114.

² А. С. Ермолов. Организация полевого хозяйства, стр. 321.

³ Нами обобщены сведения местных учреждений и обзора состояния сельского хозяйства Бессарабии, составленного инспекцией сельского хозяйства Южной России. — ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2596, л. 74, 85; д. 5554, л. 30; д. 6018, л. 31; д. 6717, л. 47; д. 6391, л. 39; д. 6877, л. 12, 19, 23; оп. 3, д. 26, л. 78—79; ЖМГИ, 1857, ч. LXVIII, стр. 34—35.

⁴ Труды ВЭО, 1853, т. II, Смесь, стр. 16; ЖМГИ, 1857, ч. LXVIII, стр. 34—35; Я. Грудзино. Указ. соч., стр. 390.

становится распространенной культурой во всех казенных селениях.

Рожь (озимая и яровая), как утверждают исследователи, «до заведения в Буджаке великоросских и немецких сел» не была известна. Это подтверждается и архивными данными: в подробных сведениях за 1814 г. о посеве зерновых культур в 56 казенных селениях юга области ржи нет¹. В Хотинском у. она возделывалась и раньше².

Эта нетребовательная хлебная культура возделывалась на почвах, не пригодных для пшеницы и слабо обработанных. Предназначалась для продовольствия (крестьян и войск) и как сырье для винокуренных заводов.

На ее выращивание требовалось меньше затрат труда, чем, например, на кукурузу, пшеницу, просо. Кроме того, «отличаясь силой развития, кустистостью и т. п., рожь гораздо лучше пшеницы противостоит сорным травам, почему может быть высеваема даже на почвах, засоренных пыреем, истреблению которого она в значительной мере способствует»³. Это качество ржи было особенно ценным при переложной системе земледелия.

Но рожь не являлась здесь такой первостепенной культурой, как пшеница, поэтому за качеством зерна ее не следили. Главное интендантское управление в своем сиистическом обзоре Бессарабии за 1862—1864 гг. отмечало: «Вообще чистой ржи немного, потому что, посевя раз рожь на земле после пшеницы, получаются не чистые уже семена, а суржик; полученнное смещенное зерно не очищается никогда владельцем»⁴.

Климатические условия Хотинского у. благоприятствовали урожаям ржи, а на юге она не выдерживала суховеев. Поэтому ее средняя урожайность по всем казенным селениям области была относительно низкой и находилась примерно на уровне урожайности в Херсонской, Таврической, Астраханской губерниях, уступая в этом отношении казенным селениям ряда губерний центральной и западной полос России. По данным, помещенным в книге А. Фортунатова, урожайность ржи в бессарабских казенных селениях в 1842—1851 гг. в среднем составляла сам — 3. За этот же период ее среднегодовая урожайность в Киевской губ. равнялась сам — 4,4, в

¹ ЦГА МССР, ф. 5, оп. 3, д. 72, л. 164—189.

² А. Скальковский. Взгляд на хлебопашество и торговлю, стр. 83; А. Советов. Указ. соч., стр. 73; П. Свинин. Указ. соч., стр. 183. Царане мало засевали ржи, преимущественно культивировали кукурузу. (ЦГА МССР, ф. 3, оп. 2, д. 343, л. 28).

³ А. С. Ермолов. Указ. соч., стр. 329.

⁴ ЦГВИА, ф. 2, оп. 1, 1862 г., д. 1461, л. 7.

Подольской — сам — 4, Курляндской — сам — 4,7, Рязанской — сам — 4 и т. д.¹

Ценной крупынкой культурой являлось просо. По сведениям П. Ломана, оно составляло в Бессарабии один из «наиболее разводимых» хлебов. Сеяли его обыкновенно на целине: «превосходно удается на землях, выходящих из-под степи, залежи или травы». Климат благоприятствовал культивированию проса: по урожайности приближалось к кукурузе². В хозяйствах крестьян просо шло исключительно на приготовление пшена.

Следующей по хозяйственному значению полевой культурой был ячмень как крупынное и кормовое растение (зерно, солома). В Бессарабии для кормовых целей использовался больше ячмень, чем овес. В условиях юга области ячмень обыкновенных сортов не приносил хороших урожаев, так как почти совсем не выносил засухи. Поэтому крестьяне проявляли особый интерес к засухоустойчивым его сортам, к числу которых относились двусторчатый, «голак» и гималайский. Из них «голак», или «небесный», рисообразный ячмень, отличался засухоустойчивостью, скороспелостью, не осыпался при уборке и ввиду раннего созревания не подвергался истреблению саранчой, обладал хорошими питательными качествами и весом (четверть «голака» весила 11 и более пудов, а простого — редко достигала до 8,5 пуда). В казенных селениях этот сорт был разведен в 40-х гг. из семян, присланных Департаментом сельского хозяйства МГИ, а к середине 60-х гг. он становится одной из распространенных культур не только в селениях государственных крестьян, но и в области в целом. Употреблялся почти исключительно для выделки крупы³.

Такое же успешное распространение в казенных селениях получил другой засухоустойчивый и тяжеловесный сорт ячменя — гималайский, семена которого завезены были в 40-х гг. из Херсонской туб.⁴ В сельскохозяйственной литературе этот сорт ячменя оценивался как высококачественный: «не боится инеев и легких морозов, хорошо кустится, неосыпчив, созревает раньше двухрядного и дает изобильные урожаи зерном и хорошей соломой⁵.

¹ А. Фортунатов. Урожай ржи в Европейской России, М., 1893, стр. 233—234.

² П. Ломан. Указ. соч., стр. 44; С. С. Лошкарев. Указ. соч., стр. 720.

³ Листки ОСХЮР, 1834, апрель, стр. 108—112; ЖМГИ, 1848, ч. XXVI, стр. 3; ч. XXVIII, стр. 192—193; А. Д. Денгинк. Указ. соч., стр. 179—180.

⁴ См. ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 27, 1846 г., д. 8, л. 5—6.

⁵ Я. Калиновский. Исторический очерк акклиматизации важнейших в сельском хозяйстве растений и животных. М., 1858, стр. 34.

Посев ячменя отчасти был обусловлен экстенсивным характером земледелия у государственных крестьян; возделывание ячменя не требовало больших затрат и удобрения, крестьяне снимали хорошие урожаи при незначительной обработке почвы. При всем этом ячмень давал хороший продовольственный продукт — крупу и использовался в натуральном виде на корм лошадям и другим животным.

Среди колосовых хлебов, культивировавшихся в казенных селениях, следует отметить овес. Обычно высевался последней культурой в цикле хлебов при переложной системе. Как и ячмень, боится засухи, требует большой влажности, поэтому «на юге хорошие урожаи овса сравнительно редки», но не нуждается в хорошей почве¹.

Овес сеяли главным образом в селениях Хотинского округа на влажной почве. В южных округах климатические условия не благоприятствовали ему.

Гречиха выращивалась также лишь в Хотинском округе, На юге она часто выгорала — «удается только на каждые 5 лет раз»². Вообще в области тогда засевалась гречиха в малом количестве; по утверждению областной администрации, «многими опытами дознаны неурожаи оной»³.

По своему хозяйственному значению зерновые культуры в южных округах распределялись следующим образом: яровая пшеница, ячмень, овес, кукуруза, рожь, озимая гирка и просо; в Хотинском округе — озимая пшеница, кукуруза, ячмень, рожь, овес, просо, гречиха⁴.

Такое территориальное размещение культур было присуще всей Бессарабии, северная и средняя ее части были гораздо беднее в производстве пшеницы, чем Аккерманский или Леовский уезды, но кукуруза в Хотинском и Кишиневском уездах была лучшей в области.

Чиновник В. К. Тихий наблюдал некоторое различие в сортименте культур, возделывавшихся старожилами крестьянами и переселенцами: «Молдаване,— писал он,— сеют более пшеницы арнаутки, кукурузы и проса, а русские и малороссийские переселенцы сеют более ржи, озимой пшеницы и пшеницы арнаутки; как те, так и другие сеют в небольшом количестве ячмень, овес, коноплю, фасоль, бобы и чечевицу»⁵.

Рассмотренные нами конкретные материалы дают возможность заключить, что в полевом севообороте казенных селен-

¹ А. С. Ермолов. Указ. соч., стр. 330—332.

² П. Ломан. Указ. соч., стр. 47; Я. Грудзино. Указ. соч., стр. 390.

³ А. Скальковский. Урожай и ценность хлеба в Новороссийском крае. — «Экономический указатель», 1857, № 52, стр. 1219.

⁴ Я. Грудзино. Указ. соч., стр. 390.

⁵ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2825, л. 57.

ний преобладающее место принадлежало наиболее ценным и более требовательным к плодородию почвы зерновым культурам: пшенице, кукурузе, ячменю, просу. Посевной материал не отличался высокосортностью. Правда, прослеживается стремление к освоению более продуктивных сортов пшеницы, ячменя, кукурузы, но в силу низкого уровня сельскохозяйственного производства, присущего бессарабской казенной деревне дореформенного периода, только ограниченный круг крестьян — зажиточный слой деревни — имел возможность заниматься улучшением зернового хозяйства и, в частности, внедрением в севооборот «колуз», гималайского ячменя и т. п.

Посевные площади Какова была доля засеваемой площади от всей площади удобных земель, находившихся в пользовании государственных крестьян? Ответ на этот вопрос дают материалы следующей таблицы¹.

Площадь засеваемых земель в селениях государственных крестьян в 40—60 гг.

Годы	Площадь удобных земель (десятин)	Засеваемая площадь (десятина)	% засеваемой площади по отношению ко всей площади удобных земель
1842	334 328	47 500	14,2
1845	334 885	59 613	20
1848	335 926	70 395	24,4
1852	339 243	79 000	23
1853	339 243	72 030	21
1855	339 243	61 057	18
1866	261 102	81 139	31,7

Данные таблицы позволяют сделать выводы: 1) о незначительном использовании земельных угодий под пашню; 2) о росте засеваемых площадей до 1852 г.; 3) о сокращении их в годы Крымской войны; 4) о новом значительном увеличении распашки к 1866 г. (на 176% за десятилетие); 5) за 25-летний период пахотная площадь увеличилась в 1,7 раза.

По степени распаханности Аккерманский и Бендерский уезды значительно уступали другим уездам области. Пользуясь сведениями военно-статистического обзора области конца 40-х гг., можно установить следующую последовательность уездов по площади полей:

Кагульский уезд	— 423 999 дес.
Сорокский »	— 157 100 »
Кишиневский »	— 156 894 »

¹ Таблица составлена по данным отчетов палаты государственных имуществ, взятым из ЦГА СССР, ф. 2, оп. 1, д. 4141, л. 44; д. 3785, л. 19; д. 5474, л. 63; д. 5236, л. 246, 413, 613; д. 5778, л. 76; ф. 122, оп. 2, д. 94, л. 4—5; ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. 1, л. 114, 165.

Ясский	»	—	147 652	»
Хотинский	»	—	141 966	»
Оргеевский	»	—	115 281	»
Бендерский	»	—	81 064	»
Аккерманский	»	—	64 330	»
Измаильское градоначальство	—	—	4 300	»
Всего		—	1 292 586	дес. ¹

Следовательно, из общей площади области вместе с Измаильским градоначальством, которая по данным межевой конторы тогда составляла 4 087 531 дес.,² пашни занимали 32%. В конце 60-х гг. по области пашня составляла уже 38%, в казенных селениях — около 30% (73400 дес. из 261 тыс. дес. удобных земель)³, т. е. в них распахано было удобных земель значительно меньше в процентном отношении, чем по области в целом.

По округам засеваемые площади распределялись очень неравномерно, как это можно видеть по следующим данным (в дес.) за 1845 и 1848 гг.⁴

Распределение земельных угодий	1845 г.			1848 г.		
	Хотинский	Бендерский	Аккерманский	Хотинский	Бендерский	Аккерманский
Удобных земель, находящихся в пользовании крестьян	8626	116 962	209 297	9 667	111 962	209 297
Засеяно озимыми хлебами	639	6 339	12 736	182	13 799	8 373
Засеяно яровыми хлебами	1993	12 173	25 732	2 715	16 082	29 244
Всего под посевами	2632	18 512	38 469	2 897	29 881	37 617
% засеваемой площади по отношению ко всей площади удобных земель	30	11	18	30	25,4	18

Таким образом, наиболее распаханными были угодия в селениях Хотинского округа, менее распаханными — в Аккерманском округе. Еще меньше использовались они в 11 селениях

¹ Военно-статистическое обозрение Бессарабской области. СПб., 1849, Приложения, таблица № 1.

² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5456, л. 135—136.

³ М. А. Цветков. Изменение лесостепи Европейской России с конца XVIII столетия до 1914 года, М., 1957, стр. 116; ЦГИА СССР, ф. 381, 1867 г., д. 3613, л. 223; 1866—1869 гг., д. 5938, ч. 1, л. 114, 165.

⁴ В таблице обобщены материалы из обзоров округов.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4574, л. 63; д. 5136, л. 246, 413, 613.

Измаильского градоначальства: в 40-х гг. из 30 тыс. дес. удобных земель только 5 тыс. дес., или 6-я часть, находилась под посевами¹.

В Хотинском округе доля засеваемых площадей в последующие годы неуклонно возрастала: в 1851 г. она уже составляла 39% (3759 дес. из 9668 дес. удобной земли)².

Площади фактического использования пахотных угодий были несколько больше, если учесть земли под усадьбами, огородами и садами.

Достигнутые результаты в распашке целины, в расширении площади пашни очевидны. Но использование в южных округах около пятой части удобной земли под посевы далеко не исчерпывало потенциальных возможностей в этом отношении. Для производства зерновых хлебов утилизировалась еще небольшая часть земли, остальная использовалась под садами, огородами, бахчами, техническими культурами и особенно — как кормовые угодия для полуэкстенсивного степного животноводства.

Следует также отметить, что сводные показатели о посевных не дают возможности судить о неравномерном распределении посевных площадей внутри общин между отдельными социальными группами крестьянства, а оно было значительным. Не располагая систематическими сведениями в этом вопросе, приведем отдельные выборочные материалы, которые в какой-то мере отражают названные различия. Так, в 1824 г. в ряде казенных селений Аккерманского у. удельный вес беспосевных крестьян составлял от 16% до 40% от общего числа хозяйств, как это можно видеть из следующей таблицы:³

Селения	Общее число семей	Число семейств посевших	Число беспосевных семей	% беспосевных от общего числа семей
Ганкишла . .	51	30	20	40
Капланы .	124	90	34	27
Карагасан . .	53	37	16	30
Коркмазы . .	88	57	31	35
Олонешты . .	100	80	30	27
Паланка . .	41	26	15	36,5
Роша . . .	94	60	34	36
Слободзея-				
Ганесы . . .	99	83	16	16
Тудорово . .	51	32	19	37

¹ См. статистические обзоры селений градоначальства.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3747, л. 56; д. 3843, л. 345.

² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5692, л. 13.

³ Таблица составлена по материалам ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 343, л. 279.

В начале 50-х гг. в казенных селениях насчитывалось «бездомных», не имевших хозяйства, не занимавшихся земледелием, 2097 д. м. п. Это — батраки, отходники, ремесленники¹.

По сведениям сельских властей за 1860 г., в двух селениях Хотинского округа — Холохоренах и Мамалыге — посевы яровых (кроме кукурузы) распределялись также очень неравномерно².

Селения	Число хозяйств, имевших посевы					
	4 дес.	3 дес.	2 дес.	1,5 дес.	1 дес.	всего хозяйств
Холохорены	4	2	11	7	4	28
Мамалыга	3	1	36	1	1	42

Очень мало (от 0,5 до 2 дес.) сеяли хозяйства отставных солдат³.

В то же время в 60-х гг. у отдельных крестьян в селениях Аккерманского округа посевной клин достигал больших размеров: 120—180 дес. (в с. Петропавловка, Слободзея-Ганесы и др.)⁴.

Структура посевов Направление полеводства, в известной мере, и состояние земледелия в целом отражает структура посевных площадей. Выборочно она в казенных селениях за 40—60-е гг. представляется в следующем виде (см. таб. на стр. 131).

Данные таблицы убедительно свидетельствуют о преобладании ярового клина над озимым. Безусловно, на таком распределении озимых и яровых посевов сказывались естественно-географические условия и наличие в сортименте зерновых кукурузы, сугубо ярового хлеба. Но решающими факторами являлись уровень агротехники, уровень сельскохозяйственного производства в целом и рыночный спрос.

Озимые посевы при соответствующей агротехнике обеспечивали более высокую урожайность, чем яровые, были более надежными, стабильными. Засевая злаки на зиму, земледелец растягивал полевые работы и страховал себя на случай неурожая: не выйдут яровые — уродятся озимые хлеба. Но они требовали и более совершенного возделывания земли, вложения дополнительного труда, так как комплекс всех работ, связанных с осенним посевом, значительно сложнее, чем при ве-

¹ ЦГИА СССР, ф. 383, 1852 г., 17903, д. 21.

² ЦГА МССР, ф. 202, оп. 1, д. 181, д. 241—246.

³ Сведения о них см. в документальных материалах областного правительства. — ЦГА МССР, ф. 6, оп. 3, д. 910, 232—246.

⁴ См. статистические сведения о хозяйствах крестьян, премированных МГИ. — ЦГИА СССР, ф. 398, 1863 г., д. 11045, л. 20—21; 1869 г., д. 12106, л. 5—9.

сенном посеве. Требовалось больше работы, тягловой силы, инвентаря, что было под силу лишь зажиточному слою деревни, хозяйственная мощность которого, опиравшаяся на улучшенную технику и наемную силу, обеспечивала бесперебойность работ в летне-осенние месяцы, когда почти одновременно готовилась земля к посеву, убирался урожай, производились молотьба хлебов и заготовка кормов, уход за скотом и т. д.

**Посевные площади озимых и яровых культур
в селениях государственных крестьян
Бессарабии в 1842—1868 гг.¹**

Годы	Общая пло- щадь озимых и яровых посевов (в дес.)	Площадь яровых посевов (в дес.)	% яровых посевов от всей площади посевов
1842	47 500	38 908	82
1843	53 813	42 524	79
1844	56 864	39 793	70
1845	59 613	39 899	67
1848	70 395	48 041	68
1852	79 000	59 000	74,7
1853	72 030	52 364	72,4
1854	70 790	48 878	69
1855	61 057	42 192	69
1858	43 063	32 000	74,4
1866	81 139	64 762	80
1867	73 393	57 441	78
1868	52 422	39 900	76

Резкое преобладание яровых культур в структуре посевов создавало исключительное напряжение в весенних полевых работах. А это часто приводило к запоздалому севу и в конечном итоге к низкой урожайности. Например, в начале 40-х гг. земский начальник Бендерского у. доносил губернатору: крестьяне «засевают не вовремя на зиму хлеб, а при наступлении весны принимаются за полевые работы тогда, когда покажется трава, ибо, не имея корма для рабочего скота, не могут оный в таковое употребить».

В южных уездах, как и в целом по области, озимые посевы (главным образом озимой пшеницы) становятся значительными лишь во второй половине XIX столетия — в связи с усиленной распашкой степи и переходом к паровой системе земледелия, и «озимая пшеница, как более продуктивная и ста-

¹ Таблица составлена на основании материалов, извлеченных из фондов канцелярии губернатора, палаты государственных имуществ, МГИ. — ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3785, д. 19; д. 4056, л. 4; д. 4502, л. 120; д. 4574, л. 63; ф. 122, оп. 2, д. 94, л. 4—5; ф. 2, оп. 1, д. 5136, л. 2—3, 18—19; ЦГИА СССР, ф. 398 1857 г., д. 7688, л. 196; ф. 381, 1866—1869 г., д. 5938, ч. 1, л. 114, 291; площади за 1852 и частично за 1858 и 1863 гг. выведены на основании норм высеива.

бильная по урожайности культура, не требовавшая целинных земель, постепенно занимала место яровой пшеницы по распаханным окультуренным землям¹. В начале 70-х гг. озимая пшеница и рожь, по нашим подсчетам, в селениях государственных крестьян составляли уже 44% от общего количества высеваемых четвертей хлебных культур.

Об удельном весе различных культур имеются лишь разрозненные данные.

По сведениям волостных правлений, обобщенных нами в таблице, в 1834 г. в казенных селениях южных уездов² было высеяно четвертей³:

Озимых		Яровых						
пшеницы	ржи	пшеницы	ячменя	проса	кукурузы	овса	гречихи	
1293	1351	4017	1724	796	547	202	53	

Таким образом, яровые посевы доминировали над озимыми, а среди яровых пшеница, кукуруза, просо, ячмень и рожь являлись основными зерновыми культурами. Просо и кукуруза помещены в таблице после пшеницы и ячменя исходя из весовых данных посевного материала, но нужно иметь в виду, что их нормы высева были в 3—5 раза ниже, чем у пшеницы, ячменя, овса, ржи.

Из сведений палаты государственных имуществ о посеве за 1851 г. по яровому клину наблюдается следующий порядок в количественном соотношении культур⁴.

Сведения о посеве яровых культур за 81 г. (в четвертях)

В округах	Пшеница яровая	Ячмень	Кукуруза	Просо	Овес	Горох	Рожь	Чечевица	Гречиха
Аккерманском . . .	14 467	4 479	633	1 276	988	320	—	98	7
Бендерском . . .	8781	1 981	1 412	431	181	80	—	—	—
Хотинском	574	624	230	18	122	7,5	383	—	60
Всего . . .	23 825	7 094	2 275	1 725	1 291	407,5	383	98	67

¹ П. Я. Коробко. Указ. соч., стр. 213.

² Селения Хотинского у. до середины 30-х гг. находились в арендном содержании у частных лиц, и сведений по ним не удалось обнаружить.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1842, л. 28—31, 99—100.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 383, 1851 г., д. 16851, л. 18—19.

Как видно из таблицы, по количеству высеваемых четвертей среди яровых культур наибольший удельный вес, как и в 1834 г., приходился на пшеницу, ячмень, кукурузу, просо и рожь. Овес и гречиха занимали второстепенное место. В конце исследуемого периода (1870—1871 гг.) в казенных селениях высевалось четвертей¹:

В округах	Пшеницы		Ржи	Ячменя	Овса	Кукурузы, просо и зернобобовых	Гречихи
	озимой	яровой					
Аккерманском	1 684	2 879	3 661	1 716	398	148	—
Бендерском	3 228	7 318	2 187	2 965	783	1 958	—
Хотинском	909	516	1 296	653	235	659	156
Всего	5 831	10 713	7 144	5 334	1 416	2 965	156

Если сравнить эти показатели с показателями предыдущей таблицы, то можно заключить, что как и в начале 50-х гг. основной зерновой культурой оставалась пшеница (свыше 50% ст посева зерновых — без кукурузы), затем шли рожь и ячмень.

Уменьшение посевов пшеницы и ячменя в абсолютных величинах объясняется отторжением от Аккерманского округа 22 селений по Парижскому миру 1856 г. и передачей трех селений в 60-х гг. в частное владение, а также значительным расширением посевов ржи. В южной зоне возросли посевы кукурузы и совсем не сеяли гречиху. В небольших количествах на юге культивировался овес: в Аккерманском округе на 38 селений приходилось около 400 четвертей, тогда как на 10 селений Хотинского округа — 235 четвертей.

В селениях Хотинского округа структура посевов заметно отличалась от структуры в южных округах. По сведениям областного статистического комитета, к началу 70-х гг. посевные площади под различными культурами распределялись следующим образом (в дес.)². (См. табл. на стр. 134).

Как видно из таблицы, значительную долю посевов составляли озимые хлеба (30%), среди яровых — кукуруза (более половины ярового клина). Из фуражных культур примерно в 4 раза больше сеяли ячменя, чем овса. В ряде селений (Белоусовка, Тицканы, Холохорены) большие площади отво-

¹ Для составления таблицы использованы статистические обзоры селений за эти годы, содержащиеся в материалах областного статистического комитета.— ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, д. 8, 10, 11.

² Таблица составлена по статистическому обзору селений.— ЦГА МССР, ф. 151, 1870 г., оп. 1, д. 8.

дились под рожь. Последовательность культур по занимаемой площади также отличается от последовательности в южных скругах: кукуруза, озимая пшеница, рожь, ячмень, яровая пшеница, овес, гречиха.

Селения	Общая площадь посевов	Озимые		Яровые					
		озимая пшеница	ржь	яровая пшеница	овес	ячмень	гречиха	кукуруза и другие хлеба	
Белоусовка	675	240	100	54	20	22	15	224	
Гиждев	267	60	20	30	15	25	2	115	
Коновка	497	20	55	80	30	100	12	200	
Костичаны	260	60	20	30	20	30	—	100	
Макаревка	141	—	—	30	—	15	—	96	
Мамалыга	455	70	30	30	15	40	—	270	
Медвежка	350	20	80	30	40	80	10	90	
Рухотин	87	9	12	10	13	16	8	19	
Тицканы	470	50	120	150	—	50	—	100	
Холохорены	631	50	200	50	10	140	5	176	
Всего . . .		3 633	579	537	494	143	518	52	1 381

При экстенсивном зерновом хозяйстве, каким оно наблюдается в бессарабской казенной деревне на протяжении всех исследуемых десятилетий, прогресс в полеводстве, наряду с внедрением более совершенных земледельческих орудий и систем земледелия, освоением новых зерновых культур, проявлялся также в росте посевов. Он отчетливо обнаруживается, если брать исходные данные первых лет после присоединения области в России. Основные трудовые усилия крестьян были тогда направлены на животноводство, земля использовалась преимущественно как пастбище и сенокос, за исключением нескольких селений в южных уездах, посевы были мизерные относительно численности крестьян в селениях (см. данные таблицы за 1814 г., стр. 135). В течение последующих десятилетий они увеличились в несколько раз (в некоторых селениях в десятки раз). Это было характерно для обоих южных округов. В качестве фактического материала мы приводим данные о посевах в селениях Бендерского округа, сведенные в следующей таблице¹ (см. стр. 135).

Таким образом, за 25 лет по названным 26 селениям численность крестьян увеличилась в 1,3 раза, а количество высеваемых хлебных культурросло в 4,3 раза.

¹ В таблице обобщены статистические материалы, взятые из фондов ЦГА МССР: ф. 5, оп. 3, д. 72, л. 165—189; ф. 2, оп. 1, д. 3269, л. 75, 84; ф. 3, оп. 1, д. 343, л. 67.

Посев озимых и яровых (без картофеля) по 26 селениям
Бендерского округа

Селения	1814 г.		1823 г.		1840 г.		Рост посевов в % к 1814 году
	Число душ общего пола	Количество высеваемых четвертей	Число душ общего пола	Количество высеваемых четвертей	Число душ общего пола	Количество высеваемых четвертей	
Баймаклия	80	16	199	35	169	285	356
Батыр	280	47	233	118	300	407	866
Болбока	328	17	226	81	188	103	600
Варница	236	21	247	56	213	130	600
Гербовцы	372	218	488	136	403	219	—
Жавгур	258	49	453	137	256	234	475
Займ	589	38	397	30	299	119	300
Калфа	85	10	130	17	141	51	500
Каушаны	113	6	295	50	601	229	3800
Киркаешты	130	8,5	255	21	317	69	810
Кирнацены	195	20	300	48	203	167	835
Кицканы	222	12	750	29	453	105	875
Копанка	550	51,5	682	157	473	154	300
Опач	659	52,5	619	167	406	444	843
Саинц	89	7,5	217	58	280	464	618
Салкуца	444	50	765	79	481	423	846
Селемет	248	39	275	85	452	211	540
Старые Каушаны	129	105	418	80	260	122	116
Танатары	35	6	196	48	228	58	966
Тараклия	166	54	388	70	311	318	588
Токуз	191	18	537	73	356	431	2390
Фарладаны	129	35	237	64	289	115	340
Хаджимус	194	12	248	37	193	82	683
Ченак	255	71	545	392	327	165	232
Чимишлия	419	280	820	641	685	326	116
Чукур-Менжир	117	35,5	336	103	263	117	330
Итого	6 514	1 278	10 256	2 812	8 497	5 548	

Дальнейший рост посевов по этому округу, применяясь к имеющимся в нашем распоряжении статистическим сведениям, мы иллюстрируем на сравнительном цифровом материале о посевных площадях. (См. табл. на стр. 136).

Данные этой таблицы также убедительно свидетельствуют о последующем сдвиге в полеводстве. В некоторых селениях (Займ, Киркаешты, Михайловка, Танатары, Кирнацены и др.) произошло исключительно большое увеличение посевных площадей. По приведенным данным, в 24 селениях численность крестьян за 29 лет возросла в 3,5 раза, а посевные площади — в 4 раза.

Показателем изменений в полеводстве по Аккерманскому округу являются сведения о посевах в 27 селениях (стр. 137).

Рост посевных площадей в селениях Бендерского округа
(по данным за 1840 и 1869 гг.)¹

Селения	1840 г.			1869 г.			Рост посевных площадей за период с 1840 по 1869 гг. (в %)	
	число душ обего пола	площиади под посевами (в десятинах)		число душ обего пола	площиади под посевами (в десятинах)			
		под озимыми культурами	под яровыми культурами		под озимыми культурами	под яровыми культурами		
	всего			всего				
Абаклыджаба	364	—	770	770	1282	155	590	745
Болбока	188	9	90	99	550	30	468	498
Варница	313	9	126	135	645	29	711	740
Гербовцы	403	20	201	221	1357	96	1230	1326
Жавгур	256	—	150	150	678	136	410	546
Зам	229	20	102	122	700	102	1118	1220
Калфа	141	5	40	45	487	12	277	289
Каушаны	601	20	208	228	1028	143	1015	1158
Киркаешты	317	13	56	69	1038	70	767	837
Кирнацены	203	13	147	160	527	13	1002	1015
Михайловка	194	4	48	52	733	117	427	544
Опач	406	9	430	439	1075	117	1248	1365
Садаклия	287	8	390	398	915	170	550	720
Сац	280	150	309	459	804	13	950	963
Селемет	402	9	208	217	1371	156	723	879
Старые Каушаны	260	22	100	122	559	26	560	586
Танатары	228	29	30	59	640	104	606	710
Токуз	356	4	427	431	785	40	1118	1158
Фарладаны	289	12	104	116	746	78	638	716
Хаджимус	193	5	82	87	480	27	494	512
Ченак	327	4	103	107	866	143	572	715
Чимишлия	685	15	315	330	2265	338	1046	1384
Чукур-Менжир	263	2	110	112	786	150	543	693
Чора-Мурза	187	2	130	132	562	91	395	486
Итого	7342	—	—	5060	25524	—	19814	—

Более ранние данные (за 1814 г.) по этому округу отражают ту же картину, что и в приведенной таблице по Бендерскому округу², но сравнить их с 1834 г. невозможно, так как шло заселение земель Аккерманского у., закончившееся, в

¹ В таблице сгруппированы сведения статистических обзоров селений, взятые из фондов канцелярии гражданского губернатора и областного статистического комитета. — ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3269, л. 75, 84; ф. 151, 1866 г., оп. 1, д. 5, л. 254—255, 746—747; 1867 г., д. 6, л. 460, 511, 521—522, 713—714, 727—728.

² См. детальные ведомости по ряду селений с указанием численности крестьян, количества высеваемого и собираемого зерна по культурам и т. д. в ЦГА МССР, ф. 5, оп. 3, д. 72, л. 168—176, 178—181.

основном, лишь к середине 30-х гг. Поэтому мы привлекаем данные за 1834 и 1868 гг.

Посев озимых и яровых (без картофеля) в четвертях по 27 селениям Аккерманского округа в 1834 и 1868 гг.¹

Селения	В 1834 г.		рост посе- вов в 1868 г. по отноше- нию к 1834 г. в %
	четверти	четверти	
Введенское	67	417	620
Вознесенское	37	302	800
Ганкишля	92	316	343
Гура-Роша	52	414	800
Гура-Челегидер	126	462	366
Ермоклия	90	280	310
Ивановка	34	343	1000
Капланы	183	542	332
Карагасан	117	399	340
Коркмазы	102	580	568
Молдавка	130	228	174
Олонешты	140	657	470
Павловка	120	507	422
Паланка	56	467	834
Петропавловка	89	554	600
Плахтеевка	190	1600	844
Поповка	207	230	111
Райлянка	62	446	720
Слободзея-Ганесы	112	324	290
Спасское	110	227	206
Татарбунары	207	766	370
Талмазы	186	828	445
Ташлык	189	660	345
Тудорово	99	512	517
Успенское	51	1075	2100
Царичанка	65	1032	1587
Чобручи	201	558	278
Итого	3 014	14 726	

Таким образом, за 35 лет посевы в этих селениях в среднем увеличились почти в 5 раз.

Урожай Одним из существенных факторов, влияющих

на величину и качество урожая, является норма высева семян — густота высева на единицу площади. Исследование нормы высева очень важно и для определения хлебного баланса, урожайности с единицы площади, наличия хлебных излишков. Многолетней сельскохозяйственной практикой

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1842, л. 93—100; ф. 151, 1866 г., оп. 1, д. 5, л. 800; 1868 г., д. 94, л. 166—167, 180—181, 194—195. В сведениях за 1868 г. произведен пересчет кил на четверти; 1 кила составляла 2,5 четверти.

тикой выработались мерные (объемные) нормы высева — четверти, четверики, меры, границы. Нормы эти не были постоянными, так как зависели от многих причин: качества почв, климатических условий (особенно влажности климата), времени и способа посева, сортности семенного материала, уровня агротехники, метеорологических условий данного года¹. На непостоянство нормы высева влияла и система земледелия, в частности господство переложной системы. После подъема перелога сеяли гуще, затем ряд лет — реже, а когда поля засорялись, снова увеличивали норму высева — загущали посевы для подавления сорняков.

По данным различных источников, в 40-х гг. средние нормы высева в области в целом и на ее северной и южной окраинах имели следующие величины.

**Нормы высева зерновых культур в 40—60-х гг. на 1 дес.
(в четвериках)²**

Культуры	В среднем по области	В Хотинском уезде	В Бендерском и Аккерманском уездах
Пшеница озимая	6—7	8	5—6
Пшеница яровая			4—7
Рожь	8	7—8	4—8
Ячмень	6—7	8,4	6—8
Овес	6—7	11	5—8
Кукуруза	1,7	2	1—1,5
Просо	не известно	не известно	1—1,5

Как видно из приведенных данных, на юге, в засушливой зоне нормы высева были ниже, чем в среднем по области и особенно в Хотинском у., отличавшемся более высоким увлажнением.

При анализе данных об урожаях мы оперируем сведениями не за отдельные годы, а за ряд лет. Объясняется это тем, что в урожайности обычно наблюдаются колебания, вызван-

¹ М. С. Савицкий. Определение норм высева зерновых культур по оптимальному стеблестою. М., 1956, стр. 46; А. А. Наливкин. Твердые пшеницы, стр. 130—131.

² Материалы для составления таблицы взяты из архивных документов и печатных источников. — ЦГА МССР, ф. 65, оп. 1, д. 104, л. 2; ф. 151, оп. 1, 1867 г., д. 6, л. 227—228, 251—252; 1871 г., д. 10, л. 356—357; 1871 г., д. 11, л. 186—187; 1872 г., д. 14, л. 224—225; ф. 65, оп. 1; д. 56, л. 84; ЦГИА СССР, ф. 398, 1845 г., д. 2641, л. 36; Библиотека для чтения, т. 97, СПб., 1849, стр. 23; С. С. Лошкарев. Путевые заметки..., стр. 14—15; А. Защук. Экономические расчеты о доходности хлебопашества. — «Бессарабские областные ведомости», 1860, № 20.

ные влиянием климатических условий, состоянием почвы, погодных условий и др. причинами. Средние данные за несколько лет позволяют устраниТЬ влияние благоприятных или неблагоприятных условий отдельных лет¹.

В соответствии с этим мы пользуемся средними данными посева и сбора хлебов по трехлетиям.

Исходные данные о посеве и урожае хлебов взяты из официальных источников: отчетов палаты государственных имуществ, ведомостей продовольственной комиссии, отчетов губернатора. Данные эти мерные — о количестве посеванного и собранного зерна в четвертях, килах и т. п.

К сожалению, до 40-х гг., т. е. до передачи крестьян в ведомство МГИ, систематического учета урожаев в казенных селениях не велось, и этот пробел в архивных источниках нечем восполнить. Поэтому основные цифровые материалы, анализируемые нами, охватывают 40—60 гг. Достоверность их, как и всех других количественных показателей, приблизительная. Сведения составлялись в волостных правлениях, суммировались в окружных управлениях и затем подвергались «обработке» в палате государственных имуществ, канцелярии губернатора, областной продовольственной комиссии и, наконец, в МГИ. Наиболее достоверные из них, по нашему мнению, сведения окружных управлений и отчасти — палаты государственных имуществ. Они дают ответы на ряд вопросов: о количественных изменениях в урожаях, о тенденции развития (соотношение озимых и яровых культур), хлебном балансе, доле государственных крестьян среди других разрядов крестьянства области в производстве хлебов. Но из-за практиковавшихся тогда приемов учета урожаев редко встречаются сведения о посевных площадях и о посеве и сборе по культурам, а это очень важный показатель для выявления зависимости специализации в земледелии от рыночного спроса, для определения размеров запашки.

Кстати сказать, Центральный статистический комитет МВД относил сведения ведомств государственных имуществ к числу наиболее точных².

Приведенные цифры посева и сбора в бессарабской казенной деревне не вполне точно отражают действительное положение вещей. (См. стр. 140). Сказывается здесь приближенность расчетов. В частности, они дают представление лишь о том количестве зерна, которое добывалось крестьянами на надельных землях. Но, как уже указывалось, в казенных селе-

¹ И. С. Кувшинов, М. Н. Гумеров и Я. А. Ловков. Экономика социалистического сельского хозяйства. М., 1963, стр. 141.

² Статистический временник Российской империи, т. 1, СПб., 1866, стр. XXIII.

ниях широкое распространение имела аренда земель у помещиков и разных ведомств, некоторая часть крестьян имела к тому же свои, купленные земли. При сборе сведений крестьяне называли обычно заниженные цифры высея и сбора хлебов.

Посевы и сборы хлебов у государственных крестьян Бессарабской области в 1842—1868 гг.

Годы	Посеяно четвертей			Собрано четвертей			Уро- жай «сам»
	о зи м о г о	я р о в о г о	и т о г о	о зи м о г о	я р о в о г о	и т о г о	
1842—1844	14 853	26 347	41 200	39 620	89 488	129 008	3,1
1845—1847	16 201	26 930	43 131	44 613	73 478	118 091	2,7
1848—1850	17 208	34 331	51 549	65 584	128 458	194 042	3,7
1851—1853	17 152	38 886	56 937	67 457	155 928	223 485	4
1854—1856	16 800	30 615	47 415	25 561	73 714	99 275	2,1
1857—1859	12 314	25 731	38 045	28 264	80 618	108 882	2,9
1860—1862	12 335	21 846	34 180	25 345	68 113	93 458	2,8
1863—1865	12 411	26 663	39 074	30 760	81 874	112 634	3
1866—1868	12 014	40 484	42 498	17 170	52 533	69 703	1,7 ¹

Все эти обстоятельства следует учитывать при определении объема производства хлебов. На деле он был выше, чем зафиксировано в документах. Тем не менее, даже оперируя официальными сведениями, можно проследить определенные закономерности в развитии зернового хозяйства интересующей нас категории крестьянства.

Из цифровых данных таблицы видно, что в течение 40-х и начале 50-х гг. происходило абсолютное увеличение посевов, в годы Крымской войны и последовавшего в результате ее подрыва крестьянского хозяйства происходит резкое снижение посевов, так что к концу 60-х гг. они находились на уровне первой половины 40-х гг. В валовом сборе зерна наблюдается аналогичная эволюция, с той только разницей, что во второй половине 60-х гг. он даже не достигал уровня первой половины 40-х гг. В сборе хлебов наблюдается, кроме того, состояние застоя: из 27 лет, отраженных в таблице в 18 средних урожай не превышал сам — 3². Урожай чередовалась с

¹ Таблица составлена на основе материалов ежегодных обзоров урожаев по округам и всем селениям в целом. Обзоры помещались в сводках палаты государственных имуществ, областной продовольственной комиссии, отчетных данных губернатора и Министерства государственных имуществ и др. См. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, дела 4574, 4779, 6768, 7194, 7195, 7507, 7681, 7787, 7790, 7882; ф. 122, оп. 1, д. 83; оп. 2, д. 94, ф. 202, оп. 1, д. 250; ЦГИА СССР, ф. 398, 1850 г., д. 4663; ф. 381, д. 5938, ч. 1; ЖМГИ, 1842, ч. IX, вед. № 5; 1844, ч. XII, прил. № 4; 1845, ч. XVII, прил. № 4; 1848, ч. XXIX, вед. № 16; 1849, ч. XXXIII, вед. № 4.

² Исключение составлял 1852 г., когда урожай составил сам — 6,6.

неурожаями. Это свидетельствовало о низком уровне развития производительных сил в земледелии. Низкая урожайность являлась результатом отсталой земледельческой системы, использования примитивной сельскохозяйственной техники, малой производительности труда крестьянина, слабого развития агротехники.

Низкая урожайность хлебов в казенных селениях Бессарабии не является исключением из общего правила. Ученые, исследовавшие системы земледелия, пришли к выводу, что она была свойственна всем районам, где господствовала переложная система¹. В частности, инспектор сельского хозяйства Южной России Д. Струков писал в 1855 г.: «В годы, благоприятные для степной растительности, южные черноземы давали хорошие урожаи, которые и теперь слушаются, но в последнее десятилетие сложность урожаев доказывает, что весь Буджак и вся приморская полоса, идущая вдоль Черного и Азовского морей, шириной в 110—150 верст, производит при переложной системе едва 4-е зерно»². А. С. Ермолов отмечал, что переложная система при общих благоприятных условиях обеспечивает получение высоких урожаев хлебов в первое время после распашки залежи, но «в среднем общая урожайность тех местностей, где господствует залежная система, является низкой не только по сравнению, например, с местностями, в которых господствует лесопольная система и которые в почвенном отношении стоят в условиях неизмеримо худших, но ниже даже, чем во многих местностях с преобладающей зерновой, и именно, трехпольной системой»³. Академик Л. С. Берг в своей монографии «Бессарабия» также подчеркивал, что в Буджаке была «урожайность хлебов малая»⁴.

Урожайность по округам распределялась следующим образом: лучшие урожаи отмечаются в Хотинском округе, затем шел Бендерский и на последнем месте находился Аккерманский округ.

Картину урожайности отражает следующая таблица (в «самах»)⁵.

¹ И. А. Стебут. Сельскохозяйственные заметки из поездки в некоторые преимущественно степные губернии.— Избранные соч., т. II, М., 1957, стр. 390—400; Ф. С. Крохолов. О системах земледелия, М., 1960, стр. 306.

² Д. Струков. О состоянии сельского хозяйства в Южной России в 1855 г.— ЖМГИ, 1956 г., ч. XI, стр. 244.

³ А. С. Ермолов. Указ. соч., стр. 372.

⁴ Л. С. Берг. Бессарабия. Страна—люди—хозяйство. Петроград, 1918, стр. 6.

⁵ Таблица составлена по данным окружных управлений о посеве и сборе хлебов.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3785, л. 19; д. 4141, л. 48; л. 4502, л. 120; д. 4574, л. 63; д. 4779, л. 473; 7194, л. 94; д. 7195, л. 516; д. 7507, л. 128; д. 7612, л. 297; д. 7787, д. 218; д. 7837, л. 141; д. 7836, л. 552; ф. 122, оп. 1, д. 83, л. 13—14.

Годы	Округа					
	Хотинский		Бендлерский		Аккерманский	
	озимые	яровые	озимые	яровые	озимые	яровые
1842	8	9	менее сам—2	менее сам—2	2	2
1843	2	5,4	4,8	4,9	3	2
1844	2	4,2	4	4,8	3,6	3,8
1845	3	3	менее сам—1	менее сам—1	менее сам—1	1
1846	3	3	4	3	2	2
1858	2,4	8	1	2,3	2	2
1859	1,75	1,75	2,5	1,75	2	2,7
1860	2,5	2,5	3	3	5,5	5,5
1862	2	1,75	1	2	1	2,5
1863	2	2	3	4	1	2
1864	4	6	4	4	5	5
1866	4	3	1,5	1,5	2	2
1867	1,7	3,7	менее сам—1	менее сам—1	менее сам—1	1,3

В расчете на 1 дес. сбор хлебов был также очень низким. Нам не удалось выявить сведения по всем годам и тем более по отдельным культурам, поэтому приходится пользоваться выборочными данными, которые обобщены в следующей таблице. Причем следует оговориться, что в графе «яровые культуры» суммирована урожайность очень разнородных хлебов (пшеница, кукуруза, ячмень, просо, овес, гречиха и др.), которые по степени урожайности значительно отличаются друг от друга. И тем не менее, средние величины урожая этих культур с 1 дес. небольшие¹.

Годы	Зерновые культуры		Годы	Зерновые культуры	
	озимые	яровые		озимые	яровые
	в четвертях			в четвертях	
1819	7,5	5,3	1845	3	3,6
1826	5,4	2	1846	3,5	2
1827	3	2	1854	2,1	1,6
1840	1,1	2	1856	менее 1	2,8
1843	3,3	2	1857	около 3	около 4
1844	4,1	3			

¹ Расчет произведен по сведениям об урожаях местных учреждений. См. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 609, л. 192—193; д. 1043, л. 65; 90—91; д. 1120, л. 14—15; 86—87; д. 3269, л. 84, д. 4056, л. 4; д. 4050, л. 120; д. 4574, л. 63; д. 4779, л. 474; ЦГИА СССР, ф. 398, 1854 г., д. 6273, л. 22; 1856 г., д. 6702, л. 393; 1857 г., д. 7688, л. 196.

Невысокая урожайность хлебов в изучаемый нами период наблюдалась в целом по Бессарабии. А. Защук определял за 50-е гг. среднюю урожайность в области по яровым сам — 4 и по озимым сам — 4,5. М. П. Мунтян, исследуя зерновое хозяйство в области первой половины XIX в., пришел к выводу, что урожайность в среднем по пятилетиям колебалась от сам — 4 до сам — 6¹.

Общий низкий уровень агрокультуры усугублял тяжесть стихийных бедствий, приводивших к гибели посевов на больших площадях. Особенно тяжелый урон наносило крестьянским хозяйствам частое поражение посевов саранчой: в 1824—1825, 1828—1829, 1836, 1844, 1846—1848, 1854—1857, 1859—1863 гг. В отдельные годы «полосы опустошения» достигали размера многих тысяч десятин: в 1857 г. уничтожила хлеб на площади в 8219 дес., в 1860 г. — 11 тыс. дес.²

Эффективных средств борьбы с этим опасным сельскохозяйственным вредителем в распоряжении крестьян не было. Обычно места скопления саранчи выжигали, перепахивали или перекапывали, уничтожали ее различными механическими способами. На борьбу с ней в некоторые годы отвлекалась огромная масса крестьян. По данным А. Накко, в 1860 г. треть сельского населения области почти беспрерывно работала по уничтожению саранчи всю весну и до середины лета, в 1861 г. борьбой с ней в течение весны и лета было занято более 658 тыс. человек, а площадь поражения составляла 56 тыс. дес.³

Наряду с саранчой большой вред посевам причинял так называемый «хлебный жук» («прусики»), с которым крестьяне совершенно не умели бороться. В огромных массах он появился в 40—50 гг. в Южной Украине и Бессарабии, в том числе и на полях государственных крестьян. По сведениям палаты государственных имуществ, в 1854 г. этот вредитель в Бендерском округе «сокращал в поражаемых местах умолот в половину», в 1856 г. истребил посевы в разных селениях южных округов на площади в 10 378 дес., в 1858 г. в подnestровских селениях — 3400 дес. яровой пшеницы и ржи. Ино-

¹ А. Защук. Военное обозрение Бессарабской области. СПб., 1863, стр. 115; М. П. Мунтян. К вопросу о зерновом хозяйстве Бессарабии в первой половине XIX века. — Тезисы докладов и сообщений шестой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1863, стр. 210.

² Смотрите донесения полицейских властей, палаты государственных имуществ, материалы Общества сельского хозяйства Южной России. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6320, л. 2; д. 6579, л. 136; д. 7376, л. 40—41; ф. 88, оп. 1, д. 1575, л. 24; ГАОО, ф. 22, оп. 1, д. 51, л. 15; д. 91, л. 66; ЦГИА СССР, ф. 398, 1854 г., д. 6273, л. 15—16; 1857 г., д. 7688, л. 197—198; 1856 г., д. 6702, л. 397.

³ А. Накко. Бессарабская область в историческом, экономическом и статистическом отношении (рукопись). Кишинев, 1879, стр. 236—237.

гда крестьяне шли на крайнюю меру: при появлении на полях этого вредителя косили хлеб на сено¹.

Из грызунов наибольшее распространение имели суслики. В засушливые годы они буквально являлись бичом в южных уездах области. Особенно большое опустошение крестьянским полям причинили в 1842 г.²

На урожаи оказывали влияние также проливные дожди, заморозки, град, засуха. Посевы часто страдали от туманов.

Конечно, урожайность зерновых культур в зажиточных хозяйствах была выше, чем в середняцких, а тем более в бедняцких хозяйствах. Кулаки лучше обрабатывали землю, в короткие сроки и с малыми потерями убирали урожай и вообще в лучшее время проводили полевые работы.

Неурожаи, от которых страдало трудовое крестьянство, были хроническим бедствием в казенной деревне. Близко к ним стояли и «посредственные» урожаи, когда количество собранного хлеба немногим превышало количество посевенного, и крестьяне с большим напряжением обеспечивали себя продовольствием. В каждом десятилетии неурожаев и «посредственных» урожаев было больше, чем урожайных лет. По сведениям Инспекции сельского хозяйства Южной России, бессарабской палаты государственных имуществ и исследователей-экономистов, на 30-е гг. приходилось 3 неурожая и 3 «посредственных» урожая, на 40-е гг. — 2 неурожая и 6 «посредственных», 50-е гг. — 2 неурожая и 3 «посредственных», на 60-е гг. — 4 неурожая и 2 «посредственных», т. е. за 40 лет — 11 неурожаев и 14 «посредственных» урожаев³. Неурожайными были: 1822—1824, 1832—1834, 1840—1843, 1845 и 1846, 1849, 1853, 1865, 1866—1867 гг.⁴

Низкий уровень агротехники, низкая производительность труда крестьян, раздробленность хозяйств делали труженика бессильным перед стихийными бедствиями. Неустойчивое хозяйство мелкого крестьяниня, которое велось в основном си-

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4411, л. 97; д. 4779, л. 216; д. 6768, л. 307; ЦГИА СССР, ф. 398, 1854 г., д. 6273, л. 16; 1856 г., д. 6702, л. 394; Н. В. Пономарев. Исторический обзор правительенных мероприятий к развитию с/х в России с начала государства до настоящего времени. СПб., 1888, стр. 247.

² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3851, л. 3—8; ЦГИА СССР, ф. 398, 1842 г., д. 1126, л. 20—25, 46.

³ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 20, д. 6699, л. 363; Ю. Янсон. Статистическое исследование о хлебной торговле в Одесском районе. СПб., 1870, стр. 150.

⁴ Сведения о неурожаях взяты из архивных документов и из исследований современников. См. ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 331; ф. 5, оп. 2, д. 709, 740; ф. 2, оп. 1, д. 5286, 7790, 7881; ф. 122, оп. 2, д. 12, 90, 154, 155, 157; ф. 2, оп. 1, д. 3747; ЦГИА СССР, ф. 398, 1852 г., д. 6699; ф. 383, д. 1499; ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I: ф. 1281, оп. 4, 1854 г., д. 78; Я. Грудзино. Указ. соч., стр. 373—378; Ю. Янсон. Указ. соч., стр. 154.

лами своей семьи, не выдерживало этих частых потрясений, разорялось, а самого его низводило до положения нищего. В довершение бедствий неурожай обычно сопровождалась голодовками, бескорыщией, болезнями.

Конечно, неурожайность вызывалась и естественно-географическими факторами. Даже в северной трети Бессарабии, отличавшейся богатым черноземом и более влажным климатом, в среднем за 10 лет бывало 5 хороших урожаев, 3 «посредственных» и 2 плохих¹. Что касается юга области, то, по замечанию Я. Сабурова, «засуха в Бужаке часто обманывает надежду земледельца»².

Засуха являлась непреодолимым бедствием для подавляющего большинства крестьян. Чтобы не допустить полного их разорения, а вследствие этого — подрыва государственного хозяйства и вспышек классового недовольства, царское правительство вынуждено было проводить некоторые мероприятия по обеспечению хлебом голодающих. В особенно трудные периоды оно ссужало их зерном или деньгами, обязывая возвратить ссуду в течение нескольких лет. Так было при неурожае 1822—1824 гг. — крестьянам была выдана хлебная ссуда, а в начале 30-х гг. казна ассигновала 130 тыс. руб. асс. для закупки и выдачи хлеба нуждающимся государственным крестьянам с рассрочкой взносов на три года³.

К числу подобных мероприятий относится также создание в казенных селениях запасных хлебных магазинов. В основе этого лежало стремление правительства переложить на самих же крестьян обеспечение хлебом при неурожаях и других бедствиях. Правительство отдельвалось изданием многочисленных «положений», «распоряжений», «наставлений», рассылкой планов образцовых магазинов и т. п.

«Ближайшая причина голода — неурожай — бедствие, в глазах массы, чисто стихийное, божье попущение. А так как эти сопровождаемые голодовками неурожаи тянутся с незапамятных времен, то и законодательство давно уже вынуждено считаться с ними. Давно уже существуют (главным образом на бумаге) целые уставы народного продовольствия, предписывающие целую систему «мероприятий»⁴. Эта характеристика В. И. Ленина относилась не только к голоду 1901 года, но и к более раннему периоду. Законодательство о «народном продовольствии» было обширное, но материальных

¹ Н. А. Димо. Почтоведение Молдавии, стр. 5.

² Я. Сабуров. Указ. соч., стр. 29.

³ Сведения о размерах продовольственной и денежной ссуд по отдельным селениям содержатся в ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2098, л. 2; 2329, л. 21, 2444, л. 49, 55—56; ф. 134, оп. 1, д. 34, л. 760—761; д. 88, л. 645—651; ф. 454, оп. 1, д. 7, л. 95—100.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 320.

затрат (в частности на строительство ссыпных амбаров или, как их тогда называли, магазинов) государство не делало. Создание хлебных магазинов превратилось в отягчение крестьян дополнительными повинностями.

Практические результаты этого мероприятия были незначительные: созданные впоследствии хлебные запасы лишь отчасти смягчали продовольственные нужды крестьян. Ссыпка зерна в казенных селениях началась в 1839 г. на основании Положения об устройстве запасных хлебных магазинов от 5 июля 1835 г., которое вступило в действие в Бессарабии четырьмя годами позже определенного срока, по причине «затруднительного положения тамошних казенных крестьян», как отмечалось в донесениях палаты государственных имуществ; норма ссыпки — по 1 четверти озимого и 0,5 четверти ярового на ревизскую душу¹.

Длительная и сложная переписка велась о строительстве помещений для хранения запасов. Выяснилось, что для этого требовался специальный денежный сбор от 2 до 6 руб. асс. с души. Собрать такие деньги с крестьян было невозможно из-за очередного неурожая. Ссуды правительство не дало. Некоторые селения (Ченак, Жавгур, Чукур-Менжир) вынуждены были вступать в контракты с подрядчиками-строителями на кабальных условиях (платили дижму с урожая), чтобы выполнить распоряжения властей об устройстве магазинов².

Кончилось все тем, что строительство «типовых» магазинов отсрочили «до времени поправления крестьянами своих хозяйств», а хлеб предписывалось хранить в ямах, кукурузу — в плетневых хранилищах (кошах). Лишь в Хотинском округе имелись два деревянных общественных амбара, да в 40-х гг. был выстроен «образцовый» каменный магазин в м. Каушанах³.

Для чиновников МГИ в этом деле главной была показная сторона. В 1843 г. МГИ предписало: строить каменные магазины по чертежам, крыши красить масляной краской; глино-битные и плетневые здания допускались в порядке исключения; магазины должны размещаться преимущественно у больших почтовых трактов, как «пример для будущих построек»; если нет необходимого строительного материала, то рекомендовалось с этой целью открывать кирпичные и черепичные заводы и т. д. И все это должно было выполняться «хозяйственным путем», т. е. через наряды, повинности и налог с крестьян.

¹ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 50, л. 30—32.

² Переписка об этом казенной палаты с Министерством финансов выявлена в ЦГА МССР, ф. 134, оп. 1, д. 114, л. 34—35, 316—323; д. 124, л. 744; ЦГИА СССР, ф. 379, 1835 г., д. 1884, л. 92.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3500, л. 2; ЦГИА СССР, ф. 379, 1835 г., д. 1884, л. 1.

Вскоре пришлось от этой парадности отступить, так как крестьяне с большим напряжением выплачивали текущие платежи и накопившиеся в 30-х гг. недоимки и несли многочисленные трудовые повинности: ямы были признаны «весьма надежными» хлебными хранилищами. Но и тут «попечительное» МГИ не осталось в стороне: предписало рыть их «по высочайше утвержденным чертежам»¹. Таким образом, в большинстве случаев под хлебным магазином подразумевалась группа ям и кошней. К 1867 г. в казенных селениях числилось 27 магазинов, состоявших из 7 амбаров, 971 ямы и 15 хворостовых кошней².

Содержание этих зернохранилищ являлось постоянной обременительной повинностью для крестьян: ежегодно по два раза хлеб выгружался для просушки, ремонтировались и обжигались или выкапывались новые ямы. А главное — не обеспечивалась сохранность зерна, хлеб портился.

Пользуясь безвыходным положением крестьян, палата государственных имуществ заставляла их брать этот порченый хлеб в принудительную ссуду, требуя взамен качественное зерно из нового урожая. В 1856 г., например, такая «ссуда» только по Бендерскому округу составила 2414 четвертей³.

Определенная правительством норма ссыпки хлеба была выполнена лишь к 1852 г., а затем резко пала и не была достигнута до конца 60-х гг. Размеры наличных хлебных запасов выборочно были следующие⁴.

Годы	Наличные запасы (в четвертях)		Всего
	озимого	ярового	
1852	36 173	20 793	56 966
1856	6 661	1 905	8 566
1860	5 554	3 410	8 964
1865	20 126	13 112	33 238
1869	3 864	2 631	6 495

Резкое сокращение запасов в 1856 г. было вызвано Крымской войной. Как только она началась, царское правительство протянуло руку к сельским хлебным резервам. Крестьян

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4604, л. 1—11; ф. 134, оп. 1, д. 124, л. 396—400.

² ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5933, ч. 1, л. 99—100.

³ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 90, л. 207—209; д. 73, л. 158—159.

⁴ Таблица составлена по данным палаты государственных имуществ, извлеченным из ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3485, л. 8; д. 4774, л. 65; д. 5398, л. 434; д. 5868, л. 1; д. 6461, л. 156; д. 7194, л. 86; д. 7790, л. 672; д. 7681, л. 281.

заставили перемолоть в муку и переделать в крупу большую часть зерна. Только в 1853 г. ими было заготовлено свыше 14 тыс. четвертей муки и 1560 четвертей крупы; а за время войны из магазинов было взято для войск 24 679 четвертей хлеба¹.

Колебания в поступлении хлеба в 60-х гг. объясняются неурожаями и застоем в экономике казенной деревни.

Каковы же были практические результаты оказания помощи крестьянам, страдавшим от нехватки продовольствия? В 40-х гг. ссуды колебались (по всем округам) от нескольких сот четвертей до 1100 четвертей в год, т. е. реального значения для всей крестьянской массы не имели. Во второй половине 50-х гг. из-за тяжелых последствий войны, неурожаев 1858—1860 гг. крестьяне испытывали острые продовольственные затруднения. Все чаще они обращались с просьбами о семенной и продовольственной ссудах, особенно в 1856—1859 гг., в течение которых десятки селений, по нашим подсчетам, взяли в ссуду 16,5 тыс., а в 60-х гг. — 103,5 тыс. четвертей.

Таким образом, со второй половины 50-х гг. и до конца изучаемого периода крестьяне вынуждены были постоянно занимать хлеб и на семена и на продовольствие, находились в неоплатных долгах по ссудам, что являлось одним из ярких показателей тяжелого положения их основной массы, вызванного общей в Бессарабии хозяйственной депрессией послевоенного периода. На это вынуждены были обращать внимание царские власти в своих официальных докладах и отчетах². Конечно, кулацкие хозяйства не нуждались в ссудах, они сами ссужали хлеб на кабальных условиях. Причем следует иметь в виду, что размеры ссуды, приводимые нами, касаются лишь хлебных магазинов и не отражают ее настоящего объема, так как заем хлеба внутри селений бедными у богатых в официальных сведениях не отражался.

Накопление хлебных запасов в магазинах осуществлялось двумя путями: индивидуальной сырькой и через общественные запашки. С середины 30-х гг. крестьян заставили заниматься общественными запашками. Для этой цели выделялись лучшие участки из общинных земель и силами крестьян обрабатывались. Все работы они обязаны были выполнять в первую очередь, за чем вели наблюдение специально выделенные надсмотрщики. Крестьяне усматривали в запаш-

¹ Подсчет произведен по ведомственной переписке. См. ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, д. 777, л. 41—47; ф. 202, оп. 1, д. 264, л. 197—198; д. 368, л. 7—8; ф. 122, оп. 2, д. 74, л. 41; д. 90, л. 111—119.

² См. отчеты губернатора.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7681, л. 4, д. 7879, л. 3; д. 7882, л. 251—252.

ках новый вид повинностей, отказывались от их выполнения. Чиновник Тихий доносил в V отделение с. е. и. в. канцелярии в 1837 г.: «Положение о запашках остается без исполнения» по причине «ленинности поселян и слабости местных исполнителей» и призывал к действиям: «не нужно внушать, а должно приказывать»¹.

К концу 30-х гг. мерами принуждения власти добились введения запашек в ряде волостей, в 1841 г. площадь их составляла 656,5 дес. Но в течение 40-х гг. крестьяне Бендерского и Аккерманского округов совсем отказались от производства запашек, до 1854 г. они держались лишь в Хотинском округе².

Общественные запашки, обременив крестьян дополнительными повинностями, не послужили реальным средством накопления хлебных резервов. В качестве примера можно привести следующий факт: в середине 40-х гг. в 18 селениях Аккерманского и Хотинского округов, производивших посевы на 139 десятинах, в магазины ссыпано было всего 526 четвертей, или в среднем по 29 четвертей на каждое селение³, что ни в какой мере не могло покрыть запросы крестьян в неурожайные годы.

Одновременно с заготовкой зерна создавался так называемый «продовольственный капитал» путем ежегодного сбора по 6 коп. сереб. с ревизской души (с водворенных нижних чинов по 5 коп.). Предел «капитала» — 48 коп. на душу — был достигнут в 1852 г., но с крестьян продолжали взимать сбор до 1867 г.⁴ Крестьяне несли денежную повинность, которой царское правительство придало форму «попечительства» о их нуждах.

Денежных ссуд из этого «капитала» на всем протяжении изучаемого периода крестьяне не получали.

Степень обеспеченности крестьян хлебом на протяжении всего периода, за исключением нескольких лет, была неудовлетворительная, в чем нас убеждает анализ хлебного баланса (урожай зерновых и расходы на посев, продовольствие, фураж и пополнение общественных хлебных магазинов). По сведениям палаты за 1845 г., которые являются наиболее детальными, он представляется в следующем виде⁵.

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2825, л. 80.

² Сведения по отдельным селениям см. в ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3708, л. 7; ф. 122, оп. 2, д. 10, л. 192—193; д. 17, л. 29; д. 14, л. 19, 35; д. 17, л. 25—27, 28; д. 50, л. 29.

³ ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 27, 1846 г., д. 8, л. 94—96.

⁴ Там же, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, л. 1, 25; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1.

⁵ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7574, л. 75; ЦГИА СССР, ф. 398, 1846 г., д. 3238, л. 3—4, 63—64.

Число ревизских душ обоего пола	Посеяно четвертей		Собрано четвертей		Всего собрано четвертей озимого и ярового
	озимого	ярового	озимого	ярового	
51230	17 542	27 199	27 351	61 043	88 394

Потребность крестьян в хлебе (озимом и яровом) составляла:

на продовольствие из расчета 2,5 четверти на человека	— 128 075 четв.
на корм скота, полагая по 2 четверика на штуку	— 32 018 »
на обсеменение полей	— 44 741 »
взнос в хлебные магазины по 1,5 четверика с человека	— 9 605 »
Итого:	— 214 440 четв.

Весь расход на ревизскую душу равнялся 4 четверт. 1 четверику 3 гарнцам. Недостаток в хлебе в целом составлял 128 тыс. четв.

Исходя из этого расчета (на 1 ревизскую душу), только в 1852 г. с избытком покрывалась потребность в хлебе (по 6,3 четверти на душу)¹, в остальные годы ощущается недостаток. Если же исходить из официальной нормы — 3 четв., то лишь за несколько лет собираемый урожай, судя по сведениям палаты и областной продовольственной комиссии, был достаточен: в 1844, 1850, 1860, 1864 гг.² В подавляющем большинстве этот минимум не достигался. По подсчетам областных ведомств, не хватало в 1842 г. — 70 тыс., в 1845 г. — 128 тыс., в 1858 г. — 110 тыс., в 1862 г. — 40 тыс., в 1866 г. — 118 тыс. четв.³

Приведенные данные, конечно, приблизительные, но они достаточны, чтобы констатировать главное: в казенных селениях количество собираемого хлеба не всегда обеспечивало потребностей крестьян, превышение душевого производства хлеба в валовом сборе отмечается лишь за отдельные годы.

В связи с этим и проливается свет на хлебный рынок в казенной деревне Бессарабии: подавляющая масса крестьян не имела товарных излишков зерна, лишь зажиточный слой выступал на рынке как поставщик хлеба.

По валовому сбору зерна государственные крестьяне значительно уступали царанам и колонистам.

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5864, л. 30.

² Там же, д. 4502, л. 120; д. 7194, л. 94; д. 7787, л. 218; ф. 202, оп. 1, д. 137, л. 199—200; д. 264, л. 172—173; ЖМГИ, 1851, ч. XLI, вед. № 13.

³ Там же, д. 3785, л. 19; 4574, л. 63, д. 4749, л. 473; д. 7195, л. 516; д. 7837, л. 141; ф. 122 оп. 1, д. 83, л. 13—14; ф. 202, оп. 1, д. 233, л. 164—165; д. 300, л. 129—131; ф. 2, оп. 1, д. 7836, л. 552.

ИНТЕНСИВНЫЕ ОТРАСЛИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Садоводство и виноградарство Фруктовое садоводство и виноградарство относится к таким отраслям сельского хозяйства, когда на небольших относительно земельных участках возможно крупное производство¹. Здесь осуществляется наиболее эффективное использование сельскохозяйственных земель.

Для них была характерна сравнительно высокая доходность: по подсчетам ряда исследователей, в 40—50 гг. на юге области в среднем десятина пшеницы давала 16,5%, фруктового сада — 20—30%, а виноградника — 70—80% и даже 200% (при хорошем урожае) чистого дохода². Этим, в известной мере, объясняется большой размах в развитии данных отраслей хозяйства в области в целом. Особенно быстро развивалось виноградарство: в 1826 г. в Бессарабии получено вина около 50 тыс. ведер, в 1855 г. — свыше 2 млн., а к началу 70-х гг. — около 5 млн. ведер, и область заняла второе место (после Кавказа) в стране по количеству получаемого вина³. Фруктовых садов в 1826 г. насчитывалось 13 371 (около 1 млн. 300 тыс. плодовых деревьев), в 1870 г. — 52142 (3 млн. 226 тыс. плодовых деревьев и кустарников)⁴.

Территориально фруктовые сады и виноградники в окрестах государственных крестьян распределялись неравномерно. В южных округах главный массив их находился в Поднестровье и в Придунайской полосе. Это были районы, наиболее благоприятные по своим природно-географическим условиям для развития плодоводства и виноградарства. В частности, здесь, как отмечал цитированный уже А. Гроссул-Толстой, «склоны или покатости, преимущественно обращенные к югу, очень удобные для виноградарства»⁵. Начиная

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 350.

² А. Зашук. Материалы для географии и статистики России. Бессарабская область. СПб., 1862, ч. 1, стр. 244, 268; А. А. Скальковский. Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса, 1853 г., стр. 272; С. С. Струков. О состоянии сельского хозяйства в Южной России в 1851 г. — ЖМГИ, 1852, ч. XLIV, стр. 73; ЦГА МССР, ф. 61, оп. 1, 1847 г., д. 88; ф. 2, оп. 1, д. 4497, л. 191; ф. 5, оп. 2, д. 866, л. 8; ЦГИА СССР, ф. 398, 1851 г., д. 4829, л. 468.

³ П. Кеппен. О виноделии и винной торговле в России. СПб., 1832, стр. 116—117; П. П. Сокальский. Беседы о виноделии во время выставки виноградарства и виноделия в Одессе в октябре 1870 г. — ЗОСХЮР, 1871, стр. 372; ЦГИА СССР, ф. 398, 1856 г., д. 6699, л. 329; ф. 1263, оп. 60, 1870 г., д. 3555, л. 609.

⁴ См. хозяйствственные обзоры в отчетах губернатора. — ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1046, л. 97—101; ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 60, 1870 г., д. 3555, л. 615.

⁵ А. Гроссул-Толстой. Обозрение рек, почв и местоположений Новороссийского края и Бессарабии в сельскохозяйственном отношении. — Записки общества сельского хозяйства Южной России, 1856, стр. 34—35.

с 30-х гг. они все более выделялись своей специализацией и торговым направлением.

В 19 селениях, основанных переселенцами из внутренних губерний в степной полосе Буджака, садово-виноградарные насаждения появились лишь к началу 40-х гг. и до 50-х гг. не имели большого хозяйственного значения¹.

Отмена откупной налоговой системы (1824 г.), возможность приобретения в частную собственность казенных садов или аренды их, наличие относительно крупных земельных наделов, поощрение правительством садоводства и виноградарства в Бессарабии (предоставление государственным крестьянам права занимать из общественного и казенного фонда участки земель под сады, снабжение саженцами из казенных питомников по льготным ценам, подготовка квалифицированных садоводов и виноделов в специальных училищах, повышение в 1823 г. пошлин на иностранные вина, благоприятные природно-климатические условия, постоянный рыночный спрос) способствовали росту промышленного садоводства и виноградарства в приднестровских и придунайских селениях.

В зависимости от характера рельефа местности фруктово-виноградные сады делились на плавневые (в приречных долинах) и нагорные (склоновые). Виноградные насаждения представлены были преимущественно местными, так называемыми бессарабскими сортами: ракэ нягрэ, чауш, плавай (плавун), галбенэ, поама фетей, саперави, мустоаса, пэсэряска, грасэ-де-котнар и др.² В отдельных хозяйствах культивировались и европейские сорта. Густота посадки — 300—1200 кустов на десятине.

Из плодовых деревьев наибольшее распространение имели яблони, сливы, вишни, черешни, абрикосы, груши, персики, айва, волошские орехи. Фрукты отличались скороспелостью и нежностью, не выдерживали дальних перевозок.

В придунайском районе садоводства и виноградарства находилось всего 11 селений государственных крестьян, в которых в 40-х гг. числилось около 1 тыс. дворов (входили в Измаильское градоначальство). Основными отраслями хозяйства здесь были хлебопашество и скотоводство. С конца 30-х гг. все больший вес в хозяйстве нескольких селений начинают приобретать садоводство и виноградарство, растет их товарность.

¹ «Земледельческая газета», 1852, № 63, стр. 520.

² А. А. Скальковский. Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса, 1853, стр. 280—281; П. Н. Унгурян. Основы виноделия Молдавии. Молдавский научно-исследовательский институт садоводства, виноградарства и виноделия. Труды, т. V, Кишинев, 1960, стр. 13; С. Щепкин. Виноградарство и виноделие в Бессарабии и ее округе. СПб., 1869, стр. 1.

Наглядную картину этого роста представляют следующие данные, которые относятся главным образом к 5 селениям — Кислице, Хаджикурде, Карамахмету, Чимаширу и Муравлевке, поскольку в них садоводство и виноградарство становились ведущими отраслями хозяйства наряду с хлебопашеством¹.

Годы	Фруктовые сады		Виноградники				куда производится сбыт вина
	число садов	в них фруктовых деревьев	число виноградных садов	в них виноградных кустов	получено вина (ведер)	продано вина (ведер)	
1837	нет	сведений	31 969	4 387	2 380		в селения
1842	43	17 600	206	60 300	8 190	5 435	градоначальства и го-
1851	166	44 000	274	188 800	около 14 тыс.		рода Измаил и Килию

Из таблицы видно:

- 1) фруктовые насаждения за 9 лет увеличились в 2,5 раза;
- 2) количество виноградных кустов возросло за 15 лет в 6 раз;
- 3) сбыт вина за эти годы увеличился в 4 раза;
- 4) неуклонно росла товарность вина: с 54% в 1837 г. до 66% в 40-х — начале 50-х гг.

Эти сдвиги были в значительной мере обусловлены близостью крупных потребляющих центров — Измаила, Килии, Рени, дунайских рыбных промыслов.

Дальнейшее развитие садоводства и виноградарства в придунайских казенных селениях затормозила Крымская война, а по Парижскому миру весь район отошел к Молдавии.

С присоединением Бессарабии к России создались благоприятные условия развития садоводства и виноградарства в Поднестровье. Незначительные сады существовали здесь еще до 1812 г., но они группировались вокруг крепостей и в большинстве своем принадлежали турецкой военно-феодальной верхушке. А. Скальковский дал сведения о их числе: «Мы нашли в документах сведения, что после турок в степной части Бессарабии, где они пребывали, осталось 141 виноградный и 20 фруктовых садов и из первых находилось: 104 — близ Акермана, 19 — близ Ганкишлы (принадлежавшие буджакско-

¹ Сведения взяты из отчетов чиновника, ведавшего селениями Измаильского градоначальства, и статистических оззоров селений — ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, г. 2819, л. 14, 31, 34; д. 3834, л. 348—349; ф. 24, оп. 1, 1852 г., д. 3, л. 122—123; ГАОО, ф. 3, оп. 1, 1850 г., д. 82, л. 98.

му сераскиру), 2 — у Бендер, 5 — на городской земле Измаила, 4 — близ Рени; фруктовые же сады в числе 20 находились в селении Кицканах Бендерского уезда¹. После 1812 г. край быстро заселялся, расширялись и площади под садами и виноградниками. Природные условия Поднестровья благоприятствовали развитию плодоводства: мягкий климат, в пойме реки имелись богатые наносные почвы, увлажняемые водами Днестра и удобряемые его илом во время весенних разливов. Сады здесь прекрасно росли и давали высокие урожаи. В сортовом составе насаждений особенно отличались яблоки «домнешты» (господские) и бендерские абрикосы, находившие широкий сбыт как внутри области, так и в Одессе. О «домнештах» высоко отзывались современники-специалисты сельского хозяйства: это лучшие яблоки в Европе, «крепкие, крупные, приятного запаха и вкуса, в состоянии перенести самую дальнюю перевозку», «яблоко отличного вкуса и весьма прочно», хорошо сохраняется до марта — апреля².

Уже к 1827 г. здесь, в 18 казенных селениях, насчитывалось 717 фруктово-виноградных садов (398 — в Бендерском и 319 в Аккерманском уездах) на площади свыше 1100 десятин³. При этом только в приднестровских селениях Аккерманского у. в фруктовых садах насчитывалось свыше 17 тыс. плодовых деревьев и добывалось около 37 тыс. ведер вина⁴. Поднестровье в Бендерском и Аккерманском уездах, исключая селения Леонтьево, Пуркары и Раскайцы, было заселено государственными крестьянами. В Леонтьеве (помещичье селение) до конца изучаемого периода садоводство и виноградарство были слабо развиты. К 1866 г. здесь под садами и огородами было занято всего 16,5 дес., в среднем в год вырабатывалось около 3 тысяч ведер вина. В Пуркарах и Раскайцах, принадлежавших духовному ведомству, эти отрасли хозяйства развиваются лишь к середине века, а в начале 60-х годов уже вырабатывалось свыше 40 тыс. ведер вина, из которых 13 тыс. вывозилось в Херсонскую губ. А. Вельтман, побывавший здесь в конце 20-х гг., писал затем в своем

¹ А. А. Скальковский. Историческое обозрение развития садовой и лесной промышленности в Новороссийском крае. — ЖМВД, 1852, кн. 1, стр. 316.

² Я. Сабуров. Земледелие, стр. 16; Сорочинский. Краткое обозрение. — «Земледельческая газета», 1837, № 34; А. Д. Денгиник. Заметки, стр. 191.

³ Подсчет произведен по данным статистических обзоров селений. См. А. О. Корнилович. Указ. соч., стр. 158, 163, 164—167, 168—174, 177—180, 317, 320, 322, 326—327, 297, 300—303, 308, 315—316.

⁴ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4141, л. 76—77; ф. 2, оп. 1, д. 7580, л. 103, 107—108; д. 7839, л. 202, 204, 284; А. Д. Денгиник. Заметки, стр. 192.

«Страннике»: «От Бендер вниз по Днестру места прелестны, природа и жители богаты; долина днестровская покрыта селениями; все протяжение реки осеяно фруктовыми и виноградными садами»¹.

Уже тогда наметилась специализация ряда селений на производстве плодов и винограда. Так, в Олонештах фруктово-виноградные насаждения занимали площадь в 67,5 дес., Ганкишле — 33,5 дес., Талмазах — 186 дес., Гура-Рошие — 83,5 дес., Чобручах — 22,5 дес.²

К началу 50-х гг., по данным статистических учреждений, в казенных селениях Аккерманского округа 10-я часть и Бендерского округа четвертая часть всех крестьянских хозяйств занимались преимущественно садоводством и виноградарством³. В 1854 году в обоих округах числилось 2576 фруктовых садов и 1148 виноградников⁴. В Бендерском округе выделялись селения Копанка, где занимались садоводством и виноградарством 311 крестьян, Кицканы — 54⁵, Фарладаны — 130, Чимишлия — 220, Селемет — 129, Ченак — 55, Чукур-Менжир — 56 крестьян и т. д.⁶

Следует отметить, что Поднестровье являлось одним из крупных районов виноградарства в области: в 50-х гг. примерно десятая часть вырабатываемого в области вина приходилась на Поднестровье. Из следующих цифровых данных Инспекции сельского хозяйства Южной России за 1855 г. это отчетливо видно.

Выделано вина: в северной и средней Бессарабии	700 тыс.
(ведер) в немецких колониях	300 тыс.
в болгарских колониях	250 тыс.
в районе Кишинева	250 тыс.
в Поднестровье	200 тыс.
по Пруту	140 тыс.
в районе Аккермана	120 тыс.
в районе Измаила и Килии	120 тыс.
всего	2 080 тыс.

Основная масса крестьянских садов была относительно небольших размеров — 1—3 дес. Отдельные же из них в 40—50 гг. имели насаждения на площади в 10 и более дес. Так,

¹ А. Вельтман. Странник, ч. I. М., 1831, стр. 51—52.

² А. О. Корнилович. Указ. соч., стр. 158, 163—165, 177—178, 184.

³ ГАОО, ф. 3, оп. 1, 1850 г., д. 82, л. 79—82; ЦГА МССР, ф. 24, оп. 1, 1852 г., д. 3, л. 117.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 398, 1854 г., д. 6273, л. 22, 27.

⁵ По сведениям Инспекции сельского хозяйства Южной России за 1842 г. в садах Копанки и Кицкан находилось 18600 фруктовых деревьев и более 17000 виноградных кустов; получено фруктов 6120 пудов и вина около 700 ведер. — ЦГИА СССР, ф. 398, 1842 г., д. 1226, л. 35—41.

⁶ ГАОО, ф. 3, оп. 1, 1850 г., д. 82, л. 78.

в Бендерском округе в с. Копанке у Игната Дона было 15 дес., Григораша Парфения — 10,5 дес., Ивана Гагула в м. Каушанах — 10 дес., Диордия Чучуряна — 9 тыс. 650 саж., в Кицканах несколько крестьян владели садами на площади в 10—12 дес.¹ В Аккерманском округе такие сады имелись в Талмазах, Чобруках, Татарбунарах².

По данным, относящимся к концу 40-х — началу 50-х гг., которые удалось выявить о 116 крестьянских хозяйствах с. Копанки Бендерского округа, площадь садов и виноградников колебалась от долей десятин до 10 дес., а именно:

21 хозяйство имело насаждения площадью до 1 дес.; 64 — от 2 до 4 дес., 26 — от 5 до 7 дес. и 5 хозяйств — по 9—10 дес. каждое.³

Такое же положение наблюдалось в Талмазах, Чобруках, Олонештах, Роше, Каушанах, Фарландах, Кицканах, Гербовцах, Хаджимусе, Татарбунарах, в селениях Измаильского градоначальства⁴.

Доходность крестьянских фруктовых садов и виноградников площадью в 2—5 дес. в селениях южных округов в 60-е годы колебалась от нескольких сот до тысячи рублей сереб.⁵

Накануне реформы 1869 г. в 70 селениях Бендерского и Аккерманского округов на 12400 семей приходилось 5486 фруктовых садов на площади в 1786 дес., приносивших урожай более 24 тыс. пудов и доход на сумму 10—15 тыс. руб. сереб. Виноградников насчитывалось свыше 2400 на площади 2375 дес.⁶, с которых добывалось 145—170 тыс. ведер вина;

¹ Сведения выявлены в различных фондах. См.— ЦГА МССР., ф. 214, оп. 1, д. 7, л. 2—7; ф. 2, оп. 1, д. 3374, л. 56; ф. 22, оп. 2, д. 47, л. 369—370; ф. 134, оп. 1, д. 88, л. 119; ЦГИА СССР, ф. 398, 1853 г., д. 5559, л. 44; 1851 г., л. 121; ф. 302, оп. 2, д. 336, л. 1—2, д. 358, л. 21—27; д. 892, л. 37.

² ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 385, л. 2—12.

³ Обобщены статистические сведения о крестьянских садах с. Копанки, извлеченные из ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, дела 324, 325 и др., всего 82 дела; ф. 214, оп. 1, д. 7, д. 2—17; ф. 122, оп. 2, д. 47, л. 190—191; ГАОО, ф. 3, оп. 1, 1850 г., д. 82, л. 79.

⁴ Сведения о садовладельцах см. в ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 30, л. 190—196; д. 47, л. 28—29, 189—191; ф. 214, оп. 1, д. 8, л. 3—7; ф. 2, оп. 1, д. 3374, л. 56; ф. 302, оп. 2, дела 264, 306, 327, 331, 334, 337, 343, 353, 355, 356, 358, 369, 376, 377, 390, 553, 562, 563, 569, 572, 573, 578, 597, 796, 892, 1007, 1036, 1068.

⁵ Детальные сведения об этом смотрите в нашем докладе «Развитие торгового садоводства и виноградарства в селениях государственных крестьян и колонистов южных уездов Бессарабии в 30—60-х годах XIX в.» — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г.», Рига, 1963, стр. 407.

⁶ В 1868 г.—1 млн. 209 тыс. кустов, а в 1871 г.—1 млн. 650 тыс. кустов. Подсчет произведен по отчетам палаты государственных имуществ и статистическим обзорам селений, сохранившимся в делах Областного статистического комитета.

доход от виноградников, как можно судить по сведениям палаты государственных имуществ, колебался во второй половине 60-х гг. от 60 до 107 тыс. руб. сереб.¹ При существовавшей тогда средней цене в 1 руб. сереб., за ведро процент тоннажности равнялся 48—60.

Опираясь на данные о площадях под садами и виноградниками за 1870—1873 гг., содержащиеся в монографии И. Г. Будака², можно приблизительно определить долю фруктово-виноградных насаждений в казенных селениях относительно к площади по области: из 45203 дес. всей площади насаждений в области 4160 дес., или 9%, падало на казенные селения.

Однако, как уже указывалось, промысловыесады и виноградники были сосредоточены главным образом в приднестровских селах. В конце 60-х гг. размеры их по некоторым селениям выражались в следующих показателях³.

Округа и селения	Фруктово-виноградные сады		
	площадь под садами (дес.)	фруктовых деревьев	виноградных кустов
<i>Бендерский округ</i>			
Копанка	200	50 200	100 000
Кицканы ⁴	160	46 200	84 000
Фарладаны	72	2 520	60 000
Хаджимус	63	2 500	48 300
Варница	60	нет сведений	184 000
Тарзкия	68	нет сведений	54 000
<i>Аккерманский округ</i>			
Талмазы	152	140 000	150 000
Чобручи	214	25 000	130 000

Кроме того, более чем в 20 селениях виноградники и фруктовые сады занимали площади по нескольку десятков десятин. Выработка вина по отдельным селам в 60-х гг. достигла относительно больших размеров: в Талмазах — 62 400, Чоб-

¹ ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. 1, л. 195, 434.

² И. Г. Будак. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Бессарабии в пореформенный период. Кишинев, 1954, стр. 217.

³ Таблица составлена на основании архивных данных, извлеченных из фонда областного статистического комитета. — ЦГА МССР, ф. 151, 1871 г., оп. 1, д. 11, л. 156, 190, 298; 1870 г., д. 10, оп. 1, л. 300, 361, 503—504.

⁴ До 1862 г. Копанка и Кицканы были казенными селами, затем переданы царским правительством Ново-Нямецкому монастырю, но часть крестьян осталась владельцами садов, площадь которых здесь показана. Общая площадь под садами и виноградниками в обоих селениях в 1866 г. составляла 3500 дес.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7838; ф. 151, 1871 г., оп. 1, д. 11, л. 156.

ручах — 38 500, Олонештах — 32 900, Фарладанах — 32 140, Варнице — 30 340, Хадхимусе и Гербовцах — 24 000 ведер, больше половины которого шло на рынок¹.

Технология виноделия была примитивной. В хозяйственных обзорах губернаторских отчетов содержится описание способа приготовления вина в Бессарабии, который полностью относится и к казенным селениям. Съемка винограда и выделка вина начиналась в конце августа, либо в первых и даже последних числах октября, в зависимости от погодных условий лета. Виноградные гроздья по снятии с кустов складывались в большие деревянные чаны и оставлялись там примерно на три дня. Сок, получавшийся от давления массы винограда, сбивался в бочки, а остатки винограда перекладывались в холщевые мешки, топтались ногами,² затем выжимались деревянными прессами³. Прессами и другим оборудованием располагали лишь состоятельные крестьяне. Ни технология, ни погребное хозяйство не обеспечивали длительной сохранности вин (подвергалось быстрому скисанию), поэтому большинство крестьян вынуждено было сбывать их в течение осени.

Среди разрядов сельского населения юга области по фруктово-виноградным насаждениям и по количеству вырабатываемого вина государственные крестьяне уступали колонистам и превосходили казаков. В казачьих станицах имелись лишь «садики для домашнего обихода», которые даже не попадали в статистические сведения⁴.

В царанских селениях почти не было крестьянских садов и виноградников. Не имея собственных земель и обязанные в случае перехода к другим землевладельцам оставлять на месте недвижимое имущество, в том числе и сады и виноградники, царане не были заинтересованы в закладке трудоемких многолетних насаждений⁵.

Доля болгаро-гагаузских и немецких колоний в садоводстве и виноградарстве области к 50-м гг. выражалась в следующих величинах: в 113 колониях насчитывалось 10 300 000 виноградных кустов из 35 млн. кустов по области, добывалось вина до 1 млн. ведер (в области 3 млн. ведер); на колонии приходи-

¹ Сведения взяты из хозяйственных обзоров сел, помещенных в годовых статистических сводках волостных управлений.— ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, д. 5, л. 880; д. 6, л. 521—522.

² Человек в день путем топтания мешков с виноградом мог получить 50—60 ведер сусла.— ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 575, л. 11.

³ Положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии (1812—1861 гг.). Сборник документов, т. III, ч. I. Кишинев, 1962, стр. 248.

⁴ Филиал ГАОО в г. Измаиле, ф. 755, оп. 1, 1844 г., д. 115, л. 38; 1845 г., д. 119, л. 4, 38, 39, 46, 56; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6233, л. 7; д. 6461, л. 173; д. 7580, л. 139.

⁵ Я. С. Гросул. Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.). Кишинев, 1956, стр. 85—86.

лось около третьей части фруктовых садов области (8 тыс. из 25 тыс.)¹.

Уже к 40-м годам, как указывало колонистское управление, фруктово-виноградные насаждения в болгаро-гагаузских селениях достигли огромных размеров; для многих колонистов садоводство и особенно виноградарство и виноделие начали играть роль главного источника дохода. По данным за 1837 г., во всех 82 колониях около половины семей имели виноградники и фруктовые сады, а выделкой вина занимались 1964 семьи — $\frac{1}{5}$ от общего числа семей². Основной массив виноградников находился в Кагуло-Прутском и Измаильском округах; на 35 колоний этих округов, по нашим подсчетам, приходилось 80% от валового сбора вина³.

Фруктовые сады концентрировались в Верхне-Буджакском округе⁴.

Для получения устойчивых урожаев плодов, винограда и овощей здесь широко применялась «напускная полива» с помощью специальных оросительных сооружений — чигирей и норий, приводимых в движение конной и воловьей тягой. Хозяйственная эффективность этой системы орошения была настолько очевидной, что в начале 50-х гг. по заданию МГИ Инспекция сельского хозяйства Южной России специально занималась изучением ее для последующего распространения в южных губерниях⁵.

В немецких поселениях также быстро расширялись плодово-виноградные плантации. По данным колонистских властей, в 1824 г. было здесь 21,4 тыс. плодовых деревьев, а в 1847 г. уже около 500 тыс.⁶ Виноградные насаждения за эти годы увеличились с 252 тыс. до 1,6 млн. кустов, а к концу 60-х гг. составляли уже 4 млн. кустов, выработка вина возросла до 300—500 тыс. ведер⁷.

¹ М. Баллас. Виноделие в России, ч. V. СПб., 1899, стр. 22; Базинер. О состоянии разных отраслей сельского хозяйства в Южной России в 1850 г.— ЖМГИ, 1851, ч. XL, стр. 52.

² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4693, л. 215; д. 4779, л. 476; д. 5366, л. 193; ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 29, 1837 г., д. 610, л. 30, 36; А. С. Скальковский. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848, стр. 57—86.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5624, л. 15; ф. 24, оп. 1, 1852 г., д. 3, л. 11, 17, 23.

⁴ А. Клаус. Наши колонии, вып. I. СПб., 1869, приложение VII.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 398, 1851 г., д. 4815, л. 5—6.

⁶ ЦГА МССР, ф. 305, оп. 1, д. 236, л. 65; ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 29, 1837 г., д. 610, л. 42—43; Х. Х. Стевен. О состоянии разных отраслей сельского хозяйства в Южной России в 1847 г.— ЖМГИ, 1848, ч. XXVIII, стр. 131.

⁷ Цифровой материал взят из статистических обзоров колоний — ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5624, л. 9; ф. 151, 1871 г., оп. 1, д. 10, л. 157—159, 248—249, 273—274; М. Баллас. Указ. соч., стр. 17.

Управляющий немецкими колониями И. Ф. Лагорио отмечал в 60-х гг., что «виноделие в некоторых колониях составляет довольно обширный и самобытный промысел»¹. К их числу относилась группа колоний, располагавших обширными виноградниками: Сарата (400 тыс. кустов), Тарутино (397 тыс.), Малоярославец 1-й (290 тыс.), Малоярославец 2-й (286 тыс. кустов) и др.²

Одним из крупных очагов виноградарства и плодоводства на юге Бессарабии была колония Шабо, основанная в 1823 г. на берегу Днестровского лимана переселенцами из Швейцарии (на площади около 4 тыс. дес.). К середине 40-х гг. здесь уже насчитывалось свыше 10 тыс. фруктовых деревьев. Но плодоводство не играло первостепенной роли. Шабо была «колонией виноградарей»³.

Побывавший там в 1853 г. профессор Горыгорецкого земледельческого института Э. Рего писал в своем отчете о поездке: «В Шабе каждый колонист имеет под виноградником от 2 до 6 десятин земли и получает до 1000 ведер вина, которое продается по 1 руб. сереб. за ведро»⁴.

В 1841 г. в колонии насчитывалось 200 тыс. кустов, а к 1871 г. — 3 млн. кустов, добывалось вина к началу 70-х гг. более 90 тыс. ведер. Шабо славилась своими винами, которые выдерживались на 60 винодельческих пунктах. Отдельные колонисты владели крупными виноградниками (по 20—50 дес.)⁵. На торговле шабскими винами «специализировался» ряд одесских купцов⁶.

В селениях Хотинского округа, в силу специфических природных условий, виноградарством крестьяне не занимались. Фруктовое садоводство было развито, но не в таких размерах, как в селениях южных округов. Разводили наиболее виш-

¹ И. Ф. Лагорио. Статистические сведения о бессарабских немецких колониях.— Записки Бессарабского областного статистического комитета, т. I. Кишинев, 1864, стр. 75.

² См. статистические обзоры колоний в ЦГА МССР, ф. 151, 1871 г., оп. 1, д. 10, л. 157—159, 248—249, 273—274.

³ Н. Надеждин. Прогулка по Бессарабии.— Одесский альманах на 1840 г. Одесса, 1840, стр. 344.

⁴ Рего. Отчет о путешествии по южным губерниям России для обозрения садовых заведений летом 1853 года.— «Записки Горыгорецкого земледельческого института», 1857, кн. 6, стр. 122.

⁵ Подробные сведения о садоводстве и виноградарстве в Шабе содержатся в ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, 1871 г., д. 11, л. 460—461; ГАОО, ф. 1, оп. 215, 1853 г., д. 23, л. 3—4; ф. 22, оп. 1, д. 606, л. 1, 7, 9, 11; ЦГИА СССР, ф. 398, 1844 г., д. 2209, л. 44; ЖМГИ, 1848, ч. XXVII, стр. 3; К. И. Тардан. Виноградарство и виноделие. Одесса, 1854, стр. 8; А. Клаус. Указ. соч., прилож. VII.

⁶ ЗОСХЮР, 1871, стр. 52—53, 60—61, 369, 592; ЦГИА СССР, ф. 398, 1845 г., 2641, л. 71.

ни, сливы, яблони и груши; волошских орехов и абрикосов почти не было.

Обычно крестьяне обзаводились маленькими приусадебными садиками, общая площадь которых по селениям была незначительная. По сводным данным областного управления о садах в Хотинском у. за 1827 г. на 8 казенных селений приходилось всего 25 фальч (около 33 дес.) садов¹. В дальнейшем плодовые насаждения увеличились: в 1842 г. только по селениям Медвежской волости насчитывалось 68192 плодовых дерева, из которых более 43 тыс. составляли вишни. Наибольшее распространение сливы и вишни объясняется легкостью их размножения — корневой порослью — и условиями рыночной реализации: постоянным спросом за пределами области на бессарабский чернослив (копченая слива).

Торговое значение сады имели лишь в Белоусовке и Тицканах, как это отмечалось в обзорах садоводства и виноградарства за ряд лет, составлявшихся в Департаменте земледелия МГИ.

Однако доходы были небольшие: например, из садов Белоусовки в 1842 г. продано фруктов всего на 1250 руб. сереб. Некоторые крестьяне выращивали в небольших питомниках саженцы на продажу. Главная же масса получаемой продукции шла на собственное потребление крестьян².

В последующие десятилетия происходит значительный рост площади под внеусадебными садами и огородами в Тицканах. В 1870 г. она равнялась 156 дес.; если же к этому прибавить 145 дес. сельской усадьбы, на которой в подавляющем большинстве крестьянских хозяйств выращивались овощи и фрукты, и учесть, что под зерновыми в полевом клине было занято всего 470 дес., то можно проследить наметившуюся специализацию села на садоводстве и огородничестве. В Белоусовке сады и огороды занимали 36 дес., а зерновые — 675 дес.³

Товарная продукция южных селений поступала, главным образом, из хозяйств зажиточных крестьян, владевших садами и виноградниками по нескольку десятин⁴.

Эта верхушка скупала казенные сады, находившиеся в 23 селениях Бендерского и Аккерманского округов (в частности,

¹ ЦГА МССР, ф. 5, оп. 2, д. 398, л. 109, 172—173, 261; ЦГВИА, ВУА, 1843 г., д. 18593, л. 4—22.

² ЦГИА СССР, ф. 398, 1842 г., д. 1226, л. 35; 1843 г., д. 1289, л. 4; 1845 г., д. 2641, л. 50, 72; 1851 г., д. 4828, л. 121; 1853 г., д. 5559, л. 44; 1857 г., д. 7187, л. 17—20, 42—43; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6461, л. 165.

³ См. статистические обзоры селений.— ЦГА МССР, ф. 151, 1870 г., оп. 1, д. 8, л. 157, 172.

⁴ Подробные сведения об этих садах и их владельцах сконцентрированы в ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 47, л. 100—299, 305—400; ф. 214, оп. 1, д. 8; ф. 302, оп. 2, д. 1068, л. 27.

к 1870 г. купленные сады имелись в Кицканах у 13, в Копанке у 137), арендовала казенные и частновладельческие сады (у купцов, дворян и мещан). Так, 24 казенных сада при селениях Ганкишле, Роше и Коркмазах в 30-х гг. находились в аренде у местных крестьян; в 5-летней аренде у 22 кицканских крестьян находились сады на площади 52 дес., причем Иосип Понтакий и Григораш Арсений арендовали сад в 14 дес., Ио-ница Малан — 3,25 дес.¹

Источники отразили многочисленные факты скупки садов у односельчан (без права отчуждения земли). Отдельные кулаки имели до 5 садов в своих селениях и нередко покупали их в соседних². Они пользовались затруднениями, связанными со стихийными бедствиями, обеднением односельцев³.

Расширение площадей под садами происходило в ряде случаев за счет прихвата общинных и казенных земель. В Талмазах в 1851 г. под садами оказалось 136 дес. земли лесного ведомства, в Чобручах — 37 дес., Кицканах — 42,5 дес. и т. д.⁴

По положению Государственного совета от 14 февраля 1849 года в Бессарабии, как и в новороссийских губерниях, государственным крестьянам было предоставлено право отчуждать или брать в долгосрочное пользование общинные земли под фруктовые сады и виноградники. «Положением» воспользовалась зажиточная часть крестьян, так как только ей были под силу расходы, связанные с закладкой новых садов, и возможность без подрыва хозяйства ожидать 4—10 лет до плодоношения садов и виноградников. Крестьяне-бедняки, не располагавшие достаточными средствами, необходимыми для обзаведения виноградниками и садами, имели маленькие приусадебные насаждения, либо совсем их не имели. Однако сельские общества выделяли сравнительно небольшие участки — в 2—3 дес. и передавали их только в пользование на 50 лет, т. е. без права отчуждения земель⁵. Сказывалась сковывающая роль общинного землепользования.

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3313, л. 14; ф. 134, оп. 1, д. 88, л. 119.

² Сведения о них содержатся в делах ЦГА МССР, ф. 37, оп. 3, д. 329, 695; оп. 4, д. 1349; оп. 6, д. 203; ф. 122, оп. 2, д. 30, 31, 50.

³ В 1837 г. известный садовладелец в с. Копанке А. Жипа купил сад на площади в 2 дес. 470 саж. за 1,5 четверти кукурузы у односельца д. Испаса, который вынужден был пойти на такую крайне невыгодную продажу из-за неурожая и дороговизны на продукты. См. ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, д. 927, л. 1—4.

⁴ В архивных фондах сохранилась большая переписка ведомств в связи с этими прихватами. См. ЦГА МССР, ф. 37, оп. 4, д. 429, л. 5; ф. 122, оп. 2, д. 30, л. 190—195; д. 26, л. 98; ф. 302, оп. 2, д. 730, л. 1, 13, 276—312; д. 731, л. 31; д. 780, л. 36—40, 49—50, 190—204, 224—225.

⁵ Конкретные сведения по этому вопросу содержатся в переписке различных учреждений. См. ГАОО, ф. 1, оп. 215, 1848 г., д. 24, л. 3—16; ЦГИА СССР, ф. 398, 1847 г., д. 3531, л. 28—39, 44, 88, 90—91; 1853 г.,

Начиная с 30-х годов, дети кулаков имели возможность получать профессиональное образование в Бессарабском училище садоводства, школе садоводства при аккерманских казенных садах, частном училище садоводства И. Тардана (в колонии Шабо) и даже Магарачском училище виноделия в Крыму. Только им были доступны эти училища, так как учеба требовала больших денежных средств (плата за обучение и содержание), отрыв от хозяйства на срок от года до шести лет, а главное — самим Министерством государственных имуществ предписывалось посыпать на учебу лишь детей «лучших из хозяев», «чтобы состояние позволяло им впоследствии заняться собственно для себя виноделием» и могло послужить примером для других¹. Следовательно, такие кулацкие семьи получали возможность культивировать высококачественный посадочный материал, вести более рациональное хозяйство.

Кулаки пользовались наемным трудом односельчан, крестьян соседних селений и скрывавшихся в селениях беглых крепостных из внутренних губерний, особенно при таких трудоемких работах, как окопка деревьев и кустов, съемка фруктов, плантаж, изготовление вина².

В их же руках сосредоточивались небольшие предприятия по переработке фруктов и винограда — фруктосушильни и винодельческие «пункты». В конце 60-х — начале 70-х гг. такие предприятия имелись в 12 приднестровских селениях Аккерманского и Бендерского округов: всего числилось 187 фруктосушилен и 128 винодельческих заведений, на которых применялся вольнонаемный труд — по 1—3 рабочих в сезон³. А соединение с земледелием технической переработки продуктов сельского хозяйства представляло собой, как указывал В. И. Ленин, «один из наиболее рельефных признаков специфически капиталистического прогресса в земледелии»⁴.

Сбыт продуктов садоводства и виноградарства осуществлялся в основном двумя путями: через скупщиков и непо-

д. 5559, л. 118—119; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6977, л. 118—121; д. 7363, л. 64; ф. 122, оп. 1, д. 113, л. 8, 12, 15, 19.

¹ Переписка и фактический материал об учащихся выявлен в ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1270, л. 37—40; д. 2233, л. 36—39; ЖМГИ, ч. III, кн. 5, стр. 21—22; 1843, ч. XXVII, стр. 5—6; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7856, л. 540; ф. 122, оп. 2, д. 27, л. 121—126; ЦГИА СССР, ф. 398, 1854 г., д. 6273, л. 28; 1856 г., д. 6702, л. 400—401.

² Примеры найма смотрите в ЦГА МССР, ф. 37, оп. 5, д. 509, л. 89; ф. 2, оп. 1, д. 3693, л. 2.

³ Подсчет произведен по статистическим таблицам волостных правлений, отложившихся в ЦГА МССР, ф. 151, 1867 г., оп. 1, д. 6, л. 525—526; 1866 г., д. 5, л. 882; 1871 г., д. 10, л. 361; 1871 г., д. 11, л. 156; 1868 г., д. 94, л. 230—231.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 207.

средственно самими садовладельцами и определялся главным образом размерами местного рынка. Мелкие и средние садовладельцы под давлением неотложной нужды сбывали свою продукцию по невыгодным ценам и в подавляющем большинстве находились в сетях скупщиков. Широкое распространение получила кабальная форма сбыта — продажа урожая по низким ценам с весны, а иногда и на несколько лет вперед¹. Закупка урожая садов на корню была распространена вообще по Бессарабии, как, между прочим, и в других садоводческих районах страны, в частности, в Крыму².

Чиновник В. К. Тихий так описывал эту форму ограбления крестьян: «Поселянин, не находя средств к уплате податей и удовлетворению других нужд своих, является к торговцу, предлагает ему в продажу будущее свое вино. Тот, зная, что продавец получал оного прежде от 500 до 600 ведер, соглашается на предложение, сходится с ним в цене, разумеется в самой ничтожной, не превышающей 40—50 копеек; дает ему за $\frac{2}{3}$ деньги вперед, за последнюю треть оставляет залогом, и сверх этого берет обязательство, что если бы не было на виноград урожая, то продавец должен ему отдать оное в будущий год и вместо уже одного — два ведра. Поселянин уже и на то соглашается. Случилось, что сии столь тягостные кондиции при содействии местных полиций исполнялись со всей точностью и если недоставало вина, то отдавался сад и продавалось на удовлетворение его движимое имущество поселенца»³. Для примера приведем два факта, взятые из жалоб крестьян. В 1834 г. бендерский мещанин Ш. Лейбович закупил у чимишлийского крестьянина Д. Котеца «под урожай» 200 ведер вина. Ввиду засухи Котец не смог выполнить условия. Итог был типичный: крестьянин потерял сад, дававший ему при урожае 400 ведер вина и на 200 руб. сереб. фруктов⁴. В 1846 г. в с. Копанке крестьянин Д. Бурлака обязался поставить бендерскому купцу И. Имасу 650 ведер вина, получив вперед 500 руб., затем «за неустойку по контракту» Имас забрал сад⁵.

Такая система сбыта пагубно сказывалась на развитии виноградарства и виноделия. Бендерские уездные власти в одном из отчетов, отмечая широкое распространение этих кабальных сделок, констатировали: «Производители вина, прежде временно запрещавшие его, мало заботятся о надле-

¹ Фактический материал смотрите в ЦГА МССР, ф. 6, оп. 9, д. 1045, л. 166—167; ГАОО, ф. 22, оп. 1, д. 240, л. 21.

² Л. П. Симиренко. Крымское промышленное плодоводство, т. I, М., 1912, стр. 47—88.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2825, л. 62.

⁴ Там же, ф. 302, оп. 2, д. 200, л. 1—7, 63.

⁵ Там же, д. 1041, л. 1—7.

жащем уходе при поднятии виноградников», а торговцы, «закупившие вино, заботятся не о качестве вина, а только о количестве его и в предупреждение возможной порчи винограда от ранних морозов преждевременно собирают его еще недозревшим, вследствие чего все местные вина более или менее кислые»¹.

В городах и селах выделилась группа торговцев, специализировавшихся на закупке и сбыте фруктов, винограда и вина. Так, в 40—60-х гг. в Бендерском округе этим занимались бендерские и кишиневские садооткупщики. Из них, например, бендерские мещане Ткачевы в течение 13 лет закупали фрукты в Кицканах и Копанке².

В приднестровских селениях Аккерманского округа часть урожая фруктов и винограда откупали крупные и мелкие торговцы из Аккермана. Свежие фрукты и виноград они «с барышом» сбывали в самом Аккермане и Одессе или развозили внутри области по деревням и mestечкам. «К тому же, — как отмечал один из современников, — из днестровского винограда они выделяют и вино, которое сбывают в Аккермане или оптом или же в мелочной продаже, ибо аккерманские вина весьма в незначительном количестве остаются на месте, а как лучшие в крае вина отправляются в Одессу или внутрь России»³.

В селениях Талмазы и Чобручи, по сведениям палаты государственных имуществ, в 1864 г. проживали и занимались скupкой и продажей фруктов и виноградного вина 22 человека: 2 купца, 18 мещан, один колонист и один однодворец; прибыли туда из Кишинева, Аккермана, Бендер, городов Подольской, Волынской и Херсонской губерний. Часть из них занималась такого вида торговлей с 30—40-х гг.⁴

Кулаки, как правило, сбывали фрукты, виноград и вино сами: вывозили на ярмарки и базары внутри области и более отдаленные рынки (за Днестром), открывали винные лавки, имели возможность держать вино до зимы и весны и сбывать его с большей выгодой.

В архивных фондах содержится много фактов о сочетании торговых операций с производством продуктов садоводства и виноградарства. Приведем некоторые из них. Крестьянин-садовладелец с. Петропавловки Аккерманского округа С. Ро-

¹ ЦГА МССР, ф. 151, 1871 г., оп. 1, д. 10, л. 121.

² Более детальные сведения смотрите в ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4449, л. 55—57; д. 4929, л. 84—85; ф. 37, оп. 6, д. 166, л. 14, 37, 38, 45, 48; ф. 151, 1871 г., оп. 1, д. 11, л. 121.

³ И. Енакиевич. Аккерманские малороссы.—Архив географического общества СССР, фонд-Бессарабская губерния, разряд 3, оп. 1, д. 5, л. 8, 10.

⁴ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 245, л. 283—290.

женко сам сбывал фрукты в центральную станицу Дунайского казачьего войска Волонтировку. М. Гнатенко, имевший фруктово-виноградные сады в с. Дивизии и с. Талмазах на площади в 7,5 дес., фрукты и вино сбывал на месте¹: Некоторые вывозили вино в Херсонскую губ.² Чаще кулаки-садовладельцы открывали в своих и соседних селениях винные лавки, погреба и т. п. В Талмазах этим занимались Журовские, Г. Плещка, М. Гнатенко и др., в Ермоклии—В. Чебан, в Паланке—И. Смынтына, в Татарбунарах—А. Шевченко, в Токузах—К. Манаскурта, в Заиме—В. Мунтян, в Абаклыджабе—П. Мунтян, в Тараклии—М. Чебан и т. д.³

Кулаки-лавочники нередко являлись одновременно и скупщиками вина у односельцев.

Воспользовавшись введенной в 1861 г. свободой винной торговли, «местные влиятельные лица»—кулаки, сельская администрация, церковнослужители—довели сеть «питейных заведений» до огромных размеров. В конце 60-х гг. в Белдерском округе на 100 дворов приходилось от 4 до 10 таких «заведений», а в м. Каушанах действовали 2 винных подвала, 18 погребов и 20 винных лавок, корчм и т. п.; в ряде приднестровских селений Аккерманского округа насчитывалось по 8—12 этих «заведений»⁴.

Большие массы торгового вина проходили через них. Только по приблизительным сведениям палаты государственных имуществ в 315 «питейных заведениях», действовавших в казенных селениях, за 1866 г. продано было около 65 тыс. ведер вина на 60 тыс. руб. сереб.⁵

Из фруктовых садов на сбыт шли зимние яблоки «домашты», которыми славилась вообще Бессарабия. В Одессе они продавались от 1 руб. 60 коп. до 2 руб. сереб. за пуд. Фрукты из приднестровских селений сбывались в Волонтировку и оттуда развозились по селениям для мелкой перепродажи⁶.

Я. Сабуров, А. А. Скальковский и другие авторы, говоря о развитии торговли Бессарабии, в числе прочих товаров

¹ ЦГИА СССР, ф. 398, 1863 г., д. 11045, л. 18—20.

² Об этом говорится в ряде документов отчетного характера.—ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6233, л. 8; д. 6768, л. 746; ЦГИА СССР, ф. 398, 1856 г., д. 6702, л. 400.

³ Сведения о них содержатся в ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 391, л. 7, 10, 11, 26, 33, 46; д. 359, л. 2; д. 357, л. 14, 23—24; д. 350, л. 4, 5; д. 425, л. 11; д. 356, л. 19; д. 385, л. 2—12; д. 309, л. 5—10; д. 355, л. 9; д. 349, л. 10; ГАОО, ф. 3, оп. 1, 1850 г., д. 82, л. 80—82.

⁴ Подсчет произведен на основании сведений палаты государственных имуществ. См. ЦГА МССР, ф. 8, оп. 1, д. 331, л. 35; ф. 122, оп. 1, д. 355, л. 33—34; д. 391, л. 34—35; д. 415, л. 9, 13, 14, 17.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 62.

⁶ Кишиневские епархиальные ведомости, 1877, № 16, стр. 682.

отмечали вывоз во внутренние губернии большого количества вяленого чернослива¹. Об участии в этой торговле государственных крестьян свидетельствуют следующие указания очевидцев. Побывавший в начале 40-х гг. в казенных селениях юга области по заданию МГИ агроном П. Ломан в своем обзоре писал, что «самый верный доход доставляют почти ежегодно абрикосы и сливы»². «В урожайные годы,— отмечала Инспекция сельского хозяйства Южной России,— приднестровские сады дают весьма много фруктов, слив наиболее, которые сушат, и промышленники развозят по всей почты России»³.

Однако сбыт за пределы Бессарабии был сильно затруднен бездорожьем и дороговизной доставки⁴. К тому же транспортировка воловыми упряжками на дальние расстояния приводила к порче свежих фруктов, винограда и вина. Общество сельского хозяйства Южной России констатировало в 1865 г., что более половины урожая фруктов в области «гниет на месте по неимению перевозочных скорых средств»⁵. Железнодорожный транспорт в Бессарабии получил развитие лишь после 60-х гг. Характерно, что начавшееся в конце 60-х гг. строительство железной дороги, соединившей Бессарабию с внутренними губерниями страны, оказали непосредственное влияние на развитие садоводства, виноградарства и виноделия в области. Как отмечалось в периодической печати, «ввиду горячо желаемого соединения Бессарабии с остальной Россией посредством железной дороги, многие садовладельцы серьезно принялись за улучшенные способы выделки вина и разведения лучшего качества лоз»⁶.

Сбыт фруктов внутри области сдерживался также из-за значительного распространения среди населения садоводства и виноградарства и отсутствия крупных перерабатывающих центров. Почвенно-климатические условия Бессарабии благоприятствовали культивированию высокосортного винограда, но условия сбыта — на рынке спрос был на дешевые вина — не стимулировали основную массу крестьян-виноградарей к улучшению сортиента винограда и технологии виноделия⁷.

¹ ЦГА МССР, ф. 61, оп. 1, 1847 г., д. 86; Я. Сабуров. Земледелие, промышленность и торговля Бессарабии в 1826 г. М., 1830, стр. 15; А. А. Скальковский. Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса, ч. III, 1853, стр. 304.

² П. Ломан. Хозяйственное обозрение, стр. 50.

³ ЦГИА СССР, ф. 398, 1845 г., д. 2641, л. 47.

⁴ В начале 40-х гг. доставка одного ведра вина из Аккермана в Кинчев обходилась по 33,5 коп. асс. (ЦГИА СССР, ф. 398, 1851 г., д. 4784, л. 83, 122).

⁵ ЦГИА СССР, ф. 398, 1865 г., д. 10875, л. 176.

⁶ Труды ВЭО, 1869, т. III, стр. 143.

⁷ П. Н. Унгуряи. Указ. соч., стр. 9, 12, 14.

Высококачественные, выдержаные вина, как более дорогостоящие, не находили сбыта среди основной массы потребителей вина¹.

Как отмечалось в отчете губернатора, за границу бессарабские вина почти не вывозились, так как не выдерживали конкуренции на мировом рынке с французскими, венгерскими, греческими и другими винами².

На прогресс садоводства и виноградарства в казенных селениях известное влияние оказывало училище садоводства в Кишиневе, основанное в 1844 г.³ Это влияние осуществлялось по двум направлениям: через снабжение саженцами, черенками и семенами и по линии подготовки «практических садоводов и огородников» из числа государственных крестьян.

Начиная с 1844 г., ежегодно обучались в училище с 4-годичным курсом до 10 учащихся из государственных крестьян, в основном по линии усвоения практических навыков. Кроме того, в качестве учеников-работников с годичным сроком обучения ежегодно проходило подготовку по нескольку подростков.⁴ По окончании теми и другими училища выпускники в большинстве своем возвращались в свои селения. Училище снабжало их высокосортным посадочным материалом, садовыми инструментами, а в селениях им предоставлялись участки земли для разведения новых садов, или же они занимались в своих семейных садах и в общественных питомниках. Такие специалисты своими знаниями и навыками способствовали распространению среди односельцев лучшего опыта в садоводстве и виноградарстве. В документах отразилась деятельность выпускников училища в селениях Чимишлии, Абаклыджабе, Салкуце, Кицканах, Болбоке, Царичанке, Талмазах, Бакчалии, Шаганах, Нерушае, Татарбунарах и др. В 50-х гг. посыпались учащиеся в Магарческое училище виноделия. К концу 60-х гг. число окончивших училища из государственных крестьян насчитывалось уже десятками: к 1866 г. было выпущено 57 садоводов и 24 ученика-работника⁵.

¹ ЖМГИ, 1848 г., ч. XXVII, стр. 7.

² ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 60, 1870 г., д. 3555, л. 609.

³ В отчете Бессарабской палаты государственных крестьян за 1855 г. отмечалось: «Садоводство ныне значительно уже развито между поселянами, чему в последнее время особенно способствовало учрежденное в Кишиневе училище садоводства». — ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6461, л. 77.

⁴ А. Денинк. Бессарабское училище садоводства. — Памятная книжка Бессарабской области на 1862 г., Кишинев, 1862, стр. 192—199.

⁵ Сведения об училищах и их выпускниках взяты из ведомственной переписки и ежегодных отчетов Бессарабского училища садоводства, которые отложились в архивных фондах. — ЦГИА СССР, ф. 398, д. 2143, 4805, 4828, 4829, 4786, ч. 2, 5222, 5559, 5935, 6293, 6273, 6702, 7688, 7703, 7710, 8501, 9247, 9631; ф. 381, д. 5938, ч. I, л. 193; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7790, 7789, 7836, 6636, 6768.

Министерство государственных имуществ поощряло кулаков, которые имели большие фруктово-виноградные сады. Начиная с 1850 г., некоторым из них выдавались ежегодно премиальные деньги по 25 руб. или садовый инвентарь. Такие «награды» получили в 50-х гг. крестьяне из 20 селений: Фарладаны, Старые Каушаны, Гаджикурда и др.

Отметим некоторых из премированных. Федор Царан из с. Старые Каушаны премирован за 2 сада (4 дес.) и огород (1,5 дес.); Василий Копочан из с. Олонешты — за 3 сада (5 дес.); Филипп Лешан из с. Талмазы — за 2 сада (4 дес.); Георгий Тимофеев из с. Гура-Роша — за 2 сада (5 дес.); Иван Гогул из м. Каушаны — за 3 сада (10 дес.); Василий Скутельник из с. Тицканы Хотинского округа — за сад и огород (3 дес.) и т. д. За сады площадью от 2 до 7 десятин в 60-х гг. получили медали, денежные и вещественные премии крестьяне ряда селений¹.

Таким образом, и училища, дававшие профессиональное образование, и рациональные нововведения в плодоводстве, виноградарстве и виноделии, и различные «попечительные» мероприятия в этой области не были рассчитаны на широкие крестьянские массы; они предназначались для зажиточного слоя деревни, ориентировались на крупные плодово-виноградные хозяйства. В подавляющем же большинстве мелких крестьянских хозяйств плодоводство, виноградарство и виноделие покоились на примитивных, застывших приемах разведения и ухода за фруктовыми деревьями, на ручной обработке, низкосортной культуре виноградной лозы, отсталой технике виноделия, при чрезвычайно несовершенном винодельческом и погребном оборудовании.

Из изложенного выше вытекает, что в рассматриваемый период шел процесс интенсификации сельского хозяйства на юге Бессарабии, в частности, это проявлялось в росте садоводства и виноградарства. Неуклонно росла товарность этих отраслей хозяйства. Развитие торгового садоводства и виноградарства ускоряло выделение кулацкой верхушки. Но общинное землепользование, исключавшее возможность отчуждения земель, слабое развитие транспортных средств, рыночная конъюнктура, отсутствие крупных перерабатывающих центров, недостаточное развитие рынка рабочей силы оказывали сковывающее воздействие на развитие этих отраслей хозяйства вообще и товарности в особенности.

Изучение развития торгового садоводства и виноградар-

¹ См. списки крестьян, награждения МГИ за успехи в развитии садоводства и огородничества.— ЦГИА СССР, д. 398, 1848 г., д. 3987, ч. II, л. 36; 1851, д. 4846, л. 48—81; 1850 г., д. 4500, л. 193; 1851 г., д. 4828, л. 121; 1853 г., д. 5559, л. 44; 1857 г., д. 7187, л. 16—20, 42—43; 1863 г., д. 11045, л. 14—21; 1869 г., д. 12106, л. 1—9.

ства в селениях государственных крестьян позволяет глубже раскрыть процесс втягивания крестьянских хозяйств в капиталистические отношения, процесс капиталистической специальности сельского хозяйства.

Наряду с виноградарством и садоводством к **Огородничество и бахчеводство** интенсивным отраслям хозяйства относится огородничество. До 40-х гг. в большинстве крестьянских хозяйств оно велось на мелких участках и носило потребительский характер. Большое распространение имело мелкое приусадебное огородничество.

В 40—50 гг. происходит специализация части крестьянских хозяйств и даже целых селений на огородничестве. По сведениям палаты государственных имуществ за 1851 г., под огородными культурами в селениях всех округов было занято 2266 дес.¹

В селениях Бендерского округа тогда насчитывалось 385 крестьян-огородников, главным образом в приднестровской полосе: в Кицканах — 73, Варнице — 33, Копанке — 19, Хаджимусе — 12, Киркаштах — 21, Каушанах — 18, Заиме — 16, Калфе — 12, Болбоке — 39, Гербовцах — 20 и т. д. В селениях, отдаленных от Днестра, число огородников уменьшалось, но и здесь они были: в Чимишлии — 28, Селемете — 13, Салкуце — 10, до 8 огородников в каждом из остальных 11 селений Чимишлийской волости².

В отчетах палаты за 50-гг. отмечается рост промышленного огородничества в селениях Бендерского и Аккерманского округов: «огородничество и садоводство составляют уже промысел в значительной части селений, и улучшение этой части год от года становится заметнее»³. Показательным является увеличение числа огородов: в 1854 г. — 876, а к 1857 г., несмотря на отторжение более 20 селений в южной Бессарабии, число их возросло до 1199⁴.

В силу своей специфики огородничество развивалось на увлажненных почвах: в селениях Поднестровья, в Измаильском градоначальстве, в поймах речек и на влажных балках. Выращивались капуста, морковь, перец, свекла, помидоры, чеснок, прас, фасоль, бобы и др. В балках устраивались пруды, применялась ручная либо с использованием «болгарских колес» поливка огородов.

¹ ЦГИА СССР, ф. 383, 1851 г., д. 16851, л. 2—3; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2801, л. 22, 35, 37, 41.

² Подсчет произведен по спискам огородников и садовладельцев, хранящимся в фонде статистического комитета Новороссийского края.—ГАОО, ф. 3, оп. 1, 1850 г., д. 82, л. 78.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6233, л. 8; д. 5461, л. 165.

⁴ Данные палаты государственных имуществ.—ЦГИА СССР, ф. 398, 1854 г., д. 6273, л. 24; 1857 г., д. 7688, л. 203.

В маловодных селениях наибольшее распространение получили бахчевые культуры — арбузы, дыни, огурцы, тыква. Под бахчи отводились обычно наиболее плодородные целинные участки. Арбузы и дыни, по замечанию П. Ломана, отличались здесь «своей сладостью, ароматом и удивительной урожайностью»¹.

Значительные сдвиги в огородничестве произошли в 60-х гг. Посравнению со второй половиной 50-х гг. число огородов более чем удвоилось: 2645 огородов в 1866 г. против 1199 — в 1857 г. Площадь огородов и бахчей в 1867 г. составляла уже 3827 дес., превышая площадь 1851 г. в 1,7 раза, хотя в 1856 г. отошел Придунайский район, где в казенных селениях огорода занимали свыше 300 дес.²

К началу 70-х гг. в ряде селений под огородами и бахчевыми культурами находились уже относительно большие площади: в м. Татарбунары — 240, Плахтеевке — 204, Михайловке — 113, Копчаке — 190, Александровке — 138, Ермоклии — 80, Ташлыке — 90, Токузах — 93 дес. и т. д. В большинстве селений крестьянские огороды имели небольшие размеры — до 0,5 дес., но были и более крупные площади — по 2—3 дес. (в Чимишлии, Талмазах, Поповке и др.), которые, безусловно, имели торговое назначение³.

В Аккерманском округе торговое направление огородничества больше всего проявилось в поднестровских селениях — Паланке, Чобручах, Коркмазах, Ганкишле, Роше, Талмазах, Тудорове, Олонештах и в м. Татарбунарах; здесь, по сведениям местных властей, огородничество являлось «главнейшей отраслью хозяйства»⁴.

Особенно часто в источниках отмечается торговый характер огородничества в Ганкишле и Татарбунарах⁵. В 1850 г. управляющий палатой государственных имуществ доносил в МГИ: «По удобному для огородничества качеству земли в м. Татарбунарах редкий из хозяев не имеет огорода с разведением капусты и прочих овощей и многие через продажу сих предметов выручают в год дохода от 50 до 150 руб. сереб.»⁶. Разбогатевшая прослойка крестьян захватила лучшие участки общинной земли, огородила каменными заборами, ежегодно удобряла их; урожай сбывала в ближайшие селения и города

¹ П. Л о м а н. Хозяйственное обозрение, стр. 51.

² ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 189, 330.

³ Выборка произведена по статистическим сведениям волостных правлений. См. ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, 1871 г., д. 11, л. 156, 298, 300, 386—387, 429, 517.

⁴ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2633, л. 3, 6, 10—18, 35—37.

⁵ Там же, д. 7082, л. 147; д. 7194, л. 94; д. 7579, д. 57; д. 7882, л. 239. Капуста была самой распространенной огородной культурой вообще в Бессарабии. См. Я. Сабуров. Указ. соч., стр. 5.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 398, 1850 г., д. 4500, л. 192.

и в больших массах вывозила капусту в Одессу; некоторые из них имели по нескольку участков.

Подобные вторжения в общинные и казенные земли с целью расширения площадей под огородами и бахчами отмечены межевыми учреждениями в 30—40 гг. и по селениям Чобручи и Талмазы¹. В 1852 г. 12 крестьян с. Гербовцы заняли свыше 9 дес. казенной земли, из Копанской лесной дачи местные огородники заняли в 1848—1849 гг. 27 дес.; участки от 0,5 до 1,5 дес. занимали отдельные крестьяне в селениях Селемет, Кицканы, Хаджимусе².

Отдельные кулаки-предприниматели прибегали к аренде земель у помещиков, вели хозяйство на капиталистических началах. Примером может служить предпринимательство абаклыджабского крестьянина Дмитрия Минчула. В 1847 г. он арендовал у помещика Г. Романенко в долине р. Кагыльника 3 дес. земли. Выращивал, главным образом, капусту и отчасти морковь и свеклу. Для обработки участка пользовался наемной рабочей силой, а для присмотра за хозяйством имел постоянного рабочего-односельца³. Подобные мелкие предприниматели пользовались лучшим посевным материалом, приобретая его в училище садоводства или у известных огородников⁴.

Кроме огородников, специализировавшихся на торговом овощеводстве, значительную группу в селениях составляли крестьяне, сочетающие садоводство с огородничеством. В документах сохранились сведения о таких хозяйствах за 40—60 гг.⁵ Обычно в них площади под огородами в несколько раз уступали площади под фруктово-виноградными насаждениями.

Главная масса товарной продукции сбывалась в свежем виде летом и осенью на месте или вывозилась за пределы села — на городские и сельские базары; часть урожая овощей потреблялась семьями в течение года и заготавливалась на зиму. Бессарабский овощной рынок сосредотачивался в следующих главных пунктах: Кишиневе, Аккермане, Измаиле, Килии, Бендерах, Хотине, Волонтировке, Татарбунарах, Ганкишле⁶. В продажу на отдаленных рынках поступали пре-

¹ ЦГА МССР, ф. 6, оп. 2, д. 1092, л. 5—7.

² Сведения взяты из ведомственной переписки. См. ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 93, л. 3—4; ф. 302, оп. 2, д. 705, л. 1—6, 305—307; д. 730, л. 1, 13, 276—312; д. 731, л. 31.

³ ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, д. 477, л. 1.

⁴ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 6138, л. 32—33; ЦГИА СССР, ф. 398, 1854 г., д. 6273.

⁵ Подробные сведения о них содержатся в делах Инспекции сельского хозяйства Южной России. См. ЦГИА СССР, ф. 398, 1850 г., д. 4500, л. 193; 1853 г., д. 5559, л. 44; 1851 г., д. 4828, л. 121.

⁶ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6461, л. 165 д. 3843, л. 400; «Кишиневские епархиальные ведомости», 1877, № 16, стр. 632.

имущественно капуста и арбузы как более транспортабельные.

Ежегодно в 40—50 гг. отправлялись целые транспорты этих продуктов огородничества в Одессу. Из селений Хотинского округа овощи вывозились в Каменец-Подольский¹.

Доходы от огородничества в целом по селениям государственных крестьян за более ранний период нам не известны; во второй половине 60-х гг. продавалось овощей на десятки тысяч рублей: в 1865 г. на 52 600 руб., в 1866 г.— 79 300 руб., в 1868 г.— 57 600 руб. сереб.²

Торговое огородничество росло и развивалось с десятилетиями. Но в изучаемый нами период еще не сложились в округах государственных имуществ специализированные районы огородничества, какие тогда наблюдались в отдельных губерниях центральной России, как, например, в Ярославской губернии³. Сказывалось отсутствие в области крупных потребляющих центров: предприятий по переработке овощей, больших городов и промысловых центров. Сдерживал развитие огородничества и слаборазвитый транспорт.

Огородно-полевой культурой является картофель. В казенных селениях он был известен со времени присоединения области⁴. Но распространение его с хозяйственными целями относится к периоду 40—60 гг. и в известной мере было связано с правительстенными мероприятиями начала 40-х гг. Государственные крестьяне значительно уступали по производству картофеля своим соседям — немецким колонистам, славившимся выращиванием этой культуры.

Частые неурожай и голодовки в стране заставили правительство обратить внимание на посевы картофеля, который рассматривался им как заменитель хлеба — «здоровая и питательная пища для населения». Распространение его проходило принудительными мерами центральных и местных властей.

В 1840—1844 гг. на места были разосланы приказания о немедленном разведении картофеля в казенных селениях по

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5363, л. 196; ЦГИА СССР, ф. 398, 1842 г., д. 1226, л. 27; А. А. Скальковский. Опыт статистического описания, стр. 316.

² Сведения взяты из отчета палаты государственных имуществ за 1866—1869 гг.— ЦГИА СССР, ф. 381, д. 5938, ч. I, л. 372, 380—381, 437—438.

³ В. А. Федоров. Возникновение торгового огородничества в Ростовском уезде Ярославской губернии (конец XVIII — первая половина XIX).— «Вестник Московского университета», № 6, 1952, стр. 49—68.

⁴ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1199, л. 4—5, 69; П. Свинин. Указ. соч., стр. 278.

линии общественных запашек, для чего предписывалось выделить показательные участки при волостных и сельских правлениях и на крестьянских полях¹. Результаты получились малоутешительные. Управляющий палатой государственных имуществ тогда сообщил в МГИ: «Посев картофеля в казенных селениях производится ныне при принятых мерах только для собственного потребления казенных поселян; достигнуть же до образования из разведения оного особой ветви промышленности возможности не предвидится, потому что здесь нет ни винокуренных картофельных заводов, ни паточных картофельных фабрик, а продовольствие казенных поселян поддерживается преимущественно обильными посевами кукурузы»². Поэтому в 1844 г. последовало постановление о прекращении общественных посевов картофеля и замене его посевом кукурузы³.

Слабое внедрение картофеля в казенных селениях на общественных участках зависело от бюрократического подхода властей к этому делу. Все действия палаты свелись к следующему: были даны «надлежащие распоряжения» и «краткие постановления о посеве, уборке, хранении и употреблении» картофеля, «сосредоточили надзор» за распространением его в руках сельских, волостных и окружных должностных лиц и, наконец, «внушили о повсеместном посеве и употреблении» картофеля. Практически же для расширения посевов этой культуры было выделено только 425 руб. на все казенные селения: для приобретения материалов, перевозки, хранения и других расходов, которые, кстати, потом возместили за счет тех же крестьян⁴.

Полезное и нужное в своей основе дело было превращено в отяготительную повинность. Крестьян заставляли обрабатывать участки земли, выращивать картофель, готовить специальные ямы-хранилища, следить за сохранностью и т. д. А в итоге: картофель погибал на корню, либо гнил в ямах, наконец, его продавали по распоряжению властей (деньги поступали в общественный капитал)⁵.

В крестьянских же хозяйствах картофель распространялся более успешно как на огородах, так и на полевых участках. Неуклонно росли посевные площади. Так, согласно све-

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3504, л. 17, 28.

² Там же.

³ «Земледельческая газета», 1844, № 57, стр. 449—450; ВПСЗ, т. XIX, № 17900.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 383, 1841 г., д. 2564, л. 1—3.

⁵ Там же, л. 4—18; ЦГА МССР, ф. 1328, оп. 1, д. 2, л. 3—4.

дениям областных учреждений, в 1845 г. они составляли 95 дес., в 1856 г. — 315 дес., в 1865 г. — 1740 дес., а в 1868 г. — 2684 дес.¹ Значительная доля посевов сосредоточивалась в селениях Хотинского округа, где существовали более благоприятные условия для его культивирования. На селения округа, составлявшие до 1856 г. 10-ю, а затем 8-ю часть всех казенных селений, приходилось от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ посевов картофеля².

Выращивался картофель более как огородная, чем полевая культура: в 40—50-х гг., по нашим подсчетам, из всего выращиваемого в казенных селениях картофеля примерно 60% приходилось на огороды³.

Хозяйственное значение картофеля было разностороннее: основная масса получаемых урожаев потреблялась крестьянами на питание, часть шла на корм скоту или сбывалась на местном рынке, а в Хотинском округе — и на винокуренные заводы, действовавшие в соседних помещичьих имениях⁴. Там же в ряде селений наметилась специализация на выращивание картофеля — в Тицканах, Рухотине и др.⁵ Что касается селений южных округов, то ввиду засушливого климата и низкой агротехники культура картофеля не получила сколько-нибудь значительного развития.

Технические культуры Введение в севооборот нехлебных культур является свидетельством роста культуры сельского хозяйства, интенсификации и разносторонности в его развитии. Технические культуры требуют тщательной предпосевной обработки почвы (глубокой вспашки и рыхления) и постоянного ухода за посевами (междурядная обработка, удобрение почвы, прополка, борьба с сельскохозяйственными вредителями). Соблюдение соответствующей агротехники при выращивании технических культур обеспечивает условия для получения хороших урожаев и для других культур⁶. Поэтому, естественно, исследователь про-

¹ ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 20, 1856 г., д. 6702, л. 394; ф. 383, оп. 27, 1846 г., д. 8, л. 102; ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 115, 344; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6461, л. 165.

² Этот вывод сделан на основании сравнения посевов картофеля по всем селениям. Цифровые показатели за ряд лет взяты из донесений палаты государственных имуществ.— ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 6, 1842 г., д. 1289 л. 2—8; 1844 г., д. 2231, л. 14; 1854 г., д. 6273, л. 35.

³ Подсчет произведен на основании данных палаты государственных имуществ, содержавшихся в ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 6, 1842 г., д. 1289, л. 35; 1857 г., д. 7688, л. 197; ЖМГИ, 1850, ч. XXXVII, ведомость № 18; 1852, ч. XLV, ведомость № 19.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 383, 1841 г., д. 2564, л. 4.

⁵ См. дело о росте производства картофеля в селениях Хотинского округа и премировании отдельных крестьян, отличившихся в этом производстве.— ЦГИА СССР, ф. 398, 1842 г., д. 1289, л. 4—5, 12.

⁶ И. С. Кувшинов, М. Н. Гумеров и Я. А. Левков. Экономика социалистического сельского хозяйства. М., 1963, стр. 352.

изводительных сил сельского хозяйства должен обратить особое внимание на технические культуры.

В селениях государственных крестьян, в их хозяйственной жизни ряд технических культур промышленно-торгового и продовольственного назначения занимал видное место.

На огородах и в полях крестьяне выращивали прядильные, пищевые и масличные технические культуры: лен, коноплю, подсолнечник, табак, сурепицу, свеклу и др. Наиболее массовое распространение имел лен, предназначавшийся как для домашнего потребления — волокно шло на изготовление пряжи, полотна, сетей, веревок и др., из семени добывали масло, употреблявшееся в пищу и на освещение,— так и для сбыта. На местном рынке и в Одессу сбывались семя и частично волокно. Массовое распространение лен получил главным образом в 30-х гг. Как замечает в своей «Записке о Бессарабии» член общества сельского хозяйства Южной России К. Десемет, до этого периода о производстве льняного семени в Бессарабии вообще «знали только по малой необходимости»¹.

При благоприятных климатических условиях и соответствующем уходе лен мог дать огромный урожай — до 50 четвертей с десятины². Лен требует «почвы богатой», глубокой и тщательной обработки. Хорошо удавался на новаях. В условиях переложной системы часто «начинал севооборот», но на одном и том же месте выращивался с промежутками в 5—6 лет, в отличие от конопли, которая могла высеваться на одном поле более длительный период³. Убирали лен, как зерновые хлеба, косили косами и молотили лошадьми⁴. Но в степных селениях Аккерманского округа вследствие частых засух лен и конопля страдали от суховеев и приносили незначительный урожай⁵.

Постоянный спрос на льняное семя на одесском рынке, начавшийся в 30-х гг., и потребность в льняном и конопляном волокне для повседневных домашних изделий стимулировали культивирование льна и конопли. Показателем этого является рост их посевов. В 1849 г. в казенных селениях было

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3710, л. 10.

² П. Ломан. Указ. соч., стр. 45—46.

³ А. С. Ермолов. Указ. соч, стр. 336—337.

⁴ Д. Струков. О состоянии сельского хозяйства в Южной России в 1852 г.— ЖМГИ, ч. XLVII, стр. 213—214; А. Советов. О системах земледелия. СПб., 1867, стр. 70.

⁵ См. Статистические обзоры палаты государственных имуществ за 40—50-е гг.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4411, л. 95; д. 4574, л. 68; д. 4774, л. 213; д. 5286, л. 172; д. 5456, л. 78; д. 4774, л. 71.

высено 1138 четвертей, а в 1866 г.—уже 2238 четвертей¹, т. е. почти в два раза больше.

Безусловно, на этот рост оказали влияние и постоянное увеличение цен на льносемя. Судя по архивным и печатным источникам, только в течение 50-х гг. оно выразилось в следующих цифрах: в начале десятилетия четверть льна стоила от 2 руб. до 6 руб. 30 коп., а в конце десятилетия — 10—11 руб. сереб.²

В 1868 г. подо льном и коноплей в казенных селениях было занято 3315 десятин, с которых собрано зерна 2467 четвертей и получено волокна 6480 пудов — всего примерно на сумму до 32 тыс. руб. сереб.³

В источниках отмечается, что лен и конопля в большей степени были распространены в хозяйствах переселенцев из центральных и украинских губерний, т. е. у людей, практически знакомых с льноводством и коноплеводством еще на прежних местах жительства⁴.

Можно ли проследить специализацию некоторых селений на льноводстве? Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют заключить, что в большинстве селений крестьяне сеяли лен на маленьких участках для домашних нужд, и общая площадь этих участков колебалась от 3 до 10 дес. В ряде селений в 60-х гг. эта площадь составляла десятки десятин. К селениям, в которых наметилась специализация на льноводстве, следует отнести Плахтеевку и Успенское; в каждом из них, судя по отчету палаты государственных имуществ, в конце 60-х гг. подо льном было занято по 270 дес.⁵; без сомнения, можно сделать вывод, что льноводство здесь было приспособлено к запросам рынка, приобретало торговый характер.

«Лен — главнейшее из так называемых «промышленных растений». Уже этот термин указывает на то, что мы имеем здесь дело именно с торговым земледелием». «Производство льна является просто одним из средств добывать деньги». Так оценивал В. И. Ленин место льна в сельскохозяйственном производстве⁶.

Основную массу товарного льняного семени поставляли зажиточные крестьяне. Среди них встречались хозяйства, в

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5286, л. 176; ЦГИА СССР, ф. 381, 1866 г., д. 5938, ч. I, л. 190; А. Скальковский. Торговая промышленность в Новороссийском крае.—ЖМВД, 1850, ч. 29, кн. I, стр. 342—343.

² ЦГИА СССР, ф. 398, 1852 г., д. 5222, л. 191; ЖМГИ, 1858, ч. LXVIII, стр. 32; Я. Грудзино. Указ. соч., стр. 382.

³ См. отчет палаты государственных имуществ за 1868 г.—ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 434.

⁴ ЦГИА, ВУА, 1828 г., д. 18589, ч. I, л. 26.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 434.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 279.

которых льноводство имело явно торговое назначение. Так, например, в полевом клине петропавловского крестьянина Н. Роженко в начале 60-х гг. под посевом льна было занято 40 дес.¹

Торговое направление льноводства отмечается не только в казенных селениях юга области, но и в целом в степной полосе России². Е. А. Виноходов, исследователь льноводства в этом районе страны, в своей книге подчеркивал: «Лен в степной местности России сеется исключительно с целью получения семени, которое частью потребляется на местных маслобойных заводах, но большей частью отправляется за границу»³.

Из других масличных культур, разводимых в казенных селениях, следует отметить сурепицу, из которой изготавливались пищевое масло; в конце 60-х гг. собиралось ее свыше 2 тыс. четвертей⁴.

Подсолнечник до конца 40-х гг. почти не выращивался. Затем им начали заниматься крестьяне Аккерманского округа с потребительскими целями. В Бессарабии не было казенных сел, которые специализировались бы на возделывании подсолнечника, как это было, например, в заднестровских селениях соседней Херсонской губернии (в с. Плоское Тираспольского уезда подсолнечник занимал в середине века свыше тысячи десятин)⁵.

Конечно, это не значит, что отдельные хозяйства не производили его на рынок: в 50-х гг. крестьянин Христюк в Аккерманском округе засевал подсолнечником 3 дес., а получаемое зерно сбывал на ближайших базарах, о чем свидетельствуют донесения палаты государственных имуществ в Департамент земледелия⁶.

Табаководство Табаководство в казенных селениях в изучаемый период промышленного значения не имело, сколько-нибудь значительных табаководческих хозяйств не отмечается.

В Хотинском округе выращивались местные простые сорта табака типа махорки — бакун и частью пашканской, в Аккерманском и Бендерском округах — табак местного сорта и культура турецкого табака, называвшийся дубоссарским⁷. Дубоссарский табак был известен своими хорошими качествами и пользовался большим спросом в Херсонской,

¹ ЦГИА СССР, ф. 398, 1863 г., д. 11045, л. 19—20.

² «Журнал сельского хозяйства и овцеводства», 1850, № 1, стр. 19.

³ Е. А. Виноходов. Лен степной местности России и его переработка на бумагажную массу. СПб., 1872, стр. 5.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 190.

⁵ Я. Калиновский. Указ. соч., стр. 53—54.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 398, 1856 г., д. 6702, л. 396; 1857 г., 7688, л. 200.

⁷ ГАОО, ф. 22, оп. 1, 1832 г., д. 341, л. 199.

Киевской и Полтавской губерниях и в самой Бессарабской области¹.

В 40—50-х гг. под воздействием Департамента сельского хозяйства МГИ, Инспекции сельского хозяйства Южной России и Бессарабского училища садоводства в казенных селениях проводились пробные посадки высококачественных сортов табака: гаванского, виргинского, салоникского и др. Такие опыты производились в Плахтеевке, Чичме, Царичанке, Ермоклии, Ивановке, Паланке, Карамахмете, Коркмазах — Аккерманского округа, Чимишлии, Кицканах, Фарландах — Бендерского округа, Гиждеве, Мамалыге, Медвеже, Тицканах, Холохоренах, Фитештах — Хотинского округа². Но отсутствие необходимых познаний и навыков у крестьян по культивированию таких сортов табака приводило к тому, что получаемые из палаты государственных имуществ семена погибали после высева, либо уже из выращенной рассады получался табак с незначительным количеством листа, с которым они также не умели обращаться³.

Исключение составляли выпускники училища садоводства (в Кишинёве). По возвращении в свои селения, они, кроме садоводства, виноградарства, шелководства, занимались и табаководством. Из них прежде всего выделялись выпускники, специально изучавшие табаководство. В училище в 1852 г. была выделена образцовая табачная плантация, и для подготовки квалифицированных табаководов выписан из Салоник опытный специалист-планктатор. В 1858 г. были выпущены три учащихся (из государственных крестьян), которые по возвращении в селения занялись табаководством на небольших плантациях, применяя полученные знания и навыки⁴.

Кроме них, в ряде селений были крестьяне-табаководы, возделывавшие несколько южных сортов табака. Прежде

¹ Я. Калиновский. Указ. соч., стр. 86.

² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3843, л. 400; д. 5467, л. 7, 26; д. 7580, л. 149—150; 1857 г., д. 6768, л. 308; ЦГИА СССР, ф. 398, 1848 гг., л. 4049, д. 87, 90; 1854 г., д. 6273, л. 18; ф. 283, оп. 27, 1846 г., д. 8, л. 105—106; ЖМГИ, 1848, т. XXVIII, стр. 182.

³ Вообще в южных уездах табаководство на протяжении исследуемых десятилетий не получило развития. В 40-х гг. посессор с. Пуркары Аккерманского у. Сатовский пытался открыть там табачную фабрику, завел плантацию американского табака, но вскоре свернул хозяйство. (ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 1128, л. 6). Неудачной была попытка и купца Л. Кирцмана, который в 50-х гг. собирался открыть табачную фабрику в немецкой колонии Тарутино (ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5942, л. 1—5).

⁴ Их занятия табаководством подробно описываются в делах палаты государственных имуществ и Департамента земледелия.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5906, 6138, 6464, 6636, 6710, 7618; ЦГИА СССР, ф. 398, 1856 г., д. 6702; 1857 г., д. 7588; ф. 381, д. 5938, ч. I; А. Денинк. Бессарабское училище садоводства.— Памятная книжка Бессарабской области на 1862 г., стр. 193.

Всего следует назвать крестьян с. Фарладаны Бендерского округа Парфения Драгуляна и Ивана Кожухаря, отмеченных наградами на Кишиневской сельскохозяйственной выставке 1847 г. Они выращивали виргинский, гаванский и другие сорта табака, сами обрабатывали лист и изготавливали сигареты¹.

В целом на протяжении всего исследуемого периода табаководство не получило заметного развития. Табак почти не поступал из казенных селений на рынок, а если иногда и выпускался частично в продажу, то количество его не превышало нескольких десятков пудов (например, из с. Кицканы Бендерского округа и из селений Хотинского округа).

Причины слабого развития этой отрасли хозяйства состояли в самом уровне экономики крестьянских хозяйств, в недостатке необходимых капиталов для заведения табачных плантаций, найма рабочей силы, приобретения соответствующего оборудования, необходимого для переработки и хранения табачного листа (сушки, амбары). Между тем, благоприятные климатические условия и постоянный спрос на общероссийском рынке на высококачественные сорта должны были бы способствовать развитию табаководства.

Можно говорить лишь о зачатках мелкоторгового табаководства; кулаков-плантаторов в казенных селениях до 70-х гг. еще не зафиксировано в документах.

Вообще табаководство в Бессарабии являлось довольно распространенной отраслью хозяйства и развивалось главным образом в трех ее уездах — Оргеевском, Сорокском и Кишиневском. Округ табаководства занимал Поднестровье средней Бессарабии. Начало промышленного табаководства относится к 40-м годам. До середины 50-х гг. по области собиралось не более 25—30 тысяч пудов листа с площади в 530 дес. Затем наблюдается резкое повышение: площади табачных плантаций к началу 60-х гг. выросли до 5 тыс. дес., а к концу этого десятилетия — до 9,6 тыс. дес. (урожай табачного листа около 500 тыс. пудов). Особенно выделялся Сорокский уезд. Здесь только в окрестностях с. Ципилово собирали по 100 тыс. пудов табака, известного в продаже под названием ципиловского. Наряду с Ципиловым табаководческим направлением хозяйства отличались села Криуляны, Устье, Мишкауцы, Унгры, Калараш, Нападова, Моловатая и др.

В то же время по данным за 1863 год во всем Бендерском у. собрано 1437 пудов табака.

Табак из средней полосы Бессарабии находил широкий сбыт во многих городах России (Киев, Москва, Петербург,

¹ См. отчет о выставке в Кишиневе 1847 г.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5009, л. 96; ЖМГИ, 1848, ч. XXVI, стр. 9, 17.

Одесса, Бердичев, Каменец-Подольский, Харьков, Елисаветград, Черновцы; в белорусские города)¹.

Природно-климатические условия Бессарабии далеко не использовались для выращивания и других технических культур².

Шелководство Климатические условия Бессарабии благоприятствовали развитию шелководства, но оно очень слабо распространялось в изучаемый период. Ценейшее сырье шелк ввозился из-за границы, а свои возможности по развитию шелководства оставались почти нетронутыми. Беспросветное рутинерство властей и торгово-промышленных кругов были главной причиной застоя в такой важной отрасли хозяйства. Известный специалист по шелководству на юге России Райко писал в 1844 г. в статье «Некоторые замечания о торговле шелком», что посланный им в Москву, шелк-сырец (3,5 пуда) для продажи на фабрики пролежал там более года; русские промышленники покупали плохой шелк в Италии, а свой, признанный во Франции первосортным, не брали³.

Безразличное отношение к местному шелководству привело к тому, что заграничные дельцы-предприниматели стали проникать в Бессарабию и действовать. К началу 60-х гг. торговые операции развернули здесь итальянские предприниматели: они закупали большую часть получаемых в области коконов. Затем на юге области появились их конкуренты-французы. В 1862 г. в колонии Шабо французский предприниматель Льоран построил шелковичную «фабрику», включившую в свою орбиту не только Шабу, Аккерман и его посады, но и болгарские колонии. Только в 1863 г. предприниматель заполучил до 10 млн. коконов и 14 пудов грен, которые отправил во Францию. Его преемник Тиньоль, распространивший свое влияние и на болгарскую колонию Парканы, отправил в 1864 г. в Южную Францию, кроме массы коконов, около 22 пудов грен⁴. «Просвещенные хозяева» из Общества сельского хозяйства Южной России в это время занимались лишь рассуждениями о пользе шелководства, а

¹ С. Щепкин. Табачная промышленность в России.—«Сельское хозяйство и лесоводство», 1870, № 2, стр. 14—15, 109; В. С. Щербачев. Обзор табаководства в России, вып. 1. СПб., 1889, стр. 2, 17; «Земледельческая газета», 1859, № 17, стр. 131; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4421, л. 56—57; д. 5637, л. 23, 30, 33, 34, 37, 43; д. 7618, л. 79—80; д. 7791, л. 79—80; ГАО, ф. 22, оп. 1, д. 249, л. 3—9, 117—121; д. 117 — рукопись А. А. Скальковского «О производительных силах и хлебной торговле Новороссийского края и Бессарабии. 1867 г.», л. 18; ЦГИА СССР, ф. 398, 1856 г., д. 6699, л. 333; 1858 г., д. 7696, л. 28—29.

² А. Демидов. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 гг. М., 1853, т. I, стр. 250.

³ ЖМГИ, 1844, ч. XI, Смесь, стр. 66—73.

⁴ Я. Грудзин. Указ. соч., стр. 386—388.

МГИ выпустило инструкцию шелководам и ассигновало на все южные губернии «для поощрения шелководства» всего 4,5 тыс. рублей. Наконец были предприняты «практические шаги»: «признали полезным» для предотвращения затруднений в сбыте шелка скupать его и весь отсыпать в Москву на фабрики. Установили цены: по 50 коп. сереб. за фунт размотанного шелка и по 1 руб. 50 коп.—2 руб. сереб. за четверик коконов¹. Рыночная же цена размоточного шелка в 40—50-х гг. составляла 1,5—3 руб., а в отдельные годы доходила до 6 руб. сереб. за фунт. В Москве он продавался в середине 50-х гг. ценой до 6 руб. 50 коп. за фунт². Коконы тоже стоили значительно дороже — от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. сереб.³ Поэтому закупка шелка и коконов через Общество сельского хозяйства Южной России не получила распространения, а московские купцы не приезжали в Бессарбию за сырцом⁴.

Среди сельского населения юга области шелководство имело некоторое распространение у болгарских колонистов и государственных крестьян, но не на всем протяжении изучаемого периода, а лишь с конца 30-х годов⁵.

Шелководство включало в себя три взаимосвязанные занятия: выращивание тутовых деревьев (тутоводство), коконоводство и размотку шелка (шелкомотанье). В крестьянских семьях все они совмещались; первые два целиком относятся к сельскохозяйственной деятельности, третье — к домашним промыслам.

О шелководстве в селениях государственных крестьян, как предпринимательском занятии, можно говорить лишь относительно группы крестьян в Фарладанах и Кицканах Бендерского округа и нескольких селений Аккерманского округа.

В Фарладанах тутовые плантации были разведены в 40-х гг., когда из саженцев училища садоводства было выращено 1200 деревьев. Посадки продолжались и в 50-х гг. К 1854 г. здесь уже имелись небольшие плантации у 8 крестьян, среди которых отличались Гилке, Гожану, Рашковский, Паскарь и Канович. В Кицканах крестьяне Караман, Цуйка и Борина содержали общую плантацию.

В Аккерманском округе тутовые насаждения были заложены также при содействии училища садоводства (в 50-х гг.—1000 деревьев). Крупных плантаций не отмечено: например,

¹ Листки Общества сельского хозяйства Южной России, 1834, март, стр. 86.

² ЦГИА СССР, ф. 398, 1852 г., д. 5222, л. 207; ГАОО, ф. 3, оп. 1, 1846 г., д. 27, л. 29—30; ЖМГИ, 1855, ч. LVI, стр. 54; 1856, ч. LXI, стр. 240; ч. LXVIII, стр. 39.

³ ЖМГИ, 1851, ч. XL, стр. 99.

⁴ Там же, 1852, ч. XLIV, стр. 132—133.

⁵ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1199, л. 16—17; д. 4584, л. 2.

в селениях Ивановской волости в 50-х гг. имелось 8 плантаций на площади в 4 дес.¹. Все это свидетельствует о скромных масштабах шелководства в казенных селениях².

Получаемый шелк-сырец (в виде мотков) и коконы частью сбывались торговцам близких городов, частью употреблялись на домашние поделки.

Размотка шелка производилась вручную, да и вообще почти никаких специальных орудий и приспособлений, облегчающих труд шелководов, не было³.

Шелководством на рациональных началах занимались воспитанники училища садоводства, обзаводившиеся тутовыми плантациями и специальными помещениями. В 50-х гг. такие квалифицированные шелководы имелись в нескольких селениях: Ф. Шевченко в м. Татарбунарах, Б. Бурлак в с. Нерушае, П. Аксеньев в с. Бакчалии и др.⁴

Но их шелководческие хозяйства были мелкоторговыми, не переросли в большие предпринимательские заведения.

Шелководы-профессионалы экспонировали мотки шелка и коконы на Кишиневских сельскохозяйственных выставках 1847 и 1860 гг.—А. Тинкул, И. Глоды, И. Полобок из с. Кицканы, П. Тагор из с. Ташлык и др.⁵

Однако приходится констатировать, что шелководство в казенных селениях почти не выходило за пределы потребительских нужд. Нам не удалось установить наличие у крестьян обширных тутовых насаждений. Отсутствие в области шелкоткацких предприятий и налаженного, гарантированного сбыта шелка-сырца на фабрики центра страны не обеспечивало должного стимула к развитию шелководства в казенных селениях. Трудовые усилия государственных крестьян были направлены главным образом на занятия земледелием, животноводством, садоводством, промыслами и ремеслом.

Заканчивая обзор земледелия в бессарабской казенной деревне, можно со всей определенностью отметить, что при всей неустойчивости мелких крестьянских хозяйств, отсталости систем земледелия, примитивности сельскохозяйственной техники и сельскохозяйственного производства в целом,

¹ См. материалы фонда Департамента земледелия.—ЦГИА СССР, ф. 398, 1848 г., д. 3991, л. 96; 1845 г., д. 2641, л. 89; 1854 г., д. 6273, л. 25, 37—38; 1857 г., д. 7688, л. 203, 214.

² В болгарских колониях, например, по официальным сведениям в середине 40-х годов шелководством занимались 447 хозяйств, а тутовые насаждения состояли свыше 226 тыс. деревьев. См. материалы ревизии колоний.—ЦГИА СССР, ф. 383, 1846 г., д. 8056, л. 24.

³ ЖМГИ, 1855, ч. LVI, стр. 54.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 398, 1853 г., д. 5559, л. 118; 1858 г., д. 7703, л. 25.

⁵ См. отчеты о выставках 1847—1860 гг.—ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5009, л. 93; ЦГИА СССР, ф. 398, 1860 г., д. 8398, л. 34; ЖМГИ, 1848, ч. XXVI, стр. 17—18.

производительные силы в этой отрасли хозяйства развива-
лись. Это проявлялось в освоении более совершенных орудий, росте посевных площадей, в развитии садоводства, виноградарства и огородничества, распространении технических культур, в эволюции систем земледелия. Развитие про-
исходило в сложных социально-экономических условиях, и прежде всего сказывалось господство феодальных отноше-
ний в стране; огромный ущерб производительным силам при-
чиняли войны и особенно Крымская война.

Выводы о сдвигах в земледелии имеют прямое отношение к вопросу о тенденции хозяйственного развития казенной деревни, о соотношении животноводства и земледелия.

В течение ряда десятилетий после присоединения Бессарабии к России уровень сельскохозяйственной техники, низкая плотность населения, наличие больших массивов не-освоенных земель, благоприятные климатические условия (короткие и сравнительно теплые зимы) обусловили преоб-
ладание животноводства над земледелием.

Развитие производительных сил со временем изменило соотношение хлебопашства и животноводства.

Переход к более совершенной земледельческой технике, увеличение народонаселения, большая выгодность культуры хлебов (рост цен на сельскохозяйственные продукты, удобство сбыта — в Одессу и дунайские порты) вызвали сокращение площади залежей и рост посевной площади, рост зернового производства, а в системах земледелия — эволюцию от залежной и переложной систем к трехполью. Зерновое хозяйство постепенно завоевывает доминирующее положение в сельскохозяйственной экономике бессарабской казенной деревни.

Изменения в соотношении животноводства и земледелия выступают еще отчетливее, если учесть достижения в развитии садоводства, виноградарства, огородничества.

Кстати отметим, что эти изменения не являлись специфической развития сельского хозяйства в селениях государственных крестьян; в южных уездах, как отмечается в обзоре хозяйства области, к началу 50-х гг. «многие земледельцы обратились к распространению хлебопашства, уменьшая вместе с тем разведение скота»¹.

---

¹ «Коммерческая газета», 1851, № 47, стр. 186.

Глава III

ЖИВОТНОВОДСТВО

ЕСТЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА. ПОГОЛОВЬЕ СКОТА

Животноводство на протяжении всего изучаемого периода занимало важное место в хозяйственной жизни государственных крестьян; наряду с земледелием оно являлось одной из основных отраслей их хозяйственной деятельности и вместе с ним составляло экономическую основу крестьянских хозяйств.

Чтобы судить о состоянии и развитии животноводства, надо исследовать конкретно-историческую обстановку, условия, способствовавшие или препятствовавшие этому развитию, кормовую базу, эволюцию в численности поголовья (общей и по отраслям), структуру стада, породность, продуктивность, удельный вес отдельных категорий хозяйств по численности скота. На материалах государственных крестьян Бессарабии источники позволяют сделать это относительно полно.

Решающими факторами, определявшими развитие животноводства в казенной деревне, являлись формирование капиталистического уклада в сельском хозяйстве и включение области в экономику России.

Природно-климатические условия Бессарабии, особенно ее южной части, наличие значительного фонда нераспаханных степей — летних и зимних пастбищ, благоприятствовали развитию скотоводства, овцеводства, коневодства, свиноводства и других отраслей животноводства.

В первые десятилетия после присоединения области к России животноводство в степном юге являлось самостоятельной отраслью хозяйства наравне с земледелием и даже первостепенным занятием крестьян¹.

В. Шостак, чиновник, долго проживший в Бессарабии и оставивший интересные заметки о ее хозяйстве, писал о Буджаке 20-х годов: «Помню я буджакские равнины лет

¹ Я. Сабуров. Указ. соч., стр. 7.

25 назад; по долинам Сараты, Кагальника, Ялпуха, Курлижа кое-где вился дымок уединенного кишла; бесчисленные табуны лошадей, стада и отары овец с полуудицами чабанами одни разнообразили пустынию; далеко роскошно раскинувшись, синела степь...»¹.

Это не означает, что ведущее положение животноводства в хозяйственной деятельности крестьян являлось признаком отсталости сельскохозяйственного производства в казенной деревне. Реальные условия первых десятилетий после 1812 г., уровень развития производительных сил, обилие пустующих земель и удобных пастбищ, господство переложной системы земледелия определяли это ведущее положение: животноводство служило средством эксплуатации обширных степей и залежей. Еще П. Ломан в своем «Хозяйственном обозрении Бессарабии» в начале 40-х гг. писал: «Обширность степей и недостаток в рабочих лошадях в Бессарабии дают возможность занимать под земледелие только незначительные пространства, так что поэтому скотоводство и составляет здесь необходимую и выгодную отрасль сельского хозяйства»². Степное животноводство в Буджаке имело много общих черт с животноводством на территории Южной Украины и степного Предкавказья, обстоятельно исследованном А. В. Фадеевым, Е. И. Дружининой, С. А. Чекменевым и др. советскими историками³.

В Хотинском округе животноводство являлось подсобной отраслью хозяйства по отношению к земледелию, давало тягловую силу, продукты питания и сырье для домашних промыслов.

Животноводство развивалось неравномерно в трех округах и зависело от характера хозяйственной деятельности крестьянства, от климатических условий, наличия кормовой базы и степени рациональности ее использования, спроса на внутреннем и внешнем рынках на продукты животноводства и живой скот. В частности, существенное влияние на развитие животноводства в приморской полосе оказывало состояние кормовой базы; естественные пастбища низкой продук-

¹ В. Шостак. Заметки о производительных силах Бессарабии и о их будущем развитии.—«Бессарабские областные ведомости», 1860, № 46, стр. 2.

² П. Ломан. Указ. соч., стр. 56.

³ А. В. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957, стр. 77—82; Е. И. Дружинина. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг., М., 1959; С. А. Чекменев. Заселение Ставрополья в конце XVIII и начале XIX вв. крепостными и государственными крестьянами.—Сборник трудов Карабаево-Черкасского государственного педагогического института, вып. 1. Нальчик, 1958, стр. 249—295. Его же. Из истории освоения Ставрополья в конце XVIII и первой половине XIX в.—Сборник трудов Карабаево-Черкасского педагогического института; вып. 2. Нальчик, 1959, стр. 53, 90.

тивности на солончаках не обеспечивали потребности в кор-
мах рогатого скота и лошадей и лишь в некоторой мере по-
крывали спрос мелкокрестьянского овцеводства.

Если взять сумму признаков, характеризовавших состоя-
ние животноводства в целом в селениях государственных
крестьян,— плотность поголовья относительно площади сель-
скохозяйственных угодий, породный состав, структуру ста-
да, способ содержания животных и способ использования
кормовой базы,— то можно оценивать его как полуэкстен-
сивную отрасль хозяйства. Оно носило примитивный харак-
тер, качественно мало изменялось; основным показателем
развития было, главным образом, количественное изменение
в поголовье стада.

По нашим подсчетам, источником для которых послу-
жили статистические сведения из архивных документов, плот-
ность поголовья на 100 дес. удобных земель составляла¹:

Виды скота	Во 2-й половине 30-х гг.	В 40-х гг.	В начале 50-х гг.	В конце 60-х гг.
Лошадей	1	от 2,4 до 3	3	4
Рогатого скота . . .	13	от 11 до 25	24	от 11 до 14
Овец	25	от 14 до 52,8	53	29
Свиней	2	от 2,4 до 3	3—4	6—8

Как видно из таблицы, даже в годы наибольшего коли-
чественного прироста поголовья — 40-е — нач. 50-х гг.—плот-
ность его была небольшая.

Примитивность животноводческого хозяйства и прежде
всего содержание почти круглый год под открытым небом,
отсутствие травосеяния, плохие водопои, слабый ветеринар-
ный надзор находили яркое отражение в хронических скот-
ских падежах. А. Д. Денгинк, директор Бессарабского уни-
верситета садоводства, писал в 60-х гг. о содержании скота: «За-
суха, истребляющая не только в летнее, но и в осенне вре-
мя весь подножный корм и превращающая пруды, обычные
здесь водопои, в гнилые лужи... Скот, принуж-
денный питаться иссохшей и запыленной травой, глотая ее
нередко с корнями и землей, напиваясь притом стоячей гни-
лой воды, кое-как сохранявшейся в искусственных запрудах,
без сомнения мало-помалу подвергается болезненному сос-
тоянию, за которым обыкновенно следует падеж. Бедствие

¹ Цифровой материал взят из отчетов и хозяйственных обзоров палаты государственных имуществ и канцелярии губернатора, содержащихся в ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2825, 3785, 4141, 4411, 4574, 4779, 5236, 5398, 5778, 6023, 7836; ф. 122, оп. 2, д. 94; ф. 902, оп. 1, д. 1; ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. 1.

это, возобновляющееся почти всегда после продолжительной и в особенности осенней засухи совершенно устраниТЬ весьма трудно».¹ Я. Грудзино в своем обзоре животноводства области называл следующие причины непрекращающихся падежей: «скудность и недостаток корма, при неимении теплых закут в зимнее время, недостаток хороших водо-поев, особенно в буджакских степях, и изнурение рабочего скота слишком тяжелыми работами»².

Основные кормовые ресурсы в казенных селениях складывались из естественных кормовых угодий (сенокосы, выгоны, пастбища) и продукции земледелия (зернофуражные культуры — кукуруза, ячмень и др.). Кормовые угодия представляли собой: 1) специально выделенные из надельного фонда пастбища и возникающие периодически в циклах переложной системы земледелия луга, сенокосы и выгоны; 2) побочные угодия — стерня и используемые крестьянами через аренду «лесные поляны», земельные «оброчные статьи», залежи на помещичьих землях. К числу «лесных полян» относились открытые места в казенных лесных массивах и площади под редким лесом, где получение древесины сочеталось с выпасом скота или сенокошением. Прибегать к эксплуатации побочных угодий заставляли отчасти природные условия: естественные пастбища Буджака в летние месяцы (конец июля—август) выгорали; зеленый корм здесь держался лишь весной и осенью. Поэтому существовала неотложная потребность в использовании под пастбища стерни по уборке хлебов на крестьянских полях, лесных полян, пойменных мест.

Производства кормов путем травосеяния в казенных селениях на протяжении всех исследуемых десятилетий не было. Оно не практиковалось в Бессарабии вообще, за исключением болгарских колоний, в которых производились посевы бора (могара) на сено³. Сеяли его во 2-й половине апреля, а косили в начале июля, снимая с десятины при благоприятной погоде до 450 пудов зеленого сена. Бор не погибал от продолжительных засух и выгоден был еще и тем, что по скосе давал много подножного корма. Сеном с 1 дес. можно было с октября до середины апреля содержать 2 парыолов⁴. Казалось бы, все эти очень ценные качества бора долж-

¹ А. Д. Денгинк. Указ. соч., стр. 183.

² Я. Грудзино. Сельское хозяйство Бессарабии, стр. 405.

³ Д. Н. Струков. Взгляд на состояние разных отраслей сельского хозяйства в Южной России в последние пять лет. 1849—1855.— ЖМГИ, 1855, ч. LVI(3), стр. 39; А. Зашук. Экономические расчеты о доходности хлебопашества.— «Бессарабские областные ведомости», 1860, № 20.

⁴ А. В. Советов. О разведении кормовых трав на полях.— Избранные сочинения, М., 1950, стр. 215—218.

ны были привлечь к нему внимание и крестьян и помещиков. Но на протяжении всего исследуемого периода он не выходил за пределы болгарских поселений. Сказывалась отсталость, экстенсивность и в земледелии и в животноводстве, слабость экономических стимулов.

Зерновые хлеба как кормовое средство использовались мало. В степных селениях Аккерманского и Бендерского округов скот находился на подножном корме почти круглый год, подвергаясь в зимние месяцы бескормице, действию выюг и стужи.

Природные пастбища и сенокосные угодия подразделялись на летние и зимние. Летними пастбищами служили выгонные места при каждом селении или нанимаемые у помещиков отгонные пастбища; весенний подножный корм начинался с середины апреля. Как можно судить по кратким сообщениям местных учреждений, большей частью это были особые поля, уже не годные для сбора с них сена, или участки степи, где трава была слишком низкорослой, неудобная для кошения. По уборке хлебов стада выпускали на нивы (по яровому жнивью).

В степных селениях Аккерманского и Бендерского округов скот выпасали и зимой; обычно короткие и теплые зимы благоприятствовали этому. В одном из статистических описаний казенных земель юга области, хранящемся в ЦГВИА СССР, отмечается: «... Пастыба же для скота бывает и во всю зиму, по причине неглубоких снегов, часто сгоняемых дождями. Только в чрезвычайные зимы, иногда здесь случющиеся, скот не выгоняют некоторое время на паству»¹. Зимними пастбищами служили сенокосные угодия, на которых к зиме успела подняться отава; зимой в выпас превращали и луга².

Там, где пастбищный способ содержания скота не был применим, заготавливали сено и солому на зимний сезон. Сено косили обычно только один раз в году (на юге области — в мае, на севере — в июне), храня его в стогах в поле или иногда на гумнах. В степной части Бессарабии сенокосы были низкопродуктивные; собирали примерно по 40 пудов, в поемных местах — до 70 и 100 пудов с десятины³. Заготавливалось ориентировочно из расчета по 1 пуду в сутки на вола или 10 овец на три зимних месяца⁴.

В Бендерском, Аккерманском и Кагульском уездах преобладали степные луга, а заливные находились лишь в Дне-

¹ ЦГВИА СССР, ВУА, 1843 г., д. 18596, л. 5.

² ЦГА МССР, ф. 24, оп. 1, 1852 г., д. 3, л. 117; ф. 122, оп. 2, д. 44, л. 184; ЖМГИ, 1843, ч. VIII, стр. 54.

³ ЖМГИ, 1858, ч. LXVIII, стр. 21.

⁴ «Земледельческая газета», 1837, № 34, стр. 267—268.

стровской долине и в дельте Дуная, в Хотинском у. лугами служили преимущественно лесные поляны.

С 40-х гг. вследствие значительной распашки залежей, крестьяне переходят к систематической заготовке сена и соломы. Сведения палаты государственных имуществ и областной продовольственной комиссии с 1843 по 1866 гг. дают возможность судить об объеме этих заготовок: сена заготавливалось от 3 до 15 млн. пудов, а в 1856 г. даже 20 млн. пудов, соломы — от 2,5 до 12,5 млн. пудов, в зависимости от погодных условий того или другого года¹.

Помимо общинных степных сенных угодий, крестьяне брали в аренду помещичьи целинные земли и лесные поляны в казенных дачах как целыми обществами, так и в одиночку (зажиточные).

Сенокошение способствовало повышению производительности животноводства: оно играло большую роль в переходе от экстенсивной к интенсивной форме животноводства. Но несмотря на наличие больших площадей кормовых угодий, поголовье скота недостаточно обеспечивалось кормами.

При сильной засухе из-за недостатка кормов крестьянский скот перегонялся в менее пораженные уезды области или за Днестр — в Подольскую и Херсонскую губернии². Зажиточная верхушка деревни имела возможность закупать сено. Например, в 1840 г. 18 павловских крестьян закупили 9800 пудов казенного сена, в 1846 г. капланский крестьянин А. Жосан купил из чобручской лесной дачи 1790 пудов, в 1846 г. сотнями пудов закупали его зажиточные крестьяне селений Хотинского округа Гиждева и Мамалыги и т. д.³ А менее состоятельные крестьяне, не обеспечивавшие скот кормами на зиму, либо сбывали его за бесценок на убой, либо обрекали на бескормицу и падеж. Основная масса трудового крестьянства в засушливые годы терпела большие лишения. Такое бедствие, например, постигло ее в 1867 г. Палата государственных имуществ писала о нем следующее: «Сделанный поселянами в очень малом количестве запас сена и соломы оказался далеко недостаточным на всю зиму, так что неко-

¹ Подсчет произведен нами по материалам донесений окружных управлений и палаты государственных имуществ, по сводкам областной продовольственной комиссии о заготовке кормов.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5286, 5456; ф. 122, оп. 1, д. 110; ф. 202, оп. 1, д. 233, 250, 254, 364; ЦГИА СССР, ф. 398, 1857г., д. 7688, л. 200; ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 190.

² См. донесения палаты государственных имуществ.— ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 434; ф. 2, оп. 1, д. 1625, л. 9; ЦГИА СССР, ф. 398, 1849 г., д. 4383, л. 129.

³ Сведения взяты из торговых сделок, донесений палаты государственных имуществ в областные и центральные учреждения о состоянии животноводства в казенных селениях.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3374, л. 42—46; д. 4830, л. 7; ф. 122, оп. 2, д. 13, л. 73—74, д. 14, л. 106—107.

торые из них, чтобы сколько-нибудь поддержать свой скот, падавший в большом количестве от голода, снимали с крыши перегнившую солому и кормили его этой гнилью, другие, более достаточные, отправлялись со скотом на зимовье в соседние губернии, большая же часть, не имея чем прокормить не только свой скот, но и самих себя, сбывала его за бесценок, оставляя для хозяйства самое необходимое число; были даже и такие случаи, что поселяне, истощив все средства для пропитания себя и оставшегося скота, продавали и этот последний скот, оставляли свои хозяйства и сами отправлялись для заработка в соседние губернии¹. Это, естественно, приводило к упадку и разорению мелких крестьянских хозяйств; стихийные бедствия при неустойчивости таких хозяйств влекли за собой социальные бедствия: массовые голодовки, эпидемии и т. п.

Потери скота от бескорьи и эпизоотий достигали огромных размеров. От бескорьи в 1823 г. в казенных селениях Аккерманского у. погибло 17 тыс. голов, в 1841 г. по всем казенным селениям пало 15 700 голов, в 1844 г. от чумы погибло 10790 голов рогатого скота, большие падежи отмечены в 1845, 1864, 1867 гг.² В отдельных волостях и селениях временами эпизоотии буквально опустошали крестьянские стада. Как сообщала палата государственных имуществ, в 1845 г. в Плахтеевском и Царичанском обществах пало 2 тыс. голов скота; в 1854 г.— в Нерушае— 460, Чимашире— 170, Гура-Рошие— 200, Кислице— 284, Гаджикурде— 208, Фурманке— 134, Муравлевке— 122 головы² и т. д.

В борьбе с эпизоотиями крестьяне были почти беспомощны. Если в одном месте они несколько стихали, то с еще большей силой свирепствовали в другом. Чумная эпизоотия и сибирская язва были постоянным бичом крестьянского животноводства.

Один чиновник Инспекции сельского хозяйства Южной России, изучавший в 40-х гг. экономику Бессарабии, писал об этих бедствиях и бессилии крестьян: «Жители по какому-то суеверию и ложно понимаемым чудесам прибегают сначала к молебнам, а потом уже по прошествии недели или

¹ ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 377.

² Сведения взяты из донесений уездных учреждений, палаты государственных имуществ, Департамента земледелия и обзоров в ЖМГИ о причинах и размерах скотских падежей. См. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 803, л. 44; д. 3646, л. 102—103; д. 3843, л. 350; д. 7836, л. 542; ф. 122, оп. 2, д. 12, л. 66—68; ЦГИА СССР, ф. 398, 1848 г., д. 3991, л. 114—115; ЖМГИ, 1849, ч. XXVII, смесь, стр. 137; ч. XXXI, стр. 30.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2825, л. 128; д. 4411, л. 88; д. 4417, л. 275; д. 4574, л. 74; д. 5934, л. 289; д. 7681, л. 27; д. 7787, л. 210; ГАОО, ф. 1, оп. 215, 1853 г., д. 15, л. 17; ЦГИА СССР, ф. 398, 1845, г., д. 2641, л. 147.

двух и при развитии болезни, соделавшейся из местной общей, доносят по необходимости начальству¹».

Но радикальных средств борьбы с массовыми заболеваниями и падежами скота со стороны властей не применялось, да и некому было этим заниматься. В 20—30-х гг. во всей Бессарабии работал один ветврач. С учреждением палаты государственных имуществ и окружных управлений увеличился штат специалистов ветеринарной службы, но борьба ограничивалась главным образом карантинными мероприятиями.

Принимавшие с каждым годом угрожающие размеры эпизоотии на юге России заставили царское правительство обратить внимание на это постоянное бедствие. В 1845 г. сюда выезжала комиссия ветеринаров. Собранные ею сведения были использованы для разработки санитарно-полицейских распоряжений. В 1854 г. в Бессарабию выезжала еще одна группа специалистов — для производства опытных противоочумных прививок рогатому скоту. Тогда же (в 40—50-х гг.) велась переписка об учреждении общества страхования скота и оказания ветеринарной помощи.

Результаты всех этих мер были ничтожные, падежи не прекращались, нанося большой ущерб крестьянским хозяйствам. В начале 60-х гг. корреспондент Вольного экономического общества констатировал: «Обширное в крае скотоводство заметно приходит в упадок, сколько от частых падежей, сколько же и от недостатка в продолжительные зимы сена и даже соломы»².

Наличие обширных естественных пастбищных угодий при относительно слабой заселенности Буджака в первые десятилетия после 1812 г. обеспечивало развитие торгового животноводства. Здесь почти безраздельно господствовало пастбищное содержание скота. При минимальных затратах можно было откармливать большие стада крупного рогатого скота, овец и табуны лошадей. После стравливания одного участка скот перегонялся на другие, нетронутые участки. Но это не было загонное использование пастбищ. Стойловое содержание лишь в какой-то степени охватывало рабочий скот и свиней.

С заселением Буджака (середина 30-х гг.) в первую очередь развивались те отрасли, которые были тесно связаны с процессом производства (рабочий рогатый скот и лошади) и с рынком (овцеводство и гулевой рогатый скот). Специализированное племенное животноводство, требующее зоотехнических знаний, особого ухода, надворных построек и пр., в казенных селениях не получило развития.

¹ «Экономист», 1859, т. II, кн. 2, смесь, стр. 32.

² Труды ВЭО, 1864, т. I, стр. 134.

В целом животноводство в бессарабских казенных селениях находилось на том же низком уровне развития, что и другие отрасли сельского хозяйства, почти ничего рационального до 60-х гг. не было сделано. Крестьянское стадо состояло из малопродуктивных пород, в уходе за ними никаких существенных улучшений не произошло. Оно развивалось главным образом за счет количественного роста поголовья. В численности и составе поголовья постоянно происходили изменения из-за сезонных колебаний (выход приплода в конце зимы и весной, сокращение поголовья осенью в связи с окончанием пастбищного периода), забоя скота, продажи, покупки, гибели скота из-за стихийных бедствий,

Поголовье лошадей, рогатого скота, овец и свиней — по годам за период с 1841 по 1869 гг.¹

Годы	Лошади	Рогатый скот	Овцы		Свиньи
			простые	тонкорунные	
1841	8 389	42 225		47 084	
1842	8 055	36 665		54 529	
1843	7 952	60 164		130 174	
1844	8 560	35 718	106 299	289	8 781
1845	11 234	67 853	133 198	—	10 773
1846	9 918	65 430	132 965	—	10 715
1847	10 136	84 997	158 099	—	8 073
1848	8 378	70 406	161 628	262	8 224
1849	8 662	82 929	176 618	750	9 959
1850	11 281	78 432	160 466	836	8 816
1851	9 844	80 954	188 887		10 049
1852	9 773	81 055	188 260		
1853	9 368	81 184	176 432	—	13 396
1854	9 611	74 374	178 395	—	14 134
1855	9 826	64 400	152 422	850	12 483
1856	10 599	70 558	149 792	1 000	10 585
1857	9 133	58 985	104 295	2 000	8 567
1858	10 162	59 120	100 621	630	9 600
1859	10 722	56 732	117 729	1 976	10 193
1860	9 526	48 873	106 331	2 093	12 798
1861	10 059	55 266	135 520		
1863	10 415	52 214	141 146	8 483	30 480
1864	11 072	30 441	123 093	6 078	33 517
1865	13 175	51 915	135 153	9 789	31 646
1866	13 996	51 200	142 872	11 176	33 992
1867	10 170	37 468	105 176	7 569	21 380
1868	9 184	29 645	72 515	3 338	15 730
1869	9 948	36 285	58 989	17 859	18 930 ¹

¹ Таблица составлена по отчетным данным палаты государственных имуществ, извлеченным из ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3485, д. 4141, 4411, 4574, 4779, 5363, 5398, 6023, 6634, 6768, 7194, 7195, 7681, 7787, 7790; ф. 902, 1850 г., д. 1; ГАОО, ф. 1, оп. 215, 1856 г., д. 7; ЦГИА СССР, ф. 1281, 1847 г., оп. 4, д. 60, 78; оп. 6, 1856 г., д. 91; ф. 381, д. 5938, ч. 1; ЖМГИ, 1852, XLV, ведомость № 14; 1853, ч. XLIX, ведомость № 16; За-

эпизоотий и других причин. Поэтому сведения по годам требуют тщательной проверки. Для сравнимости числовых показателей поголовья нами использовались статистические сведения, относящиеся к концу каждого года. Внутригодовые колебания не учитываются. В результате изысканий удалось свести в таблицу валовые данные о поголовье по отдельным видам за 40—60-е гг. За 20-е и 30-е гг. сведения отрывочные и почти несравнимые ввиду постоянно протекавшего процесса заселения юга области.

Из общего поголовья крупного и мелкого скота приходилось на 1 семью¹:

	крупного	мелкого
в 1841 г.	4,7 голов	7,5 голов
в 1848 г.	7 »	14,5 »
в 1858 г.	6,6 »	6,6 »
в 1861 г.	5 »	10 »
в 1867 г.	3,5 »	около 10 »

Анализируя обе таблицы, можно сделать ряд выводов: до конца 40-х гг. наблюдается рост поголовья и крупного и мелкого скота; в 50-х гг. оно сокращается — сказывались результаты Крымской войны (отторжение 22 селений и разорение хозяйства в остальных селениях); в 60-х гг. поголовье крупного скота неуклонно падает, а в поголовье мелкого скота наблюдается застой.

Среди крестьян скот распределялся крайне неравномерно: дифференциация хозяйств прослеживается отчетливо. Основная его масса концентрировалась у зажиточных крестьян. Кулаки-скотовладельцы, а частью и середняки устраивали за пределами селений хутора с загонами и запасами корма. Почти исключительно они пользовались лучшими общинными пастбищами и, кроме того, арендовали дополнительно угодия.

Остановимся на нескольких примерах. По сведениям областных учреждений, в середине 30-х гг. в с. Успенском Аккерманского у. проживало 60 семей. Из них было:

бесскотных	21 семья
имевших скота (крупного и мелкого):	
от 1 до 5 голов	25 семей
от 5 до 10 »	2 семьи
от 10 до 20 »	4 семьи
от 20 до 30 »	5 семей
от 40 до 60 »	3 семьи.

писки Бессарабского областного статистического комитета, т. I, Кишинев, 1864, стр. 68.

¹ Данные за 1841, 1848 и 1867 гг. выведены по сведениям, взятым из ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3485, л. 9; ф. 122, оп. 2, д. 11, л. 203; ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 4, 1847 г., д. 60, л. 88; ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 4, 376; данные за 1858 и 1861 гг. взяты из Статистического обзора государственных имуществ за 1858 г. СПб., 1861, стр. 40—41 из Записок Бессарабского областного статистического комитета, т. I, Кишинев, 1864, стр. 69.

Тогда же насчитывалось бескотных хозяйств в с. Борисовке — 19, с. Райлянке — 20, с. Золокарах — 40, с. Шаганах — 35; много их было среди переселенцев и по другим селениям¹.

Неравномерность распределения скота в Бендерском округе видна из следующей таблицы, в которой произведено суммирование поголовья — пересчет на условное поголовье.

Распределение поголовья скота в селениях Бендерского округа (в переводе на крупный рогатый скот) — 1849 г.²

Селения	Число хозяйств, имеющих скот						
	общее число хозяйств имеющих скот	в том числе:					
		до 5 голов	до 10 голов	10—20 голов	20—50 голов	50—100 голов	100—150 голов
Абаклыджаба .	64	5	7	13	30	7	1
Баймаклия	69		1	16	47	4	1
Болбока	58	3	20	23	12		
Варница	87	4	19	41	22	1	
Гербовцы	139	7	44	44	37	7	
Жавгур	56	1	8	27	17	2	
Заим	96	11	18	34	29	4	
Калфа	45	2	24	9	10		
м. Каушаны	163	57	39	34	26	2	
Киркашты	89	14	18	19	31	6	1
Кирнацены	65	3	18	22	20	2	
Опач	94	10	30	31	22	1	
Садаклия	89	3	10	35	36	4	1
Сацц	59		4	38	16	1	
Салкуца	118		6	55	55	2	
Селемет	83	15	28	26	15		1
Старые Каушаны	89	23	29	31	6		
Танатары	82	5	14	36	24	3	
Токуз	89	20	22	32	13	1	1
Троицкое	50	4	6	9	18	12	1
Хаджимус	63	9	16	24	13	1	
Чимишлия	62	6	8	21	22	4	1
Чорамурза	54	9	12	14	18	1	

Нетрудно убедиться при взгляде на таблицу, что основная масса скота находилась в руках зажиточной верхушки,

¹ Сведения о них содержатся в делах областного совета и комиссии, ведавшей устройством переселенцев. В частности, смотрите ЦГА МССР, ф. 3, оп. 2, д. 711; ф. 454, оп. 1, д. 15, л. 27—39.

² Таблица составлена по материалам ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, д. 582, л. 3—94. Перевод на крупный рогатый скот сделан по стоимости животных из расчета: 1 шт. рог. скота = $\frac{2}{3}$ лошади

$$= 10 \text{ овцам}$$

$$= 4 \text{ свиньям}$$

(по И. С. Блиноху. Исследования по вопросам, относящимся к производству торговли и передвижению скота и скотских продуктов в России и за границей. СПб., 1876, стр. 10).

владельцев стад от 20 и более условных голов скота, составлявших 33,6% от общего числа крестьянских хозяйств. На крайних флангах находились бедняки (11,3% хозяйств) и крупнейшие скотовладельцы.

Среди разрядов крестьянства, близких по своему социально-экономическому положению, по доле поголовья основных отраслей животноводства, государственные крестьяне занимали промежуточное положение, уступая колонистам и во много раз превышая казаков.

По подсчетам, сделанным А. А. Скальковским, приходилось на одну семью голов крупного и мелкого скота¹:

	У задунайских переселенцев		У государственных крестьян	
	в 1849 г.	в 1852 г.	в 1849 г.	в 1852 г.
Лошадей	3,7	4	1	1
Рогатого скота	7,4	7	8,4	8
Овец	65,75	66	15,8	15
Свиней	1,5	нет сведений	0,8	нет сведений

ОТРАСЛИ ЖИВОТНОВОДСТВА

Перейдем к характеристике отдельных отраслей животноводства. По удельному весу и хозяйственному значению отрасли животноводства распределялись следующим образом: скотоводство, коневодство, овцеводство, пчеловодство.

Рогатый скот Скотоводство в бессарабской казенной деревне развивалось по двум линиям; обеспечение крестьянских хозяйств тягловой силой и выращивание мясотоварного скота. Особое значение для сельского хозяйства имел рабочий скот. Как указывал В. И. Ленин, данные о наличии рабочего скота характеризуют «условия хозяйства в тесном смысле слова земледельческого»².

В прямой зависимости от количества рабочего скота находились размеры запашки. В южных округах, где преобладал яровой хлеб, величина посевной площади зависела также и от того, насколько достаточно был обеспечен скот кормами на зиму, не подвергался ли падежу из-за эпизоотии и бескормицы. Если же поголовье и не сокращалось резко, то

¹ А. А. Скальковский. Взгляд на скотоводство Новороссийского края. — ЖМВД, 1850, № 3, стр. 45—46. Его же. Население и продовольствие Новороссийского края в 1853—1854 годах. — «Экономист», 1858, кн. I, стр. 175—176.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 241.

частые бескормицы приводили к истощению скота, неспособности его к земледельческим работам до поправки на подножных кормах; сроки посевов отодвигались и растягивались, а это в условиях засушливого климата влекло за собой снижение урожайности.

При переложной системе земледелия, при тяжелых и грубых сельскохозяйственных орудиях почти единственной тягловой силой в полевых работах служили волы, к тому же примитивная сельскохозяйственная техника требовала большого количества рабочего скота. Они же использовались и как транспортные животные. Нетребовательные к качеству кормов, сильные и выносливые, волы являлись тягловой силой в извозе. Наконец, потеряв работоспособность, сохраняли ценность как мясные животные — легко поддавались откармливанию (откармленный вол давал от 16 до 20 пудов убойного мяса).

Волы как рабочий скот преобладали над лошадьми. По свидетельству палаты государственных имуществ, крестьяне «старались преимущественно обзаводиться волами, как более свойственными для обработки полей и перевозки тяжести, и затем уже лошадей приобретают только зажиточные крестьяне¹.

О высоком удельном весе волов в составе рабочего скота свидетельствуют данные следующей таблицы.²

Годы	Количество рабочего скота		Удельный вес рабочих волов в общем поголовье рабочего скота (в %)
	лошадей	волов	
1849	8 662	27 147	75,5
1850	11 281	26 984	70
1851	9 844	28 962	74,6
1852	9 772	29 784	75,4
1853	8 109	30 854	79
1854	9 611	21 008	68,6
1855	9 286	20 180	68
1856	10 599	24 150	70
1857	9 133	18 264	66,6
1858	10 162	18 288	64,4
1866	13 996	22 859	62
1867	10 170	16 255	61,5
1868	9 184	12 943 ^a	58,5

¹ ЦГА МССР, ф. 322, оп. 1, 1856 г., д. 30, л. 12.

² Таблица составлена по данным областных и центральных ведомств государственных имуществ. См. ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 83, л. 53; ф. 2, оп. 1, д. 5363, л. 127; д. 5398, л. 422; д. 6023, л. 2; д. 6141, л. 467; д. 6634, л. 600; д. 6768, л. 706; ГАОО, ф. 1, оп. 215, 1856 г., д. 7, л. 77; ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 192, 376, 436; ф. 1281, 1856 г., оп. 6, д. 91, л. 92.

Переселенцы из внутренних губерний, пользовавшиеся на прежних местах только лошадьми, в условиях необжитой степи также переходили на воловью тягу. Остановимся на двух селениях Аккерманского у.— Введенском и Вознесенском. Первое из них основано переселенцами в 1827 г., у прибывших тогда 84 семей имелись только лошади — 170 голов, а к весне 1836 г. у них уже числилось 91 лошадь и 102 вола. Второе основано в том же году 47 семьями переселенцев из Курской губернии, с собой они привели 70 лошадей; к 1836 г. в селении количество лошадей сократилось до 39 и приобретено 56 волов¹. Привезенные с севера лошади и сохи не были пригодны для полеводства, основывающегося на переложной системе.

В селениях колонистских округов соотношение рабочих волов и лошадей резко отличалось: по воловьей тягловой силе среди южных селений первое место занимали «задунайские поселенцы», а по конной — немецкие колонисты. Пользуясь данными А. Защука за 1857 г. об обеспеченности рабочим скотом колонистов и архивными материалами по казенным селениям, мы составили следующую таблицу, где это соотношение наглядно зафиксировано по всем трем разрядам крестьянства.

Количество рабочих волов и лошадей у государственных крестьян и колонистов в 1857 г.²

Разряды крестьянства	Лошадей	Рабочих волов	Удельный вес рабочих волов в общем поголовье рабочего скота (в %)
Государственные крестьяне . . .	9 133	18 264	66,6
Болгаро-гагаузские колонисты . .	4 200	27 395	87
Немецкие колонисты	12 787	1 126	8

Состояние животноводства, в известной мере, отражает его породный состав. В казенных селениях Бессарабии породный состав рогатого скота не отличается многообразием. Выращивались три породы: балканская, черкасская, или серо-украинская (распространялась преимущественно в Южной Бессарабии), и молдавская.

Балканская — степная мелкая порода — отличалась выносливостью и быстро откармливалась.

¹ Обобщены ведомости об имуществе 84 семей переселенцев, хранящиеся в фонде канцелярии губернатора.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 3, д. 26, л. 76—80.

² ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 83, л. 53; А. Защук. Материалы для военной географии и военной статистики России. Бессарабская область, стр. 228, 502, 517.

Серо-украинский степной скот отличался своими рабочими качествами. «Благодаря своей достаточной крупности, большой силе, выносливости и нетребовательности к корму, он охотно разводился в условиях экстенсивного хозяйства и оказывался экономически рентабельным»¹.

Молдавская порода обладала исключительно цennыми качествами: повышенной скороспелостью (полного развития животное достигало в 2,5 года), выносливостью в работе (особенно в извозе), склонностью к откорму за короткий срок и с высоким выходом мяса (средний живой вес полуоткормленного вола составлял 34 пуда, а убойный — 20 пудов говядины хорошего качества и 3,5 пуда сала), легко переносила колебания в погоде — круглый год могла находиться под открытым небом. Коровы этой породы были менее молочными, чем украинские, но молоко отличалось повышенной жирностью. Распространилась она в области в 30—50-х гг. и представляла собой метис местной породы с трансильванской, завезенной в Бессарабию во время войны с Турцией 1828—1829 гг. и в период оккупации Трансильвании (в 1848—1849 гг.). Отсюда эта порода распространилась в Херсонской, Подольской и Киевской губерниях, где употреблялась для улучшения украинского скота², но слабо прививалась на юге области, так как нуждалась в хороших водопоях и пастбищах.

В селениях государственных крестьян разводили преимущественно две первые породы (рабоче-мясной скот), которые вполне оправдывали себя в хозяйстве крестьян, являлись животными универсального значения.

На развитии животных отрицательно сказывались суроые условия содержания стад и преждевременное употребление в работы, скот мельчал, но обладал исключительной выносливостью. И. С. Блиох, исследовавший торговлю скотом в России в 40—70 гг., так писал в этой связи: «Скот, пригоняемый из Молдавии и Бессарабской области, отличается непомерной выносливостью: выращенный в степи, привыкнув к стихийным влияниям и не будучи избалован заботливым уходом, он терпеливо переносит всякого рода мучения»³. К нему вполне применима характеристика «примитивных пород» (не заводских) сельскохозяйственных животных, данная советским ученым Е. Я. Борисенко в монографии «Раз-

¹ С. А. Азаров. Крупный рогатый скот. М., 1939, стр. 291.

² С. Семашко. О разводимой в Северной Бессарабии породе рогатого скота, называемой молдавской.— Сборник статей о сельском хозяйстве юга России, извлеченных из Записок императорского общества сельского хозяйства Южной России с 1830 по 1868 гг. Одесса, 1868, стр. 511—512; ЖМГИ, 1858, ч. LXVI, стр. 61—62; ч. LXVIII, стр. 62; А. П. Перепелкин. Указ. соч., стр. 49.

³ И. С. Блиох. Указ. соч., стр. 117.

витие сельскохозяйственных животных»: «Это породы экстенсивных форм сельского хозяйства, низкого состояния его экономики, низкого уровня техники, разведения, кормления и ухода»¹.

В 1850 г. были приняты меры к улучшению породности крестьянских стад. В частности, были закуплены сельскими обществами 9 племенных (венгерских) быков для селений Аккерманского и Хотинского округов; в Бендерском округе, где природные условия благоприятствовали выращиванию рогатого скота, улучшения его, по мнению палаты, не требовалось².

В структуре стада крупного рогатого скота большой удельный вес занимало поголовье продуктивного или, как тогда было принято называть, гулевого скота, что свидетельствовало о торговом направлении в развитии этой отрасли животноводства. На рынок шел главным образом мясной на гульный скот.

Специальных мясных пород не разводилось. Но и простой скот быстро откармливался в период нагула. Содержание его не требовало значительных капитальных затрат — цена аренды пастбищ в южных уездах области была невысокой, специальных помещений не строили; в целом на единицу продукции затрачивалось небольшое количество средств и труда.

Годы	Всего рогатого скота	В том числе гулевого скота	% гулевого скота ко всему поголовью скота
1849	82 929	56 304	68
1851	80 954	51 992	64
1853	81 184	50 991	63
1855	64 400	44 220	70
1857	58 985	21 998	40
1866	51 200	28 343	55
1863	29 645	16 702 ³	56

Данные о численности гулевого скота и его удельном весе в общем поголовье рогатого скота, приводимые в следующей таблице, показывают, что в конце 40-х и в первой полу-

¹ Е. Я. Борисенко. Развитие сельскохозяйственных животных. М., 1952, стр. 314.

² См. хозяйственные обзоры селений государственных крестьян за 50-е гг., составленные палатой государственных имуществ. — ЦГИА СССР, ф. 398, 1853 г., д. 5609, л. 89—90; 1854 г., д. 6273, л. 20—21; 1856 г., д. 6702, л. 397; 1857 г., д. 7688, л. 201; Я. Грудзино. Указ. соч., стр. 405.

³ Данные взяты из отчетов палаты государственных имуществ. См. ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 83, л. 53; ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5933, ч. I, л. 192, 376, 436.

вине 50-х гг. гуловой скот составлял 60—70% крестьянского стада, затем удельный вес упал до 40—56%. В этом, безусловно, сказалось развитие зернового хозяйства, сокращение степных пастбищ, возрастание роли рабочего скота в хозяйстве. Определенное влияние оказала и Крымская война, с одной стороны, потребовавшая больших поставок скота для продовольствия армии, а с другой — заметно подорвала крестьянские хозяйства, ограничила их возможности к расширению сельскохозяйственного производства.

По некоторым селениям это соотношение колебалось. Например, в 1851 г. в с. Жавгур на 252 рабочих вола приходилась 421 голова гулового скота, в Ченаке соответственно — 182 против 376, а в Чудур-Менжире — 324 против 299 голов¹.

Бедняцкие и отчасти середняцкие хозяйства направляли на рынок скот в силу необходимости. Товарным, по преимуществу, животноводство было в кулацких хозяйствах, в которых откармливались большие стада продуктивного скота. Сбывался и молодняк, остающийся после ремонта рабочего скота. Сбыт его осуществлялся двумя способами: 1) на ярмарках, базарах, торгах; 2) на месте, в селениях — скupщикам, часто через систему задатков «под скот», и войсковому интендантству. Скупщики, арендая пастбища, откармливали собранный в гурты (по 150—200 штук) скот и овец в течение выпаса (иногда подкармливали зерном, солью и отрубями) и поставляли на салотопни в Аккермане, Кишиневе, Бендерах, Каушанах, Измаиле или отправляли за пределы Бессарабии, в частности в Австрию (на ярмарки в местечке Садагуры, Ольмюце, Вене), получая 30—40% чистого дохода².

По свидетельству А. Защука (конец 50-х гг.), «в окрестностях м. Каушан, на тамошних степях, постоянно откармливаются значительные гурты, скупаемые промышленниками для вывода их частью в Россию, а преимущественно в г. Бельцы — главный рынок рогатого скота»³.

Бессарабия, по определению цитированного нами «Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу», относилась к числу районов страны, где скот сбывался «преимущественно на ярмарках и торгах» гуртовщикам. Среди сельских тор-

¹ Цифровой материал извлечен из статистических обзоров этих селений, сохранившихся в делах налоговых учреждений.— ЦГА МССР, ф. 24, оп. 1, 1852 г., д. 3, л. 103—107.

² ЦГА МССР, ф. 65, оп. 2, д. 743, л. 131; оп. 3, д. 724, л. 2; ЦГИА СССР, ф. 398, 1854 г., д. 6273, л. 21; Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России (к изд. 2-му). СПб., 1852 г., стр. 80; «Земледельческая газета», 1837, № 34, стр. 266; «Коммерческая газета», 1833, № 97, стр. 382.

³ А. Защук. Военное обозрение Бессарабской области. СПб., 1863, стр. 119.

говых пунктов юга области в этом отношении выделялись Волонтировка, Татарбунары, Байрамча, Каушаны, Чимишлия, Болград, Комрат, Тарутино. О последнем Х. Стевен, инспектор сельского хозяйства Южной России, писал в 1843 г.: здесь «каждые две недели бывает съезд почти со всей полуденной Бессарабии, подобный порядочной ярмарке»¹.

Крупными центрами скототорговли на юге являлись уездные города. Например, в 30-х гг. в Аккермане в год продавалось только рогатого скота на 8—10 тыс. руб., в Измаиле—на 15 тыс. руб.²

Судя по сведениям местных полицейских учреждений и инспектора сельского хозяйства Южной России Я. Грудзино, часть рогатого скота (особенно из Бендерского у.) сбывалась в Балту и Вознесенск³.

На базе этой торговли в Бессарабии сложилась целая сеть скотопрогонных трактов. В районе расселения государственных крестьян, по данным конца 60-х гг., существовали следующие их направления. В Аккерманском у.—1) на м. Татарбунары—отправка гуртов за границу; 2) к Маякской переправе, через Днестр и далее в Одессу (выгонялось ежегодно до 1 тыс. голов рогатого скота); 3) на Бельцы (выгонялось до 3 тыс. голов рогатого скота); 4) к г. Аккерману—на салотопни (в год забивалось 1500 голов рогатого скота). В Бендерском у. действовали также 4 направления: 1) на Татарбунары, 2) на Бельцы, 3) на Каушаны (салотопни) и 4) на Кишинев: в Хотинском у.—2 тракта: 1) от Бельц на Новоселицу и 2) на Исаковецкую таможню — оба служили для прогона скота в Австрию и Молдавию⁴.

Цены на скот в 50—60-х гг. в среднем составляли: пара волов — 30—50 руб. корова — 15—20 руб.⁵

К сожалению, проследить с достаточной полнотой и точностью за развитием скототорговли трудно. Сведения о количестве сбываемого государственными крестьянами скота отрывочные. В 1832 г. по данным местных властей из селений Бендерского у. продано в Кишинев и Бельцы 6,5 тыс. голов⁶. В середине 30-х гг. из казенных селений Аккерманского у.

¹ Х. Стевен. О состоянии разных отраслей сельского хозяйства в болгарских и немецких колониях в Бессарабии.— ЖМГИ, 1843, ч. IX, кн. VI, стр. 130.

² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2134, л. 14; д. 2329, л. 154.

³ ГАОО, ф. 1, оп. 215, 1850 г., д. 21, л. 64; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2329, л. 154; Я. Грудзино. Указ. соч., стр. 406.

⁴ Доклад выс. учр. Комиссии, Приложение V, стр. 1—2; Ю. Янсон. Статистическое исследование, стр. 149.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 398, 1852 г., д. 5222, л. 203; ЦГА МССР, ф. 902, оп. 1, 1850 г., д. 1, л. 57; Я. Грудзино. Указ. соч., стр. 407—408.

⁶ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1484, л. 188.

ежегодно поступало в продажу на месте и на рынки в Киншиневе, Тарутине, Бельцах, Балте до 7200 голов да из селений Чимишлийской волости Бендерского у.— 560 голов рогатого скота¹.

В 1841 г. только в местечках Бендерского округа было продано 550 голов рогатого скота, 290 овец, 90 свиней²; в 1843 г. пригнано в Татарбунары и Тузлы для продажи 340 голов рогатого скота³.

В Хотинском у., как видно из архивных материалов, торговля скотом у государственных крестьян была незначительной⁴.

Приведенные данные свидетельствуют о наличии связи животноводства с рынком. Вместе с тем, опираясь на сведения А. А. Скальковского, следует признать, что размер этих связей в сравнении с тем, что наблюдалось в колониях, был невелик. Так, болгаро-гагаузские колонии в начале 50-х гг. ежегодно сбывали:

лошадей	до 2 тыс. голов
рогатого скота	« 5 «
шерсти	« 7 « пудов
масла коровьего	« 400 «
бринзы и качавала	« 5500 «
сала говяжьего и бараньего	« 15 тыс. «
шкур овечьих выделанных	« 7900 штук
овец	более 95 тыс. голов
овчин	более 38 тыс. штук ⁵

Молочное хозяйство было развито слабо и не играло существенной роли в экономике. Коров держали главным образом для приплода. Они отличались низкой удойностью, телята вырастали «под коровами». Получаемое незначительное количество молока оставалось вплоть до 60-х гг. в границах домашнего потребления, и лишь через мелкую ручную торговлю часть продуктов (масло, сыр) сбывалась на местных базарах⁶.

Вследствие классовой дифференциации в деревне происходила концентрация поголовья у богатой части крестьянства, владевшей и тягловой силой и стадами гулового скота; разорявшиеся мелкие крестьянские хозяйства не могли

¹ См. Материалы статистических обзоров, «государственных имуществ» к отчетам губернатора.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1967, л. 24—25 и др.; д. 2134, л. 14; д. 2329, л. 154.

² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3982, л. 35.

³ Там же, д. 4497, л. 311.

⁴ Там же, д. 1967, л. 33—40, 144—145.

⁵ А. А. Скальковский. Ярмарки, или сухопутные рынки Новороссийского края.— ЖМВД, 1855, ч. XI, кн. 4, стр. 66.

⁶ П. Ломан. Указ. соч., стр. 58; ЦГИА СССР, ф. 398, 1857 гг., д. 7688, л. 202.

обеспечить нормальных условий содержания крупного скота и вынуждены были сокращать его поголовье¹.

Почти в каждом селении южных округов, где существовали благоприятные условия для содержания скота, были владельцы относительно крупных стад. По сохранившимся спискам крестьян-скотовладельцев в Бендерском округе за 1848 г. можно судить о размерах этих стад (куда входили и рабочие волы). В с. Жавгур крестьянин П. Цик имел 100 голов, в м. Каушанах И. Нантензон — 164, И. Хахам — 175, Л. Марияшин — 150, в Киркаештах И. Бану — 124, в Садаклии Т. Путина — 110 голов скота².

Коневодство Коневодство в казенных селениях было развито в меньших размерах, чем скотоводство и овцеводство. Как уже отмечалось, по своему хозяйственному значению лошади уступали волам. Они использовались крестьянами для нужд земледелия — при молотьбе хлеба (гармановка) и частично для боронования пашни, извоза, разъездов и верховой езды (у зажиточных крестьян). Выращивались и для продажи³. Тормозящее влияние на развитие коневодства в казенных селениях оказывала подводная повинность, отбывавшаяся главным образом лошадьми, о чем вынуждены были доносить начальству местные чиновники. Так, в марте 1840 г. палата государственных имуществ сообщала в МГИ: подводная повинность, «столь обременительная для крестьян, что многие из них старались сбыть своих лошадей, так что в селениях около Бендер и Аккермана крестьяне уже почти не имеют их»⁴. Подобные донесения местных властей сохранились в архивных фондах и за другие годы⁵.

Современники отмечали, что разводимые в Бессарабии крестьянские лошади «малы ростом и не породисты, скорее слабы, чем сильные, но для почтовой гоньбы хороши, имея свойство бежать быстро, и скоро отдыхают после бега»; легки, «горячи, мало требуют корма, способны к верховой езде, для возки же тяжести не годятся»⁶.

Содержание лошадей, предназначавшихся для сбыта, было таким же примитивным, как и содержание рогатого скота. Обычно они паслись табунами в степи. Как указыва-

¹ М. Е. Лобашев. Очерки по истории русского животноводства. М., 1954, стр. 39.

² ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, 1849 г., д. 532, л. 6—69.

³ П. Ломан. Указ. соч., стр. 56—57; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3507, л. 13.

⁴ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3298, л. 1—3.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 383, 1844 г., д. 6359, л. 60; ЦГИА СССР, ВУА, д. 18590, л. 34; ЦГА МССР, ф. 24, оп. 1, 1865 г., д. 84, л. 224.

⁶ ЦГА МССР, ф. 322, оп. 1, 1858—1859 гг., д. 20, л. 24, 111; ф. 2, оп. 1, д. 890, л. 22—26, 43—48; ф. 2, оп. 1, д. 5619, л. 73—75.

ется в одном архивном документе, «владельцы мало заботились о продовольственных запасах, пасли лошадей и лето и зиму на подножном корме, во время бурь и метелей загоняли в камышовые заграды и вся издержка полагалась только на содержание одного табунщика, который мог выпасать от 100 до 400 лошадей, и на малый запас сена»¹. В случае снежных и холодных зим табуны обрекались на истощение и падежи. Так, например, произошло в сюровую зиму 1840 г., когда лошади в Буджаке погибали тысячами от бескормицы².

Разведением лошадей на сбыт занимались лишь некоторые разбогатевшие скотовладельцы; в их хозяйствах торговое коневодство получило широкое распространение уже в 20-х гг. XIX в. В документах эти табуны фигурируют как «конные заводы».

Владельцы табунов практиковали закупку молодняка по 13—18 руб. сереб. за штуку на ярмарках в Балте и Елисаветграде, куда его во множестве пригоняли крымские татары, а затем держали ряд лет на специально арендуемых пастбищах, которые подбирались с расчетом, чтобы была вода, хорошая трава и балка. В балке обычно устраивались полуоткрытые разборные загоны из камыша (для защиты животных от северного ветра зимой и жилища) для табунщиков. Когда выпадал большой снег, табун кормили сеном или соломой. По достижении зрелости, лошадей продавали барышникам на местных рынках — в Кишиневе, Тарутине, Волантировке и Бельцах, откуда вывозились в Австрию, некоторые сбывали в Балту³. Среди них выделялся Кишинев. Е. Ф. Забловский, известный географ первой половины XIX в., писал в 1814 г.: в Кишинев «пригоняют великие стада быков и лошадей и привозят множество кож и волны», которые «отправляются отсюда в разные немецкие владения»⁴. О «великом множестве скота», пригоняемом на ярмарки Кишинева, говорит и П. Свinaryn в своем «Описании Бессарабской области»⁵. Некоторая часть закупалась воинскими ведомствами (ремонтные лошади). Степные лошади из Бендерского у. пригонялись для продажи на ярмарках Вознесенска и Бердичева⁶.

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1; д. 5619, л. 73.

² Там же, л. 74.

³ См. Обзоры коневодства, сохранившиеся в ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 890, л. 22—26, 43—48; ф. 2, оп. 1, д. 5619, л. 73—75.

⁴ Е. Ф. Забловский. Новейшая география Российской империи. СПб., 1814, стр. 266.

⁵ П. Свinaryn. Описание Бессарабской области.—Записки Одесского общества истории и древностей, т. VI, Одесса, 1867, стр. 270.

⁶ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2329, л. 154; ГАОО, ф. 1, оп. 215, 1850 г., д. 21, л. 64; Я. Грудзино. Указ. соч., стр. 406; И. Горлов. Обозрение экономической статистики России, СПб., 1849, стр. 187.

В 30—40 гг. из казенных селений Бендерского и Аккерманского уездов продавалось от 500 до 1000 лошадей¹.

Табуны приносили доход и другим путем: в осенние месяцы использовались для молотьбы хлеба прогоном в хозяйствах зажиточных крестьян и помещиков, за что их владельцы получали 9-ю, а иногда и 5-ю часть зерна от вымолоченного хлеба².

Коневодство базировалось главным образом в степных селениях Аккерманского и Бендерского уездов; в селениях Хотинского округа условий для табунного содержания лошадей почти не было.

В документах сохранились некоторые фактические данные о крестьянах, владельцах табунов. В 20-х гг. содержал табун в Аккерманском у. Федор Миронов; в 30-х гг. имелись табуны у Парфения Цики (с. Жавгур), Карпа Бузова (с. Ташлык), Михалакия, Пантелея и Григория Данилескулов, Филиппа Царана и Михалакия Балана — в селениях Олонештской волости; в 40-х гг. у Лариона Салосия (с. Саиц), Нестора Гратия (с. Коркмазы), Ивана Стрембина (с. Жавгур); в 50-х гг. — у Григория Козака (с. Вознесенское). Обычно табуны по численности животных были небольшие — в 30—40 голов³. Иногда они объединялись в общественные табуны. Розельон-Сашальский, исследовавший хозяйство области в 20-е годы, писал о животноводстве в казенных волостях Бендерского у.: «в Бендерском цынунте (уезде — И. А.), а особенно в казенных волостях — Каушанской и Чимишлийской — можно видеть огромные табуны лошадей до 1000 и более штук, стада рогатого скота и овец, бродящие вокруг усадеб, кои поселянам они принадлежат и которых они составляют главные богатства»⁴.

Владельцы табунов (« заводов ») вели хуторскую жизнь, переходя с ними с места на место, «смотря потому, где выгоднее наем под выпас», арендовали земли у помещиков — в 30—40-х гг. в сезон за десятину луга платили от 50 коп. до 1 руб. 50 коп.⁵ Выращивались почти исключительно упряженные лошади.

Табунное коневодство к 60-м гг. исчезло в связи с вздорожанием земли и сужением кормовой базы из-за распашки

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1967, л. 24—25 и др.; д. 2134, л. 14; д. 2329, л. 154; д. 3982, л. 35; д. 4497, л. 311.

² Там же, д. 5619, л. 76.

³ Описание табунов, сведения о их владельцах, о местах содержания имеются в архивных источниках и ЖМГИ. См. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1199, л. 48; д. 1983, л. 22—23; д. 2007, л. 31; д. 2588, л. 2; д. 6461, л. 127; д. 6634, л. 600; д. 6768; л. 706; ф. 302, оп. 2, д. 532, л. 39; ЦГИА СССР, ф. 398, 1857 г., д. 7688, л. 202; ЖМГИ, 1848, ч. XXVI, стр. 12.

⁴ ЦГВИА, ВУА, 1828 г., д. 18589, ч. 1, л. 240.

⁵ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2007, л. 32; «Библиотека для чтения», т. 97. СПб., 1849, стр. 30.

степных участков на юге области. В то же время наблюдается рост поголовья рабочих лошадей в крестьянских хозяйствах. Это явление было тесно связано с процессом перехода от феодального сельского хозяйства к капиталистическому. Происходила специализация на производстве товарного зерна, интенсифицировались полевые работы. Значительная распашка залежей и применение более совершенных и облегченных плугов, борон и других орудий, рост торговых связей и товарооборота обусловили возрастание хозяйственного значения упряжной лошади. Применение лошадей в полевых работах, извозе и др. позволяло сокращать время обработки земли, сбора урожая, доставки к рынкам продукции сельскохозяйственного производства. Облегчались возможности для расширения земельных запашек.

Если в конце 40-х гг. и первой половине 50-х гг. рабочих волов было в 2,5—3 раза больше лошадей, то в конце 50-х и в 60-х гг.— лишь в 1,5—2 раза (см. таблицу на стр. 200). Это явление наблюдалось в целом по области. За 9 лет (с 1856 по 1864 гг.) поголовье лошадей увеличилось на 13%, а поголовье рогатого скота уменьшилось на 5,6%¹.

Качественная сторона коневодства почти не претерпела никаких изменений, хотя нельзя не отметить некоторых попыток МГИ улучшить породистость крестьянских лошадей. С этой целью в 1847 г. в Кишиневе была организована земская конюшня, просуществовавшая около 18 лет².

Учрежденные в 30 губерниях страны эти конюшни—случные пункты,— как официально заявлялось, предназначались для «улучшения породы крестьянских лошадей», для приостановления деградации крестьянского коневодства³. При этом, конечно, имелась в виду и общегосударственная задача: создание необходимых резервов для кавалерии и артиллерии; измельчавшие крестьянские лошади не могли быть использованы для ремонта войскового конского состава⁴.

Центральная в области — Кишиневская конюшня — устраивала временные пункты в наиболее важных коневодческих местах, в том числе в казенных селениях (Татарбунарах, Каушанах, Ивановке и др.). Но влияние конюшни на крестьянское коневодство было незначительное: получаемый пле-

¹ В. Вассал. О состоянии сельского хозяйства на юге России.— ЗОСХЮР, 1870, стр. 483.

² ЦГА МССР, ф. 322, оп. 1, 1856 г., д. 30, л. 11—12; ф. 2, оп. 1, д. 3507, л. 2.

³ В. О. Витт. Из истории русского коннозаводства. М., 1852, стр. 341—342.

⁴ И. В. Лашков. Бессарабия, стр. 126.

менной молодняк, попадая в суровые условия содержания и преждевременно употребляемый в работу, большей частью мельчал. Об этом неоднократно писал в своих отчетах областной комитет коннозаводства¹. Я. Грудзино вынужден был признать в своем обзоре хозяйства области, что «земская случная конюшня принесла пользу только немногим помещичьим заводам, но нисколько не улучшила поселянского коневодства»². «Неуспех земской конюшни» признал в 1859 г. и ее управляющий полковник Зайенчковский в рапорте областному комитету коннозаводства³.

В 1863 г. конюшню закрыли; в течение 18 лет расходы на содержание ее составили, по данным областного предводителя дворянства, около 200 тыс. рублей⁴. Попытка улучшения крестьянских лошадей осталась безуспешной; крестьянское коневодство продолжало развиваться стихийно.

Овцеводство После скотоводства и коневодства важнейшей отраслью животноводства в казенных селениях было овцеводство. Размеры его определялись (в грубом расчете) площадью кормовых угодий, остающихся после удовлетворения стада рогатого скота и лошадей. Экономическая роль овцы в крестьянском хозяйстве определялась получаемой от нее разносторонней продукцией. Шерсть, мясо, сало, овчины, смушки, брынза — основные продукты овцеводства — являлись повседневно необходимыми предметами хозяйственного потребления крестьян. Все эти продукты и сами овцы также находили спрос на рынке.

Наличие значительных пастбищно-сенокосных угодий, малые издержки на содержание стад (неприхотливость, не-требовательность к пастбищам), благоприятные климатические условия, позволявшие $\frac{3}{4}$ года содержать их на выпасе, постоянный спрос на овец и продукты овцеводства на внешнем и местном рынках стимулировали развитие овцеводства в селениях государственных крестьян южной полосы области и в первую очередь в Аккерманском округе⁵. По своему направлению оно являлось шерстно-мясо-молочным.

¹ Отчеты о содержании конюшни и ее филиалов, о деятельности комитета коннозаводства сохранились в архивных фондах ЦГА МССР и ЦГИА СССР. См. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6138, л. 236; д. 6464, л. 63; д. 6768, л. 191; д. 7195, л. 306; д. 7137, л. 142—145; д. 7229, л. 4; ф. 322, 1858 г., оп. 1, д. 20, л. 24; д. 8, л. 34—36; д. 30, л. 19; ЦГИА СССР, ф. 398, 1854 г., д. 6273, л. 21; 1857 г., д. 7688, л. 201.

² Я. Грудзино. Указ. соч., стр. 402.

³ ЦГА МССР, ф. 322, оп. 1, 1856 г., д. 30, л. 19.

⁴ Там же, ф. 88, оп. 1, д. 1604, л. 4.

⁵ На зиму ставили плетневые сараи, крытые соломой или камышом («зимовники»), кормили заготовленными кормами. См. Я. Сабуров. Указ. соч., стр. 9; ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 620, л. 21—22; ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 4, 1849 г., д. 56, л. 42.

Преобладали грубошерстные породы: волошская, или черная, чушка, или черная бессарабская, и цигайская овца. Следует отметить, что волошская и цигайская овцы принадлежали к одним из главных пород простых овец в России, наряду с русской и курдючной породами¹.

Волошская овца имеет длинную, блестящую преимущественно белую шерсть, обладает способностью быстро развиваться, в раннем возрасте хорошо откармливается — трехмесячные ягнята уже продавались на убой. Шерсти настригались до 7 фунтов в год². Академик М. Ф. Иванов, специально изучавший эту породу овец в районе ее распространения, писал в своей монографии: «Овцы эти отличаются крупной величиной (нередко 6—8 пудов живой вес), дают прекрасного качества баранину, много очень хорошей по качеству шерсти, хорошую овчину и, кроме всего этого, отличаются выносливостью, нетребовательностью и неприхотливостью против заболеваний»³.

Все эти качества обеспечивали ей большое хозяйственное значение в условиях юга Бессарабии. Волошская овца была распространена в ряде других районов России: Херсонской и Таврической губерниях, в Поволжье⁴.

Чушка-овца среднего роста, имела длинную черную шерсть (у старых овец серую). Эта «смушково-молочная порода»: отличалась значительной молочностью, а от двухнедельных забитых барашков получались хорошие черные смушки. Молоко (доили 3 раза в день в течение примерно пяти месяцев) шло на приготовление брынзы: в среднем за сезон от овцы добывали полпуда брынзы. Шерсти настригалось от 3 до 6 фунтов. Взрослые чушки давали хорошие овчины⁵.

Следующей породой овец, имевшей большое распространение на юге области (особенно в селениях задунайских переселенцев), в том числе и в округах государственных крестьян, были цигаи.

В обзорах бессарабского овцеводства, в исследованиях экономики области дореформенных десятилетий (С. П. Щепкина, Н. Н. Дерягина, И. С. Блиоха, Розельон-Сашальского, Я. Сабурова и др.) содержится характеристика цигайской породы. «Овцы эти по формам, росту и качеству шерсти похожи на мериносов, хотя немного крупнее их, а шерсть на-

¹ И. С. Блиох. Указ. соч., стр. 35.

² А. П. Перепелкин. Сельскохозяйственный очерк Бессарабии, стр. 53.

³ М. Ф. Иванов. Волошские овцы. Л., 1924, стр. 4, 83.

⁴ Г. Небольсин. Статистическое обозрение внешней торговли России, ч. 2. СПб., 1850, стр. 42

⁵ С. П. Щепкин. Овцеводство в России. СПб., 1869, стр. 133; А. П. Перепелкин. Указ. соч., стр. 54.

поминает несколько метисовую, но длиннее мериносовой и короче волошской и нежнее шерсти всех прочих овец¹ (кроме мериносовой — И. А.). Шерсть преимущественно белая, черная встречалась редко, в год средний настриг составлял примерно 6 фунтов. Цигаи отличались выносливостью («крепостью и привычкой к климату»), скороспелостью, нежным мясом. Как и от чушек, от них получали молоко для приготовления брынзы. А по количеству мяса превосходили все прочие породы овец, разводимых в России².

Мериновых овец в первой половине XIX века в казенных селениях почти не держали. В конце 50-х и в 60-х гг. ими стали заниматься отдельные зажиточные крестьяне, но крупных овцеводческих хозяйств узкоспециализированного, чисто шерстного направления не возникало.

Палата государственных имуществ в 1849 г. прямо указывала на причину отсутствия мериносов в казенных селениях: «овцеводства улучшенного в казенных селениях здешнего края, по недостаточности вообще для того средств у поселян, оживить нельзя»³, т. е. главная причина крылась в низком уровне экономики большинства крестьянских хозяйств. Не менее важной причиной являлась невыгодность содержания тонкорунных овец мелкими партиями. Простая овца в этих случаях была более доходной: по расчетам А. Зашука в конце 50-х гг. она примерно в полтора раза была доходнее тонкорунной⁴. Более простиранно эти причины определил Совет Общества сельского хозяйства Южной России. В 1851 г. в ответе Министерству государственных имуществ на запрос «Почему простой народ содержит простые и не разводит тонкорунных овец?» Совет сообщал: «Во-первых, потому, что присмотр и содержание дешевле, нежели для мериносов, во-вторых, простые овцы часто выкармливают по два и более ягненка; в-третьих, от простых овец скапливается молоко и делается сыр и брынза, чего от мериносов невозможно иметь; в-четвертых, шерсть простая, хотя и гораздо дешевле мериносов, но продается весьма легко по деревням и селениям в самых малых партиях и всегда на нее в малом количестве есть покупатели на месте, ибо, кроме потребности в торговле, она необходима в домашнем народном быту для делания крестьянских сукон, войлока, кеньг,

¹ С. П. Щепкин. Указ. соч., стр. 139; Н. Н. Дерягин. О цигайском овцеводстве в Бессарабии и торговле шерстью в России. М., 1886, стр. 4—5; ЦГВИА, ВУА, д. 18589, ч. 1, стр. 28.

² И. С. Блиох. Исследования по вопросам, относящимся к производству торговли и передвижению скота и скотских продуктов в России и за границей. СПб., 1876, стр. 35; М. Я. Коган-Берман. Цигайская порода овец.— Овцеводство, М., 1963, стр. 193—197.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5286, л. 172.

⁴ А. Зашук. Материалы для географии и статистики, стр. 309.

бурок и пр. Лишние же ягнята продаются для стола, овчины сбываются для тулупов, а мерлушки всех этих пород, даже и цигайской, употребляются на легкие тулупы, на шапки, воротники и обшлага к тулупам, а особенно к женским тулупам. Все эти мелочные произведения от простых овец в общей массе составляют очень значительный предмет торговли¹.

В нашем распоряжении нет сведений ранее 1866 г., в которых бы овцы подразделялись по породам (в документах отсутствовала классификация овцепоголовья). В пространном отчете палаты за этот год, составленном в связи с подготовкой реформы в системе государственных имуществ, такое подразделение имеется. Тогда у государственных крестьян насчитывалось 154 049 овец, из которых было:

простых	— 90,669
цигайских	— 52,204
испанских	— 11,176.

т. е. испанские овцы составляли менее 1%, цигайские примерно 33% и простые около 66% общего поголовья овец².

Поголовье овец в казенных селениях и по общему количеству и особенно по численности цигайских овец во много раз уступало поголовью в немецких и болгаро-гагаузских колониях. В последних, например, в 40-х гг. сосредоточивалось от 500 до 650 тыс. голов, из которых от 82 до 88% составляли цигайские овцы³.

Содержание овец было степное, с малыми затратами на уход и на постройку зимних убежищ. В южных округах они большую часть года находились в полевых условиях. Зимой пасли «по снегу», если был неглубокий и мягкий, и лишь в морозные дни держали в огороженных камышовыми щитами загонах; крытых кошар и сараев почти не было. Обычно загоны устраивались вблизи соломенных ометов, оставленных на поле после обмолота хлебов, или стогов сена. Здесь овцы кормили пшеничной или ячменной соломой, стеблями кукурузы, сеном⁴. Выпас овец был тесно связан с переложной системой земледелия: для них выделялись залежи, заросшие тонконогом (овечьей травой): сено, получаемое из тонконога, также шло преимущественно на корм овцам.

¹ ГАОО, ф. 22, оп. 1, д. 580, л. 104.

² ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, стр. 192.

³ М. И. Мещерюк. Развитие торгового тонкорунного овцеводства в поселениях задунайских переселенцев в Буджаке в 1808—1856 гг.—Тезисы докладов и сообщений на пятой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Минск, 1962, стр. 204; ЦГИА СССР, ф. 383, 1846 г., д. 8056, л. 33.

⁴ Н. Н. Дерягин. Указ. соч., стр. 5; А. П. Перепелкин. Указ. соч., стр. 55.

Стригли цыгас только один раз в году — в мае, волошских и чушек — два раза: весной и осенью. Отсутствие построек, защищавших от холода и жары, загрязнение животных в летние месяцы снижало качество шерсти; а самих овец подвергали большой опасности во время непогоды — выног и летних ливней. Овец держали в хозяйстве 6—7 лет.

В мелких крестьянских хозяйствах обычно поголовье овец исчислялось единицами, хозяйства среднего достатка имели по несколько десятков, а в зажиточном слое отмечаются стада, насчитывавшие сотни голов. Безусловно, крупные стада овец в руках отдельных крестьян не были распространенным явлением в казенной деревне, но они имелись. Причем следует иметь в виду, что чисто овцеводческих хозяйств не было; в кулацких хозяйствах сбирались, кроме овец, десятки голов крупного скота, свиней, лошадей.

В качестве примеров можно назвать целый ряд крупных овцевладельцев в селениях Бендерского округа. Здесь в 40-х гг. отмечаются частные стада от 300 до 1000 голов¹. В таких хозяйствах овцеводство носило хуторский характер. Как уже отмечалось, овцеводство давало крестьянину сырье для домашних изделий и ремесла. Шерсть шла на изготовление вязаных, тканых и валяных изделий — сукна, войлока, ковров, одежды; на изготовление теплой одежды употреблялись овчины, смушки.

На рынок в качестве товаров поступали: шерсть, овчины, смушки, живые овцы, мясо и пр.

Шерсть на рынке различалась по настригу (однострига и двустрига), по породам овец, по обработке руна — грязная, перегон (руно, мытое на овцах до стрижки) и мытая. В продажу шла шерсть главным образом весенней стрижки, а осенняя оставлялась крестьянами на домашние надобности; сбывалась большей частью во время стрижки, немытая — по недостатку воды и по сложившейся традиции. Скупая такую шерсть рунаами, купцы промывали ее на специальных шерстомойнях².

Кроме того, крестьяне частично продавали шерсть на местных базарах и ярмарках — в Тарутине, Волонтировке, Ивановке, Байрамче, Татарбунарах и в уездных центрах. Специальных шерстяных рынков в Бессарабии не было. Как отмечает Н. И. Дерягин, существовал и еще один способ сбыта — кабальный: продажа шерсти «на овцах», часто за год до стрижки. При этом спекулянты-скупщики либо сами

¹ Список овцевладельцев сохранился в делах Бендерского уездного суда. См. ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, 1849 г., д. 532, л. 21—74.

² А. Степанов. Тонкорунное овцеводство в России. — Труды ВЭО, 1867, т. II, стр. 27; С. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 65, 152.

разъезжали по селениям и собирали шерсть, либо действовали через своих агентов, «киржляков» — сельских кулаков, которым оставляли деньги для торговых сделок с крестьянами на шерсть в течение года; цены всегда назначали ниже рыночных¹.

Средние рыночные цены (на местных рынках) во 2-й половине 50-х и начале 60-х гг. составляли (серебром за 1 пуд немытой шерсти) (табл. стр. 213).

Большим спросом со стороны купцов внутренних губерний и на внешнем рынке пользовалась цигайская шерсть. В Москву и Петербург она шла на комвольные фабрики (изготовление гребеной пряжи), а в Подольскую и Волынскую губернии — на суконные фабрики³. Часть шерсти поступала на украинские ярмарки — Харьковские, Екатеринославские и др.⁴, часть перерабатывалась в самой Бессарабии — на ткацких предприятиях⁵.

Через Одессу и сухопутные таможни на Пруте цигайская шерсть вывозилась в Англию и Австрию; в последней она употреблялась для изготовления солдатского сукна. За пределы страны вывозилась и шерсть с волошских овец под названием донской шерсти⁶. Г. Небольсин подчеркивает в монографии: «Большая часть шерсти, вывозимой, из портов Черного и Азовского морей, происходит от овец этой породы»⁷.

¹ Н. Н. Дерягин. Указ. соч., стр. 15.

² Таблица составлена по сведениям о торговле шерстью, взятым в ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6392, л. 30, 63; д. 6714, л. 27—28, 33; д. 7075, л. 11—12, 27; д. 7508, л. 13—14, 19—20.

³ ЦГИА СССР, ф. 398, 1845 г., д. 2641, л. 124; С. П. Щепкин. Указ. соч., стр. 20; ЗОСХЮР, 1871 г., стр. 491.

⁴ К. С. Веселовский. Тонкорунное овцеводство. — ЖМГИ, 1846, ч. XI, стр. 141; С. П. Щепкин. Указ. соч., стр. 139; ЗОСХЮР, 1870, стр. 193.

⁵ А. А. Скальковский. Указ. соч., стр. 346; А. Защук. Общий вывод о сельском хозяйстве в Бессарабии. — «Бессарабские областные ведомости», 1860, № 18.

⁶ С. П. Щепкин. Указ. соч., стр. 8, 156; Г. Небольсин. Указ. соч., стр. 65.

⁷ Г. Небольсин. Указ. соч., стр. 42.

Годы	В Аккерманском у.				В Бендерском у.			
	испанская	цигайская	волошская	чушка	испанская	цигайская	волошская	чушка
1855	7 р. 50 к.	3 р. 50 к.	2 р. 50 к.	1 р. 40 к.	3 р. 43 к.	4 р. 41 к.	2 р. 41 к.	1 р. 62 к.
1857	8 р. 75 к.	5 р. 75 к.	3 р. 50 к.	2 р. 90 к.	9 р. 75 к.	7 р. 50 к.	2 р. 75 к.	2 р. 25 к.
1859	8 р. 10 к.	4 р. 75 к.	3 р. 75 к.	1 р. 80 к.	7 р. 65 к.	4 р. 50 к.	2 р. 50 к.	1 р. 75 к.
1862	7 р. 10 к.	7 р. 20 к.	2 р. 65 к.	1 р. 80 к.	6 р. 65 к.	4 р. 50 к.	2 р. 40 к.	1 р. 75 к.

Мы не располагаем систематическими сведениями о количестве шерсти, поступавшей на рынок из казенных селений. Но и отдельные, разрозненные сведения позволяют судить о величине этого сбыта. В середине 30-х гг. из казенных селений Аккерманского у. шло в продажу свыше 2400 пудов; примерно столько же продавалось крестьянами Бендерского у. (в частности, из селений Чимишлийской волости сбывалось около 900 пудов). В середине 40-х гг. только из селений Бендерского у. продавалось в среднем по 1 тыс. пудов¹.

Предметом «довольно значительной торговли» являлись смушки, «по сотням и тысячам скupаемые промышленниками по всей Бессарабии». В начале лета большими партиями смушки отправлялись на ярмарки в Подольскую губ. и г. Бердичев (в 30-х гг. сюда вывозилось ежегодно более 30 тыс. смушек)².

На базе молочного овцеводства в казенных селениях возникали предпринимательские сыроварни. Владельцы их скупали овечье молоко, изготавливали качкавал (овечий сыр) для сбыта на внутренний (в Одессу) и внешний рынки (вывоз в Измаил), что являлось несомненным показателем развития торгового овцеводства.

Но это были лишь зачатки промышленного сыроварения. В 60-х гг., как видно из отчетов окружных управлений и палаты государственных имуществ, такие сыроварни функционировали в трех селениях Бендерского округа: в Батыре — в год вырабатывалось качкавала на сумму от 600 до 1200 руб. сереб., в Селемете — на 2000 руб. и в м. Чимишлии — на 2000 руб. сереб. В 1869 г. на всех трех предприятиях выработано 800 пудов качкавала³.

Большое количество овец закупалось на салотопки (салганы) в Кишиневе, Аккермане, Каушанах. В частности, на салотопнях Аккермана забивалось в год 15 тыс. овец⁴. Утилизировались только сало и шкуры. Сбыт овец осуществлялся двумя путями: непосредственно на места забоя и гуртовщикам. Гуртовым овцеводством занимались главным образом промышленники, скупавшие овец осенью или весной. Если покупали весной, то в течение лета откармливали, два раза стригли и с наступлением похолодания сбывали на пе-

¹ Цифровые данные взяты из обзоров состояния земледелия и животноводства в казенных селениях за 30—40 гг., представляемых местными учреждениями губернатору.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1967, л. 33—35, 39—40, 144—145; д. 4574, л. 69—70; д. 4779, л. 213.

² Я. Грудзино. Указ. соч., стр. 403, 406; Бессарабская область в промышленном отношении.— «Коммерческая газета», 1838, № 3, стр. 242.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7612, л. 349; д. 7787, л. 216; д. 7790, л. 142; ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. 1, л. 296.

⁴ Доклад выс. учр. Комиссии, Приложение V, стр. 1—2.

пеработку¹. В 50—60-х гг. простая овца стоила 1—1,5 руб. сереб., барашек для смушки — 1 руб.— 1 руб. 20 коп. сереб.²

На рынке появлялся не только кулак-овцевладелец, но и середняк, имевший товарные излишки, и бедняк, нуждавшийся в деньгах для уплаты налогов и покрытия расходов по хозяйству. Мелкий крестьянин в значительном большинстве связывался с рынком через скупщиков.

В селениях, находившихся поблизости от перерабатывающих центров (бойни, салотопни, шерстомойни, качкальные « заводы », свечные, кожевенные и другие предприятия), торговое направление овцеводства проявлялось более отчетливо. Здесь возникали крупные овцеводческие хозяйства, стада откармливались на общинных и арендованных пастбищах, содержанием овец занимались наемные чабаны.

Как самостоятельная отрасль хозяйства торговое овцеводство существовало лишь у части зажиточных крестьян-хуторян; у них же сосредоточивалось поголовье тонкорунных и цигайских овец. Достоянием мелкого крестьянского хозяйства оставалось простое овцеводство. Простые овцы являлись «общепользовательными породами», универсальными по своей продуктивности и более доступными для разведения в мелких крестьянских хозяйствах. Тонкорунное овцеводство было выгодно только в крупных, специализированных хозяйствах³.

В целом овцеводство в казенных селениях находилось в примитивном состоянии. Владельцы овец заботились главным образом об увеличении поголовья, а не о качестве его. Происходило смешение цигайских овец с волошскими и чушками, вырождение цигаев, как и вообще в области⁴. Этот процесс был настолько заметным, что в 40-х гг. возник вопрос об улучшении цигайских овец путем учреждения образцовых стад в казенных селениях⁵. Но вопрос оставался нерешенным. Г. Небольсин в своей монографии «Статистическое обозрение внешней торговли России» вынужден был констатировать, что «цигайская шерсть год от года более приходит в упадок от нерадения в выборе племенных баранов и от примеси волохской породы; в Бессарабии уже труд-

¹ ЦГИА СССР, ф. 398, 1845 г., д. 2641, л. 125; ф. 24, оп. 1, 1852 г., д. 3, л. 119—122; Записки Общества сельского хозяйства Южной России, 1870, стр. 188.

² ЦГИА СССР, ф. 398, 1852 г., д. 5222, л. 203; ЦГА МССР, ф. 902, оп. 1, 1850 г., д. 1, л. 57; Я Грудзино. Указ. соч., стр. 407—408.

³ М. Е. Лобашев. Очерки по истории русского животноводства, стр. 49.

⁴ «Коммерческая газета», 1844, № 115, смесь, стр. 459.

⁵ ЖМГИ, 1844, ч. XI, стр. 268—271.

но отыскать ту самую породу, которая некогда там существовала...»¹.

В 60-х гг. овцеводство в степном Причерноморье и Бессарабии испытывало серьезный кризис из-за конкуренции на мировом рынке австралийской шерсти. В Бессарабии кризис усугублялся значительным вздорожанием земли. Овцеводство, особенно дорогостоящее тонкорунное, приходило в упадок². Это сказывалось и на казенных селениях, хотя они и не были поставщиками испанской шерсти; они не могли сбывать грубые шерсти по тем же причинам.

Возникла необходимость перейти к рациональному ведению хозяйства: ввести травосеяние, улучшить породы овец, усилить ветеринарный надзор и профилактические меры и т. п., тем самым повысить продуктивность овцеводства. Но это требовало коренной перестройки в овцеводстве, что в рамках феодального строя было невозможно. В сложившихся условиях более выгоднее было расширять земледелие, увеличивать производство зерна, фруктов, винограда, технических культур за счет полупроцессивного животноводства.

Свиноводство В отличие от скотоводства, овцеводства и копроводства, свиноводство являлось более интенсивной отраслью, требовало особых условий содержания и иной кормовой базы. Крестьяне занимались им большей частью с потребительскими целями — для мясного довольствия семьи; в среде зажиточной верхушки оно имело торговое направление, но как специализированной товарной отрасли хозяйства свиноводства в казенных селениях не существовало. На рынок поступали мясо, сало и щетина.

В мелких крестьянских хозяйствах выкармливали свиней главным образом путем выпаса и использования отходов зерна. Откормленная свинья давала от 6 до 10 пудов мяса и сала. Особых пород не разводили³.

Свиноводство, тесным образом связанное с развитием зернового хозяйства, претерпело значительное количественное изменение: с 8—10 тыс. голов в 40-х гг. возросло до 30—34 тыс. голов в середине 60-х гг., т. е. в 3—4 раза (см. таблицу на стр. 193). Рост поголовья свиней наблюдался в целом по области, особенно с конца 40-х гг. Так, с 1851 по 1870 гг. он составил 50 тыс. голов (179 тыс. против 159 тыс. голов)⁴.

Заканчивая анализ состояния и развития основных отраслей животноводства, необходимо остановиться на том пе-

¹ Г. Небольсин. Указ. соч., стр. 42.

² ГАОО, ф. 22, оп. 1, д. 240, л. 4; д. 591, л. 2; ЗОСХЮР, 1870, стр. 182.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1199, л. 55; ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 192; Дараган. Военно-статистическое обозрение Бессарабской области. СПб., 1849, стр. 123.

⁴ Доклад высоч. учр. Комиссии, Приложение IV, стр. 3.

реломе, который произошел в этой отрасли хозяйства в целом.

Сопоставляя данные, отражающие изменения в поголовье скота, мы уже отмечали его рост до 50-х гг. и затем неуклонное падение численности крупного скота и застой в поголовье мелкого скота в 60-х гг. Испытывали кризис скотоводство и овцеводство, носившие полуэкстенсивный характер, и все больший удельный вес приобретало свиноводство. Животноводство с годами теряло свою экстенсивность, и в связи со значительной распашкой степи оно все больше зависело от развития зернового хозяйства.

В этом смысле можно говорить о переломе в развитии животноводства в бессарабской казенной деревне, который по времени падает на начало 50-х гг. Перелом произошел в селениях южных округов и совершенно не коснулся Хотинского округа, так как животноводство здесь не играло той роли, как на юге,— замечается даже некоторое абсолютное увеличение поголовья крупного скота и овец. Об этом свидетельствуют данные следующей таблицы. Но в относительных величинах (в расчете на душу населения) и здесь отразился застой животноводства, вызванный общим кризисом феодальной системы.

Количество крупного скота и овец у государственных крестьян Хотинского округа в 1827 и 1868 гг.¹

число душ обоего пола	В 1827 году		В 1868 году	
	количество скота		число душ обоего пола	количество скота
	крупного	овец		
2693	1883	2145	4573	1934
				3776

Из приведенных показателей видно, что в 1868 г. поголовье крупного скота в сравнении с 1827 г. выросло на 2%, а овец — на 76%, но на душу населения соответственно сократилось поголовье крупного скота с 0,7 до 0,4 и овец с 1 до 0,74 голов.

Количественные изменения в животноводстве селений южных округов со времени наивысшего его развития (1852 г.) до конца 60-х гг. более детально отражены в следующей таблице. Взяты крайние рубежи периода 50—60 гг. В таблице представлены 34 селения Аккерманского и 24 Бен-

¹ Таблица составлена по статистическим обзорам селений. См. ЦГВИА, ВУА, 1827 г., д. 18593, л. 4—6, 10—14, 18—22; ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, 1866 г., д. 5, л. 934; 1868 г., д. 94, л. 513, 520, 604—605.

дерского, т. е. абсолютное большинство селений, находившихся на протяжении всего исследуемого периода в ведомстве МГИ.

**Количество крупного и мелкого скота в 58 селениях
Аккерманского и Бендерского округов в 1852 и 1869 гг.¹**

Округа	В 1852 году			В 1869 году		
	количество скота			количество скота		
	крупного	овец	свиней	крупного	овец	свиней
Аккерманский	38 111	82 366	4 679	18 903	35 813	10 764
Бендерский	10 922	43 622	1 705	10 696	25 056	4 646 ¹

Таким образом, за 17 лет произошли существенные изменения в поголовье скота: численность крупного скота (лопати и рогатый скот) по обоим округам сократилась в 2 раза, овцы в Аккерманском округе — в 2,3 раза, в Бендерском — в 1,6 раза, а численность свиней возросла в Аккерманском округе в 2,3 и Бендерском — в 2,7 раза.

Пчеловодство Тёплый климат, наличие обширных лугов и садов в южных округах и лесов в Хотинском округе служили благоприятными природными условиями для пчеловодства в казенных селениях. На юге в этом отношении отличалась приднестровская полоса; в степных же селениях Аккерманского округа из-за частых засух, раннего выгорания медоносной растительности и постоянной летней жары возможности развития пчеловодства были стеснены.

По свидетельству А. О. Корниловича, в приднестровских селениях в 1827 г. насчитывались тысячи ульев, в том числе в Талмазах — 250, Олонештах — 153, м. Каушанах — 677, Гербовцах — 640, Заиме — 594, Чимишлии — 476, Танатарах — 280, Салкуце — 291, Кицканах — 246, Старых Каушанах — 244 и т. д.²

В Хотинском округе пчеловодством занимались крестьяне двух селений — Гиждева и Фитешт, но пасеки были относительно небольшие, не превышали 35 ульев³.

Подавляющее большинство крестьян-пчеловодов содержало пчел стародедовским колодно-пасечным способом. В

¹ Таблица составлена по материалам ЦГА МССР, ф. 24, оп. 1, 1852 г., д. 3, л. 3—6, 103—107, 115—116; ф. 151, оп. 1, 1866 г., д. 5, л. 756; 1866 г., д. 6, л. 461, 523, 729; 1868 г., д. 94, л. 80—86, 196.

² А. О. Корнилович. Статистическое описание Бессарабии, стр. 158—345.

³ ЦГА МССР, ф. 5, оп. 2, д. 398, л. 172, 308.

1845 г. Инспекция сельского хозяйства Южной России отмечала: «Везде пчелы содержатся в долбленах круглых ульях на манер украинский, без малейших забот и занятий¹. Выемка меда была очень примитивной и убыточной — по роебойной системе: убив пчел окуриванием, выгребали из колод в бочки соты и пчел, толкли все содержимое и получали так называемый сырцовый мед, засоренный вощиной и пчелами. Частью он шел в продажу и потреблялся в таком виде, частью подвергался дальнейшей обработке: очищению от примесей путем подогрева и процеживания — получали топленый мед.

Уничтожались самые сильные пчелосемьи, самые богатые медом; торговцы медом откупали их в 40—50-х гг. по 2—3 рубля серебром за колоду².

Исследователь пчеловодства в Молдавии Е. А. Нагирняк отмечает в своей содержательной и хорошо аргументированной статье, что роебойная система была широко распространенной по всей Бессарабии³. Ежегодно таким путем убивали тысячи пчелосемей, чем, безусловно, наносили большой ущерб пчеловодству, задерживая его рост. Исключение в этом отношении составляли некоторые пчеловоды, перестроявшие свои хозяйства в 50-х гг. на рациональных основах. Это касается прежде всего воспитанников школы П. А. Прокоповича. Ученый пчеловод П. А. Прокопович в 1827 г. открыл двухгодичную школу пчеловодства в с. Пальчики Конотопского у. Черниговской губ., в которой в течение десятилетий было подготовлено несколько сот квалифицированных пчеловодов. Им же был изобретен разборный рамочный или так называемый втулочный (переворотный) улей, отличавшийся от небольших и неудобных колод рядом положительных качеств: обеспечивал хорошее содержание пчел и возможность вести наблюдение за их работой и жизнью, позволял производить отбор меда, не убивая пчел⁴. Улей Прокоповича получил широкое признание и в России и за границей (во Франции)⁵. Рамочный улей и разработанная Прокоповичем система пчеловодства значительно повышали

¹ ЦГИА СССР, ф. 398, 1845 г., д. 2641, л. 156.

² Романдин. Наблюдение над состоянием пчеловодства в Бессарабской области с 1847 по 1853 годы.—«Экономические записки за 1854 год», № 8, стр. 57—58.

³ Е. А. Нагирняк. Пчеловодство в Молдавской ССР и перспективы его развития.—Научные записки Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР, т. I, вып. I. Кишинев, 1948, стр. 155.

⁴ П. И. Прокопович. Избранные статьи по пчеловодству. М., 1960; См. Отчеты о деятельности школы Прокоповича в «Земледельческой газете», 1837, № 34; 1841, № 67, в «Журнале сельского хозяйства», 1844, № 2; 1845, № 2; 1851, № 4; 1852, № 3; 1855, № 8; «Посредник», 1840, № 11.

⁵ Народы европейской части СССР, т. I, М., 1964, стр. 190.

продуктивность этой традиционной, веками поконившейся на примитивном оборудовании отрасли животноводства. Выпускники школы Прокоповича оказывали на местах большое влияние на культуру пчеловодческого хозяйства. В частности, один из них, Павленко, составил проект организации на Днестре «Товарищества пчеловодов», но не смог претворить его в жизнь из-за косности чиновничества¹.

В конце 40-х гг. школу окончили три ученика из бессарабских государственных крестьян (по одному из округа) и занялись пчеловодством в своих селениях по методам учителя; каждый имел по 40—70 ульев. В 50-х гг. палата государственных имуществ неоднократно отмечала благотворное воздействие их на окружающих крестьян: увлекали своим примером, давали полезные советы и наставления; крестьяне охотно у них учились, осваивали новый способ содержания пчел². Из них Харитон Берлинский (с. Танатары Бендерского округа) как застрельщик новых методов пчеловодства выставлял свои втулочные ульи на сельскохозяйственных выставках в Кишиневе в 1847 и 1860 гг. и пользовался большой известностью в области³.

Однако основная масса пчеловодов продолжала держаться рутинных приемов. Местные власти вынуждены были констатировать в 1866 г.: «Усовершенствованные так называемые ульи не усваиваются поселянами»⁴. Это было типично для всей Бессарабии. К концу XIX в. рамочные ульи составляли по губернии всего 14%, хотя следует отметить, что в южных уездах они имели большее распространение, чем в центральных и северных⁵.

В большинстве своем крестьяне имели в приусадебных садах и огородах небольшие пасеки и почти ничего не сбывали. Так, на весь Бендерский округ в 1857 г. приходилось 3730 ульев, а в 1866 г. во всех 82 казенных селениях области насчитывалось 11 285 ульев⁶. Но были среди пчеловодов и отдельные владельцы крупных пасек, вели торговое хозяйство. Следующая таблица дает представление о размерах

¹ «Журнал сельского хозяйства и овцеводства». 1845, № 2, стр. 110, 137—142.

² ЦГИА СССР, ф. 398, 1854 г., д. 6273, л. 26; 1856 г., д. 6702, л. 140; 1841 г., д. 839, л. 76, 249, 266—267, 292.

³ См. материалы выставок.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5009, л. 81; д. 6636, л. 291; ГАОО, ф. 22, оп. 1, д. 233, л. 157; ЦГИА СССР, ф. 398, 1860 г., д. 8398, л. 34—35; ЖМГИ, 1848, ч. XXVI, стр. 10.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 381.

⁵ П. Г. Чефранов. Русская пчелопромышленность к началу XX века. СПб., 1901, стр. 15; А. И. Дьяков. Пчеловодство Бессарабии и ее нужды. Кишинев, 1912, стр. 4—5.

⁶ ЦГИА, ф. 398, 1857 г., д. 7688, л. 204; ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938; ч. I, л. 381.

таких пчеловодческих хозяйств и их товарности (по сведениям палаты государственных имуществ за 1863 г.)¹.

Селения	Фамилия крестьянина	С какого года занимается пчеловодством	Количество ульев	Получено		
				пудов		на сумму руб. серебра
				меда	воска	
Олонешты .	В. Копачан . .	с 1847 г.	295	137	14	747
	Г. Ганенко . .	с 1847 г.	175	88	9	480
	П. Копачан . .	с 1847 г.	250	125	13	687
Слободзея .	К. Паланчук	с 1854 г.	400	255	17	1562
Ганесы . .	К. Бевзюк ² . .	с —	900	300— 400	10—18	

Как отмечается в архивных источниках, торговый характер с 50-х гг. принимало пчеловодство в отдельных хозяйствах с. Тараклии Бендерского округа и с. Чобруцах Аккерманского округа³.

Товарность достигалась за счет численности пчелосемей. Что касается количества меда, собираемого с одного улья, то оно, во-первых, было небольшим, а во-вторых, сильно колебалось.

Представленные в рассмотренной таблице данные относятся к более или менее специализированным хозяйствам и, следовательно, более опытным пчеловодам. Но и в них сбор меда был незначительный: у В. Копачана — около 18,6, Г. Ганенко — около 20, П. Копачана — 36, К. Паланчука — 25,5 и К. Бевзюка — 15,5 фунтов с улья. А весовое колебание по этим хозяйствам было более чем двоекратным. В отдельных же пчеловодческих хозяйствах брали и более пуда с каждого улья. Так, в 1871 г. в с. Садаклие от 65 ульев получено 89 пудов меда. Но это исключение⁴. Низкая продуктивность пчеловодства (по выходу меда) была присуща Бессарабии в целом: колода давала тогда в среднем по области около 20 фунтов меда⁵.

¹ Цифровой материал взят из статистических характеристик хозяйств, премированных в 60-х гг. МГИ. См. ЦГИА СССР, ф. 398, 1863 г., д. 11045, л. 2—9; 1869 г., д. 12106, л. 5—6.

² Сведения о Бевзюке относятся к 1868 г.

³ ЦГА МССР, ф. 37, оп. 4, д. 1319, л. 1—2; ф. 24, оп. 1, 1852 г., д. 3, л. 121.

⁴ Там же, ф. 151, 1871 г., оп. 1, д. 11, л. 273.

⁵ Е. А. Нагирняк. Указ. соч., стр. 155.

Таким образом, на протяжении всего исследуемого периода пчеловодство оставалось отсталой отраслью сельскохозяйственного производства. Несмотря на то, что рамочное содержание пчел повышало продуктивность¹, являлось более рациональным, переход к нему от экстенсивного колодочного содержания не получил должного развития. Незначительное число специализированных пчеловодческих хозяйств, поставлявших мед и воск на рынок, достигало увеличения рыночной продукции не за счет усовершенствованных методов ведения хозяйства, а через количественный рост пчелосемей.

Обобщая изложенный материал о состоянии и развитии животноводства в казенных селениях, можно сделать ряд следующих заключений.

Животноводство отличалось чертами экстенсивности.

Степень развития животноводства была неодинаковой как по соотношению его отраслей, так и территориально. Менее всего оно было развито в Хотинском округе и наиболее — в степных селениях южных округов.

Его роль в сельскохозяйственном производстве претерпела эволюцию: до конца 40-х гг. оно преобладало над земледелием, а в последующие десятилетия (50—60 гг.), уступив ему место, наряду с хлебопашеством являлось одной из главных отраслей хозяйства.

Очень слабо сочеталось животноводство с технической переработкой продуктов для продажи на рынке. Не получило развития молочное хозяйство (маслоделие, сыроваренье и др.). Важное место в связях крестьянских хозяйств с рынком принадлежало торговово-ростовщическому капиталу.

Торговое животноводство развивалось на основе мелкого крестьянского производства, становясь постепенно монополией зажиточного слоя деревни. В бедняцких и большей части середняцких хозяйств возможности для занятий животноводством с каждым десятилетием суживались (особенно в связи с сокращением наделов и распашкой степных земель). Кулаки-скотовладельцы увеличивали поголовье стад, расширяя кормовые средства путем аренды казенных и помещичьих угодий, захвата общинных земель и использования зерновых отходов. Они же перекладывали на плечи трудового крестьянства уход за стадами через кабальный наем.

На протяжении изучаемого периода в структуре крестьянского стада наблюдаются межотраслевые смещения — растет поголовье свиней, повышается доля лошадей в массе рабочего скота и т. д.

С качественной стороны животноводство претерпело некоторые изменения; сюда относятся проникновение в кре-

¹ Выход меда из рамочного улья более чем в два раза превосходил выход его из колоды. См. А. И. Дьяков. Указ. соч., стр. 12.

стьянские хозяйства тонкорунного овцеводства, развитие полутонкорунного мясо-шерстного цигайского овцеводства, обновление крестьянских лошадей через земскую конюшню, приобретение племенных производителей для улучшения поголовья рогатого скота, ознакомление с лучшими образцами крестьянского скота через сельскохозяйственные выставки. Но приемы улучшенного животноводства были доступны лишь зажиточной верхушке крестьян. Мелкие крестьянские хозяйства, ощущая постоянно недостаток средств, не в состоянии были поднять культуру животноводства, повысить его продуктивность. Среди них наблюдается большой процент хозяйств без скота или малообеспеченных скотом, преобладание беспородного скота — с малым выходом товарной продукции.

Сильнейшим тормозом развития животноводства являлись почти непрекращающиеся эпизоотии и бескорьи.

Значение и роль главных отраслей животноводства (скотоводства, коневодства, овцеводства и свиноводства) в хозяйственной жизни государственных крестьян области менялись по мере распашки степей и увеличения посевных площадей, роста численности крестьян, усовершенствования пахотных орудий и способов обработки земли, освоения новых сельскохозяйственных культур.

Ход экономического развития 50—60-х гг.—прогресс в земледелии —оказал существенное влияние на кризис продуктивного степного животноводства в казенных селениях. Дальнейшее его развитие требовало серьезных изменений во взаимосвязи земледелия и животноводства, а именно: в земледелии —введения плодосмена, производства корнеплодов, травосеяния, рациональной эксплуатации лугов и пастбищ для стабильного обеспечения кормами в течение всего года; в животноводстве —улучшения племенного дела, введения стойлового содержания, усиления ветеринарного надзора и т. п. Но общая технико-экономическая отсталость бессарабской казенной деревни, отягощенной сословно-податным гнетом, затянувшаяся консервация переложной системы земледелия не позволили осуществлению реально назревшей ломки в хозяйстве. Животноводство оставалось малопродуктивным, низкопородным, зависящим от многочисленных случайностей и стихийных бедствий.

На судьбе животноводства отразилось и влияние рынка: внешний рынок глушил овцеводство и стимулировал развитие зернового хозяйства, а внутрироссийской —предъявлял спрос главным образом на продукты интенсивных отраслей земледелия —виноградарства, садоводства, табаководства.

Глава IV

РЕМЕСЛЕННО-ПРОМЫСЛОВЫЕ ЗАНЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН

Развитие сельскохозяйственного производства, рост общественного разделения труда, сдвиги в экономике в целом по области и в казенной деревне, в частности, обусловили развитие отдельных отраслей ремесленного производства, дальнейшее отделение ремесла от земледелия. Часть крестьян казенных селений отвлекались от сельскохозяйственного производства ремесленно-промышленными занятиями.

Основную массу составляли ремесленники-одиночки, не эксплуатирующие чужого труда. С 40-х гг. происходило перерастание мелкого товарного производства в крестьянскую мануфактуру, из крестьян выделялись предприниматели-промышленники, открывавшие мастерские и предприятия мануфактурного типа с несложным техническим оборудованием и сезонностью в работе.

На базе развития промыслов и ремесла в отдельных селениях наметилась неземледельческая специализация, постепенно складывались небольшие районы с промыслово-земледельческим направлением. Наиболее четко это наблюдалось в ряде селений приморской полосы и Поднестровья, где земледелие сочеталось с сезонной работой на соляных и рыбных промыслах, в каменоломнях, на днестровских пристанях. Наряду с сельскохозяйственными занятиями крестьяне также систематически промышляли извозом, добычей и обработкой камыша, лесными работами и т. д. В промыслово-земледельческих селах, более втянутых в товарные отношения, процесс отделения ремесла и промыслов от земледелия происходил быстрее, чем в остальных селениях, глубже и четче проявлялось классовое расслоение крестьянства.

Процесс отделения промышленности от земледелия в бессарабской казенной деревне тормозился феодальной системой

мой эксплуатации крестьян, податным гнетом, чиновничим «попечительством», сельской общиной, ограничениями промысловой деятельности и свободы передвижения. Кроме этих общих для всей страны препятствий, в Бессарабии имелись частные преграды: отсутствие крупных промышленных центров, сравнительно высокая земельная обеспеченность, постоянно растущий спрос на продукты земледелия и животноводства, обусловленный близостью Одессы, Измаила, австрийских рынков. В силу этого, выделявшаяся сельская зажиточная верхушка и отчасти середняцкая прослойка направляли свои средства главным образом на расширение площадей под посевами, садами, виноградниками и огородами, на увеличение поголовья скота, в откупные и ростовщические операции, а беднейшая часть крестьянства занималась в основном сельскохозяйственными работами по найму. Как отмечает академик Н. М. Дружинин, подобное положение наблюдалось не только в Бессарабии, но и в Оренбургской и Херсонской губерниях¹.

Ремесло В бессарабской казенной деревне на протяжении всего изучаемого периода наблюдались три вида ремесла: домашнее ремесло (домашние промыслы, домашняя промышленность), ремесло на заказ и ремесло на рынок.

Одной из особенностей сельскохозяйственного производства является его сезонность. Основные работы выполняются в весенне-летне-осенний период. Как правило, летом потребность в рабочей силе в сельском хозяйстве значительно возрастает, а зимой заметно снижается. Эта сезонность и вызываемое ею расхождение между рабочим периодом производства во времени, как указывал К. Маркс, «...образует естественную основу для соединения земледелия с сельскими подсобными промыслами»². Наиболее примитивной формой соединения промыслов с земледелием являлось домашнее ремесло.

В бессарабской казенной деревне домашнее ремесло носило массовый характер, поскольку крестьяне в большинстве своем вели натуральное хозяйство, вырабатывая для собственного потребления полотно, обувь и одежду, посуду, сельскохозяйственный инвентарь, предметы домашнего обихода. Обрабатывалось сырье, произведенное в своем собственном хозяйстве, в основном для себя и лишь иногда для продажи. Производство базировалось на ручном труде крестьянской семьи.

¹ Н. М. Дружинин. Наемный труд государственных крестьян накануне 1861 г.—Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958, стр. 168.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 272.

От домашних промыслов отличались ремесло на заказ и ремесло на рынок; «здесь проявляется товарное обращение», «ремесленник получает плату деньгами или продает полученную за работу долю продукта, покупая себе сырье материалы и орудия производства¹. Из состава сельского населения выделяются «специалисты-ремесленники, занимающиеся (иногда исключительно, иногда в связи с земледелием) выделкой кож, обуви, одежды, кузнечной работой, окраской домашних тканей, отделкой крестьянских сукон, переработкой зерна в муку и т. д.»²

В бессарабской казенной деревне наибольшее распространение имели следующие ремесла на заказ и ремесла на рынок: 1) обработка продуктов животноводства — выделка смушек и овчин, изготовление шуб, тулупов, войлока, качка-вала (овечьего сыра), сальных и восковых свечей; 2) бондарное ремесло, связанное с развитием виноделия; 3) ковроделие; 4) гончарное дело; 5) деревообработка и кузнечное ремесло (изготовление сельскохозяйственных орудий и перевозочных средств и др.) — особенно среди коронных цыган; 6) добыча и обработка строительных материалов (камня, известняка и глины); 7) изготовление из камыша кровельного материала, корзин, циновок и пр.; 8) выделка сукон и льняного полотна; 9) портняжный промысел; 10) выделка сапожных и скорняжных изделий; 11) шорный промысел; 12) кушнирный промысел; 13) кирпично-черепичное производство; 14) вязание сетей.

Некоторыми ремеслами (ткачество, выделка ковров и др.) занимались на самодельных станках почти исключительно женщины.

По степени продолжительности производственной деятельности ремесленников можно подразделить на сезонных и работающих круглый год.

Число ремесленников в казенных селениях до середины 30-х гг. было незначительное ввиду слабой заселенности южного района Бессарабии. В военно-статистических обзорах области, составленных офицерами Генерального штаба в конце 20-х гг., зафиксировано по несколько человек на селение³. К началу 50-х гг. происходит значительный рост. Так, только в Аккерманском округе в 1852 г. занимались сапожным ремеслом 151, портняжным — 158, плотницким — 266, кузнецким — 13, каменоломным и каменотесным — 221, мельничным — 395 человек⁴. 30 ремесленников было в селе-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 331.

² Там же, стр. 329.

³ ЦГВИА, ВУА, д. 18589, ч. I, 1828 г., л. 95—99; А. О. Корнилович. Указ. соч., стр. 97, 122, 125, 127, 136.

⁴ ЦГА МССР, ф. 24, 1852 г., оп. 1, д. 3, л. 117.

ниях Хотинского округа¹. А в конце изучаемого периода (1868 г.) общее число ремесленников по всем округам (82 селения) составляло 3927 человек². О распределении их по специализации можно судить по следующей таблице:

Число ремесленников в 1868 г.

Ремесленники	Число ремесленников в 1868 г.
Плотников	311
Столяров	72
Слесарей	2
Кузнецов	79
Бочаров	196
Каменщиков	416
Штукатуров	162
Печников	164
Колесников	264
Тележников	123
Кирпичников	176
Черепичников	4
Кровельщиков	107
Кожевников	94
Сапожников	327
Башмачников	698
Портных	197
Ткачей	264
Всего	3927³

Следует оговориться, что в эти сведения палата государственных имуществ включила лишь ремесленников-мужчин. В действительности в ряде ремесел были заняты и женщины. Не учтены здесь и такие ремесленники, как корзинщики, краильщики и др.

Объем вырабатываемой продукции по некоторым ремеслам в предреформенные годы представляется в следующих величинах (см. стр. 228).

В таблице представлены лишь ткацкое, сапожное и кожевенно-овчинное ремесла. Но и по ним можно сделать вывод о значительном росте ремесленного производства в казенных селениях, если иметь в виду, что во второй половине 50-х гг. всех ремесленных изделий производилось лишь на 28—30 тыс. руб. в год⁴.

Ремесленное производство было раздробленным, базирующимся на ручном труде и примитивном оборудовании. Вместе с тем изделия отличались совершенством отделки. Экспер-

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 1, 1853 г., д. 79, л. 7—8.

² ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 429.

³ Там же, л. 439.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 398, 1856 г., д. 6702, л. 403; 1857 г., д. 7688, л. 208.

**Объем вырабатываемой продукции по некоторым ремеслам в предреформенные годы
представляется в следующих величинах¹:**

Изготовлено	В 1866 г.			В 1867 г.			В 1868 г.		
	количество	на сумму руб.	количество	на сумму руб.	количество	на сумму руб.	количество	на сумму руб.	на сумму руб.
Сукна	33 846 аршин	15 802	32 329 аршин	16 675	29 230 аршин	15 300			
Холста	12 4932 «	17 072	87 023 «	16 043	81 306 «	12 964			
Рядна	24 794 «	7 624	21 924 «	5 952	20 918 «	8 795			
Настольного или салфеточного холста	6 977 «	9 358	6 717 «	8 945	4 659 «	7 495			
Ковров	3 699 штук	21 449	2 518 штук	19 919	2 489 штук	20 848			
Кож	1 251 «	5 165	2 285 «	6 769	1 294 «	4 471			
Овчин	22 224 «	15 871	22 715 «	16 954	19 433 «	13 434			
Сапог и башмаков	17 125 пар	36 070	16 044 пары	35 973	16 599 пар	37 823			
Тулупов	4 030 штук	27 024	4 518 штук	36 458	3 882 штук	26 229			
Всего		156 000			164 000				148 000

¹ Таблица составлена по данным палаты государственных имуществ.— ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 339—340, 384, 385.

ты кишиневских сельскохозяйственных выставок 1847 и 1860 гг. неоднократно подчеркивали высокое мастерство крестьян¹.

Доходы сельских ремесленников были незначительные. По сведениям палаты государственных имуществ, относящимся к началу 50-х гг., в Аккерманском округе средний сезонный доход составлял у сапожника — 20, портного — 30, плотника — 25, кузнеца — 26, каменщика — 20 рублей сереб.²

Производственные знания и навыки в семьях ремесленников передавались от родителей к детям. Кроме того, с 40-х гг. получила распространение подготовка специалистов из числа крестьянских мальчиков как у сельских, так и городских мастеров. Обучение обыкновенно продолжалось 4—6 лет и носило чисто практический характер. По окончании этого срока молодой специалист должен был работать на хозяина 1—2 года. Практиковалась посылка мальчиков к городским ремесленникам, главным образом для обучения «башмачному» и «экипажному» мастерствам. В этом отношении известную роль сыграло распоряжение МГИ от 29 августа 1842 г. «Об отдаче крестьянских мальчиков в обучение к ремесленникам». С этого времени наблюдается более или менее организованное обучение ремеслу. В 1845 г. были отданы в учение 21 мальчик, в конце 50-х гг. — уже 208, а во второй половине 60-х гг. — от 300 до 450 человек³.

На развитие ремесла в казенных селениях некоторое влияние оказывали ремесленники из городов, проживавшие там постоянно или сравнительно длительные сроки и обслуживавшие крестьян. В первой половине 60-х гг. насчитывалось около 70 ремесленников, пришедших из Кишинева, Аккермана, Бендер, и 58 — из городов Подольской губ. Среди них было 13 мельников, 9 плотников, 12 портных, 8 кузнецов, 4 сапожника, а также красильщики, столяры, кожевники, каменщики, бондари и др.⁴

Ремесленники-горожане восполняли недостаток в местных ремесленниках.

Какой удельный вес занимали ремесленники в общей массе крестьянства казенной деревни? Об этом можно говорить лишь ориентировочно. Систематических сведений в нашем

¹ ЦГИА СССР, ф. 398, 1860 г., д. 8398, л. 35—40; ЖМГИ, 1848, ч. XXVI, стр. 13.

² ЦГА МССР, ф. 24, 1852 г., оп. 1, д. 3, л. 117.

³ ЖМГИ, 1842, ч. VI, стр. XXI—XXII; ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 2, 1839 г., д. 1258, л. 206; ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. 1, л. 117—118 и др.; ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 87, л. 123—125; д. 143, л. 136; А. Защук. Материалы для военной географии, стр. 525.

⁴ Подсчет сделан по сведениям сельских и волостных правлений. См. ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 25, 46, 86; оп. 1, д. 245; ф. 6, оп. 2, д. 1238, л. 836—837, 1337—1338.

распоряжении нет. В 1844 г. на 28 773 д. м. п. приходилось 2669 ремесленников, или 9% ко всему мужскому населению деревни, в 1867 г. они соответственно составляли 12,3% (из 32 856 д. м. п. 4033 ремесленников)¹.

Мелкотоварные предприятия Зажиточная верхушка казенной деревни, занимаясь предпринимательством, открывала мелкие сезонные предприятия капиталистического типа по технической переработке сельскохозяйственного сырья, эксплуатируя на них труд наемных рабочих из обедневших односельцев и отходников.

В казенной деревне, за некоторыми исключениями, отчетливо выступала сельскохозяйственная база предпринимательства, обусловленная специализацией и ростом товарности сельского хозяйства. К числу таких мелкотоварных предприятий относились мельницы, фруктосушильники, винодельческие предприятия и др.

На юге в селениях преобладали ветряные, а в Хотинском округе — водяные мельницы. Объясняется это тем, что водные ресурсы внутренних речек юга области были очень незначительными. Практиковалось строительство наплавных мельниц по Днестру, но с развитием судоходства и расчисткой бечевника по берегу их ликвидировали. Кроме того, были так называемые земляные мельницы, приводимые в движение волами.

Следующая таблица дает представление о качестве мельниц и перемалываемого на них зерна (данные за 1842 г.)².

Округа	Мельницы			Перемалывается в год в среднем четвертей
	ветряные	водяные	земляные	
Аккерманский . . .	303	2	47	28 280
Бендерский . . .	75	1	73	33 575
Хотинский . . .	3	23		1 805
Всего . . .	381	26	120	79 860

В последующие десятилетия, по мере развития зернового хозяйства, росло мукомольное производство. В 1868 г. в казенных селениях насчитывалось уже 693 мельниц³, т. е. на 166 больше, чем в 1842 г., хотя в 1856 г. отошло их несколько десятков вместе с селениями Аккерманского округа в Молдавское княжество, а в 1871 г. здесь действовали 734 мельницы

¹ И. Ф. Штукенберг. Статистические труды, т. III, стр. 4—5; ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 196—197, 296—297, 439.

² ЦГИА СССР. ф. 383, 1842 г., д. 3664, л. 105—106.

³ Там же, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 436.

(из них около 600 ветряные) и 13 крупорушек¹. Все они примитивного устройства и с небольшим объемом производства; за рабочий день один постав (жернов) перемалывал на конной мельнице 1,5, на ветряной — 3,5 и на водяной — 5 четвертей; крупорушка обрабатывала за день от 2 до 10 четвертей зерна².

Среди селений по насыщенности мельницами в 50—60 гг. выделялись Чимишлия (25 мельниц в середине 50-х гг. и 44 — в конце 60-х гг.), Татарбунары (20 мельниц), Плахтеевка (15 мельниц в 50-х гг. и 28 — в 60-х гг.), Ермаклия (23), Садаклия (22), Абаклыджаба (22), Салкуца (22), Ташлык (19), Селемет (18 в 50-х гг. и 23 в начале 70-х гг.), Тицканы Хотинского округа (9). Это были своеобразные мукомольные центры. Кроме того, во многих селениях действовали по 5—10 мельниц³. В подавляющем большинстве их владельцами были кулаки, причем некоторым из них принадлежали по 2—3 мельницы, обслуживаемые наемной силой⁴.

По переработке животноводческих продуктов замечательны два предприятия — салотопни в м. Каушанах, открытые в 40-х гг. местными крестьянами-скотовладельцами В. Собельманом и Г. Зурифом, из которых первый имел в 1849 г. 510 голов рогатого скота и 1745 овец, а второй — 464 головы рогатого скота и 1300 овец.

Из мелкотоварных предприятий, какими были в первые годы после открытия, салотопни в 60-х гг. переросли в капиталистические мануфактуры и являлись одними из крупных в области — обслуживались десятками наемных рабочих, производивших продукцию на 20—30 тыс. рублей сереб. (например, в 1868 г. — на 29 тыс. руб. сереб.). Сало, кожи и мясо сбывали в Одессу, Кишинев и другие города. Предприниматели, разбогатев в течение нескольких лет, перешли в купечество⁵. Там же действовали маслобойное и свечное предприятия, дававшие в год продукцию на 1800 руб. В Чимишлии к началу 70-х гг. открыты две свечных и две красильных мастерских, обслуживаемые 8 рабочими; в Татарбунарах — одна свечная мастерская, в с. Успенское — две маслобойни⁶.

¹ Подсчет сделан по сведениям областного статистического комитета. См. ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, 1870 г., д. 8, и 1871 г., д. 10.

² Там же.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6309, л. 23, 95; д. 6977, л. 96, 107; ф. 151, оп. 1, д. 6, 10, 94.

⁴ См. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6977, л. 96, 107; ф. 151, оп. 1, д. 6 и 94.

⁵ Более детальные сведения об этих салотопнях см. в ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 2, л. 22—26; ф. 2, оп. 1, д. 5297, л. 92—95; л. 5456, л. 78; ф. 302, оп. 1, д. 532, л. 6; ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 116.

⁶ См. статистические обзоры селений.— ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, 1871 г., д. 11, л. 170, л. 312; 1871, д. 10, л. 306, 523—524.

На базе торгового садоводства и виноградарства возникло много мелких предприятий в поднестровских селениях — винодельческих пунктов и фруктосушилен. Как уже отмечалось, такие предприятия в 60-х гг. имелись в 12 селениях Аккерманского и Бендерского округов.

Отдельные разбогатевшие ремесленники открывали небольшие мастерские, работая на них сами и нанимая по 1—3 рабочих в сезон. Так, в селениях Ганкишле, Роше, Олонештах и Тудоровой в конце 60-х гг. имелись гончарные мастерские, производившие продукции на 100—400 руб. каждая в год, а всего таких мастерских в Аккерманском округе было восемь¹. В Чимишлии, Талмазах, Чобручах, Татарбунарах, Павловке, Ташлыке, Гура-Челегидере в 60-х гг. действовали 15 бочарных мастерских. Подобные мастерские (по числу рабочих и объему производства) были и в соседних немецких и болгарских колониях.

В с. Паланке в начале 60-х гг. крестьянин С. Георгиу открыл два предприятия — кирпичный и черепичный « заводы ». В 1863 г. на них выработано продукции на 875 руб., в 1864 г.— на 1070 руб., а в конце 60-х гг. производилось 8—11 рабочими в течение сезона (май—сентябрь месяцы) до 100 тыс. штук кирпича и 400 тыс. штук черепицы на сумму 1400 руб. Продукция сбывалась в города и окрестные села, колонии и станицы².

К числу своеобразных промысловых предприятий следует отнести и рыбные « заводы » отдельных зажиточных крестьян в придунайских и приднестровских селениях.

В местечках Татарбунары, Каушаны и Чимишлия имелись кожевенные и кирпичные « заводы »³.

Крестьяне-промышленники, накопив значительные денежные средства, держали наемную рабочую силу для работы в своих хозяйствах и мастерских, а сами уже отвлекались от сельскохозяйственного производства, занимаясь расширением предприятий, увеличением их производственной мощности, сбытом продукции в местах производства и на базарах, ярмарках, временных торгах.

Конечно, в большинстве своем это были карликовые предприятия с несовершенным оборудованием. Но мы не можем недооценивать их возникновение; это было явление в экономической жизни казенной деревни, свидетельствующее об

¹ ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, 1866 г., д. 5, л. 758—759, 882; 1871 г., д. 10, л. 367; 1868 г., д. 94, л. 137—138; ф. 24, 1852 г., оп. 1, д. 3, л. 123.

² О « заводах » С. Георгиу давались ежегодно сводки в материалах к отчетам губернатора. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7612, л. 349; д. 7681, л. 91; д. 7836, л. 546; ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. I, л. 116, 295.

³ ЦГА МССР, ф. 6, оп. 2, д. 567, л. 142.

углублении процесса общественного разделения труда. К тому же приведенные примеры развития обрабатывающей промышленности касались лишь предприятий государственных крестьян. В действительности казенная деревня шире охватывалась указанным процессом. Купцы, мещане, разбогатевшие колонисты также открывали в казенных селениях различные « заводы »: иностранец Д. Изерт в 40-х гг. построил в м. Татарбунары небольшую ткацкую мануфактуру, в конце 30-х гг. близ с. Паланки одесский купец Ралли основал крупную шерстомойню (летом и осенью там постоянно работали от 400 до 1000 человек), в 60-х гг. начали действовать три качавальных « завода » — в с. Батыре болгарского колониста Григория Янчу, в м. Чимишлии и с. Селемете — купца К. Маркарова, тогда же в Чимишлии купцами Штейнбергом и Бакалейкиным открыты два свечных « завода »¹.

Промыслы Повсеместно среди государственных крестьян развивались промысловые занятия. Для многих из них неземледельческие доходы являлись большим подспорьем в хозяйстве, а для некоторой части — источником для добывания средств существования.

Благодаря развитию промыслов усиливалась процесс разделения труда и рыночные связи, разрушалась замкнутость натурального хозяйства.

Недостаток в строительных лесоматериалах в селениях южных округов способствовал развитию среди крестьян таких промыслов, как ломка плитняка, выжигание извести, производство кирпича и черепицы.

Каменоломный промысел был распространен в 24 селениях Аккерманского и Бендерского округов. По сведениям, относящимся к 60-м гг., ломкой и частично обработкой камня там занимались до 650 человек. В числе каменоломен были и относительно крупные: в Заиме на одной из них работали 40 человек, в Каушанах — 50, в Калфе — 70, Варнице — 50, а в Татарбунарах 200 человек. В с. Капланах 20 крестьян занимались «резкой хорошего штучного камня», поставляемого на строительство домов в городах и церквей².

Каменщики работали либо в одиночку, либо объединя-

¹ Сведения почерпнуты из ежегодных отчетов палаты государственных имуществ.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4951, 5774, 6141, 6768, 7194, 7681, 7790, 7836, 7879; ф. 24, оп. 1, д. 64; ЦГИА СССР, ф. 381, 1866—1869 гг., д. 5938, ч. 1.

² Цифровой материал взят из ежегодных обзоров промыслов в селениях государственных крестьян (в отчетах палаты государственных имуществ) и статистических описаний селений (в фонде областного статистического комитета).— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2825, л. 64; ф. 24, оп. 1, 1852 г., д. 3, л. 120; ф. 151; оп. 1, 1866 г., д. 5, л. 758—759, 882; 1867 г., д. 6, л. 730—731, 749—750; 1868 г., д. 94, л. 137—138, 169—170, 230—231.

лись в небольшие промысловые артели. Добытый камень складывали в кубические сажены и продавали — в среднем в 50—60-х годах по 2—3 руб. сереб. за каждую. Во второй половине 60-х гг. в Бендерском округе каменщики зарабатывали до 1 руб. 20 коп.— 1 руб. 30 коп. в день¹. Иногда производилась ломка камня по заказу: крестьяне подряжались поставлять определенное количество штучного камня и работали артелями².

В селениях, близких к лесам, имелись возможности заниматься лесными промыслами: заготовкой строевого и дровяного леса, работами на посадках, прочистке, окопке лесов и т. д. По существовавшим казенным расценкам на поденном найдем пешему работнику платили в Хотинском округе 35 коп., в Бендерском — 48 и Аккерманском — 30 коп. сереб., а рабочему с пароволовой подводой — в 2—3 раза больше. На относительно длительные сроки нанимались крестьяне в лесную охрану — конную и пешую, с годовым заработком в 36 руб. первым и 21 руб. 50 коп. сереб. вторым. Таких охранников насчитывалось в 50—60 гг. более 70 человек в селениях Тараклии, Плахтеевке, Троицком, Копанке, Тицканах и др.³

Развитие хлопчатобумажного, шелкоткацкого, ковродельного и сапожно-сафьянового ремесленного и мануфактурного производства внутри области и постоянный спрос на дикорастущие красящие растения из-за границы (главным образом из Австрии) способствовали распространению особого вида лесного промысла: сбора листьев и корней скумпии (желтника, сумаха).

Скумпия произрастала в большом количестве на склонах холмов, в лесах, по берегам рек и на полях Бессарабии, особенно в Бендерском у., где ею были «целые горы покрыты»⁴. Например, только в Кицкано-Копанских лесах в 50-х гг. под этим кустарником было занято около 70 дес.

Древесная часть скумпии употреблялась на окраску разных тканей и кож в желтый, оранжевый и черный цвета, а листья — для дубления кожи, особенно при изготовлении сафьяна.

Большим спросом скумпия пользовалась внутри области. Например, по сведениям Инспекции сельского хозяйства

¹ ЦГА МССР, ф. 37, оп. 5, д. 2179, л. 15, 21, 23; Кишиневские епархиальные ведомости, 1877, № 14, стр. 588.

² Там же, ф. 6, оп. 2, д. 977, л. 1—2, 11—14.

³ Обобщим данные лесного ведомства области, палаты государственных имуществ и межведомственной переписки. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6477, л. 1—2; д. 8020, л. 1—2; ф. 122, оп. 2, д. 27, л. 65—66; д. 28, л. 89—90; д. 43, л. 60—70; д. 85, л. 16; д. 127, л. 28; д. 142, л. 1—2; д. 70, л. 15—17; Памятная книжка Бессарабской области на 1862 г., стр. 217.

⁴ «Коммерческая газета», 1844, № 31, стр. 122.

Южной России, в 1844 г. было потреблено ее листа в Кишиневе 6850, Бендерах — 100, Хотине — 100, Оргееве — 600 пудов. За пределы области скумпия вывозилась главным образом в Подольскую губ. и в Австроию: в 30-х гг.— 350—500 пудов, а в следующих десятилетиях — до 1 тыс. пудов в год.

Обычно крестьяне откупали в лесничествах право на сбор и вывоз скумпии, сбывали в города (в Кишиневе по 1 руб., Хотине — ценой по 1—2 руб. за пуд). В отдельные годы из казенных лесов отпускалось по 770 пудов скумпии. Заготовка ее производилась в июне месяце¹.

Одним из видов промысла была рубка камыша и сбыт его в степные селения, колонии и города. Часть камышовых зарослей находилась в границах сельских дач (в Бендерском округе), а основной их массив (в низовьях Днестра и Дуная) — около 160 тыс. дес.— был выделен в казенные оброчные статьи. Ежегодная потребность в камыше как топливе, кровельном материале, сырье для изготовления корзин, циновок и пр. была велика. Например, по сведениям соляного управления, только для покрытия бугров соли на промыслах ежегодно потреблялось по 1500 куб. саженей².

Наибольшее развитие этот вид промысла получил в Паланке, Гура-Роше, Ганкишле, Талмазах — Аккерманского округа и Хаджимусе, Каланке и Кицканах — Бендерского округа³. В Измаильском градоначальстве камышовые заросли тянулись на 160 верст от Вилкова до г. Рени и в больших массах использовались для отопления гарнизонных помещений в городах. Казенная палата отмечала в одном из документов, что подрядчики заготовляли и поставляли камыш «не иначе, как посредством казенных поселен»⁴.

Рубили его зимой, когда вода в плавнях замерзала. Из днестровских плавней в большом количестве заготовляемый камыш вывозили в немецкие и болгарские колонии, в казачью станицу Волонтировку для крыш, хозяйственных поделок, на топливо: по 500 и более кубических саженей продавалось в Бендерах⁵.

¹ Обобщены фактические данные о заготовке и сбыте скумпии, извлеченные из обзоров промыслов по области и, в частности, в казенных селениях, и справок Департамента земледелия МГИ о промысловом значении скумпии. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 249, л. 22, 30; д. 3374, л. 49, 51; д. 4224, л. 42; д. 4449, л. 25—26; д. 4665, л. 57—58; д. 4829, л. 43, 54; д. 4830, л. 19; ф. 122, оп. 2, д. 50, л. 2; ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 4, 1815 г., д. 418, л. 1—2, 10—12; ф. 398, 1844 г., д. 2209, л. 75—76.

² ЦГА МССР, ф. 37, оп. 25, д. 561, д. 5; ЦГИА СССР, ф. 383, 1842 г., д. 4534, л. 16—32.

³ ЦГА МССР, ф. 24, оп. 1, д. 26, л. 117—118.

⁴ Там же, ф. 134, оп. 1, д. 114, л. 935.

⁵ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 3982, л. 35; Кишиневские епархиальные ведомости, 1875, № 14, стр. 555; 1877, № 14, стр. 591; № 16, с. 682.

Работой по найму на стороне занимались и сельские ремесленники-строители. Каменщики, штукатуры, печники, мостовщики, плотники уходили в города и соседние селения. Иногда возникали целые артели таких ремесленников-отходников, которые подряжались на сооружение и ремонт церквей, мостов, занимались «поденной чамурной работой» — строительством глинобитных крестьянских домов.

Рыболовство Бессарабская область, омываемая с юга Черным морем и Дунаем, с востока Днестром и с запада Прutом, имевшая немалое число озер и лиманов, представляла большой простор для рыбного промысла. Главный лов производился в водах дельты Дуная, по взморью и в низовьях Днестра.

Рыбные ресурсы Бессарабии (Усть-Дунайские и Днестровские) принадлежали тогда к числу крупнейших в России. По заверению экономиста и статистика И. Горлова, своим богатством они не уступали Нижнедонским, Азовским и Керченским промыслам¹.

Из-за примитивной техники и организации рыбного промысла преобладало речное рыболовство, морские водоемы у бессарабского побережья использовались крайне слабо.

Дунайские рыбные ловли находились в ведении казенных ведомств и как оброчные статьи отдавались с торгов в аренду купцам и казенным крестьянам прибрежных селений.

Для крестьян селений Измаильского градоначальства — Вилкова, Жебриян, Кислицы, Каракова, Фурманки, Галиешт, Китая, Карамахмета, Покровки и Васильевки — рыболовство являлось промыслом. Особенно в этом отношении выделялись Вилково и Жебрияны. Цитированный нами неоднократно офицер Розельон-Сашальский отмечал в своем отчете Главному штабу: «Все жители селения Вилкова... и многие обыватели Хаджи-Ибраила (Жабриян — И. А.) занимаются исключительно рыболовством. В 1826 г. находилось в сих селениях 112 крючковых заводов и 15 неводов»; из Вилкова «выпускается ежегодно до 20 тысяч пудов красной рыбы, 800 пудов икры и 200 бочек сельдей, за что выручается в год до 55 тысяч рублей, а иногда и более»². Заболоченность местности, большое количество протоков, затопление посевов при разливах Дуная не благоприятствовали занятиям земледелием. И, наоборот, для рыболовства это был исключительно благоприятный район.

В откупных водах «вольные промышленники», т. е. рыболовы, имевшие свои снасти, в том числе и часть крестьян на-

¹ И. Горлов. Обозрение экономической статистики России. СПб., 1849, стр. 122.

² ЦГВИА, ВУА, 1828 г., д. 18589, ч. I, л. 66.

званных казенных селений, ловили рыбу на правах субаренды: вносили часть улова — десятину (дижму) или платили деньгами (стоимость дижмы по рыночным ценам)¹.

С 1840 по 1847 гг. все подведомственные палате государственных имуществ рыбные ловли в Измаильском градоначальстве содержал на откупе варшавский купец Н. Широков. В отличие от других арендаторов построил на Килийском рукаве Дуная большое стационарное рыбоперерабатывающее предприятие (Базарчукское), с отделениями в Измаиле и Килии, обслуживаемое 35 рыболовными « заводами », большим постоянным штатом выписанных из Астрахани специалистов и 300 сезонными рабочими. На право ловли в открытых водах « вольные промышленники » должны были брать специальные билеты из его контор и затем сдавать весь улов на приемные пункты по установленной им же монопольной цене.

Рабочие получали вместо денег известную часть рыбы, которую сбывали обычно ему же по пониженным ценам.

Широков открыл крупные предприятия капиталистического типа, по его собственному признанию, обеспечивавшие ежегодный доход в 200—300 тыс. рублей сереб.², нанес большой ущерб мелким рыболовам, глушил их промыслы, но не сумел разорить окончательно³. Вольная продажа рыбы в районе откупа почти прекратилась на ряд лет.

В конце 40-х гг. откупщики вернулись к прежним способам эксплуатации рыбных промыслов — не обзаводились средствами лова, а получали прибыли в виде дижменного сбора, т. е. сам промысел вернули рыболовам.

Зажиточные рыболовы-предприниматели имели свои крючковые и неводарные « заводы ». « Завод » — это комплекс лодок (одна большая и несколько малых) с необходимым комплексом снастей. Крючковые « заводы » обслуживались 3—6, а неводарные — 13—20 рабочими, или, как их называли, « забродниками » — нанятыми пришлыми ловцами. Хозяин, имевший полный « завод », получал за лето 1000—1500 руб. дохода, если ему приходилось отрываться на полевые работы; если же порывал с земледелием и занимался рыболовством в течение всего сезона (с середины марта до середины ноября), выручал две и более тысяч рублей. Обычно работники содержались « на полурае из заработанных денег, за вычетом издержек на питание », т. е. вылавливаемая рыба, за исключением дижмы, делилась на две части: одна половина отдавалась хо-

¹ См. Обзор Дунайских рыбных промыслов.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2870, л. 20—21.

² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4411, л. 33—34, 48—51, 460.

³ О подрыве откупщиком крестьянских рыбных промыслов сохранились свидетельства самих крестьян. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4564, л. 29, 32, 43, 46.

зяину средств лова, а другая — работникам¹. Материальная зависимость наемных ловцов от владельцев орудий лова на деле усложнялась системой мелкого кредита, и часто «забродники» не получали своего «полупая», так как задолго до открытия промыслового сезона забирали деньги «под улов».

Менее состоятельные крестьяне-рыболовы промышляли сетьми, котцами, черпаками, устраивали ерики².

О размахе рыболовства на Дунайских промыслах свидетельствуют следующие цифровые данные.

К 1835 г. в Дунае и на взморье находилось:

при с. Вилково « заводов »	— 194,	лодок — 294,	рыболовов — 966;
в Жебриянском лимане	— 24,	« — 37,	« — 191;
в Китайском лимане	— 8,	« — 16,	« 104;
Всего: « заводов »	266,	« 347,	« 1283.

А в начале 50-х гг. число рыбаков и «забродников» доходило до 1700 человек³.

Улов рыбы здесь достигал огромных размеров. В середине 30-х гг. вылавливалось за сезон до 25 тыс. пудов красной рыбы (белуги и осетров), от 500 тыс. до 1 млн. штук сельдей и до 40 тыс. пудов прочей рыбы (севрюга, сом, карп, сазан, судак, щука и др.)⁴. В первой половине 40-х гг., по данным конторы откупщика Н. Широкова, только в его водах добывались сотни тысяч пудов рыбы: в 1842 г. — около 118 тыс. пудов красной и прочей рыбы и 138 тыс. сельдей, в 1843 г. — соответственно 84,5 тыс. пудов и 223 тыс. и т. д.⁵.

Сбывали рыбу и икру в соленом и свежем виде большей частью на месте откупщикам, приезжим торговцам из внутренних и западных губерний России, либо заграничным купцам — из Австрии, Молдавии и Валахии. Существовала монопольная закупка: зимой торговцы договаривались с рыболовами о сбыте им всего сезонного улова и давали большие задатки; заранее определялись и цены, часто очень пониженные. На деле, как отмечалось в названной Записке о состоянии Дунайских рыбных промыслов, это приводило к закаба-

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4411, л. 42—46; П. Свинин. Описание Бессарабской области.— Записки Одесского общества истории и древностей, т. VI. Одесса, 1867, стр. 92; Памятная книжка Бессарабской области на 1862 г., Кишинев, 1862, стр. 230.

² А. А. Скальковский. Опыт статистического описания, стр. 435—437.

³ См. подробную записку о состоянии Дунайских рыбных промыслов, представленную ревизовавшими их специальными чиновниками и статистические таблицы о промыслах.— ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2970; ГАОО, ф. 3, оп. 1, 1856 г., д. 50, л. 20.

⁴ «Коммерческая газета», 1838, № 66, стр. 254.

⁵ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4411, л. 49.

лению крестьян-рыболовов, к невыгодному сбыту продукции¹. Разбогатевшие « заводчики » сами рассылали транспорты сомной рыбы (особенно сельди) для продажи в городах и селениях области и в соседних губерниях — Херсонской, Подольской, Волынской и др. Это о них писал чиновник Грабовский, обследовавший в 1838 г. Вилковскую, Жебрияновскую, Килийскую, Галилештскую, Караковскую, Фурманскую и Китайскую ловли: « Все прибрежные жители, производящие лов рыбы, и в особенности вилковские крестьяне, довольно богаты и многие из них приобрели капиталы »². Конечно, не все были « довольно богаты », тут явное преувеличение, но что рыбные промыслы обогащали имущую часть этих селений, в этом нет никакого сомнения.

Богатейшие Дунайские промыслы служили источником огромной наживы откупщиков: платя казне в год от 7 до 22 тысяч руб., они получали по 100—300 тыс. руб. дохода³. Откупщики-рыбопромышленники являлись фактическими хозяевами всего промыслового района и спешили как можно больше нажиться за годы аренды. Являясь бесконтрольными распорядителями в пределах арендуемых вод и опираясь в своих действиях на специально учреждаемую полицию, они стремились распространять свою власть и на прибрежные селения. Рыболовы оказывались во власти откупщиков и его многочисленной агентуры. Судя по материалам жалобы рыболовов, сеть дозорных и надсмотрщиков часто отбирала у них уловы на море и на дорогах под предлогом «пресечения хищения рыбы», заставляла отдавать не 10-ю, а 4-ю и даже 3-ю часть улова⁴.

Купец Крайз, арендовавший промыслы с 1847 по 1853 гг., выставлял пикеты в полях на расстоянии 20 верст за пределами села Жебрияны, т. е. далеко за чертой откупных вод, и приказывал страже обыскивать всех проезжающих, крайне притеснял рыболовов, и «ни торговцы с красными товарами, ни земледелец с сеном и другими продуктами не могли проезжать по пути от Вилкова до Жебриян без того, чтобы... не переворачивали им возы и не обыскивали их»⁵.

В районе откупа крестьянам запретили строить гарды, ерики, каналы.

Особенно беззастенчиво эксплуатировались «беспаспорт-

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2970, л. 22, 33.

² Там же, л. 21.

³ Там же, д. 2825, л. 94; д. 4411, л. 460; д. 4779, л. 359; ГАОО, ф. 3, оп. 1, 1856 г., д. 50, л. 90; Памятная книжка Бессарабской области на 1862 г., стр. 227.

⁴ Там же, д. 5829, л. 45.

⁵ Там же, л. 72—75.

ные»: по существу они работали за неприхотливые кров и пищу¹.

Откупная система в ряде случаев приводила к подрыву и упаду промыслов. Остановимся на одном примере. На Китайской дистанции промыслов, где занимались рыболовством государственные крестьяне селений Жебриян, Галиешт, Каракова, Фурманки, Покровки и болгарские колонисты из Еникиоя, по проискам откупщиков к 50-м гг. рыболовство прекратилось, так как крестьянам не разрешали расчищать ерики и гирла, соединявшие лиманы с Дунаем (для выпуска рыбы и пресной воды весной)².

В 1856 г. все Дунайские ловли по Парижскому миру отошли к Молдавскому княжеству.

Если Дунайские рыбные ловли, исключая Катлабугский лиман, составляли казенные оброчные статьи, то Днестровские ловли протяженностью выше 130 верст (от с. Болбока до впадания Днестра в лиман) в течение 40 лет находились в коллективном пользовании государственных крестьян³.

В 1827 г. 11 ловель — 6 в Аккерманском, 4 в Бендерском и 1 в Измаильском уездах — были переданы в безоброчное пользование, как отмечал В. К. Тихий, «вообще всех бессарбских казенных поселян, впредь до окончательного устройства сего края»⁴. Практически же из-за удаленности от Днестра многих селений ими пользовались лишь крестьяне прибрежных сел — Копанки, Кицкан, Киркаешт, Хаджимуса, Талмаз, Чобруч, Олонешт, Коркмаз, Тудорова, Паланки, Ганкишлы, Гура-Роши, Болбоки, Варницы и Калфы, — получая от занятий рыболовством как дополнительный продукт питания, так и товар для сбыта на рынке. Это подчеркивается во всех обзорах Днестровских промыслов на протяжении 20—60-х гг.⁵

Вылавливали рыбу крючковыми снастями, котцами (камышовые плетни), вентерями и путем отвода каналов (реретиков) с сооружением гардов (заборов из свай).

До 1842 г. крестьяне промышляли рыболовством захватным порядком, иногда общества сдавали часть ловель на короткие сроки в аренду. В результате лучшие ловли вместе с

¹ Х. Коханский. Бессарабские рыбные ловли.— Памятная книжка Бессарабской области на 1862 г., стр. 227—230.

² А. А. Скальковский. Опыт статистического описания, стр. 436—437.

³ См. Историческую справку о Днестровских рыбных ловлях в фонде Первого департамента МГИ.— ЦГИА СССР, ф. 383, 1856 г., д. 25555, л. 1—18.

⁴ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2825, л. 98.

⁵ Там же, д. 2134, л. 298; д. 3534, л. 105—109; ф. 24, оп. 1, д. 3, л. 119—120; ф. 61, оп. 1847 г., д. 86, л. 88—89.

прибрежными участками земли оказались в руках сельской зажиточной верхушки¹. Под давлением недовольства крестьян создавшимся положением палата государственных имуществ и местные власти вынуждены были заниматься «урегулированием» этого вопроса: перевели все ловли в разряд мирских оброчных статей, а доходы от них поступали в «мирской капитал» и на уплату налогов². Установилась откупная система пользования ловлями. Купцы, мелкие торговцы и сельские кулаки арендовали отдельные промыслы с торговыми целями, но крестьяне оставляли за собой право добывать рыбу для домашнего обихода. Часть крестьян промышляла в откупных водах с поставкой откупщикам определенной доли улова ($\frac{1}{7}$, $\frac{1}{6}$ и т. д.)³. Однако откупная система стесняла возможности крестьян в занятиях рыболовством, приводила к столкновению их с арендаторами. Они не раз добивались отмены откупа, «чтобы каждый мог свободно ловить рыбу не только для домашнего обихода, но и для продажи». В 1856 г. ходатайства крестьян были удовлетворены: ловли были отданы им в «безотчетное пользование».

В последующие годы промысловое значение Днестровских ловель усиливается, так как Дунайские промыслы отошли от Бессарабии. Наряду с личным потреблением рыбы растет ее сбыт. Все больший вес приобретают крестьяне-промышленники, выступающие в роли арендаторов, владельцев рыболовных « заводов », пользующихся наемным трудом окрестных крестьян⁴.

Товарная рыба сбывалась двумя способами: самими крестьянами развозилась по местным базарам и лавкам, продавалась с возов либо закупалась непосредственно на промыслах «шепетильниками» — рыботорговцами, во множестве яв-

¹ В делах губернаторской канцелярии, палаты государственных имуществ и Бендерского уездного суда отложился ряд документов о концентрации ловель в руках арендаторов и кулацкой верхушки. См. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3534, л. 103—115; д. 3649, л. 55—70; ф. 302, оп. 2, д. 152, л. 73—74; ф. 122, оп. 2, д. 72, л. 45—52.

² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3531, л. 83—85.

³ Арендные сделки сохранились в делах канцелярии губернатора и палаты государственных имуществ. См. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 3649, л. 58—61, 65—70; д. 449, л. 113; д. 4665, л. 1—2; д. 4829, л. 4—5; ф. 122, оп. 2, д. 34, л. 5—7.

⁴ Конкретные материалы об откупных операциях 60-х гг., размере арендной платы, списки откупщиков и т. п. сохранились в делах фондов канцелярии губернатора, палаты государственных имуществ, Департамента земледелия МГИ. См. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4830, л. 62—63; д. 7687, л. 2; ф. 122, оп. 1, д. 280, л. 25—26; оп. 2, д. 139, л. 27—28; д. 140; л. 16—18; д. 154, л. 275—278; д. 157, л. 77—78; ЦГИА СССР, ф. 398, 1854 г., д. 6273, л. 34.

лявшимися на Днестр и отправлявшими ее на базары, ярмарки, в города (в частности, в Одессу)¹.

А. А. Скальковский отмечал значительное развитие Днестровского рыболовства: «По Днестру рыболовство производится весьма деятельно», десятки рыболовных партий занимались этим промыслом крючковыми снастями (самоловами) — для лова красной рыбы (белуги, севрюги, осетра). Он приводил данные за 1840 г. о размерах промысла: между Бендерами и Днестровским лиманом находилось постоянно 14 рыболовных « заводов » с 95 лодками и 930 рыболовами, рыбы добывалось на сумму до 19,5 руб. сереб.² Следовательно, в среднем один « завод » вылавливал на 1400 руб. сереб. В 30-х гг., по данным областных учреждений (в переводе на серебро), « завод » приносил здесь дохода от 140 до 300 руб.³

Крестьянские рыболовные промыслы на Днестре уступали размаху промыслов в Дунайском районе. И по степени занятости в них крестьян отмечается существенное отличие: если для ряда селений Измаильского градоначальства рыболовство явилось постоянным занятием, в Поднестровье оно служило источником дохода для небольшой части сельского населения, основная же масса крестьян занималась им лишь в свободное от сельскохозяйственных работ время. На Днестре не было таких крупных предприятий, какие наблюдались на Дунае. Но и здесь откупщики и рыбопромышленники из крестьян, имея собственные « заводы » и ерики, эксплуатируя наемных работников, получали большие доходы, выделялись в сельскую буржуазию. Добыча рыбы, ее транспортировка и сбыт привлекали и в район Днестровских ловель отходников, мелких и крупных рыботорговцев, способствовали развитию товарно-денежных отношений.

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 1, 1846 г., д. 19, л. 40; Военно-статистическое обозрение Бессарабской области. СПб., 1849, стр. 46; «Кишиневские епархиальные ведомости», 1877, № 14, стр. 682; И. Енакиевич. Указ. соч., л. 3, 7—8.

² А. А. Скальковский. Опыт статистического описания, стр. 438—4417.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1967, л. 114; ф. 5, оп. 2, д. 866, л. 9.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государственные крестьяне Бессарабии принадлежали к числу основных разрядов крестьянства области вместе с царанами, резешами, колонистами и казаками. Их социально-правовое положение в общих чертах было таким же, как и у государственных крестьян внутренних губерний. В то же время наблюдалось некоторое своеобразие, обусловленное особенностями противоречивой политики царского правительства, проводимой в отношении Бессарабии в целом, которая сказывалась на развитии производительных сил в бессарабской казенной деревне.

Условия, в которых развивались производительные силы в бессарабской казенной деревне, отличались от условий у других разрядов крестьянства внутри области. Сюда следует отнести более высокую земельную обеспеченность и менее тяжелый феодальный гнет, чем у царан; государственные крестьяне, хотя и испытывали на себе феодальное «попечительство» МГИ, но по сравнению с последними пользовались большей хозяйственной самостоятельностью. Однако по своим хозяйственным возможностям государственные крестьяне уступали колонистам (болгарским и немецким), пользовавшимся рядом льгот (50—60-десятинный посемейный надел, освобождение на длительный период от налогов, постнойной, кордонной и других трудовых повинностей, невмешательство в хозяйственную жизнь колонистов со стороны земских полиций и др.).

Общий уровень развития сельского хозяйства в казенной деревне был невысокий; его характеризовали слабая техническая оснащенность крестьянского хозяйства и экстенсивность почти всех отраслей сельского хозяйства; земля и другие природные богатства использовались примитивно. В частности, относительно незначительной была доля хозяйственно-эксплуатируемой пахотной земли: от $1/5$ до $1/3$ удобных земель.

Большие пространства угодий оставались невозделанными и представляли собой лишь потенциальные природные богатства.

Важнейшим показателем уровня сельского хозяйства, культуры полеводства, эффективности систем земледелия является урожайность основных хлебов. В урожайности земледельческих культур, в конечном итоге, суммируется степень развития производительных сил в области земледелия¹. В казенной деревне она была низкой и неустойчивой на протяжении всего изучаемого периода.

Продуктивность сельского хозяйства увеличивалась, но достигалось это благодаря расширению посевных площадей и плодово-виноградных насаждений, увеличению поголовья скота и т. п., при господстве переложной системы земледелия, примитивных сельскохозяйственных орудий, полунатурального крестьянского хозяйства, технической и культурной отсталости и слабой покупательной способности крестьян.

Хозяйства большинства крестьян были маломощными, отличались большой неустойчивостью. Достаточно было неурожая, эпизоотии, налета саранчи, как значительная часть крестьян оказывалась на грани разорения.

В Бессарабии, кроме училища садоводства, опытных сельскохозяйственных учреждений, которые содействовали бы повышению агротехники, не было. Влияние училища на казенную деревню прослеживается лишь в садоводстве, виноградарстве, табаководстве и шелководстве. А зерновое хозяйство и животноводство развивались стихийно, на низкой технической базе. Следует также отметить, что кадры, получавшие сельскохозяйственное образование, были очень малочисленны, а при существовавших тогда социально-экономических условиях им трудно было приложить знания в повседневной земледельческой практике. Лишь отдельные крестьяне, искавшие ощупью пути повышения продуктивности своих хозяйств, добивались известного прогресса. Улучшения в системе ведения хозяйства не получали поддержки со стороны ведомственных властей, наталкивались на их безразличие и рутину. Основная масса непосредственных сельскохозяйственных тружеников не располагала необходимыми ресурсами для улучшения хозяйства, приобретения более совершенных орудий и инвентаря и внедрения высококачественных культур. Частные улучшения тонули в подавляющей массе отсталых полунатуральных хозяйств.

В результате ознакомления с хозяйственной жизнью государственных крестьян можно сделать вывод, что «попечи-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 133.

тельство» МГИ в области экономики не достигало цели: между предлагаемыми улучшениями в сельском хозяйстве и реальными условиями существовала огромная пропасть. Абсолютное большинство рекомендаций Департамента сельского хозяйства МГИ в этой части оставалось благими пожеланиями. Лишь в незначительной прослойке крестьянства, его зажиточной верхушке прививались рациональные приемы ведения хозяйства — в садоводстве, виноградарстве, табаководстве, пчеловодстве (влияние специализированных учебных заведений).

Стремление решить острую социально-экономическую проблему, проблему кризиса феодально-крепостнической системы в рамках существующего царского режима и для упрочнения, его, показало, что, не ломая этой системы, невозможно было поднять экономический уровень крестьянства.

Прогресс в развитии сельского хозяйства имел место, несмотря на ограниченность и примитивность технических и материальных средств у подавляющей части крестьян, но он не был результатом целенаправленной деятельности МГИ. Это проявлялось в эволюции отраслей сельского хозяйства (в соотношении животноводства и земледелия), во внедрении усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, поисках путей повышения урожайности, отходе от переложной системы, освоении новых площадей, распространении технических культур, росте садоводства и виноградарства и пр. Одним из выражений прогресса в земледельческом производстве было развитие отраслевой специализации (садоводство, виноградарство, огородничество и бахчеводство, выращивание технических культур и др.), хотя следует иметь в виду, что она еще недостаточно широко охватывала казенные селения. По сделанным нами подсчетам площадь садов, виноградников и огородов (вместе с бахчами) относилась к площади пашни в конце 60-х гг. примерно как 1 : 10 (8000 дес. к 81 140 дес.). В животноводстве прогресс проявлялся в качественном улучшении крестьянского стада — значительное распространение полутонкорунного (цигайского) и появление мериносового овцеводства, некоторое обновление конского поголовья, закупка племенных производителей для улучшения рогатого скота, в обеспечении стада устойчивой кормовой базой (сено-кошение, заготовка соломы) в 40—60-х гг. Но приемы улучшенного животноводства были доступны лишь богатой верхушке крестьян: приобретение дорогостоящего племенного скота, возможности выращивания породистого молодняка, требующего особых условий содержания и строительства специальных помещений. У подавляющей массы крестьян животноводство оставалось отсталым и малопродуктивным. Мелким крестьянским хозяйствам, испытывавшим постоянный

недостаток средств, не под силу было поднять культуру животноводства.

Сдвиги были невеликие по сравнению с общим невысоким уровнем сельского хозяйства и коснулись главным образом хозяйств зажиточного слоя сельского населения. Все же они свидетельствовали о том, что прежний уровень производительных сил переставал удовлетворять возраставшие требования к сельскому хозяйству, что в самой феодально-крепостнической системе необходима ломка для устранения препятствий на пути экономического развития деревни.

Процесс общественного разделения труда в бессарабской казенной деревне проявлялся в росте числа ремесленников (в 9 % в начале 40-х гг. до 12,3% к общей численности мужского населения деревни в конце 60-х гг.), появлении крестьянских мануфактур, складывании небольших районов земледельческо-промышленного направления хозяйств (например, в районах рыбных и соляных промыслов).

Отделение промышленности от земледелия в бессарабской казенной деревне проходило крайне медленно. Оно тормозилось целым рядом социальных и экономических факторов: феодальной системой эксплуатации крестьян, податным гнетом, полицейским «попечительством» МГИ, наличием общины, ограничениями промыслового деятельности и свободы передвижения, аграрным направлением экономики Бессарабии, отсутствием крупных промышленных центров. Подавляющая масса крестьян направляла свои усилия и средства в сельскохозяйственное производство, не выходя из рамок полународного хозяйства. Ремесленно-промышленные занятия государственных крестьян в основном носили подсобный характер.

К 60-х гг. стал острее чувствоватьться кризис экстенсивного хозяйства. В течение 60-х гг. депрессия в хозяйстве казенной деревни с тенденцией к упадку становится еще более отчетливой. Отчасти это объяснялось внешними обстоятельствами — последствиями Крымской войны, которые тяжело отразились на всей экономике области. Подорванное крестьянское хозяйство с величайшим напряжением переносило стихийные бедствия. В отчетных документах этих лет прямо отмечалось, что государственные крестьяне «заметно обеднели», что хозяйство их, как и у «жителей большей части местностей области», значительно расстроено¹.

Такое положение казенной деревни являлось отражением общего застоя в экономике Бессарабии второй половины 50-х гг. и последующего десятилетия. «Неурожай предшествующих годов,— говорится в отчетах губернатора за 1864—1866 гг.—

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 2, д. 7582, л. 49; д. 7681, л. 155.

и истребление саранчой посевов повлекло за собой расстройство хозяйств, и это в соединении с упадком кредита и общим денежным кризисом препятствует расширению торговых оборотов в таких размерах, в каких они производились прежде». Падение торговли началось еще с отторжения юго-западной части Бессарабии, с ее портами Измаилом и Рени, соляными озерами, рыбными ловлями и пр.¹

Война, вместе с тем, исключительно обогатила различных дельцов, торговцев, казнокрадов. А. Зашук, изучавший экономику Бессарабии в конце 50-х гг., так отзывался о них: «Последняя война внесла в Бессарабию множество капитолов, сделала богачами в самое короткое время многих чиновников, купцов и разных мелочных торговцев; большая часть их, в надежде обеспечения своего капитала процентами, превышающими банковские, начала скупать и строить дома в Кишиневе, а более скупать земли или брать имения в аренду»².

Развитие производительных сил в сельском хозяйстве и промышленность упиралось в существовавшие производственные отношения, которые являлись тормозом хозяйственного прогресса.

Отрицательное влияние феодально-крепостнической системы на развитие производительных сил в казенной деревне нашло свое выражение в росте податного гнета, который в большой мере отягощал этот прогресс, ограничивал и поглощал материальные ресурсы и денежные средства, лишал основную массу крестьян возможности внутрихозяйственного накопления и вложения этих средств в рационализацию и расширение хозяйств. Неменьшим тормозом являлись и сословные ограничения государственных крестьян. Царская бюрократия в большинстве случаев равнодушно, безучастно смотрела на отсталость экономики казенной деревни. Одним из проявлений сковывающего воздействия феодально-крепостнической системы служит, например, лишение крестьян возможности пользоваться денежными ссудами из так называемого капитала сельской промышленности, находившегося в ведении МГИ и предназначавшегося для финансирования рациональных преобразований в сельском хозяйстве: приобретение усовершенствованной сельскохозяйственной техники, травосеяние, улучшение в садоводстве, виноградарстве и виноделии, распространение посевов технических культур, улучшение пород скота, развитие пчеловодства, лесоводства, строительство оросительных систем и т. п. Ссуды выдавались «под

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 2, д. 7681, л. 4; д. 7879, л. 33; д. 7882, л. 251—252.

² А. Зашук. Экономические расчеты и доходности хлебопашества.—«Бессарабские областные ведомости», 1860, № 20.

верное обеспечение», чего, за малыми исключениями, крестьяне не имели. Документы свидетельствуют, что пользовались им исключительно помещики и разбогатевшие чиновники.

Способности и стремления государственных крестьян к развитию производительных сил наталкивались на тормозящие силы отсталого феодального строя. Лишенные возможности получать общее и специальное сельскохозяйственное образование, оставаясь в условиях умственной темноты, подвергаясь стеснениям и ограничениям со стороны государства и не имея средств для улучшения своего хозяйства, крестьяне в основной своей массе пользовались рутинной техникой и отсталыми приемами в земледелии, животноводстве и ремесленном производстве.

Острые противоречия между производительными силами и господствовавшими производственными отношениями, определявшими их медленное развитие, не могли быть устранины в рамках феодально-крепостнической системы.

СПИСОК

селений государственных крестьян Бессарабской области

В Аккерманском уезде

Александровка	Копчак	Сергеевка
Бакчалия	Коркмазы	Слободзея-Ганесы
Борисовка	Молдавка	Спасское
Введенское	Нерушай	Татарбунары
Ганкишля	Николаевка	Талмазы
Гура-Роше	Олонешты	Ташлык
Гура-Челегидер	Вознесенское	Тудорово
Дивизия	Павловка	Успенское
Дракуля	Паланка	Фештелица
Ермоклия	Петропавловка	Формушкина
Золотары	Плахтеевка	Царичанка
Ивановка	Поповка	Цобручи
Капланы	Райлянка	Шаганы
Карагасан	Семеновка	Ярославка
Кебабча		

В Измаильском градоначальстве

Васильевка	Кислица	Покровка
Вилково	Карамахмет	Хаджикурда
Галилешты	Караклов	Чимашир
Гасанаспага	Муравлевка	Чичма
Жебрияны		

В Бендерском уезде

Лбаклыджаба	Киркаешты	Старые Каушаны
Баймаклия	Кирнацены	Ташатары
Батыр	Кишканы	Тараклия
Болбока	Копанка	Токуз
Брезой	Михайловка	Троицкое
Варница	Опач	Урсой
Гербовцы	Садаклия	Ферладаны
Заим	Сац	Хаджимус
Калфа	Салкуца	Чора-Мурза
Каушаны	Селемет	Чимишлия

В Кагульском уезде

Жавгур

Ченак

Чукур-Менжир

В Хотинском уезде

Белусовка

Медвежа

Тицканы

Ванчикуауцы

Макаревка

Фитешты

Гиждев

Мамалыга

Холохорены

Коновка

Рухотин

Список сокращений

ВЭО	— Вольное экономическое общество.
ВПСЗ	— Второе полное собрание законов Российской империи.
ВУА	— Военно-ученый архив.
ГАОО	— Государственный архив Одесской области.
Губ.	— Губерния.
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел.
ЖМГИ	— Журнал Министерства государственных имуществ.
ЗОСХЮР	— Записки Общества сельского хозяйства Южной России.
МГИ	— Министерство государственных имуществ.
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи.
у	— уезд.
ЦГА МССР	— Центральный государственный архив МССР
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов.
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив в Москве.
ЦГИА СССР	— Центральный государственный исторический архив СССР.
ЦГИА УССР	— Центральный государственный исторический архив УССР.

БИБЛИОГРАФИЯ (источники и литература)

Произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина

- К. Маркс. Капитал, т. 1. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23).
К. Маркс. Капитал, т. 2. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24).
К. Маркс. Капитал, т. 3. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25).
Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2).
Ф. Энгельс. Движение 1847 года. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4).
В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3.
В. И. Ленин. Борьба с голодавшими. Полн. собр. соч., т. 5.
В. И. Ленин. Внутреннее обозрение. Полн. собр. соч., т. 5.
В. И. Ленин. Аграрный вопрос и «критика Маркса». Полное собр. соч., т. 5.
В. И. Ленин. Аграрная программа с.-д. в первой русской революции. Полн. собр. соч., т. 16.
В. И. Ленин. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Полн. собр. соч., т. 17.
В. И. Ленин. Капиталистический строй современного земледелия. Полн. собр. соч., т. 19.
В. И. Ленин. Три источника и три составных части марксизма. Полн. собр. соч., т. 23.
В. И. Ленин. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию. Полн. собр. соч., т. 38.
В. И. Ленин. «Трудовое» крестьянство и торговля землей. Полн. собр. соч., т. 24.
В. И. Ленин. Крепостное хозяйство в деревне. Полн. собр. соч., т. 25.
В. И. Ленин. Карл Маркс. Полн. собр. соч., т. 25.

Архивные источники

Центральный государственный архив МССР (ЦГА МССР)

Фонды:

- Сенаторы, председательствующие в диванах княжеств Молдавия и Валахия (ф. 1).
Канцелярия бессарабского губернатора (ф. 2).
Бессарабский областной совет (ф. 3).
Бессарабское областное правительство (ф. 5).
Бессарабское губернское правление (ф. 6).
Бессарабское губернское по крестьянским делам присутствие (ф. 8).
Бессарабское по земским повинностям присутствие (ф. 24).
Бессарабский областной гражданский суд (ф. 37).
Бессарабский областной прокурор (ф. 61).
Бессарабская областная земская управа (ф. 65).

- Кишиневская городская дума (ф. 75).
Бессарабское дворянское депутатское собрание (ф. 88).
Бессарабская губернская межевая контора (ф. 121).
Бессарабская палата государственных имуществ (ф. 122).
Бессарабская областная контора коронных цыган (ф. 123).
Бессарабская казенная палата (ф. 134).
Бессарабский губернский статистический комитет (ф. 151).
Бессарабская областная комиссия народного продовольствия (ф. 202).
Кишиневская духовная дикастерия (ф. 205).
Кишиневская духовная консистория (ф. 208).
Поверенный по заведыванию имениями заграничных духовных установлений (ф. 124).
Бессарабское областное соляное управление (ф. 241).
Бендерский уездный суд (ф. 302).
Бессарабская контора иностранных поселенцев (ф. 305).
Бессарабский комитет коннозаводства (ф. 322).
Ново-Каушанское сельское управление (ф. 384).
Комиссия казенного поселения в Бессарабской области (ф. 454).
Бессарабский областной землемер (ф. 593).
Бессарабское попечительство капитала сельской промышленности (ф. 771).
Хотинское окружное управление государственных имуществ (ф. 1328).

Государственный архив Одесской области [ГАОО]

Фонды:

- Канцелярия новороссийского и бессарабского генерал-губернатора (ф. 1).
Главный статистический комитет Новороссийского края (ф. 3).
Общество сельского хозяйства Южной России (ф. 22).
Личный фонд А. А. Скальковского (ф. 47).
Филиал ГАО в г. Измаиле. Фонд Дунайского казачьего войска (ф. 755).

Центральный государственный исторический архив УССР [ЦГИА УССР]

- Киевский округ путей сообщения (ф. 692).

Центральный государственный исторический архив СССР [ЦГИА СССР]

Фонды:

- Соляное управление (ф. 45).
V отделение с. е. в. канцелярии (ф. 379).
Плановый архив Министерства государственных имуществ (ф. 380).
Канцелярия министра государственных имуществ (ф. 381).
Первый департамент Министерства государственных имуществ (ф. 383).
Временный отдел по земельному устройству государственных крестьян (ф. 385).
Департамент земледелия Министерства государственных имуществ (ф. 398).
Личный фонд П. Д. Киселева (ф. 958).
Департамент полиции исполнительной (ф. 1286).
Совет Министра внутренних дел (ф. 1281).
Канцелярия по управлению Бессарабской областью (ф. 1308).

Центральный государственный военно-исторический архив СССР [ЦГВИА СССР]

- Фонды: ВУА, 2-я армия, Главный штаб, Главное интендантское управление.

**Центральный государственный архив древних актов
(ЦГАДА)**

Бессарабская губернская межевая контора (ф. 1299).
Коллекция утвержденных планов (ф. 1354).

Литература:

Дореволюционная литература

- Афанасьев-Чубинский А. Поездка в Южную Россию, ч. II. СПб., 1863.
- Бажанов А. М. О возделывании пшеницы с описанием пород, разводимых в России. М., 1856.
- Базин О. О состоянии разных отраслей сельского хозяйства в Южной России в 1850 г.— ЖМГИ, ч. XL, 1851.
- Балас М. К. Виноделие в России, ч. V. СПб., 1899.
- Бессарабская область в промышленном отношении.— «Коммерческая газета», 1838, №№ 60—68.
- Блиох И. С. Исследования по вопросам, относящимся к производству торговли и передвижению скота и скотских продуктов в России и за границей. СПб., 1876.
- Брун Ф. О внешней торговле Новороссийского края и Бессарабии в 1846 г.— Записки Одесского общества истории и древностей, т. II, отделение первое. Одесса, 1848.
- Вассал В. О состоянии сельского хозяйства на юге России.— ЗОСХЮР, 1870.
- Вельтман А. Ф. Странник. М., 1831.
- Вельтман А. Ф. Воспоминания о Бессарабии.— Л. Майков. Пушкин. Библиографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899.
- Веселовский К. С. Тонкорунное овцеводство.— ЖМГИ, 1846, ч. XI
- Вильсон И. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России, изд. 2-е. СПб., 1852.
- Виноходов Е. А. Лен степной местности России и его переработка на бумажную массу. СПб., 1872.
- Витт В. О. Из истории русского коннозаводства, М., 1852.
- Военно-статистический сборник, вып. IV, Россия. СПб., 1871.
- Вольский М. Очерк истории хлебной торговли Новороссийского края с древнейших времен до 1852 г. Одесса, 1854.
- Гамм В. О. С сельском хозяйстве Новороссийского края.— «Земледельческая газета», 1859, № 23.
- Горе Г. Г. Историческая записка об однодворцах.
- Горелов И. Обозрение экономической статистики России. СПб., 1849.
- Гроссул-Толстой А. И. Обозрение рек, почв и местоположений Новороссийского края и Бессарабии в сельскохозяйственном отношении. 1866.
- Грудзино Я. Сельское хозяйство Бессарабии.— ЖМГИ, ч. LXXXVI, 1864.
- Дараган. Военно-статистическое обозрение Бессарабской области. СПб., 1849.
- Демидов А. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в августе 1837 г., т. I, М., 1853.
- Демоль И. Возделывание хлебных растений.— Сборник статей о сельском хозяйстве юга России. Одесса, 1868.
- Денгинк А. Д. Бессарабское училище садоводства.— Памятная книжка Бессарабской области на 1862 г. Кишинев, 1862.

- Денгинк А. Д. Заметки по поводу всероссийской выставки.— Записки Бессарабского областного статистического комитета, т. II. Кишинев, 1867.
- Дерягин Н. Н. О цигайском овцеводстве в Бессарабии и торговле шерстью в России. М., 1886.
- Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни и два дня вёдра на 363 ненастяя. Кишинев, 1822.— Звенья, т. IX, М., 1951.
- Доклад высоч. учр. комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности. СПб., 1873. Приложения, I, II, III, IV, V.
- Докучаев В. В. К вопросу о почвах Бессарабии. Кишинев, 1950.
- Дьяков А. И. Пчеловодство Бессарабии и его нужды. Кишинев, 1912.
- Егунов А. О цыганах Бессарабии.— Записки Бессарабского областного статистического комитета, т. I. Кишинев, 1864.
- Енакиевич И. Аккерманские малороссы (рукопись).— Архив Географического общества СССР, фонд — Бессарабская губерния.
- Ермолов А. С. Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и севообороты. СПб., 1894.
- Ермолинский К. Сборник статистических сведений по Хотинскому уезду. М., 1886.
- Захаринич Ф. Опыт юридической статистики в Новороссийском крае.— ЖМВД, 1852, № 2.
- Зашук А. Материалы для географии и статистики России. Бессарабская область. СПб., 1862.
- Зашук А. Военное обозрение Бессарабской области. СПб., 1863.
- Зашук А. Общий вывод о сельском хозяйстве в Бессарабии.— «Бессарабские областные ведомости», 1860, № 18.
- Зашук А. Экономические расчеты о доходности хлебопашества.— Бессарабские областные ведомости, 1860, № 20.
- Зябловский Е. Ф. Новейшая география Российской империи. СПб., 1814.
- Иверсен В. О русских винах и виноделии в России.— Труды ВОЭ, 1867, т. III.
- Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837—1887, СПб., 1888.
- Калиновский Я. Исторический очерк акклиматизации важнейших в сельском хозяйстве растений и животных. М., 1858.
- Кедрин И. и Обнинский Д. Некоторые сведения о шелководстве в Херсонской губернии в Бессарабской области.— ЖМГИ, 1849, ч. XXXIII.
- Кеппен П. Девятая ревизия. О числе жителей в России в 1851 году. СПб., 1857.
- Кеппен П. О виноделии и винной торговле в России. СПб., 1832.
- Клаус А. Наши колонии, вып. I. СПб., 1869.
- Комарницкий А. О пчеловодстве как христианско-народном промысле, в России вообще и в Новороссийском крае и Бессарабии в особенности. Одесса, 1856.
- Константинов А. П. Русские в Южной Бессарабии (к истории колонизации).— «Русский архив», 1902, кн. 2-я.
- Корнилович А. О. Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака, Аккерман, 1899.
- Костычев П. Очерки залежного степного хозяйства.— «Сельское хозяйство и лесоводство», 1881, ч. CXXXVII.
- Коханский Х. Бессарабские рыбные ловли.— Памятная книжка Бессарабской области на 1862 г. Кишинев, 1862.
- Крюков П. Очерки мануфактурно-промышленных сил Европейской России. СПб., 1853.
- Куницкий П. Краткое статистическое описание Заднестровской области. СПб., 1813.

- Лагорио И. Ф. Статистические сведения о бессарабских немецких колониях.—Записки Бессарабского областного статистического комитета, т. I. Кишинев, 1864.
- Лашков Н. В. Бессарабия. К столетию присоединения к России. Кишинев, 1912.
- Линовский Я. А. Беседы о сельском хозяйстве.—Земледелие., М., 1845.
- Ломан П. Хозяйственное обозрение Бессарабской области.—ЖМГИ. ч. VIII, 1843.
- Лонгинов Н. М. Путевые письма.—«Русский архив», 1905, т. 10.
- Лопулецку. Русские колонии в Добрудже.—«Киевская старина», т. XXIV, 1889.
- Лоран Н. И. Статистические сведения о государственных крестьянах Бессарабской области за 1861 г.—Записки Бессарабского областного статистического комитета, т. I. Кишинев, 1864.
- Лошкарев С. С. Путевые заметки о сельском хозяйстве Южной России.—Труды ВЭО, 1844, т. 3.
- Материалы для изучения современного положения земледелия и сельскохозяйственной промышленности в России, вып. I. СПб., 1880. Приложение к выпуску I.
- Министерство финансов. 1802—1902, ч. I-я, 1902.
- Михайловский-Данилевский И. А. Записки.—«Русская старина», 1893, т. 79.
- Михайловский-Данилевский И. А. Из воспоминаний.—«Русская старина», 1897, т. 91.
- Могилянский Н. К. Очерки истории территории Бессарабии и хронология, Кишинев, 1913.
- Мурзакевич Н. Очерк успехов Новороссийского края и Бессарабии в истекшее двадцатипятилетие, т. е. с 1820 по 1846 год. Одесса, 1846.
- Надеждин Н. Прогулка по Бессарабии.—«Одесский альманах на 1840 г.». Одесса, 1840.
- Накко А. Бессарабская область в историческом, экономическом и статистическом отношении. Кишинев, 1879.—Рукопись, хранится в рукописном фонде научной библиотеки Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова.
- Небольсин Г. Статистическое обозрение внешней торговли России, ч. I-я. СПб., 1850.
- Обозрение деятельности Министерства государственных имуществ по заселению государственными крестьянами и южными поселянами с 1838 по 1866 год.—«Сельское хозяйство и лесоводство», 1867, № 1, особое приложение.
- Орбинский Р. Очерк производительных сил в Бессарабской губернии. СПб., 1884.
- Отчет управления государственных имуществ за последние 25 лет с 20 ноября 1825 по 20 ноября 1850 г.—Сборник Русского исторического общества, т. 98. СПб., 1896.
- Отчет о Московской выставке сельских произведений. М., 1852.
- Памятная книжка Бессарабской области на 1862 г. Кишинев, 1862.
- Перепелкин А. П. Сельскохозяйственный очерк Бессарабии.—«Русское сельское хозяйство», 1874, т. XVI.
- Полимпестов И. Об обработке земли.—Сборник статей о сельском хозяйстве юга России. Одесса, 1868.
- Пономарев Н. В. Исторический обзор правительственных мероприятий к развитию сельского хозяйства в России с начала государства до настоящего времени. СПб., 1888.
- Прокопович П. И. Избранные статьи по пчеловодству. М., 1960.
- Промышленность Бессарабской области.—«Библиотека для чтения», т. 97. СПб., 1849.

- Рего Э. О путешествии по южным губерниям России для обозрения садовых заведений летом 1853 г.—Записки Горыгорецкого землемельческого института, 1857, кн. 6.
- Риглер. Сельское хозяйство Бессарабии.—Труды ВЭО, 1860, т. I.
- Романдин. Наблюдение над состоянием пчеловодства в Бессарабской области с 1847 по 1853 годы.—Экономические записки за 1854 г.
- Русов А. Русские тракты в конце XVII и начале XVIII веков. Киев, 1876.
- Сабуров Я. Земледелие, промышленность и торговля Бессарабии в 1826 г. М., 1830.
- Сборник постановлений по управлению государственных имуществ, СПб., 1853.
- Сборник статистических сведений о России, кн. I. СПб., 1851.
- Сведения о ценах на пустопорожние земли в вольной продаже в 1856—1858 гг. СПб., 1860.
- Свинин П. Описание Бессарабской области.—Записки Одесского общества истории и древностей, т. VI, 1867.
- Семашко С. О разведенной в Северной Бессарабии породе рогатого скота, называемой молдавской.—Сборник статей о сельском хозяйстве юга России. Одесса, 1868.
- Семенов Д. П. Статистический очерк крестьянского землевладения и землепользования. СПб., 1904.
- Семенов-Тян-Шанский В. П. Россия, т. XIV. Новороссия и Крым. Спб., 1910.
- Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета Министров, т. II, ч. I. СПб., 1902.
- Симиренко Л. П. Крымское промышленное плодоводство, т. I. М., 1912.
- Скальковский А. А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848.
- Скальковский А. А. Взгляд на скотоводство Новороссийского края.—ЖМВД, 1850, № 3.
- Скальковский А. А. Взгляд на хлебопашество и торговлю в Новороссийском крае и Бессарабии.—ЖМВД, 1848, кн. 7.
- Скальковский А. А. Днестр, его значение в торговле и промышленности Южной России.—«Экономический указатель», 1858, вып. 15 (№ 67).
- Скальковский А. А. История Новой-Сечи, или последнего коша запорожского. Одесса, 1846.
- Скальковский А. А. Историческое введение в статистическое описание Бессарабской области. СПб., 1846.
- Скальковский А. А. Историческое обозрение развития садовой и лесной промышленности в Новороссийском крае.—ЖМВД, 1852, кн. I.
- Скальковский А. А. Некрасовцы, живущие в Бессарабии.—ЖМВД, 1844, ч. 7.
- Скальковский А. А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса, 1850, 1853.
- Скальковский А. А. Торговая промышленность в Новороссийском крае.—ЖМВД, 1850, ч. 29.
- Скальковский А. А. Урожай и ценность хлеба в Новороссийском крае.—«Экономический указатель», 1857, № 52.
- Скальковский А. А. Ярмарки, или сухопутные рынки Новороссийского края.—ЖМВД, 1855, ч. XI, кн. 4.
- Советов А. В. О разведении кормовых трав на полях.—Избранные сочинения, М., 1950.
- Советов А. В. О системах земледелия. СПб., 1867.
- Сокальский П. П. Беседы о виноделии во время выставки виноградарства и виноделия в Одессе в октябре 1870 г.—ЗОСХЮР, 1871.

- Сорочинский. Краткое обозрение выгоднейших отраслей сельского хозяйства в бессарабских имениях.—«Земледельческая газета», 1837, № 34.
- Список населенных мест Российской империи, т. III. Бессарабская область. СПб., 1861.
- Статистический временник Российской империи, т. I. СПб., 1866.
- Статистический временник Российской империи, II серия, вып. первый. СПб., 1871.
- Статистическое обозрение государственных имуществ за 1858 г. СПб., 1861.
- Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. СПб., 1858.
- Стебут И. А. Избранные сочинения, т. I—II. М., 1856—1857.
- Стевен Х. Х. О состоянии разных отраслей сельского хозяйства в болгарских и немецких колониях в Бессарабии.—ЖМГИ, 1843, ч. IX.
- Стевен Х. Х. О состоянии разных отраслей сельского хозяйства в Южной России в 1847 г.—ЖМГИ, 1848, ч. XXXVIII.
- Степанов А. Тонкорунное овцеводство в России.—Труды ВЭО, 1857, т. II.
- Стойкович П. Две главы из экономической истории Новороссийского края.—Южный литературный сборник. Одесса, 1859, № 2.
- Стороженко А. Два месяца в дороге.—Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1871, кн. 4.
- Струков Д. Взгляд на состояние разных отраслей сельского хозяйства в Южной России в последние пять лет. 1849—1854 гг.—ЖМГИ, 1855, ч. LVI.
- Струков Д. Поездка в Бессарабию.—ЗОСХЮР, Одесса, 1852.
- Струков Д. О состоянии сельского хозяйства в Южной России в 1852 г.—ЖМГИ, 1853, XLVII.
- Струков Д. Карл Иванович Тардан.—ЗОСХЮР, 1856.
- Тардан К. И. Виноградарство и виноделие. Одесса, 1854.
- Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии, т. III. Кишинев, 1907.
- Усов С. М. О системах хлебопашества. СПб., 1854.
- Фортунатов А. Урожай ржи в Европейской России. М., 1893.
- Ходецкий. О шерстомойных заведениях в Южной России. М., 1849.
- Чевкин и Озерский. Обзор горной производительности России.—«Горный журнал», 1851, ч. II.
- Чефранов П. Г. Русская пчелопромышленность к началу XX века. СПб., 1901.
- Шафранов П. А. О водворении в России запорожских казаков, возвратившихся из-за Дуная в 1828 г.—Исторические материалы из архива Министерства государственных имуществ, вып. первый. СПб., 1891.
- Шкилев. Имение Манзырь Бессарабской области.—ЖМГИ, 1845, ч. XVI.
- Шмидт А. Херсонская губерния. СПб., 1863.
- Шостак В. Заметки о производительных силах Бессарабии и о их будущем развитии.—«Бессарабские областные ведомости», 1860, № 46.
- Штанге А. Э. Историческая записка о крестьянской реформе в Бессарабской губернии. Кишинев, 1911.
- Штукенберг И. Ф. Статистические труды, т. II. СПб., 1860.
- Шепкин С. П. Виноградарство и виноделие в Бессарабии и ее округе. СПб., 1869.
- Шепкин С. П. Овцеводство в России. СПб., 1869.
- Шепкин С. П. Табачная промышленность в России.—«Сельское хозяйство и лесоводство», 1870, № 2.
- Шербачев В. С. Обзор табаководства в России, вып. I, СПб., 1889.
- Эйхфельд. Орографический взгляд на Валахию, Молдавию и Бессарабию.—«Горный журнал», 1827, кн. VI, VII.
- Янсон Ю. Статистическое исследование о хлебной торговле в Одесском районе. СПб., 1870.

- Берг Л. С. Бессарабия. Страна — люди — хозяйство. Петроград, 1918.
- Берг Л. С. Население Бессарабии. Петроград, 1923.
- Борисенко Е. Я. Развитие сельскохозяйственных животных. М., 1952.
- Боровой С. Я. О некоторых особенностях аграрного строя степной Украины в предреформенный период.—«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962», Минск, 1964.
- Боровой С. Я. Про економічні погляди А. О. Скальковского.—З історії економичної думки на Україні. Київ, 1961.
- Будак И. Г. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Бессарабии в пореформенный период. Кишинев, 1954.
- Гуржий А. И. Разложение феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве Украины первой половины XIX века. Киев, 1954 (на украинском языке).
- Гуржий А. И. Борьба крестьян и рабочих Украины против феодально-крепостнического гнета (с 80-х годов XVIII в. до 1861 г.). Киев, 1958 (на украинском языке).
- Гросул Я. С. Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.). Кишинев, 1956.
- Гросул Я. С. и Будак И. Г. Крестьянская реформа 60—70 годов XIX в. в Бессарабии. Кишинев, 1956.
- Гугушвили П. В. Земледельческая техника в Закавказье в XIX — начале XX вв.—Труды института экономики АН Грузинской ССР, т. XIII.
- Демченко Н. А. Земледельческие орудия как материал для изучения этногенеза и этнической истории молдавского народа.—Материалы по археологии и этнографии Молдавии. Кишинев, 1963.
- Довженко В. И. Крестьянское движение в Правобережной Украине в 20-х гг. XIX в.—Исторические записки, т. 12.
- Димо Н. А. Почвоведение Молдавии и его основные задачи.—Научные записки Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР, т. I, вып. I, Кишинев, 1950.
- Дорофеев П. П. Плодоводство в Молдавской ССР.—Научные записки Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР, т. I, вып. I. Кишинев, 1948.
- Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I. М.—Л., 1946, т. II, М., 1958.
- Дружинин Н. М. Наемный труд государственных крестьян накануне 1861 г.—Из истории рабочего класса и революционного движения., М., 1958.
- Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959.
- Жуков В. И. Города Бессарабии 1812—1861 гг. Кишинев, 1964.
- Коган-Берман М. Я. Цигайская порода овец.—Овцеводство. М., 1963.
- Коробко П. Я. Озимая пшеница в Молдавии.—Озимая пшеница. Сборник статей, вып. 2. М., 1958.
- Крупеников И. А. Детальное исследование и картографирование почв Молдавской ССР как основа оценки земель.—Учет и оценка сельскохозяйственных земель. Изд-во Московского университета, 1963.
- Крохалев Ф. С. О системах земледелия. Исторический очерк. М., 1960,
- Кувшинов И. С., Гумеров М. Н. и Ловков Я. А. Экономика социалистического сельского хозяйства. М., 1963.
- Лобашев М. Е. Очерки по истории русского животноводства. М., 1954.
- Ляшенко П. И. История народного хозяйства СССР, т. I. М., 1952.
- Иванов М. Ф. Волошские овцы, Л., 1824.
- Мещерюк И. И. Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812—1820 гг. Кишинев, 1957.
- Мещерюк И. И. Переселение болгар в Южную Бессарабию 1828—1834 гг. Кишинев, 1965.

- Мещерюк И. И. Развитие торгового тонкорунного овцеводства в Бужаке в 1808—1856 гг.—«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы», 1962 г., Минск, 1964.
- Михайлов Ю. П. О методике и опыте экономической оценки сельскохозяйственных угодий.—Учет и оценка сельскохозяйственных земель. Изд-во Московского университета, 1963.
- Мохов Н. А. К вопросу о соотношении земледелия и скотоводства в экономике Молдавии XIV—XVIII вв.—«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1960 г.», Киев, 1962.
- Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964.
- Мунтян М. П. Борьба крестьян Бессарабии против Положения 1834 года.—«Ученые записки Кишиневского государственного университета», т. XXVI. Кишинев, 1957.
- Мунтян М. П. «Нормальный контракт 1846 года» и его крепостническая сущность.—«Ученые записки Кишиневского государственного университета», т. XXXV. Кишинев, 1958.
- Мунтян М. П. К вопросу о зерновом хозяйстве Бессарабии в первой половине XIX века.—Тезисы докладов и сообщений шестой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в г. Вильнюсе. Вильнюс, 1963.
- Нагирняк Е. А. Пчеловодство в Молдавской ССР и перспективы его развития.—Научные записки Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР, т. I, вып. I. Кишинев, 1948.
- Наливкин А. А. Твердые пшеницы. М., 1953.
- Новиков Ю. Ф. О некоторых закономерностях развития техники обработки почвы в России.—Материалы по истории сельского хозяйства СССР, вып. 5, 1962.
- Положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии (1812—1861 гг.). Сборник документов, т. III, ч. I. Кишинев, 1962.
- Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
- Савицкий М. С. Определение норм высева зерновых культур по оптимальному стеблестою. М., 1956.
- Сильвестров С. И. Формы использования сельскохозяйственных земель как основа системы их учета и оценки.—Учет и оценка сельскохозяйственных земель. Изд-во Московского университета, 1963.
- Тихонов Б. В. Обзор «Записок» местных сельскохозяйственных обществ 30—50-х годов XIX в.—Проблемы источниковедения, т. IX. М., 1961.
- Унгурян П. Н. Основы виноделия Молдавии.—Молдавский научно-исследовательский институт садоводства, виноградарства и виноделия. Труды, т. V. Кишинев, 1960.
- Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Ющневского. Сборник документов. Кишинев, 1957.
- Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.
- Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958.
- Федоров В. А. Возникновение торгового огородничества в Ростовском уезде Ярославской губернии (конец XVIII—первая половина XIX века).—«Вестник Московского университета», № 6, 1962.
- Цветков М. А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия до 1914 года. М., 1957.
- Центрархив. Крестьянское движение 1827—1869 годов, вып. I. М., 1931.
- Чекменев С. А. Заселение Ставрополья в конце XVIII и начале XIX в. крепостными и государственными крестьянами.—Сборник трудов Карабаево-чиркесского государственного педагогического института, вып. I. Нальчик, 1958.

- Чекменев С. А. Из истории освоения Ставрополья в конце XVIII и первой половине XIX в.— Сборник трудов Карабаево-черкесского педагогического института, вып. 2. Нальчик, 1959.
- Черемушкин С. Д. Основные принципы и методика экономической оценки земли.— Учет и оценка сельскохозяйственных земель. Изд-во Московского университета, 1963.
- Шабуния К. И. и Яунский В. К. Основные задачи изучения аграрной истории эпохи феодализма и эпохи капитализма в свете решений XXII съезда КПСС.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962 г.», Минск, 1964.
- Юхнева Н. В. Первый закон о сельскохозяйственных рабочих в России 1863 г.— Исторические записки, т. 60.
- Яцунский В. К. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны.— Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3	
Глава I.	ФОРМИРОВАНИЕ, СОСТАВ И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН	22
Глава II.	ЗЕМЛЕДЕЛИЕ	67
	Естественно-географические условия	67
	Земельный фонд	71
	Крестьянское землепользование	85
	Сельскохозяйственные орудия	101
	Зерновое хозяйство	111
	Интенсивные отрасли земледелия	151
Глава III.	ЖИВОТНОВОДСТВО	185
	Естественно-географические и исторические условия развития животноводства. Поголовье скота	185
	Отрасли животноводства	196
Глава IV.	РЕМЕСЛЕННО-ПРОМЫСЛОВЫЕ ЗАНЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН	224
Заключение		243
Библиография		252

И. А. Анцупов

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕРЕВНЯ
БЕССАРАБИИ В XIX ВЕКЕ
(1812—1870 гг.)

Редактор А. Цулимов

Художник В. Моканюк

Художественный редактор Л. Кирияк

Технический редактор Д. Шехтер

Корректор А. Сырова

Сдано в набор 30/X 1965 г. Подписано к печати 24/VI 1966 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Печатных листов 16,5. Уч.-изд. листов 16,91. Тираж 1000. АБ01800
Цена 1 руб. 16 коп. Зак. № 3732.

Издательство «Карта Молдовеняскэ»,
Кишинев, ул. Жуковского, 44.

Полиграфкомбинат, Кишинев, ул. Т. Чорбы, 32.

ЦЕНА 1 РУБ. 16 КОП.

КАРТЯ МОЛДОВЕНЯСКЭ * 1966

И.А.АНЦУПОВ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕРЕВНЯ БЕССАРАБИИ В XIX ВЕКЕ